Е. М. ШИЛЛИНГ

КУБАЧИНЦЫ И ИХ КУЛЬТУРА

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ VIII

Е. М. ШИЛЛИНГ

КУБАЧИНЦЫ И ИХ КУЛЬТУРА

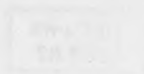
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

П. И. КУШНЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа написана по этнографическим материалам, собранным мною во время неоднократных поездок в с. Кубачи (1925—1944 гг.).[1]

В ряде сторон развитой и древней по происхождению кубачинской культуры поражает богатство элементов и памятников исторического значения.

Удивительна также ревность и своего рода замкнутость столь общительных и восприимчивых вообще кубачинцев, когда дело касается ряда навыков и особенностей в области их знаменитого мастерства и некоторых черт бытовой стороны жизни (это подметили многие путешественники). Она не препятствовала, однако, собирательству: сведения сообщались охотно и очень подробно. Естественно, что значительное внимание было нами уделено чисто этнографическим данным, воссоздающим некоторые элементы из истории культуры кубачинцев.

Ее особенности всегда вызывали большой интерес как путешественников или случайных наблюдателей, так и ученых.

В интересах более выпуклой характеристики своеобразной культуры кубачинских «златокузнецов» в настоящей книге кубачинцы будут поставлены нами в центре внимания (но, конечно, не изолированно, а с учетом окружающей среды), как один из «малых народов» Внутреннего нагорного Дагестана, где такой пример не единичен. В советской науке в исследованиях о кубачинцах подобная концентрация внимания применялась уже не раз вполне обусловленно и закономерно. В частности, недавно в Тбилиси один из молодых кубачинцев Александр Магомедов с успехом защитил диссертацию, посвященную лингвистическому описанию кубачинского языка. Между тем следует указать, что кубачинцы представляют собой по существу группу или часть крупного дагестанского народа даргинцев, занимающих монолитную территорию, на фоне которой собственно кубачинцы являются лишь небольшой «точкой» или «островком». После Великой Октябрьской социалистической революции национальная консолидация даргинского народа пошла быстрыми темпами вперед. Многие, раньше разрозненные даргинские общества, а в составе их и общество кубачинское, реально объединились, полнее осознали свое единство, свою целостность. Кубачинцы в составе даргинского народа и в полном единстве с ним являются в наши дни активными строителями социализма.

Наиболее ранние сведения о кубачинцах встречаются у арабских авторов средневековья. Ценные для нас показания и материалы дают Гербер, Рейнеггс, Потоцкий и другие авторы XVIII в.

---

[1] Поездки состоялись в 1925, 1934, 1936, 1940 и 1944 гг.

В первой половине XIX в. сведения о с. Кубачи находим в общих описательных сочинениях Броневского, Зубова, Евецкого и Окольничьего, знакомивших читателей, конечно, не с какой-либо отдельной частью Кавказа, а со всей страной в целом с точки зрения ее географии, истории, этнографии, экономики и обзора военных событий.

Первая научная работа о с. Кубачи, содержащая основательную сводку данных из всевозможных источников, начиная с арабских, принадлежит академику Х. Д. Френу. Она была опубликована в 1840 г. Через 20 с лишним лет (в 1861 г.) с. Кубачи посетил академик Б. А. Дорн, отметивший в своем «Отчете», что вплоть до его поездки «ни один европейский путешественник с ученой целью еще не был в с. Кубачи». Б. А. Дорн в с. Кубачи занимался эпиграфикой и собрал также небольшой, но ценный этнографический материал. Через 20 лет после Б. А. Дорна в с. Кубачи побывал проф. Д. Н. Анучин (1882 г.), посвятивший затем кубачинцам целую историко-этнографическую главу в вышедшей в 1884 г. специальной публикации. Таковы наиболее значительные научные работы о кубачинцах, относящиеся к периоду до Октябрьской революции, если не считать разбросанных статей, очерков и отдельных упоминаний, порой весьма содержательных, порой поверхностных.

После Октябрьской революции сложный комплекс с. Кубачи подвергся несравненно более широкому и глубокому изучению. Проф. Л. И. Жирков составил первый лингвистический очерк кубачинского языка и записал ряд фольклорных текстов (публикация 1930 г.). Проф. В. А. Крачковская выполнила эпиграфическое изыскание по надписям на древних кубачинских рельефах (публикация 1938 г.). Специальному историко-культурному исследованию этих рельефов и относящихся к той же эпохе бронзовых котлов была посвящена серия ценных работ академика И. А. Орбели и проф. К. В. Тревер (публикации 1922—1935 гг.), а также книга проф. А. С. Башкирова (публикация 1931 г.). Архитектурное обследование кубачинских построек произвел проф. Н. Б. Бакланов, составивший описание златокузнечного производства с. Кубачи (публикации 1927 и 1935 гг.). Изучению кубачинских производств и кубачинского художественного стиля были посвящены и мои работы, начавшиеся в 1925 г. Кроме перечисленного, в послереволюционный период появилось много очерков, статей, фельетонов, заметок и даже мелких произведений беллетристического характера, относящихся к описанию быта, производств и искусства кубачинцев.

Несмотря на сравнительное богатство литературы, посвященной кубачинцам, этнография их освещена скудно. Настоящей книгой, хотя она и не отвечает задачам монографии и написана в форме этюдов, я пытаюсь посильно и частично заполнить указанный пробел. Все изменения в быту и общественной жизни кубачинцев, происшедшие за советский период, будут темой нашего специального исследования.

Книга состоит из трех глав-этюдов. В 1-й главе содержатся краткие исторические и историко-этнографические сведения о кубачинцах и тех основных разделах их материальной культуры, которые наблюдались автором в 1925, 1934, 1936, 1940 и 1944 гг. Эти наблюдения относились к сельскому хозяйству, средствам передвижения, домашним и кустарно-ремесленным производствам, постройкам, обстановке жилищ и одежде. Во 2-й главе содержатся подробные сведения о современных художественных металлообрабатывающих производствах, как о важнейшей стороне культуры кубачинцев. В 3-й главе содержатся выделенные в качестве исторического экскурса сведения, относящиеся к прошлому и связанные с древнейшей историей общественных отношений у кубачинцев.

ГЛАВА I

ОБЩИЙ ОЧЕРК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАЧИНО-ДАРГИНСКОГО НАГОРЬЯ

Основные сведения о кубачинской территории и народе. Из истории присоединения к России. Роль металлообрабатывающих производств. Антикварная торговля. Кубачинские златокузнецы после Октябрьской революции. Сельское хозяйство и средства передвижения. Обработка шерсти и кож. Специализация селений кубачино-даргинского нагорья по отдельным производствам. Жилые и военные постройки и внутренняя обстановка жилищ. Национальная одежда.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КУБАЧИНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И НАРОДЕ

Кубачино-даргинское нагорье — это южная часть территории, где обитает бывшая во второй половине XIX в. еще слабо консолидированной группа дагестанских яфетидов (современных даргинцев), в почти сплошном окружении которых расположен «город златокузнецов» (Кубачи), населенный другой родственной группой дагестанских яфетидов, в противоположность первой, чрезвычайно малочисленной и фактически являющейся сейчас «народом одного селения» (рис. 1).

Обе группы близки друг к другу в языковом отношении. Одна из них национально самоопределилась поздно (во времена исследований П. К. Услара, и даже позже, этот народ не имел еще, как писал этот исследователь, «определительного наименования» [80, стр. 1]). Другая, «урбу́г» (Урбуг — собственно, название селения; кубачинец — урбуга́н, мн. ч.— урбуга́нте), с IX в. н. э. известная у арабских авторов под персидским именем «зирехгеран» (кольчужники) и с XVI в. под турецким наименованием «кубачи» или «кубечи»[2] (равнозначным по смыслу персидскому) [83, стр. 87—88 и 90—91; 30; 20, стр. 92 в разделе «Примечания»], несмотря на малочисленность, повидимому, с давних времен хранила приведенное самоназвание, не сливаясь с окружающей этнической

[2] Наименование «кубачинцы» в литературе XVIII—XIX вв. иногда смешивалось с похожими на него наименованиями «капучи» (один из малых народов Западного Дагестана, относящийся к дидойской подгруппе) и «кубинцы» (проживающие в Кубе татоязычные горские евреи). У Штраленберга группа, названная Kuba oder Kubatzin (горские евреи), ошибочно считается кубачинской (Der Nord und Östliche Theil von Europe und Asia. Stockholm, 1730, S. 390).

средой. Ассимиляции препятствовали строго соблюдавшиеся даже до недавнего времени эндогамные запреты[3] и то обстоятельство, что в культурно-экономическом отношении кубачинское население находилось на несколько более высокой стадии развития, сравнительно с соседями.

Фольклорные данные, однако, говорят о войнах с. Кубачи с соседями, о более широком когда-то расселении кубачинцев, о некоторых переселениях и о ряде ныне необитаемых урочищ, заселенных раньше народом урбу́г. Вследствие сказанного можно предполагать, что «урбугская» тер-

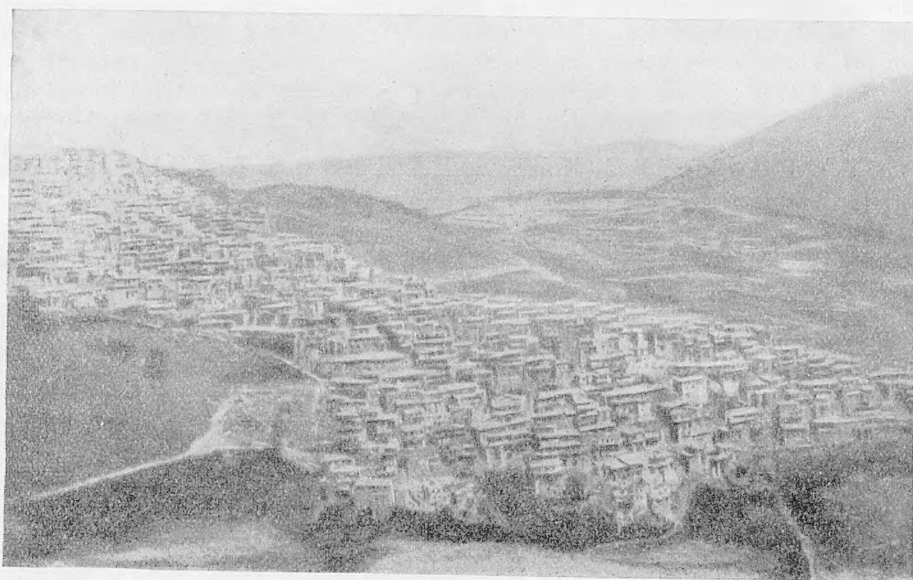

Рис. 1. Общий вид селения Кубачи. 1944 г.

ритория когда-то была шире и что, в конечном счете, процесс ассимиляции в течение веков все же имел место. Это предположение подтверждается показаниями восточных средневековых источников, начиная с Баладзори и Масуди (IX—X вв.) [10, стр. 18; 43, т. 38, стр. 52], применяющих в данном случае название «страна зирехгеранов» (что не могло бы относиться лишь к одному населенному месту) и указывающих на размеры дани (платимой зирехгеранами), превосходящие экономические возможности одного селения. Находимое у Абу-Хамид Андалузи (XII в.) [9; 79] указание, что зирехгераны живут в двух селениях, очевидно или отражает дуальную структуру главного селения или имеет в виду в качестве двух основных пунктов — Кубачи и Сулевкент, вовсе не обозначая уменьшения к этой поре зирехгеранской территории. Авторы XVIII и первой половины XIX в. сообщают, что на кубачинском языке говорят, кроме селения Кубачи, в нескольких окрестных селениях (от 3 до 8). По Бракелю (1-я половина XIX в.) [22, стр. 159—165; также 83, стр. 94], это Амузги, Сулевкент, Шири (современные самоназвания: Амузги—Амудг, Сулевкент — Сулейк, Шири — Ши); по Потоцкому [73, стр. 117], который был в Дагестане в 1797 г., те же селения плюс Кала-Корейш (са-

[3] Кубачинок не выдавали замуж в другие селения; равным образом, кубачинцы не брали себе невест из других селений.

моназвание — Усмос), Нáхки и еще три, имена которых у Потоцкого — Houmoukalla, Khodetsalla, Ourvalla — я не расшифровал.[4]

По затронутому вопросу приведем некоторые записанные нами предания.

1. По рассказам стариков, [5] на определенных урочищах близ с. Кубачи были когда-то селения, жители коих говорили по-кубачински. С с. Кубачи они были либо в дружественных, либо во враждебных отношениях («кто соединялся с нами, тех не трогали, а кто нет, — на тех мы наступали», говорят кубачинцы). Названия урочищ следующие: Анчи́-бачи́, Кубасáниля, Дешля-нáх, Муклибчи́-маши. До настоящего времени кубачинцы считали язык с. Ашты (южнее Кубачи) своим. Аштинцы, по их версии, не «природные даргинцы», а переселенцы из названного урочища Анчи́-бачи́ в результате столкновений с с. Кубачи. Воспоминания об этом нашли след в известной кубачинской поговорке «Аштинцы из Анчи́-бачи́ убежали, лошадей подковы задом на перед повернув, ночью». Жители Ашты, как говорят, в то время приняли ислам, тогда как с. Кубачи оставалось христианским. Версию о кубачинском происхождении аштинцев передает и Эркерт [97, стр. 202].

Наименования ряда заброшенных урочищ состоят из словосочетаний, где к собственному имени места прибавляется слово ку, — что значит «пахотный участок». Надо думать, это свидетельствует о прежней большей заселенности района людьми, говорившими на урбугском языке. Одно из таких урочищ Апла-ку — участок, подаренный кубачинцами кайтакскому князю.[6]

2. В с. Кубачи есть место со старыми могилами, носящее название Кáла-кý, что значит «редиски посевной участок». Легенда [7] рассказывает, что в могилах погребено 40 богатырей (батирте́), погибших во время стычки с калакорейшцами. Спор произошел из-за владения пастбищем на склоне горы Ля́мцля-бáй. По распоряжению чине́ (органа общественного управления кубачинцев), убитых в ту же ночь до восхода солнца тайно похоронили на этом самом месте при танцах под звуки барабана и зурны, стараясь скрыть печальное событие, а на могилах посадили редиску, отчего они называются доныне Кáла-кý. Кайтакский князь (уцмий), к которому якобы враждующие стороны обратились за разрешением конфликта, присудил отдать Ля́мцля-бáй за кровь селению Кубачи, присовокупив — «кубачинские женщины в одну ночь вдвойне возместят эту потерю, — убито 40, а зачнут 80».[8]

По другому рассказу, [9] в почитаемой могиле в с. Кала-Корейш похоронено три существа — девушка, кобылица и собака, спасшие калакорейшцев, как гуси Рим (они подняли тревогу при внезапном вторжении гяуров кубачинцев в пятницу, когда все правоверные калакорейшцы находились в мечети). Рассказ далее поясняет, что кубачинцы не хотели

---

[1] Примечательно, что и показания более поздних источников говорят о том же. В статьях П. Петухова [69, № 86—87; 70, № 7] речь идет прямо о «кубачинском племени», населяющем четыре аула — Кубачи, Сулевкент, Амузги, Шири. А. В. Комаров [70, стр. 85—86] сообщает, что жители селений Сулевкент, Амузги и Шири владеют кубачинским языком и подчинены управлению селения Кубачи, с которым имеют общие земли; все эти четыре аула входят в магал Гапшь Уркарахского наибства Верхнего Кайтага в Кайтаго-Табасаранском округе; по Р. Эркерту, на кубачинском языке говорят в Кубачи, Кала-Корейше «и еще двух соседних небольших пунктах» — надо думать — в Сулевкенте и Амузги [97].

[5] Г. Р. Ирганов, с. Кубачи, 1944 г., и др.

[6] Сведения об этом урочище см. в гл. III.

[7] Рассказано Гаджи Расулом Иргановым, 1944 г.

[8] Рассказано Алиханом Ахмедовым, 1940 г.

[9] Рассказано Саидом Магомедовым, 1940 г.

принять ислам. У них была церковь «келаса́» с двумя парами великолепных деревянных резных дверей. В войнах двери не менее трех раз переходили из рук в руки, но, наконец, они остались у калакорейшцев как военный трофей, украсивший здание мечети. Их до недавнего времени можно было здесь видеть (датируются XII—XIII вв. [17, стр. 118—130]) (рис. 2). Заметим, что с. Кала-Корейш, занимающее на редкость удачное в стратегическом отношении место, было в числе оплотов распространения в нагорьях Южного Дагестана мусульманства. Это, очевидно, первая резиденция-крепость наместников арабского периода, принявших титул уцмиев. Тут же уцмийское кладбище, надписи которого разобрал академик Б. А. Дорн (дата самой ранней из сохранившихся—1423 г., самой поздней — 1803 г.), и древние арабские саркофагообразные надгробия — уникальные памятники, подобные известным могилам «Кырхляр» в Дербенте (такие могилы кубачинцы называют муку́й-хуппе́, т. е. каток-могила, так как надгробия действительно несколько напоминают сильно увеличенные в масштабе катки для утрамбовывания плоских крыш — особые цилиндрические камни). Надгробия упомянутого типа имеются еще в с. Уркарах близ с. Кубачи, а также, по указанию А. С. Башкирова, в Верхнем Табасаране у аула Гемейди и около городища Армен-Кала в долине устья Самура [18, стр. 54—63].

По рассказу стодвадцатилетнего старика Али Богатырева,[10] в с. Кала-Корейш устраивалось в старину игрище, настолько своеобразное, что никаких кавказских аналогий к нему пока не подыскивается. Это игрище, существование которого, помимо калакорейшских показаний, было подтверждено и жителями с. Амузги, содержит, как мне кажется, пережитки раннего феодального периода со всей спецификой взаимоотношений между владетельным центром Кала-Корейш и соседними селениями зависимых от него и в то же время «вольных» даргинских обществ. Селение, задумавшее устроить игрище, пекло гигантский пирог «чутту́» из трех-четырех пудов муки. Пирог имел в диаметре около 2 м. Его начиняли толстым слоем сыра, яиц, мяса. Для печения этого гиганта расчищали место на току, разводили костер и пекли затем пирог в золе. Когда пирог пекся, его поворачивали 5—6 человек. Затем мужская молодежь везла пирог в особой плетеной корзине на лошади или несла на носилках в селение Кала-Корейш. Делалось это тайком. Экспедиция отправлялась вечером, чтобы прибыть в Кала-Корейш в полночь. Задача состояла в том, чтобы войти незаметно в спящий Кала-Корейш, поставить пирог перед домом старшины и крикнуть ему: «Вам пирог, а нам праздник!» Старшина должен был ответить: «Понял!» Тогда молодежь стреляла из ружей и поспешно убегала, а проснувшееся население бросалось в погоню. Если погоня завершалась успехом, калакорейшцы не обязаны были устраивать праздника, а принесенный гигантский пирог делили между собой и съедали. Если же погоня не имела результата, Кала-Корейш должен был устроить селению, привезшему пирог, праздник. В празднике принимали участие мужчины, женщины и дети. Каждый калакорейшский двор должен был выставить от себя угощение. На празднике пили вино, устраивали скачки на лошадях (состязания), пели, танцовали, веселились. Праздник длился дня два. Затем калакорейшцы с честью провожали гостей за границы аула.[11]

3. В ныне даргинском с. Шири есть могила шейха, в недавнем прошлом широко почитаемая и стягивавшая к себе множество молельщиков. Пре-

---

[10] Запись 1940 г. в с. Кала-Корейш.

[11] Примечательно, что с. Кубачи в организации описанного игрища, связанного с представлением о престиже их противника—с. Кала-Корейш, не участвовало.

Рис. 2. Резные деревянные двери мечети в с. Кала-Корейш.
Фото Е. Шиллинга 1936 г.

дание[12] повествует, что жил некий Али (шейх, святой человек) — охотник и воин, не уязвимый для пуль. Они оставались в его одежде и сыпались на пол, когда герой после боя дома раздевался. Ударом шашки он перерубал скалу. Он имел такой выпуклый лоб, что пот не мог попадать в глаза. Однажды Али собрал людей и пошел войной на Кубачи, желая захватить их церковь. В конце концов он был предан своей женой (по некоторым версиям, кубачинкой). Кубачинцы убили Али, когда он молился на горе,

Рис. 3. Гаджи Расул Ирганов — один из лучших информаторов, от которого нами было записано много ценных сведений. с. Кубачи. 1944 г.

и отрубили ему голову. Тело шейха погребено в с. Кала-Корейш, а голова в с. Шири,— как раз там, куда она якобы скатилась со склона горы. По другому варианту, кубачинцы через жену шейха узнали, что его можно убить только при помощи большого топора, которым бьют быков. Кубачинцы тотчас сковали семь таких топоров. Во время боя Али увидел топоры, понял, что должен погибнуть, и пал духом. Его действительно убили топором. На могиле шейха в с. Шири ежегодно устраивались большие моления, во время которых резали баранов. Почитание могилы еще не совсем было забыто в 30 гг. XX века.

Третий вариант того же предания (записанный в 1944 г. от старика Г. Р. Ирганова, рис. 3) передает, что ширинский шейх был мусульманином, тогда как кубачинцы исповедывали христианство. С ними он постоянно воевал и был непобедим. Жена шейха, кубачинка, по настояниям родных выведала у мужа тайну. Он сказал ей: «Сто пуль, которые в меня попадут, и сто кинжальных ран не причинят мне смер-

[12] Рассказано в с. Кубачи Саидом Магомедовым, 1925 и 1940 гг.

ти. Но возьми дитáн (мясной топор) и ударь меня по шее, тогда я умру. Если мне отрубят голову, сделайте памятник на том месте, куда она упадет». Вскоре после этого признания кубачинцы привязали дитан к длинной палке и нашли случай убить шейха. Предательница происходила из кубачинского джинса (родовой группы) Мирхъя́вхъалла (в настоящее время в с. Кубачи вымершего), жившего в Ду́бшила куа́т (среднем квартале). У всех представителей этого джинса (рассказчик утверждал, что он сам это видел) ноги были кривые. «Это потому,— добавил он,— что их джинс был виновником смерти ширинского шейха».

4. Кубачинцы были когда-то гораздо многочисленнее и подчиняли себе соседние селения, признавая, однако, власть хунзахского нуцала (владетеля Аварии). Жители ближнего селения Уркарах отрицают свою былую зависимость от кубачинцев. Мы, говорят они, подчинялись только уцмию,[13] который сидел в крепости Кала-Корейш, а с кубачинцами воевали, хотя те были сильнее нас. Мы тогда имели луки и стрелы, а кубачинцы пушки и ружья. Они были христианами.

По другому уркарахскому преданию, два благочестивых человека молились о помощи против одолевавших кубачинцев. Аллах услышал молитву. С тех пор уркарахские жители ходят в с. Лиши на могилы тех двух святых и режут там пять баранов.[14]

5. Первоначальное место поселения кубачинцев находилось якобы гораздо западнее,— на границе Казикумухского района. Оно называлось Кар-Урбуг. Потом уже кубачинцы, отняв у калакорейшцев и сулевкентцев гору Лямцля-бай (вариант приводившейся выше легенды), заключили с ними мир и получили горы, принадлежащие им поныне. В бою пало 40 человек кубачинцев.[15]

Эту версию интересно сопоставить с другой, утверждающей, что с. Кубачи было расположено когда-то не там, где теперь, а в ином пункте «в горах Кайтага», и расширяющей, таким образом, кубачинскую территорию в иных направлениях — на юг и восток, однако в пределах все той же области, которую я условно называю «кубачино-даргинским нагорьем».

Кубачинцы, как гласит упомянутая легенда, сперва занимали в Кайтаге «несчастливую землю». Однажды пропал «принадлежавший обществу красный бык». Его нашли на горе, соответствующей нынешнему местоположению селения. То же повторилось на второй день и затем на третий. Люди решили, что место, куда уходил их бык, должно быть «счастливым», и переселились.[16]

Имеется еще предание, сообщаемое Л. И. Жирковым [39, стр. 255—281], о том, что кубачинское поселение первоначально находилось на горе Кайдешла-муда к востоку от с. Кубачи.

По сообщению Г. Р. Ирганова (запись 1944 г.), предания говорят также, что селение Кубачи «собралось в одно место из семи селений». По этому поводу существует даже пословица — кубачинцы, мол, никогда между собой не будут ладить, так как они из семи аулов (записать ее точно на

---

[13] В преданиях этих отражается старейшая традиция: в то время как противники кубачинцев калакорейшцы подчинялись ближайшему князю — уцмию, кубачинцы находились в сравнительно слабой зависимости от далекого аварского нуцала.

[14] Рассказано кубачинцем Х. М. Канаевым, с. Уркарах, 1940 г.

[15] Рассказ Г. Р. Ирганова, с. Кубачи, 1940 г.

[16] Записано в с. Кубачи от Г. Р. Ирганова в 1940 г. Следует заметить, что та же версия в сплетении с преданием о франкском, т. е. европейском, происхождении кубачинцев (будто бы выписанных некогда шахом из Рума в Дербент, а затем удалившихся в горы) была приведена в 1859 г. А. В. Комаровым [50, стр. 85—86], в 1873 г. Б. А. Дорном [36, примечание 23] и в 1903 г. П. Ф. Свидерским [75, № 15]. Рассказ о чудесном быке в данной легенде Уваров считает одним из признаков существования у предков кубачинцев маздеизма [79].

кубачинском языке мне, к сожалению, не удалось). Места этих легендарных первичных селений не выяснены, но одно из них, по словам рассказчика, находится недалеко от с. Кубачи на месте, называемом Хазна́ гьабйлтнала, что соответствует значению «место богатства», так как жители здесь искали клад и находили браслеты, кольца и другие предметы. Данная версия служит, может быть, не столько иллюстрацией более обширной в прошлом территории зирехгеранских групп, сколько признаком первоначального членения группы собственно Кубачи на близлежащие родовые поселения, позже сконцентрировавшиеся и объединившиеся.

Приведенные легенды, записанные мною на месте, являются в с. Кубачи общеизвестными и очень популярными. Из них можно вывести заключение о более позднем принятии кубачинцами ислама, об известной обособленности кубачинской культуры (конечно, не только конфессиональной), а также о значительно большей численности и территории в прошлом «народа урбуг»,[17] о некотором выделении кубачинцев среди соседей по уровню культуры и вооружению, о войнах их с соседями и, наконец, о наличии внутренней борьбы жителей урбугских селений против населения экономического центра этого района (с. Кубачи), причем выпавшее в результате этой борьбы из сферы влияния с. Кубачи урбугское население постепенно слилось с окружающими массами других даргинских и кайтакских групп.

В настоящее время кубачинцы живут в одном селении (в Дахадаевском районе Дагестанской АССР), отстоящем на 58 км по прямой линии к западу от Дербента. Место, где расположено селение Кубачи, высокогорное (около 1.5 км над уровнем моря), еще лет 20 назад было почти недоступным для колесного сообщения. В наши дни до с. Кубачи имеется хорошая автомобильная дорога от железнодорожной станции Мамед-кала, проходящая через с. Маджалис (районный центр Кайтакского района) и с. Уркарах (районный центр Дахадаевского района). Селение насчитывает более 500 дворов с общим количеством жителей более 2.5 тыс. человек.

По лингвистической классификации, кубачинский язык,[18] родственный даргинскому и кайтакскому, выделяется вместе с ними в особую (даргинскую) группу восточной (дагестанской) ветви кавказских яфетидов. До Октябрьской революции кубачинцы в практическом обиходе пользовались арабской письменностью (арабскими буквами писали по-кубачински). В настоящее время письменность на даргинском языке.

Распространенная среди кубачинцев религия — ислам суннитского толка. Ислам укоренился довольно поздно: по предположению Б. А. Дорна [33, стр. 64—65] — в XIV—XV вв.[19] Потоцкий [73, стр. 107] приводит интересное свидетельство, что и в его время религия Мухаммеда в среде кубачинцев имела единичных противников. Осведомитель названного автора Павел Калустов был в с. Кубачи, где жители ему рассказали о проживании в горах, неподалеку от с. Кубачи, одного мужчины, придерживавшегося «старой религии»;

---

[17] Более широкая в прошлом «кубачинская» территория, должно быть, захватывала теперешнюю даргинскую область вокруг с. Кубачи и простиралась еще на восток в направлении к Дербенту.

[18] Первые материалы по изучению кубачинского языка находим у Палласа [68] и Клапрота [48, 49]; в конце XIX в. небольшой и ненадежный по качеству лингвистический материал дал Эркерт в книге «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes», опубликованной в Вене в 1895 г.; после Октябрьской революции появилось первое научное лингвистическое исследование кубачинского языка, принадлежащее советскому лингвисту проф. Л. И. Жиркову [39].

[19] О позднем упрочении в Кубачи ислама (в XV—XVI вв.) говорит Р. Эркерт [97, стр. 194—195].

жена его недавно умерла (сведения от 1797 г.). Под этой «старой религией» надо разуметь слой, повидимому, несший в себе следы христианства, значительно еще сохранявшиеся в то время. До укрепления ислама кубачинцы были христианами. Помимо общеизвестного факта распространенности в Южном Дагестане в период средневековья христианства (в значительной мере основываясь на устойчивости местных восточнокавказских элементов этого христианства, именно в прикаспийские области Кавказа устремлялось внимание Ватикана [24, стр. 111—114]), для вопроса о христианстве в с. Кубачи интересны и некоторые другие материалы. Сюда относятся, во-первых, чрезвычайно устойчивые местные народные предания, которые частично я уже приводил; во-вторых, показания некоторых восточных источников, например, Масуди [43, т. 38, стр. 52] (говорящего о наличии в стране зирехгеранов и христианства, и иудаизма, и мусульманства); в-третьих, примечательное упоминание об обнаружении в с. Кубачи в 1782 г. гернгутерами из Сарепты на Волге Грабшем и Грулем остатков «трех христианских церквей» и на одной из них камня с датой начала XIII в. [23; то же в публикации И. Потоцкого 73, стр. 106—113]. Из этих «трех христианских церквей» сохранилось до наших дней лишь то старинное высокое здание, которое Н. Б. Бакланов [13] называет башней, а местное население «церковью», впоследствии, по укреплении ислама, превращенной в так называемую «женскую мечеть» (хунала мижгид). Указанная выше дата — начало XIII в. — совпадает с датировкой и калакорейшских дверей и старейших кубачинских каменных рельефов, заведомо доисламских. Заслуживающий доверия автор П. Петухов, посетивший, совместно с академиком Б. А. Дорном с. Кубачи в 1861 г., свидетельствует, что разобранные из старинных зданий эти рельефы можно видеть вставленными в стенах многих кубачинских жилищ, «как амулеты» [69, № 87]. Очевидно, это один из пережитков, восходящий ко времени именно христианского периода Кубачи.

Андалузи [20] приводит рассказ о существовании в с. Кубачи обрядов погребения, в коих можно узнать черты парсизма (отделение мяса от костей, которые складывались в особые мешки, тогда как мясо отдавалось на съедение птицам).

Пережитки христианства, иудаизма и зороастризма в быту в с. Кубачи теперь не прослеживаются; зато имеются кое-какие остатки местных доисламских верований.

Приведу некоторые конкретные сведения о них, собранные мною в разное время в с. Кубачи.

В цикле «гулала аку букон», охарактеризованном в последней главе этой работы, выделяются элементы, в которых можно усматривать пережиток существовавших когда-то весенних или летних обрядов и праздников (связанных с культом плодородия). Таковы обрядовые игры с «яичным деревом» (ду́кнала ту́тта), церемония «праздника цветов» и некоторые другие моменты. В том же цикле обращает на себя внимание обрядовый танец а́скайля.

Из других пережитков, которые помнит в настоящее время часть старшего поколения, следует упомянуть об особом отношении к лягушке (гита́), что тоже, повидимому, было связано с представлением о божестве плодородия и урожая. Существует поговорка — «лягушку убить, год не проживешь». Действительно, обычай запрещает убивать

---

[20] Вариант того же рассказа в передаче З. Казвини (XIII в.), пользовавшегося в качестве первоисточника рассказом Андалузи, сообщает Френ [83, стр. 87—107] и по Френу — В. В. Бартольд [14, стр. 099—0104]; рассказ Андалузи частично дан в переводе, частично пересказан Д. Н. Анучиным [9, стр. 403—404] и также помещен в статье Уварова [79, стр. 73].

лягушек. Аналогичный культ, но еще более ярко выраженный, сохранялся на территории Кабалинского магала в северном Азербайджане, главным образом среди удин до начала XX в. Он существовал до революции и у армян.

Образ птицы, устойчиво связанный с женским головным убором (в традиционной вышивке на казе [21] обязательно воспроизводится повторяющееся изображение птицы) и медным светильником (обязательное изображение птицы, увенчивающее чах, т. е. светильник), предметом тоже по преимуществу женского обихода, имел, очевидно, первоначально значение какого-то чисто женского апотропея (см. рис. 46 и 66).

Кубачинцам не чужды были в прошлом представления о космическом быке, держащем на рогах землю, и чудовищном змее «аждаха́», заграждающем воды. Пословица гласит: «как аждаха́ захватил воду, так люди захватили вещи». Термин аждаха́ у тюркоязычного населения Закавказья соответствует армянскому слову виша́п (под каковым наименованием в Армении известны изваяния гигантских рыб с высеченными на них изображениями тех же двух образов, быка и змея,— символов властителей вод земных и небесных, подающих обилие и плодородие). Следовательно, и в с. Кубачи имеет место какой-то отпечаток этих древних верований, распространенных у многих народов Кавказа.

Среди амулетов, еще употреблявшихся в с. Кубачи в начале XX в., примечательны — змеиная шкурка «кайля́ — куле́», которая, как рассказывали, клалась ребенку под подушку, «чтобы он хорошо спал, не пугался шайтана и вырос храбрым»; круглая лепешка — «уригала́» в виде баранки (по поверьям, «предохранявшая детей от шайтана») и веточка терновника с наростом — «бусика́п» (по поверьям, «обеспечивавшая детям хороший сон»).

Сверх упомянутых амулетов, приобретенных мной в с. Кубачи в 1940 г. и хранящихся в Музее истории религии (Ленинград), я помещаю в качестве дополнительного материала в Приложении 1 описание небольшой коллекции этих предметов, приобретенных мною в с. Кубачи в 1944 г. и ныне хранящихся в фондах того же музея.

Наконец, у кубачинцев, как и у даргинцев, встречались в начале XX в. остатки почитания деревьев на могилах (с приношением вотивных лоскутов, а также маленьких матерчатых флажков, прорези которых иногда воспроизводят изображение человеческого лица — глаз, бровей, носа и рта).

Предки кубачинцев — древние зирехгераны, местные аборигены, дагестанские яфетиды, родственные соседним даргинцам и кайтакам с их (как показано) более широкой территорией (в составе той же зоны), не были, может быть, этнически однородной массой. Если это так, то нынешние кубачинцы — один из наиболее сильных «зирехгеранских» элементов, входивших в состав группы албанских племен, ибо кавказская Албания северной частью захватывала данную область Дагестана. Легенды самих кубачинцев и их соседей и домыслы Гербера [28, стр. 2—3], Бракеля [22, стр. 159—165], а вслед за ними и многих других о «франкском» (европейском) происхождении кубачинцев реальных оснований за собой не имеют.[22]

---

[21] Каз — головная повязка (см. стр. 52—53).

[22] Первые же лингвистические наблюдения, сделанные в 1770 г. И. А. Гюльденштедтом [29, стр. 493], в 1793—1794 гг. П. С. Палласом [68, стр. 421] и в 1807—1808 гг. Ю. Клапротом [48] и доказавшие, что язык кубачинцев есть язык местный, родственный языку соседних горских народов Дагестана, значительно поколебали версию о якобы европейском происхождении кубачинцев. В первой половине XIX в. ряд авторов высказывается против этой версии. Таковы, например, С. Броневский [23], О. Евецкий [38] и др. Но были и продолжавшие ее поддерживать, например, П. Зубов

ИЗ ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Впервые с. Кубачи присягнуло на подданство России в 1725 г. вместе с уцмием каракайтакским, во владении которого оно тогда состояло. Присяга не оказалась прочной.

В первой половине XIX в. с. Кубачи еще несколько раз вступало в подданство России, пока, наконец, не сделало этого окончательно в 1844 г.

События развертывались следующим образом.

В 1818 г. Ермолов упразднил достоинство уцмия и ввел в Кара-Кайтаг русскую администрацию. В июне 1820 г. кубачинцы «изъявили покорность» и обязались вносить в казну ежегодно по 400 червонцев.[23] Обязательство это не было реальным, с. Кубачи его не выполняло, а царская власть еще не могла дотянуть туда рук.[24]

Однако долго с таким неопределенным положением царская администрация мириться не могла. Через несколько лет царизм пробует применить к некоторым районам Южного Дагестана, в том числе и к с. Кубачи, ту меру, которая раньше была испытанным орудием в руках уцмия (правда, особо чувствительную не столько для самих кубачинцев, сколько для их соседей). Я имею в виду ограничения в использовании зимних пастбищ.

Генерал Граббе писал в 1828 г.: «... у обществ Рутульского и Сюргинского, также у жителей города Кубачи предположено,— если они будут продолжать упорствовать в платеже следуемой с них дани,— заарестовать их стада, которые они в зимнее время пасут на низменных местах, прилегающих к морю, и тем понудить их к взносу казенных податей, или же пополнить таковые продажею самого скота».[25]

Здесь же генерал Граббе указывает, что он обратился к Аслан-хану казикумухскому, чтобы тот «по влиянию своему на горцев, представляемому ему соседством с ними и своим могуществом,— склонил их к повиновению и безотлагательному взносу податей». Вскоре после этого, а именно зимой 1831 г., происходит третья по счету присяга с. Кубачи России.

Однако и на сей раз дело оказалось непрочным. В рапорте генерала Головина от 15 января 1838 г. Чернышеву говорится: «В Дагестане мало племен, нам покорных. Те, которые называются покорными, хотят быть в союзе с нами, но не в повиновении, и при удачном случае изменяют. Кубачинцы и другие с давних пор отложились от податей, считая себя мирными, когда находят пользу [4, т. IX, документ № 245, стр. 227]». Такова была кубачинская тактика — тактика отсидки в горах и систематического уклонения от уплаты податей.[26]

Четвертую по счету и окончательную присягу на подданство кубачинцы принесли в июне 1844 г.

---

[40], отчасти В. Швецов [86] и даже такой поздний автор, как П. Ф. Свидерский, публикация которого в 1903 г. [75, № 15] вызвала по этому поводу критическую реплику лингвиста А. Дирра [31]. Отметим здесь, что местный уроженец, дагестанский историк 2-й половины XIX в. Гасан Алкадари, лезгин по происхождению, был противником предположения о европейском происхождении кубачинцев [5, стр. 24—25].

[23] «Записки о каракайтакском народе, принадлежащем к управлению Дербентской провинцией» от 21 марта 1838 г. [4, т. IX, документ № 278, стр. 310].

[24] Состоявшееся примерно в эту пору путешествие по Восточному Кавказу естествоиспытателя Э. Эйхвальда (1825—1826 гг.) новых материалов по кубачинцам не принесло; тем не менее, несколько страниц, посвященных в публикации этого автора «деревне Кубачи», не лишены интереса [96, стр. 139—142].

[25] Рапорт генералу Сипягину, который на основании этого рапорта и показаний лазутчиков, в свою очередь, секретным отношением от 28 августа 1828 г. доложил об этом гр. Паскевичу [4, т. VII, документ № 462, стр. 510].

[26] О воздействии царских властей на кубачинцев в эту пору имеем интересное показание подполковника генерального штаба Окольничьего: «в настоящее время ино-

В горы были двинуты под начальством князя Аргутинского крупные силы и артиллерия против непокорного и воинственного Сюргинского общества. Операция увенчалась успехом. Сюрги покорились, вместе с тем пришлось окончательно покориться и кубачинцам.

Существует местное предание, согласно которому в это время на сцену неожиданно выступает кубачинский медный чеканный кувшин-водонос «мучáл», в котором кубачинки и до сего дня носят воду.

Когда «Аргутан» подошел к с. Кубачи, один старик посоветовал, чтобы каждый хозяин положил в горизонтальном виде на плоскую крышу дома «мучáл» открытым горлышком в сторону русского войска. «Мучал» в таком положении действительно издали может показаться пушкой. Аргутинский увидел у кубачинцев эти мнимые пушки на всех домах, испугался, повернул назад и увел войско.[27]

Разумеется, долго продолжаться эта неравная борьба не могла, и старшины кубачинского общества явились к Аргутинскому «с изъявлением совершенной покорности».

По официальным статистическим данным, опубликованным в 1869 г.,[28] в с. Кубачи числилось 860 дворов. В последующие десятилетия население с. Кубачи уменьшилось почти вдвое.[29] Было бы ошибочно, однако, сделать отсюда заключение об абсолютном уменьшении численности кубачинцев, как народа: процесс, на который мы обратили внимание, связан был с отливом горского населения в промышленные центры и являлся следствием развития капитализма в России. Кубачинские медники, златокузнецы и ювелиры в поисках более широкого рынка для своих изделий переселялись в города, где открывали свои мастерские; в связи с этим большое количество мужской молодежи ежегодно уходило из горного селения в города Кавказа для прохождения ремесленного обучения у своих родственников и оседало в городах. Этим и объяснялось непрерывное уменьшение населения с. Кубачи в дореволюционные годы.

Кривая роста кубачинского населения начинает заметно подыматься вверх лишь после Октябрьской революции. Общая численность кубачинцев по переписи 1926 г. составляла 2579 чел.

РОЛЬ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ

Во второй половине XIX в. для кубачинцев наступила новая фаза. Их знаменитая продукция по металлообработке, а также и шерстяные ткани, которыми они успешно до этого торговали, начинают вытесняться русскими фабричными изделиями.

«Шло, — писал товарищ Ленин, касаясь Кавказа, — вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала ку-

---

гда, чтобы принудить кубачинцев к уплате податей, заарестовывают их торгашей или ремесленников, проживающих в Дербенте, и держат до тех пор, пока общество не внесет следуемой суммы» [62, стр. 155—156, примечание].

[27] Тот же мотив о мучáлах, принятых врагом за пушки, мы встречаем и в кубачинских преданиях о наступлении на Кубачи Надир-шаха.

[28] Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1, Тифлис, 1869 г.

[29] Такова, например, цифра А. В. Комарова, может быть не совсем точная, относящаяся к 70-м гг. XIX в. [52, стр. 18—19].

старная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия» [1, т. III, стр. 521].

Изготовлению некоторых родов оружия власти ставили препятствия. Значительно ослабели торговые связи кубачинцев. Сократились рынки сбыта, изменился характер спроса. Для с. Кубачи все более и более суживался круг заказов на специальное кавказское военное снаряжение и на женские украшения к национальным костюмам, т. е. тех заказов, которые с. Кубачи в большом количестве выполняло раньше как для народов Северного Кавказа, так и для населения Закавказья.

Мастера вынуждены были ловить покупателей, завоевывать новые рынки, приспособляться к изменившимся запросам.

В 80-х годах XIX в. уже довольно значительное число кубачинцев проживает вне с. Кубачи, в городах Кавказа, где они открывают свои мастерские. Сеть этих мастерских из года в год развивается. Предприимчивые хозяева открывают их даже за пределами Кавказа, в некоторых городах центральной России.

За счет уменьшения изделий старого, чисто кавказского, спроса они расширяют свой ассортимент разными новинками. Они начинают делать чайные ложки, подстаканники, серебряные столовые приборы, портсигары и т. п. Быстро осваивают они также дело починки и ремонта тех некубачинских металлических изделий, которые им приносят в мастерски их городские клиенты.

Среди кубачинцев в это время идет особенно усиленный процесс клас сового расслоения. Разбогатевшие в городах владельцы мастерских становятся предпринимателями. Они выписывают из с. Кубачи своих бедных соотечественников и используют их как наемную рабочую силу. С этой поры отход в города и неимущих слоев с. Кубачи из года в год увеличивается.

Я приведу здесь записанный мной краткий отрывок автобиографи одного уроженца с. Кубачи, служившего с 1885 г. по 1905 г. наемным мастером у различных хозяев.

«В 1885 г. поехал я фургоном в Екатеринодар и поступил в кубачинскую мастерскую с оплатой по 6 рублей в месяц. С 1894 г. служил в мастерских во Владикавказе (за 18 руб. в месяц), в Нальчике и Екатеринодаре (за 20 руб. в месяц). В 1898 г. поехал с товарищами в Крым, где открыл мастерскую и обанкротился. После этого служил наемным мастером в Армавире и Баталпашинске (за 25 руб. в месяц). В 1900 г. служил в мастерской казикумухца сперва в Каменец-Подольске, потом в Киев (за 25 руб. в месяц). В 1901—1902 гг. служил в мастерских в Армавире, Пятигорске, Екатеринодаре (за 30 руб. в месяц). В 1903 г. неудачно пытался снова открыть собственную мастерскую в Баку. После этого в 1904 г. опять работал у владельцев мастерских во Владикавказе, Армавир и Екатеринодаре на прежнем жалованье и, наконец, полгода самостоятельно работал в Киеве. В 1905 г. переменил профессию и сделался антикваром».

Приведенная биография, если отвлечься от последней профессии, окажется типичной для многих кубачинцев в конце XIX и начале XX вв.

О внутреннем устройстве кубачинских производств в те времена сообщу некоторые данные.

Мастер являлся обычно собственником орудий производства, в боль шинстве своем самодельных. Мастерская помещалась в доме мастер

рядом с его жильем. Помощь в работе, в случае надобности, оказывалась членами семьи (раздувание мехов, вращение точильного колеса, ковка, подноска материалов). Своих сыновей мастер начинал обучать производству с 8—10 лет. Через два-три года они становились его непосредственными помощниками, а в будущем делались самостоятельными мастерами. Так из поколения в поколение передавалось мастерство, наследовались технические навыки.

Применение наемного труда, как мы отмечали, стало особенно развиваться со второй половины XIX в.

Большей частью мастер владел одной, а иногда и несколькими, близкими одна к другой специальностями. Кинжал, например, прежде чем выйти в продажу, должен пройти через руки трех мастеров разных специальностей: клинок делает амузгинский кузнец, ножны и рукоятку — монтировщик, художественная обработка придется на долю гравировщика и мастера насечки.

Следов цехового устройства в с. Кубачи проследить не удалось. Вероятно, оформившихся цеховых организаций здесь не было.

Работа выполнялась мастером главным образом на заказ или как товар для сбыта. Если работа делалась на заказ, то чаще всего материал приносил сам заказчик. Сбыт происходил в с. Кубачи. Делом сбыта изделий вне с. Кубачи обычно завладевали богатеи.

Так как отрасли производств были расчленены, а ценность некоторых материалов была очень велика, богатеи имели возможность использовать также труд беднядких слоев с. Кубачи на кабальных началах, скупая полуфабрикаты, спекулируя серебром и золотом, организуя производство запасов изделий и продажу и сохраняя за собой все выгоды непосредственного сбыта.

Продукция кубачинских мастеров, предназначенная на внутренний рынок, т. е. для самих кубачинцев, отличалась от вещей, изготовлявшихся для вывоза.

Вещи для себя делались с учетом всех бытовых особенностей аула; вещи на вывоз готовили с соблюдением стилистических черт и бытовых потребностей той среды, для которой эти предметы предназначались.

Это вовсе не значит, конечно, что изделия чистого кубачинского стиля не выходили за пределы с. Кубачи.

АНТИКВАРНАЯ ТОРГОВЛЯ

Примерно с 1895 г. в с. Кубачи стали приезжать из-за границы представители антикварных фирм и скупать здесь различные старинные вещи. Это повело к тому, что вскоре сами кубачинцы начали выезжать за границу для самостоятельной продажи предметов старины, или, как они говорят, «антиков».

Откуда же добывали кубачинцы свои «антики»?

На этот вопрос нетрудно ответить, побывав в кубачинских жилищах и внимательно осмотрев там стены и полки, сплошь увешенные и заставленные различной самодельной и привозной орнаментированной утварью. Украшать жилища подобным образом издавна было в обычаях у кубачинцев, охотно приобретавших во время своих торговых поездок попадавшиеся им старинные, особенно металлические, вещи.

По известному кубачинскому обычаю старинные вещи (фарфор, фаянс, медная утварь и другие антики), которые за жизнь нескольких поколений накапливались в доме, старик-отец отдавал дочерям в приданое, соответственно для каждой выделив особую долю и оставив другие доли

Рис. 4. Внутренность кубачинского жилища. На первом плане — пол из каменных плит. На двух нижних полках — литые котлы; над ними — полка с медночеканными кувшинами (мучалы и др.); на верхней полке — медночеканные сосуды (нукпус). На стене и третьей сверху полке — медная и фарфоровая утварь.

для сыновей. Таким образом, это дедовское добро частично переходило из дома в дом, частично не снималось с полок и гвоздей многие десятки лет.

Самобытная и древняя художественная культура с. Кубачи, связанная с производством, воспитала в этих людях необычайную восприимчивость ко всякого рода предметам искусства, развила в них тяготение к подобным вещам и стремление их собирать.

Вот перечень того, что я сам видел в 1936 г. на стенах и полках в одном из кубачинских домов.

На стенах: чашек, тарелок и блюд фарфоровых и фаянсовых — 67; среди них персидский фаянс XV в., персидский фаянс XVII—XVIII вв., китайский фаянс XVII в., персидский фарфор XVIII в., русский фаянс XVIII в., русский и китайский фарфор XIX в.; блюд, тарелок и чашек медных (местных и иранских)— 103.

На полках: котлов медных литых, местной работы — 9; больших местных водоносных кувшинов (мучал) медночеканных — 7, кувшинов малых медночеканных — 8, медных ведерок местной работы (нукнус) — 10, персидских медночеканных сосудов — 9, русских расписных стеклянных кувшинов и штофов XVII—XVIII вв.—5 (рис. 4).

Моим осмотром руководил кубачинец, бывший антиквар, пять раз побывавший за границей. Даты и определения привожу с его слов.

Среди подобных и еще более богатых собраний зачастую встречаются первоклассные антикварные и музейные вещи, ценность которых кубачинцы прекрасно понимают.

Со времени заграничных поездок кубачинцы стали деятельно пополнять свои прежние запасы «антиков». Они начали специально ездить по селениям и городам Дагестана, Азербайджана и Грузии и покупать старинную утварь, оружие, ткани, ковры и т. п., пополняя запасы «товаров».

КУБАЧИНСКИЕ ЗЛАТОКУЗНЕЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Для царизма с. Кубачи всегда оставалось глухим, нагорным углом, которому не уделялось никакого внимания.[30] Мастерам не оказывалось никакой организованной помощи. Их искусство не было изучено. Оно не было даже в достаточной мере известно.

Правда, во второй половине XIX в. отдельные произведения кубачинских мастеров делались известными. У турецкого султана Абдул Гамида имелось богато оформленное оружие, специально изготовленное для него кубачинцами. В 1895 г. мастер с. Кубачи Магомед Гасан оглы сделал два серебряных блюда с эмалью, золотой насечкой по кости, стали и серебру и ножны для двух шашек с украшением из черни и насечки золотом по слоновой кости. Один комплект этих предметов попал в Петербург в царский дворец, другой — на Парижскую выставку 1900 г. [78, стр. 193]. В некоторых случаях прекрасные вещи кубачинской работы оставались анонимными, т. е. принадлежность их к искусству с. Кубачи, по незнанию этого последнего, не была определена.

---

[30] Например, в докладе А. П. Берже «Этнографическое обозрение Кавказа», сделанном на III Международном съезде ориенталистов в Петербурге в 1876 г. [см. 21], собственно о культуре кубачинцев не говорится ничего, несмотря на то, что к тому времени уже имелись интереснейшие материалы Б. Дорна и П. Петухова, совершивших в 1861 г. поездку в Кубачи, которая явилась первым посещением этого селения с ученой целью [33, стр. 31].

Можно, однако, утверждать, что искусство с. Кубачи в царское время, несмотря на внешние, казалось бы, «успехи», — завоевание городских рынков, проникновение за границу, — быстрыми шагами шло к упадку.

Приноровление продукции мастерских в городах к мещанским вкусам мелкой буржуазии, по которой равнялись и мастера, не выезжавшие из с. Кубачи, повлекло за собой утрату чистоты и благородства стиля кубачинского народного орнамента. Изделия кубачинцев в значительной мере потеряли прелесть подлинности. На них появились отпечатки штампа, неряшливости, подражания плохим образцам.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергшая власть помещиков и капиталистов и приведшая к созданию Советского государства, уничтожила все национальные и вероисповедные ограничения и раскрепостила угнетенные народы России. Перед кубачинцами открылись широкие перспективы развития национальной культуры и возрождения художественных промыслов, но гражданская война и иностранная интервенция задержали на несколько лет процесс развития. С. Кубачи испытало на себе власть турок, пришедших через Закавказье и создавших режим бесправия и нищеты. Также кубачинцы испытали на себе разнузданный террор белогвардейцев, когда в горные селения ворвались контрреволюционные казачьи отряды. Но белогвардейские банды были разгромлены Красной Армией и восставшим народом, иностранные интервенты с позором изгнаны за пределы Советской страны, Северный Кавказ, Дагестан и Закавказье снова стали советскими областями. С советизацией Дагестана и объявлением в Буйнакске в ноябре 1920 г. товарищем И. В. Сталиным автономии ДАССР для кубачинцев начался новый период существования—период возрождения и расцвета, период строительства социализма.

Летом 1935 г. Дагестанская АССР праздновала свое пятнадцатилетие, подводя итоги крупных хозяйственных и культурных достижений, которых страна добилась за этот короткий, но знаменательный период. В братском единении с другими народами Дагестана в торжестве принимали участие и кубачинцы.

На их долю выпала особо почетная задача. Кубачинцы изготовили монументальную, украшенную орнаментом, серебряную обложку для адреса товарищу Сталину, подписанного сотнями тысяч трудящихся советского Дагестана. Для этой работы артелью были выделены лучшие мастера—гравировщики Ахмет Джабаров и Алихан Ахмедов и монтировщик Гамем-Ника Магомедов.

Селение Кубачи, как и весь Дагестан, неузнаваемо изменилось за эти годы. Не без борьбы, не без усилий тяжелое наследие прошлого было сломлено, отброшено, изжито, оставлено позади. С. Кубачи изменило свой облик. Здесь были организованы колхоз им. Тельмана и металлообрабатывающая артель «Кубачинский художник».[31]

Сельское хозяйство, несмотря на его успехи, однако, не стало базой кубачинской экономики. Вот почему сперва ведущим звеном колхоза здесь явился особый цех металлистов (в общих мастерских которого в определенный период работало по монтировке, гравировке, насечке и филиграни большинство колхозников), а затем естественно возобладала артельная организация, существующая и в настоящее время.

Впервые артель зародилась в 1923—1924 гг. Начало было трудным. Нехватало опыта и средств, отсутствовало ценное сырье, не налаживались

---

[31] В настоящее время артель эта имеет официальное наименование «Художник» и состоит в системе промкооперации.

заказы. Много раз дело вовсе распадалось. Однако настойчивость мастеров одержала победу.

Об одном таком периоде из жизни артели интересно рассказывает мастер Хартумов. Рассказ мастера передан в беллетристическом очерке Р. Фатуева.[32]

Положение артели укрепилось. Тем не менее вскоре из-за неумелого руководства мастерам пришлось снова переживать неприятные времена. Перестали поступать заказы. Многие члены артели остались без дела.

На помощь кубачинцам своевременно пришли руководящие органы Дагестанской АССР. Были созданы соответствующие условия, и артель снова стала нормально работать.

В с. Кубачи были неоднократно проведены и другими организациями (центральными и местными) аналогичные работы по укреплению артели.

В 1924 г. с. Кубачи посетила приехавшая из Москвы первая советская научная этнолого-лингвистическая экспедиция под руководством Н. Ф. Яковлева. Работы экспедиции были поддержаны местными организациями, которые уже занялись и изучением культуры кубачинцев, и оказанием мастерам помощи. Сохранившиеся в с. Кубачи памятники старины были в основном взяты в Махач-Кале на учет. В Дагестанском государственном музее сосредоточивались кубачинские экспонаты и образцы орнамента.

Широкий сбор вещевых коллекций не был прерван и в последующие годы. В экспедиции 1925 г. пришлось принять участие и мне. Ценные кубачинские коллекции, в большинстве случаев собранные после Октябрьской революции, сосредоточены сейчас, кроме Дагестанского государственного музея, в Москве (Музей народов СССР, Музей восточных культур, Государственный Исторический музей, Институт художественной промышленности), в Ленинграде (Гос. Эрмитаж, Гос. этнографический музей), в Тбилиси (Гос. музей Грузии) и в ряде других музеев Кавказа.

В задачи экспедиции 1925 г. входило, кроме сбора коллекций, изучение кубачинских художественных производств, укрепление артели и ин-

---

[32] Р. Фатуев. Кубачи.— В сборнике «Дагестан». М., 1936 г., стр. 124—125.

«Обсудили: артель будет у нас или нет. Многие говорили: не нужна наша работа, и в книжках об этом даже пишут разные профессора.— Что другое мы можем делать?— спросил я тогда.— Что? И какие кубачинцы мы будем тогда?

— Не верят нам или не знают, как мы работаем? — спрашивает меня тогда Гаджи Гусейн.— Почему сырья не дают?— Отвечаю, что не знаю. И предлагает тогда Гаджи: — Давайте все соберем, что есть у каждого... Отдадим все артели. Поможем сами себе. Расплавим все, потом будем делать, что нужно. Привезем тогда и покажем.

Верно сказал Гаджи, так нужно делать. Только я еще выступил и сказал:

— Не нужно везти это в Махач-Калу,— прямо в Ростов.

Весь джамаат одобрил это. Тридцать восемь человек принесли свое серебро, старые замки от поясов, Абдула бросил бляху в груду серебряного хлама — кольца, серьги, лом разный. Все это переплавили и приступили к работе. По моему расчету выходило: надо месяц работать. Но этого мало оказалось,— проработали полтора. Помногу работали: каждый хотел сделать лучшее, что он может. Портсигары делали, пудреницы, брошки с самым тонким и сложным орнаментом. Зарплату никто ни откуда не получал. Как жили, не знаю. Но чувствовали себя хорошо — опять художниками стали. Один хотел сделать лучше другого. Много сделали вещей, настоящих, и снова я поехал с ними. Пришел в Крайкустпромсоюз, рассказал, вынул вещи, разложил по столу. Все учреждение сбежалось... решили послать меня в Москву, заключить договор с Мосторгом. А кустпрому составить нужную бумажку и послать в Дагкустпромсоюз.

В Москве все вещи отправили в экспортную комиссию: та посмотрела и решила, что все они пойдут за границу. Нам заказали 1000 портсигаров и 1000 трубок и выдали сырья».

структирование в деле создания новых изделий (с сохранением подлинности народного орнамента).

Мне припоминаются неоднократные собрания артели в долгие зимние вечера при свете керосиновых ламп. Здесь горячо обсуждались наши предложения. Мастера приносили наброски и эскизы будущих работ, уточняли детали, вносили в дело творческую инициативу. Они создали прекрасные вещи, которые были доставлены в Москву и попали на выставку.

Дела артели из года в год расширялись. Мастера овладевали новыми темами, развивались, двигались вперед. Кубачинцы стали готовить заказы для внутреннего рынка и на экспорт.

Естественно, что путь артели не всегда был одинаково ровен. За периодами успеха наступали перебои, за перебоями — снова успехи.

В 1936 г. план выпуска продукции оказался с избытком перевыполненным. Наряду с заказами малоценными с точки зрения творческой, кубачинцы получили такие важные и ответственные задания, как подготовка экспонатов для советского павильона на Международной парижской выставке 1937 г. или художественное оформление холодного оружия для советского казачества.

В последующие годы члены кубачинской артели не раз выполняли ответственные правительственные заказы. Так, в 1944 г. лучшими мастерами (братьями Кишевыми, Алиханом Ахмедовым, Гаджи-Саидом Курбановым, Шахвалом Мунгиевым и другими) было изготовлено оружие для подарков товарищам И. В. Сталину и А. И. Микояну.

Летом 1936 г. в артели числилось 90 мастеров, не считая нескольких десятков вновь поступивших. Среди членов артели находились лучшие мастера с. Кубачи: по гравировке—Ахмед и Гаджи Кишевы, Алихан Ахмедов, Акайля-Али Магомедов, Гаджи-Саид Курбанов, Абакар Мацаев и др.; по насечке — Абдул-Кадыр и Шапи Хартумовы, Алмас Алмасов и др.; по филиграни — Уммалат Иммаев, Саид Магомед Шахаев и др.; по эмали — Бахмут и Абдула Топчиевы; по монтировке — Имима Усаев, Муса Чапкаев и др.; меднолитейщики — Ирганов и Шайтанов; медночеканщик — Курбан Ахмедов.

Значительное расширение дел артели последовало в 1944 г., когда на поддержку кубачинских производств были ассигнованы правительством РСФСР большие средства.

Артель имеет свои помещения, имущество и оборудование.

По данным Главного управления художественной промышленности (при Управлении промысловой кооперации Совета Министров РСФСР), любезно сообщенным мне в июне 1948 г.,—рост производства кубачинской артели «Художник» и выполнение плана за последние 5 лет иллюстрируются следующей таблицей:

	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
План (в тысячах рублей по неизменным ценам 1932 г.)	500.0	2000.0	3400.0	4700.0	5500.0
Фактически выполнено (в тысячах рублей по неизменным ценам 1932 г.)	2166.4	3198.0	4541.6	4971.3	—
Процентное выполнение плана	433.3	159.9	133.6	105.8	—

Лучшие мастера — члены кубачинской артели за эти годы выполнили ряд ответственных заказов и работ для выставок, конкурсов, юбилеев. Некоторые из них имеют правительственные награды и ордена, полученные за высокие творческие достижения. Молодые мастера систематически приезжают из с. Кубачи в Москву в творческие командировки.

* * *

Черта исключительности и обособленности культуры с. Кубачи (сказывающаяся особенно ярко в таких ее сторонах, как «албанские» рельефы, бронзовые котлы, златокузнечество и др.) значительно смягчается и порой утрачивается, если включить в круг зрения более широкий подбор материалов.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Отрыв с. Кубачи от сельского хозяйства за счет почти поголовного занятия мужчин металлообработкой и отчасти торговлей, — явление давнее. Средневековые арабские источники говорят [43, т. 38, стр. 52] о производстве зирехгеранами металлических вещей и оружия как об основном промысле. Рейнеггс [74, стр. 107—110] (конец XVIII в.) приводит о них любопытные сведения, вскрывающие специфику кубачинской экономики. Он пишет: «На юго-запад от Каракайтака живет 1200 семейств одного племени, которое называет себя кубачами и которое относится к числу старейших обитателей Кавказа... Кавказские владетельные князья оставляют на хранение у этого народа излишки имущества или свои сокровища... Кубачинцы вежливы, спокойны, трудолюбивы... Большая часть их занята торговлей. Они также известные мастера, которые выделывают оружие, пистолеты, сабли, ножи, панцыри. Их работа злато- и среброкузнечная очень похожа на работы Аугсбурга и Карлсбада. Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спрос и дорогую оценку. Такими же ценными являются вышивки золотом и серебром, производимые их женами, которые, кроме того, ткут еще красивые ковры, производят войлочные плащи и шерстяные ткани, служащие обычно для одежды их мужей. Полеводство у них совершенно в забросе. Они сеют немного и получают немного... Садоводство также не имеет значения. Все, что им нужно для питания, они получают по весьма дешевым ценам от соседних племен. Еще менее они занимаются животноводством. Их домашние животные только козы и лошади. Летом они держат на горах коров до тех пор, пока там есть на пастбищах трава, и таким образом получают необходимый запас масла и сыра. Но как только наступает осень, они продают всех коров и лишь с наступлением весны заводят новых... Кубачинцы не идут ни за, ни против кого-либо в войнах. Однако за своими скалами они очень бдительны и храбры. Своим противодействием они положили пределы завоеваниям шаха Надира, который хотел проникнуть в селение этого народа (событие 1742 г.) и наказать его за помощь в бегстве, оказанную с. Кубачи крымскому хану, побитому шахом. Два единственных подступа, через которые можно попасть в с. Кубачи, неустанно охраняются. Ни чужому, ни соседу не дозволено войти. Близ их границ находится большое селение, где они обычно ведут торговые переговоры и иные сношения с чужими. Это племя не смешивается браками с другими народами. Свойственная им большая степень любви к родине заставляет купцов после продолжительных или частых отлучек возвращаться к своему племени

и более не уходить, но принимать участие в общественных делах, соответствующих их строю. Кубачи вообще считаются богатыми. У них приход больше, чем расход. Им незнакомо мотовство, и их собственная торговля производится только ими самими. К какому типу принадлежит их государственный строй — это тайна, о которой они никогда не говорят. Известно лишь, что у них общая казна, которой распоряжаются пожизненно 12 старшин».[33]

Теперь познакомимся по непосредственному этнографическому наблюдению с сельским хозяйством кубачино-даргинского нагорья.

По условиям рельефа трактор здесь не применим. Сохраняется местная техника обработки хлебных злаков (пшеницы, ячменя). Несомненно, что земледелие нагорного Дагестана, вместе со скотоводством, имеет за собой историю, захватывающую много столетий. Об этом говорит, между прочим, наличие местных видов крупного и мелкого скота, а также большое количество местных черт в отношении технических приемов и сельскохозяйственного инвентаря.

Пашни окружающих даргинцев (равно и самих кубачинцев) имеют естественные террасы или искусственные (укрепленные стенками или уступами из плиточного песчаника юрского возраста). Эти площадки своим расположением напоминают амфитеатр. Для их успешной обработки необходима предварительная тщательная очистка от камней, удобрение, постоянное наблюдение за сохранностью стенок террас, а в некоторых случаях — искусственное орошение и наноска земли для усиления слоя почвы.

Мы наблюдали в 1940 г. в высокогорных колхозах Дахадаевского района в действии чиркающее, удобное в местных условиях (неглубоко взрывающее верхний пласт земли) пахотное орудие с железным лемехом;[34] молотильные доски, влекомые по току парой волов или лошадью, с вбитыми в их нижнюю поверхность острыми осколками кремня (способ, распространенный до наших дней по всему Закавказью и Дагестану); горские косы с изогнутым косовищем (не имеющие лучка для правой руки, как русская коса); водяные мельницы с деревянными турбинами, вращающимися в горизонтальной плоскости.

Наиболее, пожалуй, интересным в этнографическом отношении из перечисленного является пахотное орудие (дурац), приспособленное для легких почв нагорий. Произведенный А. Н. Генко [27, стр. 132—133] лингвистический анализ дагестанского названия этого типа орудия фактически показал «значительную давность возникновения термина», употребительного (в сходных вариантах), наряду с даргинцами, также у аварцев, лаков, табасаранцев, агулов и лезгин. Один и тот же термин охватывает, таким образом, значительную полосу нагорного Дагестана по всему ее меридиональному протяжению. Орудия, типологически сходные с «даргинским плугом», встречаются в горных районах Кавказа (где земледелие является безусловно древним занятием) на территории, далеко выходящей за пределы одного лишь Дагестана. Некоторые из них сходны со старинными пахотными орудиями Абхазии и Грузии, описанными Г. С. Читая [85, № 3, стр. 293—299; № 4, стр. 373—378] и, как он показал, сближающимися с древнейшим месопотамским пахотным орудием, собственно шумерским, относящимся к четвертому тысячелетию до н. э.

В основу устройства упомянутого даргинского орудия положен принцип четырехугольника. Орудие состоит из полоза «губатала́», приготов-

---

[33] О формах управления кубачинцев см. ниже в гл. III.

[34] Более примитивная его разновидность была описана Д. Н. Анучиным в 1882 г. [9].

ленного из яблоневого, грушевого или абрикосового дерева (длина 74 см) с железным небольшим сошником «габ» на конце. В задний конец полоза вставлена ручка «дулцйт» (около 70 см длины) с отходящим небольшим

Рис. 5. Покос. Сгребание сена
С. Кубачи, 1940 г.

сучком «тáли», служащим для опоры руки пахаря. В «соху» впрягается пара волов при помощи прямого дышла (длиной 2.8 м). Дышло (марза) укрепляется, во-первых, в особой стойке «дурико», укрепленной вертикально в полозе «сохи» перед ручкой, во-вторых, в самой ручке «сохи». Дышло, полоз, стойка и ручка образуют четырехугольник.

Доставка хлеба с полей и сена с покосов производится вьючным способом или пешей переноской за спиной, ибо горные тропы, идущие от селений к полевым участкам, часто непригодны для колесного транспорта, и вообще надо указать, что в дореволюционный период колесное передвижение было распространено здесь мало. Для сношений отдельных селений между собою в настоящее время имеется достаточно разветвленная сеть хороших, доступных для автомобилей дорог и шоссе, связывающая кубачинско-даргинское нагорье с прикаспийской линией железной дороги и некоторыми районными центрами Дагестанской АССР.

Понятно, почему в с. Кубачи и особенно в соседних селениях издавна так сильно развито было употребление транспортных средств, необходимых для вьюков: седелки, хурджины, мешки, разнообразные по материалу самодельные круглые и плоские шнуры и веревки.

Вот краткое описание наиболее примечательных предметов по средствам передвижения из коллекции, приобретенной нами для Центрального дагестанского музея в 1940 г.:

№ 1. Лютми́ — подковы конские (4 подковы и к ним 24 гвоздя). Подкова представляет собой сплошную железную пластинку [35] по форме копыта с 6 дырками для гвоздей. Ширина подковы 11 см, длина 10 см, толщина 4 см. Гвозди имеют плоскую шляпку и предназначены для употребления летом. Зимой используются другие гвозди, с острой головкой. Комплект изготовлен в с. Харбук.

№ 2. Люти́ — подкова зимняя, так называемая канджюпа̀р-люте́, т. е. острая, цепляющаяся (слово канджe употребляется для обозначения волчьего клыка). Нижняя поверхность этого типа подковы имеет зубья, причем средний сделан из стали, а боковые расположены по-разному: один ребром продольно, другой ребром поперечно. Такое расположение ребер зубьев сделано в целях большей возможности торможения. Место изготовления — с. Кубачи.

№ 3. Белсуни́л урцу́л (т. е. крученое дерево)—палка из дерева породы ба́жиля, имеющая естественную винтообразную поверхность. Она служит для массирования живота лошади в случае задержки мочи. Размеры: длина 97 см, диаметр 5 см.

№ 4. Гаптилла гавлагуни́ — два мешка для вьюков, сделанные из домашней конопляной ткани. Являются комплектом вьюка для перевозки на лошади муки, зерна, овощей, фруктов. Размер мешка: ширина 55 см, длина 90 см. Цвет светлосерый с полосами (синими, красными и зелеными). Изготовлено в с. Киши.

№ 5. Гъпзла тани́л — волосяная вьючная веревка для увязывания вьюка и для ношения тяжести на спине. Длина 13.85 м. Место изготовления—с. Бакни.

№ 6. Гаптилла тани́л — конопляная вьючная веревка того же назначения. Изготовлена в Бакни при помощи особого прибора для витья веревок (состоящего из двух деревянных частей — рукоятки и вращающейся на ней деревянной планки). Длина 12.34 м.

№ 7. Арга́н че — тесьма шерстяная домотканая, с бахромкой на концах, употребляется для перевязки вьюков на лошади. Длина 2.60 м, ширина 9 см. Место происхождения—с. Урцахи.

№ 8. У́рчила кьюшу́м — путы для лошади из волосяной веревки с двумя петлями. Расстояние между петлями — 53 см. Длина петли 43 см. Предмет изготовлен в с. Бакни.

№ 9. У́рчила урка́н — веревка, сплетенная из лошадиного хвоста с примесью волос конской гривы и козлиной шерсти. Служит для привязи лошадей при пастьбе на лугу. Чтобы веревка не закручивалась, к ней прикреплена металлическая вертушка. У́рчила урка́н привязывается обычно к небольшому колышку, который забивается в землю.

№ 10. Дабагла тани́л — веревка кожаная, сплетенная из трех полосок бычьей кожи. Длина — 13.36 м (по местной даргинской мере это составляет 46 «дик»). Место изготовления — с. Даккари.

№ 11. Такуа̀ — бурдюк из бараньей кожи. Служит для сыра, меда, нефти и др. Употребляется при переносках ручным способом, а также входит в состав вьючной поклажи. Бурдюки обычно изготовляются чабанами. Отверстия в шкуре заделываются деревянными заклепками. Размер: ширина 33 см, длина 60 см. Предмет изготовлен в с. Кубачи.

Из приведенного «инвентарного» перечня видно, что шесть предметов из одиннадцати представляют собой разного рода перевязочные средства местного изготовления, связанные с вьючным и верховым транспортом, который продолжает бытовать наряду с новым автомобильным транспортом.

[35] «Горская» подкова, предохраняющая копыта от разбивания о камни.

Кубачинцы, не в пример соседям, с весьма давних пор успели безгранично расширить круг соприкосновения [36] с внешним миром, преодолев горное «кольцо», делавшее их родину мало доступной для чужих. Отсюда та исключительная роль, которую в культуре с. Кубачи играл конь как транспортное животное (и вьючное, и верховое) в недалеком еще прошлом. В кубачинском быту щедрой рукой рассыпаны черты, выявляющие давнюю и отчетливую оформленность этого положения. Мы имеем здесь хорошие конюшни, развитой конский инвентарь, преобладание конских пастбищ, любовное отношение к коню, большие навыки в его использовании, презрение к ишакам (ишак для кубачинца — признак бедности), многочисленные фольклорные отражения значения лошади в обиходе.

Современное животноводство в с. Кубачи, как и хлебопашество, не играет ведущей роли. В соседних же колхозах нагорья скотоводство является очень важной отраслью. Разводится мелкий скот и молочный. Овцы летом пасутся на субальпийских лугах, а зимой перегоняются на кутаны (на равнину близ Дербента). Такая система животноводства — с сезонными перекочевками и постоянной хозяйственной связью гор с плоскостью — очень типична для Дагестана в целом.

Познакомимся с типичными предметами снаряжения даргинских колхозников-чабанов по той же коллекции, собранной нами в 1940 г.

№ 1. Папаха (гулила капа̀) белая баранья из местной овчины, высокая, округлая, цельная (без вставного донца). Шьется на круглой деревянной болванке. Изготовлена в с. Сутбук.

№ 2. Варги́ — бурка из черного войлока (ее покрой — кусок войлока, вырезанный в форме трапециевидной фигуры) с ремешком в верхней, менее широкой, части (для завязывания у ворота). Это необходимейшая часть одежды чабана, широко бытующая до настоящего времени. Бурка данного типа очень коротка, не имеет плечевых швов и, следовательно, может быть распла́стана на плоскости. Этими чертами она отличается от «северокавказской» бурки, предназначенной преимущественно для верховой езды. Варги́, наоборот, больше связана с пешим хождением. Длина 110 см. Ширина в верхней части 55.5×2=111 см, в нижней 116×2=232 см. Способ ношения: будучи завязана ремешком у ворота, бурка надевается через голову и передвигается так, что разрез приходится на правом боку; левая рука часто просовывается вверх через шейное отверстие и затем оттягивается вниз, оставаясь лежать в глубокой складке, которая указанным движением образуется. Место происхождения — с. Тирисанчи.

№ 3. Дулагуне́ — обмотки для ног мужские, домотканные из хлопка. Длина 110 см, ширина 35 см. На каждом конце по 7 шнурков для обвязывания (длиной по 57 см). Предмет изготовлен в с. Харбук.

№ 4. Дабри́ — обувь, сшитая из одного куска коровьей шкуры — без пришивной подошвы. Служит обычной летней обувью местного населения и особенно чабанов. Изготовлена в с. Сутбук.

№ 5. Дукру́шла га́сса — пастушья палка. Употребляется пастухами при пастьбе скота. Имеет естественную неправильно изогнутую форму. Эта кривизна не случайная, ибо палка употребляется не только в качестве пастушьего посоха, но и как метательное орудие. Благодаря изогнутости, как говорят чабаны, палка лучше летит при бросании ее в догонку скоту. Длина 130 см, диаметр поперечного сечения 2.5 см.

---

[36] Имеются в виду их разъезды, связанные со сбытом изделий, торговлей сукнами, шелком и другими местными товарами, закупкой сырья, приобретением предметов роскоши (тканей, фарфора, оружия, иноземных металлических изделий и т. п.).

№ 6. Куцури́ — сумка из бараньей кожи. Приобретена была у чабана из селения Санакари на кубачинском базаре. В сумке лежал хлеб, свирель, кисет и другие мелкие вещи. Сшита из 7 кусков бараньей кожи. На лицевой стороне имеет клапан с бахромой из нарезанных полосок кожи. К сумке привязана трубка для питья воды, сделанная из ствола шиповника длиной 9.5 см. При помощи подобных трубок пастухи пьют воду из источников, втягивая ее в себя. Сумка носится через плечо на шерстяной привязи.

№ 7. Трубка из моржового клыка для питья воды из источников. Костяные трубочки для питья воды из источников употребляются и в других местах нагорных зон Кавказа, например, в Верхней Сванетии у охотников. Данный предмет изготовлен в с. Кубачи.

№ 8. Дис — нож в деревянных ножнах. Приобретен у чабана по пути из с. Шири в с. Ицари. Клинок амузгинской работы. Ножны самодельные с резьбой. В резьбе изображены серп и молот; также вырезаны изображения коровы и геометрические узоры из зубцов, крестиков и решеток. Ножны раскрашены красной краской и химическим карандашом. Подобные поясные ножи большею частью носят пастухи-подростки при стаде коров. Взрослые чабаны при мелком скоте обычно держат на поясе кинжал.

№ 9. Тамба́кула куача́ — табачный кисет из козьей кожи. Приобретен у пастуха в с. Шири. Ширина 10 см, длина 18 см.

№ 10. Небольшое карманное зеркальце в деревянном резном плоском футляре с выдвижной крышкой. На футляре вырезано русскими буквами «Джамалутин Али. Санакари 1359 г.» (год гиджры, соответствующий по нашему летоисчислению 1940 г.). Размер 11×7.5 см. Ношение пастухами карманного зеркальца — довольно старая традиция. К футляру привязаны металлические щипчики, служащие для выдергивания волос из полости носа. Предмет приобретен у чабана, пришедшего на кубачинский базар из с. Санакари.

№ 11. Бизикий — свирель двуствольная в деревянном футляре, покрытом примитивной резьбой с раскраской цветными карандашами — лиловым, зеленым и черным. В орнаменте изображения серпа и молота, зубцы и решетки. Длина свирели 23.5 см. Изготовлено в с. Санакари. Этот двуствольный духовой музыкальный инструмент, широко бытующий в среде даргинских чабанов, может быть, следует сопоставить с знаменитой многоствольной флейтой, ныне чрезвычайно редкостной, а в прошлом существовавшей у мегрел под наименованием ларче́ми и у гурийцев под именем соина́ри. Ларче́ми (и соина́ри) — это инструмент из шести трубок (так называемая «флейта Пана»).

№ 12. Дукрушала́ кам, т. е. «чабанское корыто»,— деревянный удлиненный сосуд со сточным желобком и ручкой, служащей для привешивания на седле. Это необходимый предмет дорожного снаряжения пастуха. В таком сосуде приготовляется тесто для хинкала. Хинкал готовят два раза в сутки. В это же корыто кладется готовый хинкал из котла, где он варится. Из корыта и едят хинкал. Таким образом, дукрушала́ кам одновременно является и посудой для приготовления пищи и общим столом. Носик дукрушала́ кам служит для сбрасывания в котел остатков муки и теста, ибо когда тесто приготовлено, хинкал сделан и положен в котел для варки, в корыто наливают воду и, тщательно смыв со стенок остатки теста и муки, сливают эту жидкость в котел, где варится хинкал. Размер: длина 86 см, ширина 38 см, глубина 9.5 см. Предмет изготовлен в с. Гульди.

№ 13. Коши́н — дуршлаг, плетеный из молодых дубовых веток. Служит для вынимания хинкала из котла. Изготовляют пастухи (как на

кутанах, так и на летних субальпийских пастбищах). Предмет приобретен в с. Бакни.

№ 14. Дукрушала́ вак—т. е. чабанская чашка, аналогичная по форме сосуду, описанному под № 12, но меньших размеров. Сделана из орехового дерева. Служит для принятия жидкой пищи — супа от хинкала. Суп пастухи пьют из такой чашки (прикладывая рот к сточному желобку) по старшинству, не употребляя ложек. Размер: длина 42 см, ширина 10 см, место происхождения — с. Гульди.

В наши дни хозяйство даргинцев успешно развивается в колхозах. В росте и земледелия и скотоводства имеются значительные достижения. В селении же Кубачи, как указывалось выше, создано подсобное артельное сельское хозяйство, занятое как обработкой земли, так и содержанием необходимого количества скота.

ОБРАБОТКА ШЕРСТИ И КОЖ

Пережитки (характерного в прошлом для даргинцев) замкнутого натурального хозяйства проявляются в длительной сохранности некоторых домашних занятий, относящихся к обработке продуктов скотоводства и пользующихся традиционной техникой. Сюда относятся: прядение, ткачество, валяние шерсти, обделка кож и овчин, рога и кости, переработка молочных и мясных продуктов.

О некоторых из этих производств необходимо упомянуть особо.

Все названные отрасли распространены по всему рассматриваемому району, но собственно в с. Кубачи существует лишь в небольшом размере прядение шерсти (в настоящее время главным образом для вязания носков), валяние кошм для обуви и обработка пищевых продуктов (сбивание масла в глиняных кувшинах, вяление мяса и приготовление бараньих колбас).

Из рога и кости даргинцы выделывают различные мелкие обиходные предметы. Что касается производства кубачинцами роговых и костяных рукояток для холодного оружия с художественной насечкой золотом, то это дело сейчас в нашем перечне не фигурирует, так как сырье для подобных изделий (слоновая, моржовая и мамонтовая кость, а также буйволиный рог) является привозным материалом. Описанию художественных отраслей мы посвящаем особую главу.

Издавна известные в Закавказье «кубачинские» шали (сукна), находившие хороший сбыт в ряде мест (Нухе, Гандже, Шемахе, Карабахе, Тбилиси), в с. Кубачи никогда, в сущности, массового производства не имели. Между кубачинцами и соседними селениями даргинцев со времен, не поддающихся определению, и вплоть до Октябрьской революции практиковалось особое разделение труда, на основе которого «город златокузнецов и торговцев» извлекал для себя немалые выгоды за счет эксплоатации соседей. Дело в том, что пряденая в с. Кубачи шерсть сдавалась даргинкам, превращавшим шерстяную пряжу в ткани. Эти ткани поступали в с. Кубачи и оттуда уже сбывались под маркой «кубачинских».

Кубачинская (она же даргинская,[37] в более скромном, почти лишенном украшений, виде) прялка (муцатé) с резным каменным постаментом и высоким четырехгранным деревянным столбиком, сплошь покрытым резь-

---

[37] А также аварская, т. е. встречающаяся в некоторых районах Аварии и в соседних областях расселения малых народов, так называемой андийской подгруппы (материалы нашей экспедиции 1945/46 г.).

бой, — своего рода произведение искусства. Попутно отмечу, что в Эрмитаже на одном из хранящихся рельефов (происходящих из с. Кубачи), так называемых «албанских», изображен сюжет, передающий, как нам кажется, процесс прядения при помощи прялки, сходной по устройству с современной кубачинской (рис. 11).

Кубачинская прялка (рис. 6), в отличие от русской, не является держателем шерсти или кудели, а имеет совсем другое назначение, легко понятное, если учесть, что горянка прядет обычно не сидя на высокой скамье, как русская крестьянка, а расположившись на полу. Поэтому такая прялка снабжена высокой стойкой (длина столбика 120 см), на вершине которой укрепляется примитивный блок (гладкая кость или горлышко бутылки); через блок перекидывается прядомая нить, идущая от корзинки с шерстью к веретену. Веретено имеет возможность крутиться при одновременном падении на 120 см. После того как веретено опустится до пола, готовая нить натягивается на веретено, в результате чего веретено оказывается поднятым на высоту стойки прялки.

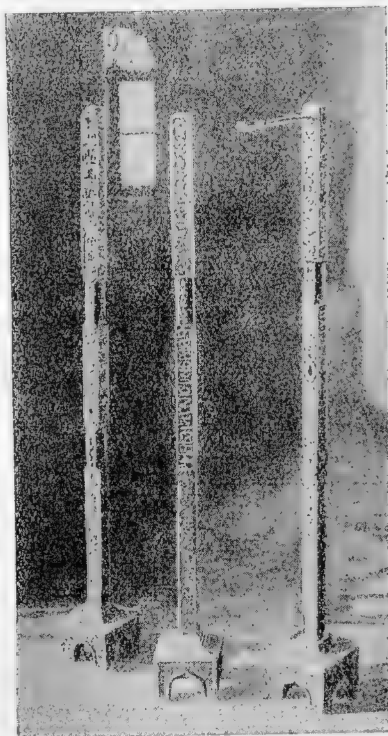

Рис. 6. Кубачинские прялки (муцате).

Веретено (дуру́к) и пряслице (бурдуру́к) у даргинцев небольшого размера. Длина веретена 24 см, диаметр пряслица 4—5 см. Пряслица делаются из дерева, кости и камня.

Дальнейшие процессы подготовки нитей для тканья обходятся без применяемых в русском крестьянском ткачестве мотовила, воробы, трубицы (вьюшки) и без сновальни. Нитки с веретена непосредственно сматываются в клубки. Для куска даргинского сукна длиной в 6—7 м требуется 12 клубков для основы и три на уток. Все 15 клубков шерсти весят около 4 кг. Шерсть из клубков непосредственно наматывается на раму ткацкого станка.

Ткачество у кубачинцев теперь отсутствует. Если в давние времена оно и существовало, то не имело большого значения. В соседних же селениях до недавнего времени ткацкий стан в домашнем хозяйстве занимал весьма видную роль. Даргинский ткацкий стан для сукон по конструкции сходен с ковровым станом, распространенным в нагорных частях Дагестана и Азербайджана (типа, например, кубинского стана, описанного Л. Лойко) [56, стр. 47—55]. Он не имеет, следовательно, навоя, берда, педалей и челнока. Однако в отличие от упомянутого коврового рама с основой располагается у даргинцев в горизонтальной плоскости.

Основные особенности даргинского стана, наблюдавшегося нами в селениях Кала-Корейш, Урцахи и Сутбук, заключаются в следующем:

1) Основа натягивается ткачихой на прямоугольную раму стана длиною около 3—3.5 м, шириной в 1 м с небольшим. Поперечные скалки этой рамы подвижны, что позволяет удлинять или укорачивать раму по желанию. Вырабатываемая в результате перебрасывания утка ткань представ-

ляет собой на станке непрерывную (бесконечную) ленту, которую разрезают, после того как процесс тканья полностью закончен. Из этого вытекает то обстоятельство, что ткачиха, прежде чем приняться за работу, должна точно знать, какой длины кусок сукна ей желательно получить, ибо после того как основа намотана, изменение длины ткани становится невозможным.

2) Через каждую петельку в той части стана, которая соответствует ремизке, пропускается только половина ниток основы; другая половина остается всегда неподвижной в горизонтальном положении. Следовательно, поднимается и опускается только половина нитей основы, и ткань поэтому имеет ребристый характер.

3) Нитченки в даргинском стане остаются во время тканья неподвижными. Перемещение нитей основы достигается при помощи передвижения вперед и назад скалки, пропущенной между подвижными и неподвижными нитями основы. Скалка подвигается по направлению к нитченкам или отодвигается от них. Путем таких передвижений получается нужный зев.

4) Бердо отсутствует. Его заменяет прибор, называемый гребнем (дурико́), но на гребень отнюдь не похожий: его рабочая часть — железная тонкая пластинка с легкой зазубренностью по краю, вставленная в тяжелую деревянную оправу. Этим «гребнем» прибивают нити утка.

5) Процесс снования происходит непосредственно на самой раме стана. Для снования употребляется особый прибор руш-руши́: две соединенные друг с другом деревянные чашки, в каждую из которых кладется по клубку шерсти. Клубки (при переносе руш-руши́ от передней поперечной скалки стана к задней) сами раскручиваются, и таким способом нити основы постепенно наматываются по длине рамы.

6) Челнок (чуха́р) заменяется палочкой (длина 50—55 см), на которую непосредственно наматывается в несколько оборотов нить утка. Длина челнока позволяет передавать его от одной руки к другой.

Ареал распространения этого, условно говоря, «горного» стана, на территории Северного Кавказа ограничивается пределами Дагестана. Речь идет, конечно, узко о данной разновидности.

Важно отметить, что ту же разновидность можно сблизить с иным типом, связанным, как мне кажется, с традицией кочевого быта, и употребляемом не только в ковроткачестве курдов Армении, но и в пределах довольно значительной территории Восточного Кавказа (для изготовления простых шерстяных тканей), причем не только на плоскости, но в предгорьях и в горах (Чаберлой, некоторые места Кюры в Южном Дагестане). Этот последний вид (здесь назовем его «лезгино-курдским») представляет собой еще больший примитив, а главное, — он близок к ткацким станкам некоторых районов Средней Азии (основа наматывается не на раму, а на две параллельные горизонтальные жерди, упирающиеся в вставленные в землю колышки).

На примере даргинского стана и приведенных сопоставлений лишний раз подтверждается исторический факт длительного взаимодействия культуры жителей нагорья и жителей долин и проникновения в горы элементов степной кочевой культуры.

Валяние белых кошм, из которых шьются особые валенки с острыми загнутыми вверх носами, наблюдавшееся нами в с. Кубачи, производится женщинами ножным способом. Войлок, завернутый трубкой в мешковину, катают по пригорку босыми ногами. Шире это производство развито у даргинцев, которые делают также черные чабанские бурки, войлоки для подстилок и др.

Что касается обработки кожи, шитья обуви, папах, овчинных шуб, выделки бурдюков и ремней, то все эти изделия жители с. Кубачи полу-

чают обычно от соседей. В быту этих последних мы насчитываем до шести, различного устройства, ручных кожемялок.

1) Желобчатый длинный камень с деревянным зубчатым рычагом, надетым на ось, прикрепленную к камню,— орудие, сходное по устройству с русской мялкой для льна и конопли.

2) Общественная мялка (обычно находящаяся где-нибудь на сельской площади, на месте сидения и бесед мужчин) в виде массивной, вертикально поставленной плиты с круглой дырой. Кожу протаскивают через дыру и тем самым ее обминают.

3) Камень с углублением,— своего рода ступа, в котором деревянным пестом разбивают кожу.

4) Плита из камня с горизонтальной поверхностью, на которой обрабатывают кожу при помощи деревянного била.

5) Деревянный крюк с железной скобкой и ножной петлей для обминания овчин.

6) Палка с щелевидным расщепом для мятья узких полос кожи путем продергивания их туда и сюда через щель.

Полуобделанную ослиную кожу для оклейки ножон холодного оружия кубачинские мастера, однако, сами подвергают вторичной обработке и наносят на нее тиснением (при помощи особых стальных штамповальных пластинок) равномерно шагреневидную шероховатость.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СЕЛЕНИЙ КУБАЧИНО-ДАРГИНСКОГО НАГОРЬЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРОИЗВОДСТВАМ

Старая и чрезвычайно типичная для Дагестана черта — специализация селений по отдельным отраслям кустарно-ремесленных производств — на примере кубачино-даргинского нагорья проявляется весьма ярко. Раннее развитие этих производств было вызвано недостатком земли, скудостью сельского хозяйства и относительно высокой плотностью населения в горах. Кала-Корейш и Гульди вырабатывали древесный уголь, Амузги — клинки, Сулевкент — глиняную посуду (см. Приложение 2), Сутбук и два соседних с ним селения — каменные резные надгробия и другие предметы из камня, украшенные резьбой, Харбук — кузнечные изделия, Тумли и Мирсеги — деревянную утварь, Сюрижи — чугуры (струнные музыкальные инструменты). Представителей этих селений с соответствующими товарами можно видеть на воскресном кубачинском базаре.

Если исключить из данного круга основные металлообрабатывающие производства с. Кубачи (а эти производства надо понимать расширительно, в смысле прочно сложившегося производственного «комбината», в котором потребный для златокузнецов уголь поставляли калакорейшцы, а клинки — амузгинцы), то все отрасли, подобные вышепоименованным, следует считать обслуживающими довольно узкий внутренний рынок, рамки которого почти не выходят за пределы Дагестана и его отдельных частей. Еще в недавнем прошлом (в середине XIX в.) в даргинской среде живой и весьма развитой межаульный обмен был обменом преимущественно натуральным.

ЖИЛЫЕ И ВОЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ И ВНУТРЕННЯЯ ОБСТАНОВКА ЖИЛИЩ

Жилые постройки Дагестана трудно рассматривать вне общего обзора селения ввиду часто встречающегося слияния зданий друг с другом и отсутствия во многих случаях отчетливого архитектурного членения селений на кварталы и отдельные дома. Естественный недостаток сохран-

ности более старых образцов жилых домов (так как жилище легче перестраивается и меняет облик, нежели крепостное сооружение или мечеть) компенсируется устойчивостью и консервативностью навыков, стационарностью горских селений (не менявших насиженных мест), прочностью материала и массивностью зданий. При этих и других местных условиях (в частности, трудности доставки материалов в горах) местные жилые постройки все же имеют гораздо больше шансов сохраниться, чем какой-нибудь русский сруб, украинская мазанка или кабардинское плетеное из хвороста жилище. В силу сказанного (на основании непосредственных наблюдений, показаний ряда авторов и изучения немногих датированных зданий),[38] можно составить представление о жилищах весьма традиционных, восходящих по меньшей мере к периоду позднего средневековья.

В горных районах Дагестана селения располагаются большею частью по склонам. Отсюда их ступенчатая структура, скученность и поражающая издали многоярусность, при которой плоские крыши нижних домов служат используемой площадкой перед фасадами верхних. Эти черты особенно ярко, в пределах Кавказа в целом, выражены именно в Дагестане, а в границах этого последнего в таких селениях, как Чох или Кубачи.

Архитектурный облик с. Кубачи производит незабываемое впечатление. Сросшиеся здания громоздятся по горе амфитеатром. Большинство фасадов смотрит на юг. Фасады образуют галлереи на столбиках, иногда лоджии. Нижние точки селения отстоят от верхних на 100—200 м. Улицы щелями режут гущу построек или пролегают среди них тоннелями. Иногда переходы приходится делать по крышам, спускаясь или поднимаясь при помощи лестниц. Площадей мало, они невелики.[39]

Водоснабжение в с. Кубачи разрешено сетью грунтовых колодцев-водоемов, число которых достигает двадцати. Река течет далеко внизу, по другому ущелью. Водоемы есть очень старые, есть недавно сооруженные. Они построены, в основном, по одному плану: а) каменное здание с плоской крышей и арками по фасаду; внутри две части — просторная глубокая ниша, где каптирован естественный родник; вода, текущая равномерной тонкой струей, скопляется в находящемся перед ключом каменном резервуаре; б) перед водоемом располагается передняя камера для защиты людей от дождя и зноя [13, стр. 44—47]. Бывают отдельные бассейны для питьевой воды, водопоя скота, стирки и купания, или же для этих целей в одном сооружении устраиваются разные отводы. Около водоемов, являющихся своеобразными местами женских сборищ и бесед, почти всегда можно видеть кубачинок с водоносными кувшинами (мучалами) за спиной. Водоемы придорожные, находящиеся вне аула, устроены для путников и проходящих стад. Они раньше сооружались обычно отдельными лицами ex voto по разным случаям (преимущественно в память умершего близкого человека). Описанные водоемы типичны, конечно, не только для с. Кубачи, но и для всего нагорного Дагестана.

Примечательна канализационная система с. Кубачи. Она состоит из множества сточных канав, проходящих под домами и местами открыто выходящих наружу; все они внизу соединяются в общий канал, впадающий в реку близ Сулевкента. Благодаря крутости склона при сильном дожде

---

[38] Встречаются дома с датировкой, восходящей к XVII—XIX вв. (надписи о времени постройки).

[39] Сведения о внешнем виде с. Кубачи имеются едва ли не у каждого автора, побывавшего в «городе златокузнецов». Хорошая характеристика ступенчатой структуры селения и его улиц дана в книге Н. Б. Бакланова [13, стр. 5—24].

эта сеть вместе с содержимым отхожих мест начисто вымывается в самый короткий промежуток времени.[40]

Многоэтажность отдельных домов с. Кубачи достигает высшего для нагорного Дагестана предела: число этажей доходит до шести. По нашему подсчету кубачинский пятиэтажный дом достигает в некоторых своих частях шестнадцати- и даже двадцатиметровой высоты, будучи ниже с тыловой стороны (благодаря подземному расположению части нижних этажей, а также вследствие застроенности со всех сторон другими домами и размещению по склону).

В нижних этажах помещаются конюшни, хлев, сеновалы, склад топлива, строительные материалы; в верхних — жилье, состоящее из многих комнат, кладовые для продуктов и домашние мастерские златокузнецов. Из нижнего жилого этажа в некоторых домах через дыру просовывается длинный деревянный засов, замыкающий изнутри дверь конюшни. Конюшня запирается, кроме того (из проходного коридора), снаружи висячим самодельным замком. Если открыть дверь конюшни, перед нами начнется темный, узкий тоннель, спускающийся лестницей в 15—20 ступенек вниз в просторную камеру, похожую на мрачный подвал. Лошади привыкли и к ступеням, и к помещению. Гулкий стук подков по лестнице отдается по всему дому. Чужому трудно вывести лошадей. Предосторожности понятны, если учесть, на какой высоте над служебными помещениями находится жилье.

Оригинальность кубачинских жилых построек была замечена многими. С. Броневский, используя собранные им лично материалы, в работе, законченной в 1810 г., но опубликованной на 13 лет позже, указывает на крупные размеры в с. Кубачи домов, имеющих от двух до четырех этажей. При этом отдельные этажи, как он замечает, «принадлежат разным хозяевам» [23, стр. 318—328]. Последнее показание повторяет и П. Зубов [40, стр. 254—255], очевидно заимствовавший его у С. Броневского. Очень ценные сведения о старом кубачинском доме сообщает П. Петухов, посетивший с. Кубачи в 1861 г. и помогавший эстампировать надписи академику Б. А. Дорну. Говоря, что в некоторых случаях жилая постройка имеет тут до пяти этажей, он пишет про такое здание: «Весь дом при ветре как бы колеблется. Непривычному, зашедшему на третий и четвертый этажи, кажется, что вся эта громадная масса камня рассыпется от малейшего толчка... Дома до того вместительны, что в одном и том же помещается несколько поколений от прадеда до правнука» [69, см. № 86]. И еще: «В с. Кубачи устройство домов совершенно оригинально и не имеет никакого сходства с описанными.[41] Здесь дома сложены из плит сланца без цемента. Они достигают громадных размеров — от двух до пяти ярусов: в нижнем конюшни и хлева, во втором — склад фуража и дров, а в остальных жилые покои. Этажи сообщаются между собой деревянными лестницами, причем потолок каждого этажа имеет люк, в который пролезают и который закрывают» [70, см. № 13]. Пятиэтажные жилища в с. Кубачи, как видно из показания П. Ф. Свидерского [75, см. № 15], встречались и в начале XX в. Отдельные сохранившиеся старые многоэтажные жилые здания я и сам видел в с. Кубачи, а во время последней поездки (в 1944 г.) даже жил в таком доме, принадлежащем Гаджи Магомеду Канаеву и имеющем, считая с подземной конюшней, шесть этажей.

Стены описанных больших многоэтажных домов обычно бывают выведены из грубых необделанных камней и плит разного размера способом

---

[40] Это подтверждается и Н. Б. Баклановым [13, стр. 5—24], который, в частности, приводит любопытное описание устройства уборных.

[41] П. Петухов имеет в виду дома окружающих даргинских и кайтагских селений.

3*

сухой кладки, иногда со вставленными для связи «заподлицо» в различных местах деревянными брусьями. Правильной архитектурной композиции дом описываемого типа, сросшийся с соседними и подчиненный конфигурации склона, не имеет. Основную конструктивную роль играет камень, а не дерево, как это можно наблюдать в старинных постройках Аварии, имеющих массивный деревянный каркас [58, стр. 188—189]. Внутри нет подпорных деревянных колонн. Тяжесть плоского перекрытия лежит на стенах. Прочность постройки относительна. Здание может пострадать от осадков (если плоская крыша не содержится в порядке) и от оползней. На крыше выделяются высокие дымовые трубы.

Рис. 7. Улица в с. Кубачи. 1940 г.

Таков тип постройки наиболее старого кубачинского жилища. С. Кубачи, повидимому, издавна было единым крупным скученным поселением, занятым «урбургской» ветвью «зирехгеранского» племени. Разрастанию «города златокузнецов» был положен предел самим склоном горы, хотя и довольно обширным, но все же до определенных пределов ограниченным и укрепленным исстари сложившейся линией фортификационных сооружений. Отсюда становится понятной тенденция расти вверх и строить многоэтажные дома. Многоэтажные кубачинские постройки, таким образом, необходимо считать чертой старой и традиционной. Следует также подчеркнуть, что старинный (восходящий, как уже говорилось, к традиции позднего средневековья) многоэтажный кубачинский дом является жилищем, далеко ушедшим в своем развитии, стадиально несравнимым, например, с архаичным однокамерным жильем Гидатля [58, стр. 187—195].[12] Перед нами дом, расчлененный на этажи и на множество комнат в этажах. Иногда отдельные части дома (этажи) принадлежат разным хозяевам, как это указывал еще в начале XIX в. С. Броневский. Однако первая же научная поездка в с. Кубачи (имею в виду прибытие академика Б. А. Дорна в 1861 г. и участие в этой небольшой экспедиции П. Петухова)

---

[12] См. также в статье З. А. Никольской [61, стр. 156—163] материалы по жилищу (глухо названному автором «одноэлементным»), фактически собранные именно в селениях аварского общества Гидатль.

дала по этому же вопросу иное и чрезвычайно ценное показание — свидетельство о проживании в многоэтажном доме нескольких поколений от прадеда до правнука. Это показание — один из следов существования когда-то в с. Кубачи большой неразделившейся семьи. Она тут давно распалась. Так, в эпоху С. Броневского ее уже не было, а в период поездки Б. Дорна и П. Петухова, очевидно, четыре поколения под одной крышей фактически дробились на ряд мелких семей, каждая из которых вела свое отдельное хозяйство. Так именно мне объясняли это старики.

Эволюция кубачинского дома за XIX и первые десятилетия XX в. шла по линии создания домов меньшего размера, приспособления и перестройки старых зданий, постройки небольших отдельных строений, а иногда и домов городского типа на свободных местах по окраинам селения. Рядовой современный кубачинский дом обладает обычно меньшим количеством этажей, но и он часто бывает велик и иногда делится на несколько «квартир», занятых то родственными семьями, то чужими, и в своих отдельных частях принадлежит отдельным лицам. И в старых и в новых домах имеются нормальные застекленные окна. Старинные же окна были небольшие, без переплетов и без стекол и имели деревянные ставни. Особым типом старинного окна являлось двойное окно, имевшее вставленный в пролет каменный или деревянный наличник с колонкой, делящей его на две части. Вдоль фасада дома часто по второму этажу сооружается застекленная или открытая галлерея.

Жилые комнаты своеобразны по убранству. Обращают на себя внимание полы. Они относятся к старой местно-кубачинской строительной традиции и сделаны весьма искусно. Поверх обрешетки кладутся тонкие сланцевые плиты, смазанные глиной. По ним, тоже плитами неправильной полигональной формы, выкладывается сам пол. Швы между плитами тщательно смазаны белой глиной. Часто на полах ковры. Вдоль одной стены основной комнаты, имеющей очаг для приготовления пищи, расположены посудные полки с кованой и литой медной утварью. Другие две стены увешаны рядами медных луженых гравированных блюд, а также блюдами и мисками из фарфора, фаянса, глины; четвертая стена имеет очаг-камин (богато украшенный резьбой) (рис. 8) с очажной цепью и котлом. Близ камина, под потолком, свешивается сквозная деревянная высокохудожественной работы решетка с вяленым мясом, бараньими колбасами и хлебом. В других комнатах — аккуратно сложенные постельные принадлежности.

Домашняя обстановка с историко-культурной точки зрения обнаруживает пласты: а) местный, б) пласт заимствований, в) третий, являющийся результатом спайки между собой первых двух.

К элементам местной культуры относятся медные литые котлы, разнообразные медные кованые кувшины, очажные принадлежности, оружие, деревянная утварь, глиняная сулевкентская посуда без поливы с простейшей орнаментацией (рис. 9), а также деревянные резные внутренние обрамления оконных пролетов и дверей, местная мебель (низенькие деревянные четырехножные табуретки, служащие не только для сидения, но и в качестве подставок для подноса с кушаниями).[43]

Из элементов, привнесенных извне, необходимо указать на табасаранские и дербентские ковры, кайтакские вышивки на подушках, гравированные медные блюда из татского селения Лагич (Азербайджанская ССР), рейские люстровые изделия XII—XIII вв., большое количество керамики, фарфора, фаянса иранской и китайской работы XV—XIX вв., старинные

[43] Сидят чаще даже не на табуретках, а на полу, на коврах и подушках; принимают пищу, сидя вокруг подноса, поставленного на табуретке.

русские фарфор и стекло, иранские и северомесопотамские сосуды (с гравировкой, чеканкой и серебряной насечкой) XIII—XIV вв. и более поздние так называемые чибсатагара́н и ба́шима.[44]

Среди медной утвари (рис. 25) наиболее интересны с точки зрения их местного происхождения ведрообразный, расширяющийся вверху сосуд (нукнус), с чеканкой и кованым узором, и большой водоносный кувшин (мучал).

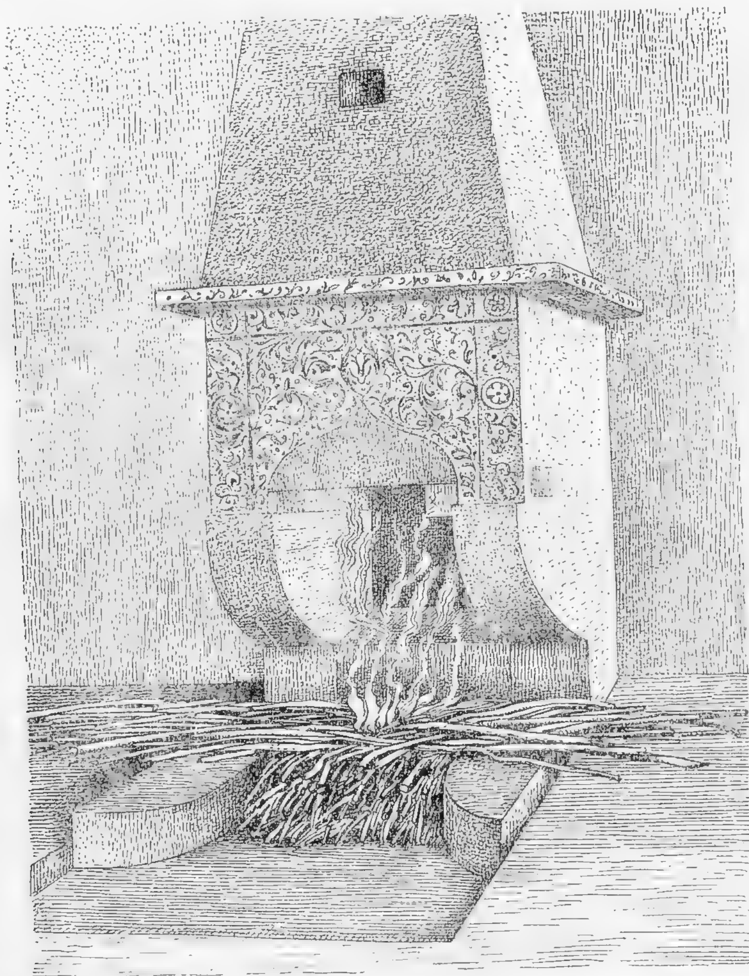

Рис. 8. Очаг-камин с каменным резным наличником. с. Кубачи. 1940 г.

Нукнус, как мне становится ясно,—это перевернутая и превращенная в ведро нижняя часть подставки восточного светильника, типа, представленного в коллекциях Эрмитажа (первая половина XIII в., Мосул). Кубачинский нукнус являет перед нами пример спайки местного и заимствованного, равным образом, как светильник чах, (рис. 46) являющий-

---

[44] Примерный перечень всех этих богатств кубачинского жилища был дан выше, на стр. 20. О привозной керамике, имеющейся в кубачинских жилищах, некоторые сведения дает Э. К. Кверфельдт [44, стр. 124—132].

ся, подобно нукнусу, предметом глубоко и давно, с XII—XIII в., вошедшим в быт, переработавшимся на местной почве, но первоначально занесенным с Ближнего Востока. Что касается водоносного кувшина (мучáл), уникального по своей форме, то происхождение его, по моему мнению, родственно происхождению нукнуса. Мучал состоит как бы из двух нукнусов, соединенных друг с другом расширениями и лишенных днищ; к нижнему нукнусу приделан низкий поддон, а к верхнему—короткое широкое горло. В мучале, как и в нукнусе, кубачинцы использовали

Рис. 9. Гончарные изделия с. Сулевкент. 1940 г.

готовую, привнесенную с Ближнего Востока форму, приспособив ее к своему быту, переработав, несколько видоизменив и создав, таким образом, эти оригинальные предметы.

Столь оригинальная и незнакомая другим народам форма мучала явилась источником, как мы видим, популярной кубачинской легенды о мнимых «пушках».

Обрисованная обстановка, разумеется, с колебаниями (в зависимости от достатка), почти в полном своем составе типична для большинства кубачинских жилищ. В жилищах соседних селений многие из этих вещей встречаются случайно, и обстановка, в общем, гораздо скромнее.

Среди массы жилых домов с. Кубачи выделяются мечети (их было здесь 12) и остатки укрепления (следы стен, вошедших в состав более поздних жилых построек, и превращенные теперь в жилища круглые и четырехугольные башни). Представление о фортификационных сооружениях южнодагестанской нагорной зоны (в том числе и кубачинских) можно, однако, получить не только от ознакомления с остатками укреплений с. Кубачи, но и от ознакомления с военными сооружениями кайтакского селения Ицари, кстати сказать, связанного некоторыми легендами с с. Кубачи и расположенного невдалеке.

Ицаринское укрепление [45]— башня, возвышающаяся на холме над се-

[45] В литературе она не описана; здесь приводятся сведения по материалам, собранным мною в экспедиции 1940 г.

лением. Она защищала единственный подступ к селению с северо-запада, куда обращены бойницы, тогда как стороны, глядящие на Ицари, глухие, если не считать одного лишь входного отверстия. В самом селении, внизу, в груде сросшихся жилых построек, видны остатки старых монументальных, обращенных на запад стен с тремя арочными воротами. По характеру кладки эти стены напоминают древние дербентские. В них попадается тот же способ облицовки с расположением плит попеременно «на образок», ребром и плашмя. В отличие от окружающих строений, они сложены из очень крупных, обтесанных и хорошо пригнанных блоков.

Перед нами остатки сооружения феодального периода. Общество Ицари, подчинявшееся уцмию, было крайним на юге укрепленным пунктом его владений, близким к землям агулов, казикумухского ханства и даргинского очень воинственного, вольного общества Сирха. Стратегически положение ицаринских укреплений, относящихся к разным эпохам (башня наверху новее, стены в селении старше) вполне оправдано. Башня построена, повидимому, не позднее XV—XVI в., когда резиденция уцмия или членов его дома была еще в горах,— в с. Кала-Корейш. [46] Башня своими бойницами глядит в сторону вольного общества Сирха. Что касается стен селения, то, судя по внешним чертам, они могут быть отнесены к XII — XIII в. и, может быть, сооружены не без влияния зодчества Дербента.

По местному преданию,[47] башню строили из материалов, добываемых на каменоломнях Каршá-Каталá (т. е. «Верхнего ущелья»), в окрестностях Ицари. Доставка шла конвейером: 800 человек стояли цепью, соединявшей каменоломню со строительной площадкой, и передавали из рук в руки камни, — до обеда с южной стороны, после обеда — с северной. Бревна возили из Букнéжиля-дуцá (лес Букни) между Кала-Корейшем и Сулевкентом.

О системе охраны говорят, что один отряд дозорных сидел в башне, другой — караулил на дороге. В самом селении перед вечером запирали крепостные ворота. Рассказывают, что нападали на этот уцмийский форпост главным образом сирхинцы — штрих из области классовых взаимоотношений, вскрывающий наличие постоянных столкновений владетеля с соседним вольным обществом. Исторические предания тех же ицаринцев повествуют о нападении шаха Аббаса (первая половина XVII в.), который будто бы выжег все посевы, так что жителям приходилось питаться горным бураком, но овладеть укреплением не мог.

Ицаринская башня (как и некоторые другие отдельно стоящие сторожевые укрепления Южного Дагестана), круглая, более широкая внизу, близкая по форме и деталям к аналогичным образцам азербайджанской средневековой военной архитектуры. Кладка сухая, состоящая из рядов крупных, неровных, необтесанных камней. Для связи в кладку в разных местах заложены бревна заподлицо или в поперечном направлении — по толще (типичный местный строительный прием, применяющийся до настоящего времени по всему нагорному Дагестану). По верху идет пояс консолей, образуемых рядом постепенно выпускаемых камней и деревянных брусьев. На консолях были, вероятно, машикули и зубцы, не сохранившиеся. Башня имеет пять этажей. Высота ее достигает 16—18 м. Толщина стен на уровне второго этажа 1.5 м (в первом этаже, завален-

---

[46] Вспомним калакорейшскую надпись, разобранную Дорном; также в отписке терского воеводы Лобанова-Ростовского от 1598 г. сказано: «кабак Калакури (Кала-Корейш) и в нем уцмий князь, у него 500 человек конных, 700 человек пеших» (С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, I, М., 1889, стр. 293).

[47] Запись в с. Ицари в 1940 г.

ном землей, вероятно толще). Внутренний диаметр на том же уровне — около 7 м. Внутри башни имеется массивный контрфорс, прямоугольной (в плане) формы. Бойницы сделаны в виде узких стрельчатых отверстий (45×8 см) с прямоугольными амбразурами (1.40×1.10), сложенными из камней и деревянных брусьев. [48] Следы этажных перекрытий обнаруживаются наличием в стенах гнезд и остатков балок. Входное отверстие (на уровне второго этажа) закрывалось деревянной дверью о двух створках, вращающихся на шипах.

Кубачинская крепость, насколько можно судить по ее остаткам, представляла собой тоже типичный комплекс, состоявший из круглых и четырехугольных башен и стен. Она была сооружена для защиты от внешних вторжений. Расположение башен в с. Кубачи как бы восстанавливает перед нами прежний план селения. Во-первых, они в большинстве расставлены по окраинам. Во-вторых, их линия вытягивается по верхней границе Верхнего квартала; башни соединялись стеной. В-третьих, в средней части селения имеются на близком расстоянии друг от друга остатки двух крупных четырехугольных башен в виде фортов и одна круглая; это, может быть, следы цитадели, ибо данное место, по преданиям,— древнейшая часть селения.

Жилые дома первоначально не доходили до верха гребня и не спускались к его подножию, как теперь. В то время, значит, линия верхних башен, занимающая наиболее высокие точки, была несколько отставленной от жилищ передовой позицией, охранявшей селение с севера, с тыла. Цитадель же Среднего квартала прикрывала, что называется, самое сердце «города златокузнецов».

Крепостные стены с. Кубачи почти не сохранились. Они вошли в состав позднейших застроек, и лишь с трудом в гуще тесно скученных домов можно видеть отдельные их фрагменты. Гораздо лучше сохранились башни.

Кладка стен большинства этих старинных памятников отличается от кладки стен даже старейших жилых домов. Она сделана тоже способом сухой кладки, но в большинстве случаев гораздо тщательнее и искуснее и состоит обычно из прямоугольных, гладко обтесанных с наружной стороны камней, то приблизительно одинаковых по размеру, то разных. Искусство такой кладки, впрочем, в с. Кубачи не утрачено до настоящего времени, как не утрачено оно и во многих других местностях нагорного Дагестана, как, например, в ближнем даргинском селении Сутбук и особенно в Аварии, где издавна славятся каменщики селений Согратль и Чох Гунибского района, Ансалта Ботлихского и многих других. Здания в с. Кубачи сооружали и поныне сооружают частично сами жители селения, частично мастера из других селений за плату.

Из более или менее сохранившихся до наших дней в с. Кубачи башен назову наиболее известные. Это прежде всего Кунакля́-кала́ и Акайля́-кала́ в Верхнем квартале на окраине селения (рис. 10). Обе расположены недалеко друг от друга, утратили верхние этажи и давно уже приспособлены под жилища. По форме они круглые, в настоящее время двухэтажные и имеют значительные размеры (до 20 м в диаметре). Следует упомянуть, что на другой окраине того же Верхнего квартала до сравнительно недавней поры можно было видеть нижнюю часть еще одной большой круглой башни, Батиртала́-ци, окончательно разрушенной в 1936 г. В Среднем квартале селения (Ду́бшиля куа́т) имеется такого же типа и размера круглая башня — Циляля-кала, одноэтажная и приспособленная в настоящее время под жилье. Наконец, в Нижнем квартале расположена башня Ирганá-

[48] Приведенные размеры бойниц и амбразур относятся ко второму этажу.

кала́, тоже занятая жилищами. Эта последняя несколько отличается от первых, будучи четырехугольной. Вследствие позднейших застроек и переделок трудно было определить ее размер. Перед нами, во всяком случае, высокое сооружение в 2—3 этажа, значительных размеров, по величине площади, повидимому, не уступающее упомянутым круглым башням.

Наименования перечисленных башен (за исключением Батиртала́-ци, что значит «башня богатырей») соответствуют фамилиям современных их владельцев, тут проживающих. Все эти башни являлись издавна собственностью кубачинского общества в целом и служили, конечно, целям защиты от вторжения внешних врагов.

1

2

3

Рис. 10. Кубачинские круглые башни.

1 — Кунакля-кала; 2 — Акайлякала; 3 — Циляля-кала (деталь нижней части стены; около входа скульптурное изображение льва).

Сравнение перечисленных кубачинских башен с описанной выше круглой башней Ицари обнаруживает значительные различия: кубачинские башни, во-первых, гораздо крупнее ицаринской; во-вторых, кладка их более тщательна и монументальна. Если башня Ицари была построена, как я предполагаю, в XV—XVI вв., то интересующие нас башни с. Кубачи, можно думать, относятся к более ранней эпохе, т. е. по крайней мере к XIII—XIV вв. Подчеркну также, что кубачинские башни совершенно не походят на родовые башни, обильно разбросанные на территории более северных частей нагорного Дагестана (главным образом Аварии), большею частью очень небольшие по площади, столпообразные, квадратные в плане.

Говоря о башнях с. Кубачи, не могу вновь не упомянуть о том здании, которое я, как уже указывал, считаю остатком общественного соо-

1

2

3

Рис. 11. Каменные рельефы с. Кубачи.

1 — мужчины с роговыми бокалами; *2* — направо женщина за прялкой; налево мужчина с музыкальным инструментом; на первом плане внизу — ребенок; *3* — изображения человеческих фигур; в полутамгах вверху и внизу можно различить декоративный мотив, который соответствует элементу кацала-бикь современного кубачинского орнамента по серебру.

ружения (скорее всего церкви) христианского периода[49] и которое в свое время было подробно описано Н. Б. Баклановым [13, стр. 25—34], считавшим его башней. Вплоть до революции в этой постройке действительно помещалась особая мечеть специально для женщин. Б. А. Дорн и другие, писавшие о кубачинцах, обращали внимание на большое количество старых резных камней с рельефными изображениями, беспорядочно вставленных в кладку стен этого здания. Интересующую нас постройку следует сопоставить с расположенными неподалеку от нее остатками двух «дворцов», старинных монументальных построек из обтесанного камня, в которых когда-то в большом количестве тоже красовались древние рельефы и о которых как о зданиях исключительно общественных местные предания рассказывают много интересного.[50]

Кубачинские крепостные сооружения, а также здание женской мечети в известных своих частях относятся к эпохе, восходящей к XII в. Именно этим временем определяются упомянутые древние, так называемые «албанские» рельефы с. Кубачи (архитектурные детали) с изображениями людей и животных (рис. 11), входившие в состав декоративных фризов и двойных окон (состоявших из пяти обрамляющих резных камней каждое — два боковых столбика, один средний, деливший окно на два узких проема, подоконная плита и тимпан с двумя арочками, увенчивающими проемы) (рис. 12).

Селение Кубачи в наши дни является видным культурным центром в Дахадаевском районе Дагестанской ССР. Здесь имеются средняя школа, медицинский пункт, почта, телеграф, телефон, хлебопекарня, ряд культурных и производственных органов артели «Художник», изба-читальня, красный уголок. В разных частях селения можно видеть недавно выстроенные дома городского типа с железными крышами и большими окнами. Автомобильное сообщение через Уркарах связывает кубачинцев с Дербентом и Махач-Калой.

Такого богатого и разнообразного сочетания памятников и культурных ценностей, которое мы видим в с. Кубачи, окрестные даргинские селения не имеют. Они меньше и беднее. Здание в 1—2—3 этажа. Вследствие меньшей скученности перед домами небольшие дворы. Архитектура, однако, и тут своеобразна,— много арок. Есть старинные дома с декоративными элементами в кладке стен (рис. 13).

Внутри домов, вместо изысканных кубачинских очагов-каминов встречаются особые открытые очаги. Тогда как в кубачинском жилище поражает большое количество комнат, здесь, в ряде случаев, комната с очагом единственное помещение. Среди утвари и посуды меньше «антиков». Вещи в большинстве местные (впрочем, не в узком смысле этого слова). Остановлюсь вкратце на специфических чертах устройства даргинского жилища, как я наблюдал его в селениях общества Сирха, расположенных вокруг с. Кубачи.

В основной комнате обращает на себя внимание очаг. Он, как правило, открытый и представляет собою отставленную от стен (но не находящуюся, однако, в самом центре комнаты) четырехугольную выложенную камнями площадку, на которой разводится костер. Над ней висит железная очаговая цепь с крюком для котла. В потолке проделано отверстие для выхода дыма, имеющее на крыше грубо цилиндрическую плетеную из хвороста и обмазанную глиной трубу.

Особый интерес заключается в том, что часть комнаты, где находится очаг, является резко выделенной и конструктивно, и в смысле бытового

---

49 См. в этой же главе стр. 14.
50 См. гл. III.

Рис. 12. Двойное окно с тимпаном; кладка стены из обтесанных камней. с. Кубачи. 1925 г.

обихода. Это отделение занимает прежде всего довольно значительную площадь, а именно половину или четвертину всей комнаты. Оно отделено своеобразной перегородкой, которая идет не снизу, а сверху, и не доходит до пола, образуя род стенки, вертикально спускающейся наподобие занавеса от потолка. Нижний край этой стенки не доходит до пола приблизительно на 1.5 м. Если очаговое отделение равно половине комнаты, то «занавес» пересекает эту последнюю поперек. Если же оно занимает четвертину, «занавес» соответственным образом спускается двумя плоскостями, составляющими прямой угол.

Рис. 13. С. Урцахи. Старинный даргинский дом с тыловой стороны.

Пол очагового помещения на одну ступеньку выше пола остального пространства комнаты. Входить сюда надо, занеся ногу на ступеньку и чуть наклонив голову, чтобы не стукнуться о верхнюю переборку («занавес»).

В очаговом помещении каменный чистый пол, ниши и полки с посудой, завалинка для сидения, иногда окошко. Очаг можно обойти кругом, тут он оказывается почти в центре.

В очаговом отделении комнаты хозяйка стряпает. Тут же члены семьи и гости принимают пищу. В прежнее время существовал теперь забытый обрядовый обход очага во время свадьбы.

Остальная часть комнаты тоже имеет обычно каменный пол, ниши и посудные полки. Свободные части стен увешаны утварью (глиняной, деревянной, медной, фарфоровой). Вдоль одной стены располагается горизонтальная жердь, на которой висит одежда в перекинутом положении. Столбы, дополнительно подпирающие потолок, иногда украшены резьбой. Вместо хлебного амбара, имеющегося в жилых комнатах многих местностей Аварии, даргинцы пользуются большими деревянными резными ларями. В комнате много сулевкентской посуды, кубачинских медных сосудов

(литых котлов, жировых светильников, кованых кувшинов, ведрообразных сосудов и подойников), лакских медных сосудов, лагиджских (Азербайджан) медных блюд, местных деревянных вещей (среди которых обращает на себя внимание висячий резной поставец для хранения соли или ложек). Взамен торума,[51] имеющегося почти при каждом кубачинском доме, хлебопечение производится в общественных (принадлежащих кварталам) «хлебопекарнях» (на больших каменных плитах), устроенных на улице, у стен, под открытым небом в саклеобразных помещениях. Это своего рода «женские дома», к которым мужчины не имеют касательства и где женщины, выпекающие по очереди лепешки, повседневно встречаются.

Разница между с. Кубачи и даргинскими поселками того же района идет дальше. Не говоря о мелких деталях быта, во всем облике даргинских селений (мы наблюдали их в середине августа) ярче сказывается круг сельскохозяйственного обихода. Было как раз время разгара уборки колхозниками урожая. Близ домов высились большие круглые скирды. На гумнах шел оживленный обмолот. Вереницы нагруженных вьюками ишаков подвозили необмолоченный хлеб. Такая картина менее характерна для с. Кубачи, где сельское хозяйство, как уже говорилось, имеет лишь подсобное значение.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Одной из важных сторон материальной культуры народов является национальный костюм (рис. 14—15). У населения нагорного Дагестана сравнительно хорошо сохранилась женская одежда весьма архаичного типа. С этой точки зрения дагестанская горная зона может быть выделена (в рамках Кавказа) в совершенно особый район. В Дагестане у разных народов упомянутый тип одежды имеет местные отличия и главным образом добавления, усложняющие первичное, простое и несложное женское одеяние — широкую, длинную рубаху, туникообразного покроя без воротника, с неглубоким разрезом в середине, прямыми, широкими, нормальной длины, рукавами, имеющими ластовицы, и боковыми полотнищами, придающими одежде расширяющуюся книзу форму (рис. 16). Несложные вышивки располагаются сверху вниз вдоль рубахи, а также по подолу и вдоль рукавов.[52] Такая рубаха, сшитая из современной фабричной ткани, является основной верхней одеждой даргинок и кубачинок, сохранивших национальный костюм до наших дней. Она является видом одежды стадиально более ранним, чем, скажем, классический костюм кабардинок, сродный аналогичной женской одежде большинства народов Северного Кавказа (расположенных западнее Дагестана), или женские костюмы многих народов Закавказья.

Женское платье-рубаха с. Кубачи в большей мере, чем та же одежда у даргинок, обросло последующими элементами, благодаря чему пышный кубачинский наряд на первый взгляд кажется непохожим на одежду женщин из соседних селений.

Необходимо отметить, что домашние шерстяные ткани применяются в Дагестане преимущественно для пошивки мужского костюма. Кубачинское женское платье давно уже делается из покупных бумажных, шелковых и парчевых тканей разных цветов (большей частью красных тонов).

---

[51] Куполообразная печь, на раскаленных стенках которой пекут лепешки.

[52] На рубахах даргинок; кубачинки носят рубахи без этих вышивок, что «компенсируется» дороговизной и качеством материала и жемчужными нарукавными украшениями.

У даргинок же соседних селений употребляются преимущественно фабричные материи черного цвета. В настоящее время, повторяю, фабричные ткани являются основным материалом одежды.

До распространения дешевого фабричного материала даргинки одевались в одежду, сделанную из растительных тканей кавказской кустарной выделки (не всегда узко местного происхождения), а кубачинки, кроме то-

а *б*

Рис.14—15. Типы кубачинцев. (рис. худ. Тильке 1910 г. из иллюстративных собраний Гос. музея Грузии в Тбилиси).

а — кубачинка в праздничном национальном костюме; справа — водоносный кувшин — мучал и малый кувшин — кутка. *б* — кубачинец

го, широко пользовались налаженными связями своих мужей с более далекими районами, получая парчу и шелка большей частью из Бухары, Ирана и даже Индии. До настоящего времени в кубачинских домах можно найти ценные старые восточные ткани, имеющие музейное значение.

Шерстяными материями Дагестан в целом обслуживал себя и даже экспортировал их, так как в старину домашнее ткачество в Дагестане было, в основном, шерстяное. Иная картина получалась в отношении легких растительных тканей, которые очень ценились в горах и в которых всегда ощущался недостаток. На обследованной нами территории кубачино-даргинского нагорья встречались (из весьма мало распространенных здесь самодельных растительных материй) лишь грубые ткани из конопли или хлопка (идущие реже на одежду, чем на вьючные мешки, обмотки, подстилки для нар и т. п.), выделываемые в селениях Кищи,

Уркарах, Усиши, Бускри, Харбук и др. Хлопок, старая культура Азербайджана, попадал в Дагестан с юга, но не в очень большом количестве. Конопля — местная. Лен как текстильная культура не используется.

Необходимо вспомнить, что путешественники не раз свидетельствуют о мелких купюрах тканей и лоскутности одежды дагестанцев. Еще в начале XX в., когда существовал натуральный обмен, ходовой монетой была бязь.

Интересные черты по затронутой теме можно почерпнуть из рассмотрения некоторых пережитков. Так, в состав специального вознаграждения за поминовение умерших, а также за работу девушек и женщин при выполнении труда по обычаю «соседской помощи» входили кусочки различной материи (то ли куски погребального покрова, то ли просто лоскутья

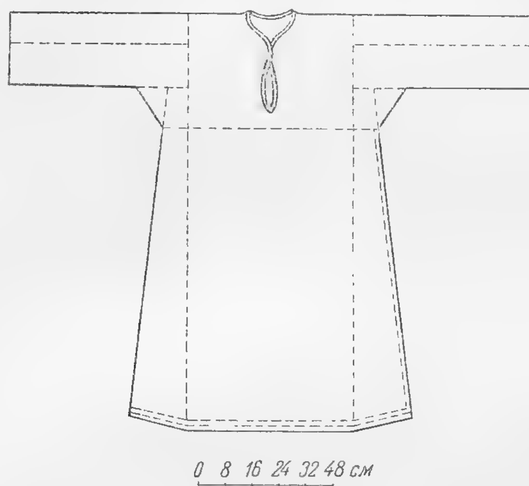

Рис. 16. Кубачинское современное женское платье в форме рубахи туникообразного покроя (Музей народов СССР в Москве, сбор Е. Шиллинга в 1925 г.).

и обрезки из имеющегося запаса). Амиров, автор ценной статьи по этнографии даргинцев (1873 г.), пишет: «труп покрывают шелковой или бумажной материей. При укладывании его в могилу мулла громко читает молитвы (одну главу корана, ясин), а 30 человек, из знающих читать поарабски, берут по одной тетрадке корана (джуз) и прочитывают их, удалившись немного в сторону. Материя, которая покрывает труп, разделяется между муллой и 30 читальщиками. Доставшийся каждому из них кусок материи называется вахбатала... В числе читальщиков джуза участвуют и мутаалимы, т. е. молодые люди, обучающиеся в главной мечети. Число их не бывает больше 15. Они все бывают уроженцы других аулов. Они тоже получают вахбаталу, которую при возвращении домой дарят своим невестам или молодым родственницам. Так как я тоже считаюсь мутаалимом, то принужден был, возвращаясь из гимназии, запастись ленточками и кусками разных дорогих материй» [6, стр. 25 и 80]. Другой автор, Омаров, описывая «соседскую помощь» (марша) у лаков (1870 г.), говорит: «За подобную помощь в полевых работах работающие не получают ничего от хозяина, кроме благодарности и выражения пожелания найти хорошего жениха для девушек и долголетнего сына для молодых женщин. Только приходящие из другого аула получают лоскуты шелковой или бу-

мажной материи в ½ или ¼ аршина величиной, такие же, какие мужчины получают при погребении покойников за чтение молитв и какие составляют между горянками главный разменный товар для мелкой торговли. Ни одна горянка не купит, даже и теперь, что-нибудь из мелкой провизии для хозяйства за деньги. Особенно же это было в прежнее время, когда серебряные монеты были очень дороги, а медные деньги не имели никакой цены» [63, т. IV, стр. 16].

В с. Кубачи и посейчас практикуется одаривание старух кусками тканей, идущих на головной убор «чухта» за понедельничные поминальные молитвы на урочищах. Куски дорогих тканей (как бы наглядная демонстрация зажиточности) в большом количестве навешивались на пояса шахских «коучми» во время пантомимы, заканчивавшей большой игровой цикл сообщества холостых парней, о которых подробно будет сказано в главе III.

Из приведенных примеров и фактов ясно, что небольшие куски растительных тканей (не только дорогих, но и дешевых) в дагестанских горах когда-то являлись единицей обмена, вращавшейся между селениями как определенная ценность, чего не могло бы быть при наличии повсеместно развитого изготовления тканей из растительных волокон.

Значительные материалы, характеризующие для периода XIX в. «текстильный голод» (недостаток в легких растительных тканях), мне удалось собрать в Аварии во время поездок 1945—1946 гг. Об этом же имеется в кавказоведческой литературе прошлого века немало разбросанных свидетельств и замечаний. Повидимому, данное явление в XIX в. наблюдалось во всем нагорном Дагестане.

Надо полагать, что в предшествовавшие столетия в некоторых районах Дагестана (преимущественно в южных — табасаранских, кайтакских, даргинских) все же вырабатывалось довольно значительное (но, конечно, недостаточное) количество растительных домотканных материй главным образом из конопли, а потом это производство постепенно заглохло. В этом убеждают рассказы стариков, слышанные мною в Дахадаевском районе в 1934 г., а также полевые материалы Л. Б. Панек, собранные ею в Табасарани 10—15 лет назад, как она мне любезно сообщила. Не надо забывать, что ценное подтверждение по данному вопросу дают нам знаменитые «Постановления Кайтакского уцмия Рустем-хана» (памятник обычного права даргинцев и кайтагов XVII в. [51, стр. 81—82]). В тексте названного кодекса в качестве обычной натуральной уплаты за провинности неизменно указывается хабцалдик — «грубая домотканная пеньковая материя кайтаго-табасаранского изготовления». Например, «с того, кто поймает вора и отпустит его, брать штраф сто кари[53] хабцалдику в пользу общества»; или — «с того, кто прикоснется к женщине с прелюбодейской целью, взыскивать по тысяче кари хабцалдику» и т. п. Таким образом, этот хабцалдик, видимо, был когда-то довольно распространенным изделием, что не снимало для многих районов нагорного Дагестана тягот «текстильного голода». Напомним также, что существование в период раннего средневековья в Южном Дагестане местных производств растительных материй подтверждают арабские авторы.

Особенно характерной дополнительной чертой, отличающей кубачинский женский костюм от даргинского (не говоря уже о кубачинских драгоценных украшениях, таких, например, как богатейшие, шитые жемчугом манжеты — нарукавники), является парчевая, сделанная в талию, шубка без воротника с грудным вырезом, отороченная узкой меховой полосой и имеющая короткие рукава (рис. 17). По покрою эта одежда,

[53] Ка́ри — мера длины — около 12 вершков.

широко распространенная до настоящего времени, сходна с „северо кавказской“ черкеской, но, повидимому, сохранила более старый облик одежды типа этой последней, чрезвычайно походя, например, на мужские костюмы дагестанских феодальных верхов, изображенные в альбоме Гагарина (имеем в виду изображения хана казикумухского, кадия цудахарского). Шубка надевается поверх платья рубахи при выходе из дома, причем не только зимой, но часто летом (ради соблюдения «полной формы» национального костюма). При всей нарядности это безусловно одежда повседневная: в торжественных случаях женщины носят новую

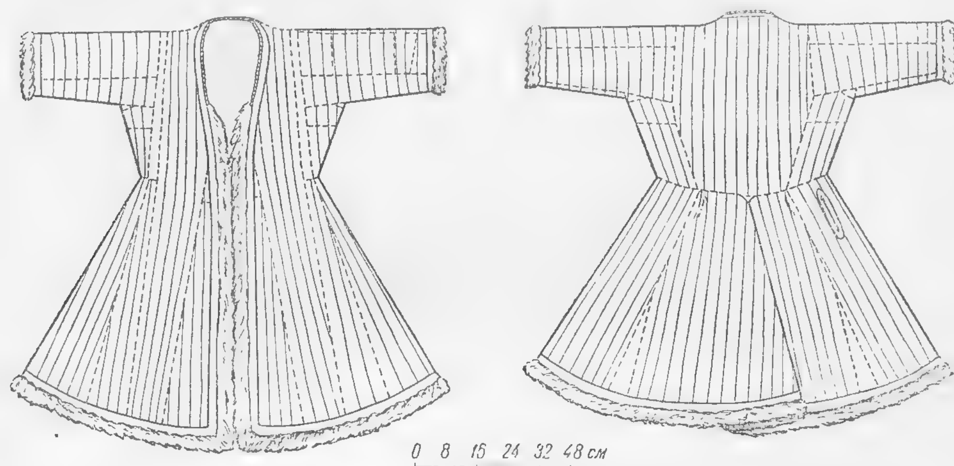

Рис. 17. Кубачи. Женская парчевая «шубка» (верхняя одежда) (Музей народов СССР, сбор Е. Шиллинга в 1925 г.).

шубку, а при работах (хождение за водой, рубка хворосту в лесу на топливо, доение коровы и т. п.) надевают старую, потрепанную. Иногда хорошую шубку, чтобы ее не изнашивать в повседневной работе, одевают наизнанку. Шубка, даже самая нарядная, снабжается серебряной цепочкой с застежкой; полы шубки, при работе, откидываясь назад, закрепляются при помощи этой цепочки [97, стр. 201].

Указанной изящной верхней одежде с. Кубачи в какой-то мере соответствует у соседних даргинок накидка из белой овчины (мехом внутрь) без рукавов, с большим воротником из черной овчины (мехом наружу), покрывающим плечи.

Попутно отметим, что в отличие от кабардинцев, осетин и других народов Северного Кавказа, у которых женщины шуб не носили (в первые годы после Октябрьской революции среди них велась даже особая кампания под лозунгом «пальто горянке»), в Дагестане (не обладающем суровым климатом) употребление женской теплой верхней одежды известно издавна. Причина такого различия связана с некоторыми устойчивыми местными специфическими чертами женского быта.[54]

Национальный головной убор кубачинских женщин и девочек до настоящего времени сохраняется в быту наряду с простой современной косынкой. В его состав входят три элемента (рис. 18): а) чухта — квад-

[54] Об этом материалы приведены в гл. III.

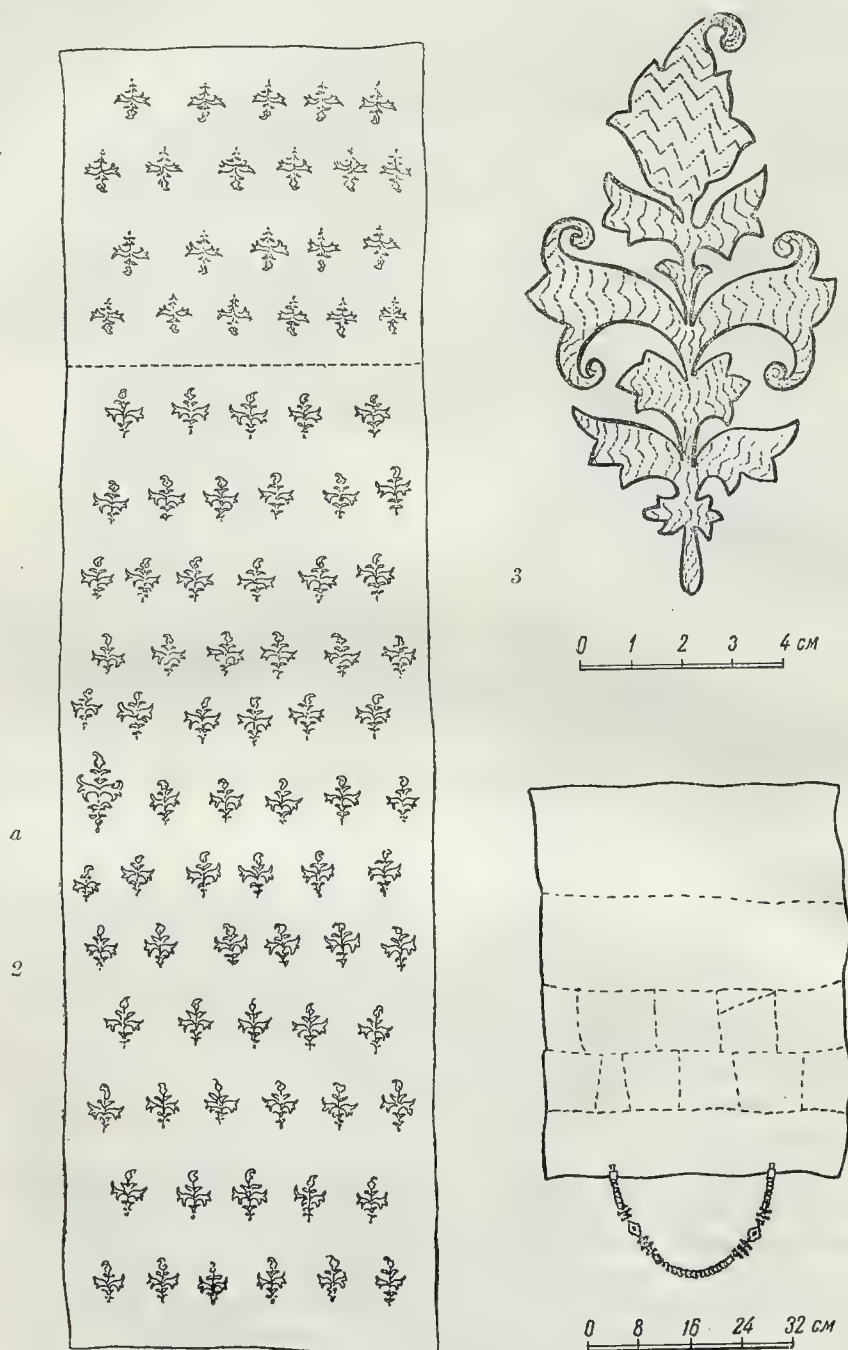

Рис. 18. Кубачи. Комплект женского праздничного головного убора (Музей народов СССР, сбор Е. Шиллинга в 1925 г.).

1 — чухта; *2* — каз из белого шелка с золотой вышивкой; более крупный кадр того же орнамента (*а*) сделан на месте, которое при надевании каза на голову приходится в центре; *3* — отдельный кадр вышивки каза — узор тутта.

ратная повязка, снабженная шнурами для завязывания, закрывающая волосы и облегающая ровной полоской верхнюю часть лба (налобная полоска женской чухты — черная; налобная полоска чухты для девочек — черная с цветной вышивкой; остальная часть чухты бывает сшита из разноцветных парчевых квадратиков); к чухте иногда пришивается серебряная декоративная цепочка, огибающая подбородок; б) каз — белая бязевая или шелковая полотенцеобразная длинная повязка с цветными или золотыми вышивками, часто воспроизводящими образ птицы, цветы и стилизованную «вязь» в стиле арабской надписи (каз надевается поверх чухты, окутывая голову и плечи и

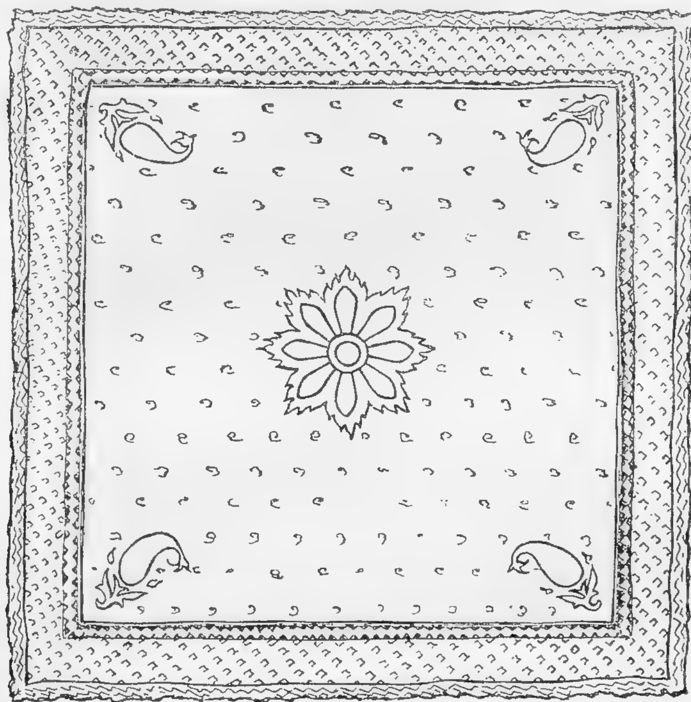

Рис. 18 а. Тапе — шелковая синяя с золотом шаль.

обрамляя щеки и подбородок); каз на рис. 18 не имеет характерного изображения птицы и стилизованной «вязи»; образцы изображения птиц и «вязи» на казах даны на рис. 66; в) тапе́ — шелковая или бумажная шаль из привозного материала, особым способом накладываемая на голову поверх каза.

Традиционной женской, а равно и мужской обувью, носимой до настоящего времени многими кубачинками и кубачинцами в селении круглый год, являются белые войлочные сапоги с загнутым носом. Дома женщины снимают эти сапоги и ходят в узорных шерстяных очень плотных носках.

В торжественных случаях кубачинки до наших дней помимо упомянутых жемчужных нарукавников и цепочки на чухте носят много серебряных украшений: очень крупные перстни, толстые незамкнутые браслеты, нагрудные навески.

Головной убор даргинских женщин, в большинстве употребительный и теперь, в основном сходен с описанным кубачинским, но бывает

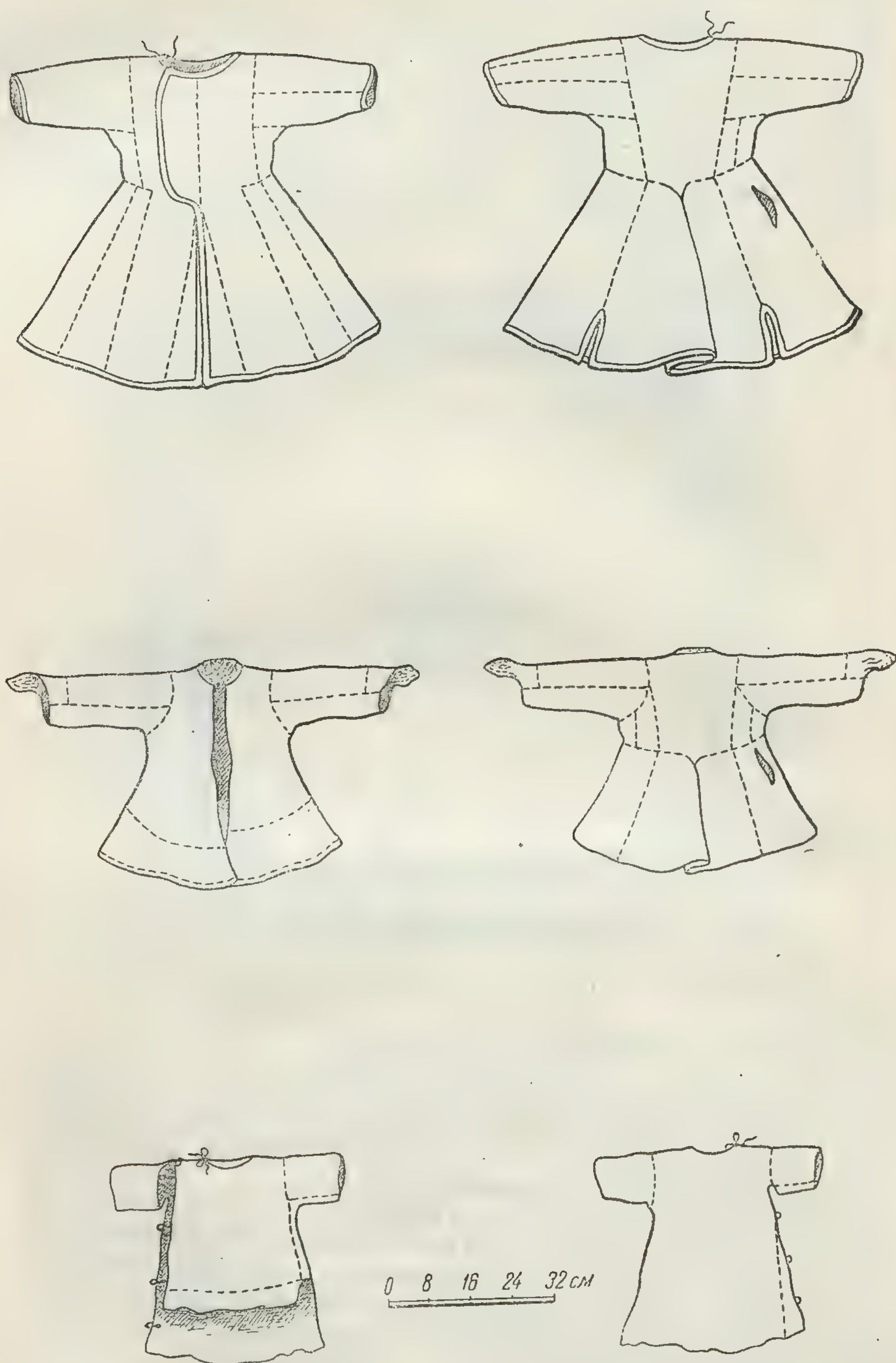

Рис. 19. Кубачи. Виды старинной (конца XIX в.) верхней одежды для мальчиков (Музей народов СССР, сбор Е. Шиллинга. 1925 г.).

Рис. 20. Употребляемая кубачинцами и даргинцами овчинная шуба-накидка без рукавов.

Рис. 21. Три сестры — дочери кубачинского мастера Саида Магомедова—в казах, вышитых золотом. 1936 г.

обычно несколько проще. Иной покрой имеют у них шерстяные сапоги; однако чаще употребляются не они, а кожаные чувяки. Что касается даргинских серебряных женских украшений, то наиболее оригинальными, непохожими на кубачинские, являются нагрудные навески и серебряные украшения на чухте.

Рис. 22. Кубачинская женщина в праздничном костюме. На руках перстни и браслеты. 1925 г.

Не останавливаясь на других частях женской одежды обеих групп и их различиях (идущих в том же, примерно, направлении) и не касаясь вовсе мужской, менее своеобразной,[55] полагаем, что сказанного достаточно для уяснения разницы между одеждой кубачинской и одеждой соседних даргинцев.

Надо ли говорить, что многие современные кубачинцы и кубачинки, а также даргинцы и даргинки соседних селений, особенно из молодежи, пользуются целиком или частично одеждой городского типа.

* * *

Из нашего обзора явствует, что в материальной культуре между кубачинцами и их соседями много общего. Но есть и такие элементы, которыми кубачинцы значительно отличаются от групп, их окружающих.

[55] Оригинальны мужские овчинные шубы, имеющие две разновидности: а) накидка без рукавов (рис. 20); б) шуба с ложными, длинными до земли рукавами.

ГЛАВА II

КУБАЧИНСКИЕ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Состав производств. Медночеканное производство. Меднолитейное производство. Амузгинское клинковое производство. Монтировка. Гравировка. Насечка. Филигрань. Эмалевая работа. Сутбукские камнерезы. Орнамент. Творчество отдельных мастеров. Изделия для конкурса 1947 г. в Москве. Задачи дальнейшего изучения искусства Кубачи. Особенности орнамента медных изделий и некоторых бытовых предметов. Заключение

СОСТАВ ПРОИЗВОДСТВ

Теперь мы переходим к развернутой характеристике той части материальной культуры кубачинцев, которая непосредственно смыкается с художественным творчеством и которая издревле привлекала внимание соседних народов. Мастерство и великое искусство кубачинских медников, златокузнецов, граверов и ювелиров было известно далеко за пределами Кавказа, но эта известность не приносила особой пользы кубачинским мастерам: рынок требовал ходовых и дешевых изделий, а кубачинские шедевры были трудоемки и потому расценивались выше, чем мог платить массовый потребитель. Вследствие этого спрос на художественные изделия кубачинцев был крайне ограниченным. Многие мастера, потерявшие веру в то, что придут лучшие времена, расстались со своим мастерством и занялись лужением посуды, никелировкой, починкой часов и пр. Так из года в год продолжалось сокращение художественных промыслов с начала XX в. вплоть до Октябрьской революции. И только советский строй создал условия для возрождения и развития кубачинского мастерства.

Тысячелетняя давность зирехгеранской (кубачинской) металлообрабатывающей отрасли засвидетельствована средневековыми, по преимуществу восточными, источниками. Техническая и художественная сторона дела в письменных памятниках, однако, не отражена. Остаются памятники материальной культуры — «албанские» рельефы селения Кубачи, затем так называемые «дагестанские» бронзовые котлы (вещи, тоже тесно связанные именно с производственными традициями комплекса Кубачи),[1]

[1] Этим «древностям», связанным с Кубачи, посвящен ряд публикаций, среди которых работы: Б. А. Дорна о рельефах и надписях [33, 34, 35]; И. А. Орбели и К. В. Тре-

и, наконец, некоторые отдельные предметы так называемого «сасанидского серебра». Все это объекты, хронологически почти целиком совпадающие с давностью, лаконически утверждаемой в отношении Кубачи известными нам письменными источниками.

Материальные памятники показывают, что современная кубачинская художественная металлообработка несет традиции, унаследованные от тех эпох, а именно старейшие виды техники (литье, гравировку, чеканку и насечку) и богатый растительный узор, для элементов которого у теперешних кубачинских мастеров существует, так сказать, единая азбука, — будет ли то вещь, сработанная нашим современником, или какое-нибудь блюдо из круга «сасанидского серебра».

Металлообрабатывающие производства с. Кубачи делились на множество отраслей, из которых, конечно, не все сохранились до наших дней.[2]

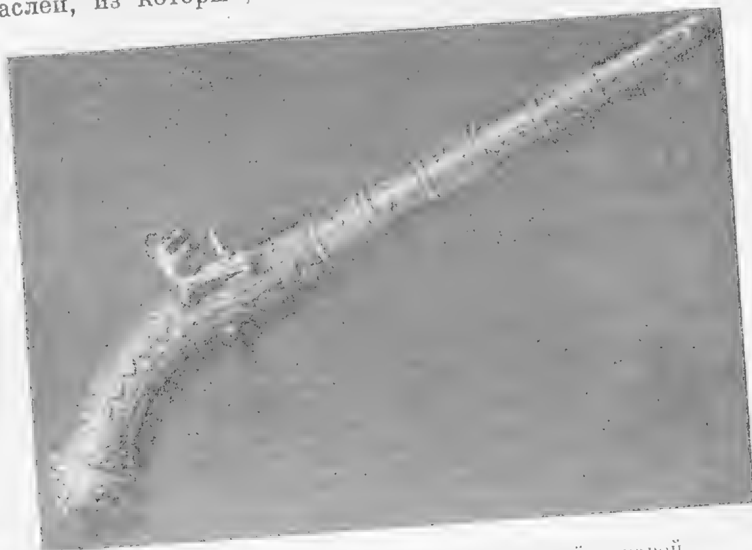

Рис. 23. Кремневый пистолет с серебряной оправой. Середина XIX в. с. Кубачи.

Бесследно исчезло производство кольчуг, кирас, шлемов, щитов и других частей старинного боевого снаряжения. О технических приемах этой древнейшей отрасли производства сейчас в с. Кубачи уже нельзя собрать никаких материалов.

Прекратилось в основном, примерно, с середины XIX в., производство огнестрельного оружия — кремневых ружей и пистолетов, оставив, однако, в памяти стариков и имена мастеров и кое-какие данные о производственных процессах.[3]

вер о рельефах и бронзовых котлах [42, 64, 65]; В. А. Крачковской — разбор надписи на «тимпане с борцами» [54]; А. С. Башкирова — о рельефах [15, 16]; также заметки Д. Н. Анучина [9] и Р. Ф. Эркерта [97].

[2] Краткие сведения о кубачинских производствах включены в первые специальные обзоры кустарных промыслов Кавказа, опубликованные в 1882 г. Маргграфом [57] и в 1913 г. Пираловым [71]. Некоторые данные имеются также в докладах Е. И. Козубского и В. К. Згленицкого, напечатанных в 1902 г. [78]. Первое развернутое описание этих производств, выпущенное в 1926 г. на основании обследования в Кубачи в 1924/25 г., принадлежит Н. Б. Бакланову [12]. Укажем еще на небольшую статью Н. Ф. Яковлева [98], беллетристические очерки Р. Фатуева [81, 82] и, наконец, на серию наших работ [87, 88, 89, 90, 91, 92, 93].

[3] О производстве в с. Кубачи огнестрельного оружия см. показание И. Вольфа [25] первой половины XVIII в., а также публикацию [72] первой трети XIX в.

Изготовление огнестрельного оружия еще в 60—70-х годах XIX в., по воспоминаниям стариков, распределялось между мастерами разных специальностей. Один из них вырабатывал ствол, другой — замок, третий — деревянные части, четвертый (монтировщик и вместе с тем гравер) делал большей частью сложную серебряную оправу с орнаментацией. Эта последняя, например, на кремневых пистолетах, состояла из многих «кусков», или «штук». Так, на одном пистолете, имевшем выгравированную по серебру дату — 1872 г., я насчитал 12 частей серебряной оправы (на рукояточном «яблоке» и на других частях рукоятки, на деревянной обкладке ствола и на самом стволе) (рис. 23).

Естественно, что при древности кубачинских металлообрабатывающих отраслей тут традиции производства кирас, кольчуг, шлемов, налокотников, а также различного холодного оружия старее традиции производства оружия огнестрельного. Это последнее, однако, изготовляли тоже достаточно давно, и, по указанию Рейнеггса, еще в конце XVIII в. оно имело хорошие качества. В XIX в., особенно после падения Шамиля, чисто боевые достоинства кубачинского огнестрельного оружия быстро падают; остается лишь прекрасная художественная отделка, и оружие, изготовленное в с. Кубачи, приобретает по существу парадно-декоративный характер. Об этом свидетельствуют различные авторы, начиная с 50-х годов XIX в.[4] Вместе с тем необходимо отметить, что в близкие к нам годы традиция развитого когда-то производства чисто боевого огнестрельного оружия подчас ненадолго возрождалась и тогда выявлялась способность мастеров быстро осваивать современную технику. Так, в период гражданской войны кубачинцы и харбукцы делали для красных партизан неплохое огнестрельное оружие новейшего типа (например, маузеры).[5] Мастера же селения Харбук (сравнительно недалеко отстоящего от с. Кубачи и вместе с этим последним представляющего по существу единую старую оружейную отрасль кубачино-даргинского нагорья), в 1935 г. сделали по моему заказу в недельный срок пистолет маузер для Музея народов СССР в Москве, куда этот предмет и был передан (рис. 24).

Рис. 24. Пистолет маузер кустарной работы мастеров с. Харбук.

Доживают свой век производства меднолитейное и медночеканное; продукция их имела более ограниченный круг спроса и быстрее вытеснялась фабричными изделиями, шедшими из городов.

Наиболее сохранившимися и мощными остаются отрасли кинжально-шашечная (производство клинков), оружейно-монтировочная (производ-

[4] В 50-х годах Окольничий [62]; в 60-х годах П. Степанов [77], П. Петухов [70, № 16] и другие.

[5] Показания об этом были записаны мной в с. Кубачи в 1936 г. (см. также у Р. Фатуева [81]).

ство ножон и других частей оправы клинка) и ряд изящных отраслей по украшению оружия и других предметов, — гравировка, насечка, филигрань, цветная эмаль.

Характеристику отдельных отраслей начнем с оригинальных, интересных с точки зрения изучения истории культуры, но имеющих сейчас малый удельный вес производств, связанных с обработкой меди.

Кубачинское производство по изготовлению медной утвари интересно своеобразием формы изделий (если сравнить его с аналогичной отраслью у лаков, азербайджанцев и других народов Кавказа) и орнаментацией. Еще интереснее медное литье, своего род реликт. Это производство связывается с древним слоем кубачинской культуры, восходящим к эпохе знаменитых дагестанских бронзовых котлов XII—XIII вв. и более поздних.

МЕДНОЧЕКАННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Следует заметить, что, употребляя наименование «медночеканное производство», фактически будем иметь в виду собственно двойную технику, а именно (пользуясь обычной терминологией русских ремесел) — наводное дело, во-первых, и чеканное дело, во-вторых. Кубачинский медник первоначально от руки «выколачивает» предмет определенной формы из металлического листа, выступая тем самым в качестве «наводильщика», и затем уже чеканкой наносит на нем узор, выступая в качестве «чеканщика». Таким образом, в настоящем разделе, говоря точнее, мы будем характеризовать наводное и чеканное производства кубачинского медника.

В Нижнем квартале селения Кубачи сгруппировано было на нашей памяти несколько таких мастерских. С одной из них мы познакомимся.[6]

Рядом с домом мастера стоит его мастерская. Это небольшая (4.80×4.50 м), четырехугольная, с плоской крышей постройка, сложенная из тесаных камней, с двумя окнами и дверью. Внутри мастерская представляет собой комнату (размером 4.14×3.53 м; высота 2.45 м), стены которой обмазаны глиной, потолок дощатый, пол частью земляной, частью каменный. Мастер, одетый в старый бешмет, суконные штаны, баранью шапку, сидит на полу по-турецки, поджав под себя босые ноги. Иногда одежда (куртка и штаны) бывает также и из овчины шерстью внутрь. Подстилкой для сидения мастера в осматривавшейся мной мастерской служила волчья шкура, поверх которой были положены овчина и войлок. Волчья шкура, по утверждению стариков, как они мне сообщили в 1925 г., считалась раньше магическим средством, предохраняющим дом от воров. Однако этот пережиток, как я убедился при посещении Кубачи в 1936 г., был утрачен.

Слева от мастера — горн с мехами, справа, чтобы удобно было взять в нужный момент, — инструменты, а впереди — большая наковальня в деревянной колоде, вделанной неподвижно в пол. И вправо, и влево, и прямо мастеру до всего удобно достать рукой. Кругом — начатая работа, медные ведра, кувшины, блюда, куски меди и т. п. В одном углу — куча мелкого древесного угля, в другом — груда материалов — металлических обрезков, старой посуды и разной медной рухляди. Где-нибудь у стены валяются весы с деревянными чашками на веревочных петлях, а рядом с весами 5—6 камней различной величины — это гири: «кулаха́» (около 30 г), «гали́ца» (равняется $2^1/_2$ кулаха́, т. е. около 75 г), «ята́л»

---

[6] Характеристику мастерской привожу по материалам, собранным мной в с. Кубачи в 1925 г.; см. нашу публикацию 1926 г. [89, стр. 13—29].

(равняется 100 кулаха́, т. е. 3 кг) и другие (5 кулаха́, 25 кулаха́, 110 кулаха́, $^{1}/_{2}$ ята́ла и т. п.).

Вокруг наковальни, против мастера, 2—3 низкие скамеечки, предназначенные для заказчика, гостя или для работы втроем, когда, например, расковывают медный лист. Вот и вся обстановка мастерской.

Мастер покупал раньше для своих изделий (или получал от заказчика) готовую листовую медь. Иногда же готовил листы сам, отливая для этого из кусков старой меди болванку и затем расковывая ее в лист. Этот процесс интересно описать.

Для отливания медной болванки из разного лома служит особая глиняная форма («калйпь»)— противень из железного каркаса с намазанным на него толстым слоем глины. Эту форму, перед тем как в нее наливать расплавленную медь, мастер предварительно прогревает, поставив ребром около горна. А в тигле, представляющем собой небольшое чашеобразное обмазанное глиной углубление в полу, в это время плавится медь. По мере прогорания углей, мастер заваливает горн кучкой новых и усиленно работает мехами. Угли разгораются, сыплются искры, вспыхивает синее пламя, кое-где между углей виднеется ослепительная масса расплавленного металла. Мех одинарный (длина до $1^{1}/_{2}$ м) или парный (меньшего размера) положен в наклонном положении на камни и укреплен неподвижно передней своей частью в небольшой каменной кладке (в описываемом случае — высота 0.33 м, ширина фасада — 0.78 м, толщина —0.39 м). На кладке или еще где-нибудь поблизости стоит каменная бадья с водой. Железная трубка, в которую устремляется воздух из мехов, высовывается из кладки к самому горну. Над горном для вытяжки газов некоторые хозяева помещают железную трубу с воронкой. Одинарный мех приводится в движение при помощи жерди, подвешенной за середину к потолку. К одному концу этой жерди привязан ремешок, идущий к мехам, а к другому — ремешок, спускающийся к левой руке мастера. Если у мастера заняты обе руки, или некому помочь (обычно ему раздувает меха жена, мальчик, кто-нибудь из домашних или случайно зашедший кунак), он продевает большой палец ноги в петлю ремешка и действует ногой. Парные мехи приводятся в движение привязанным к их рукояткам ремнем (который надо держать в обеих руках и, став против мехов, попеременно натягивать), либо непосредственно при помощи рукояток (став в этом случае позади мехов).

Итак, хозяин занят плавкой меди. Время от времени он разгребает на горне угли и обнажает находящуюся под ними блестящую расплавленную массу. Небольшой металлической ложечкой он зачерпывает немного металла и выливает в особую глиняную формочку, испытывая, достаточно ли очистилась медь от посторонних примесей, или надо еще продолжать плавку.

Когда процесс плавки закончен, мастер отгребает лопаточкой угли, ставит рядом прогретую форму и, вычерпывая из горна металлическим уполовником расплавленную медь, наполняет ею форму «калйпь». После остывания мастер вынимает из формы уже твердую медную плитку — болванку, кладет ее на наковальню, наставляет большое с деревянной ручкой зубило и ударами молотом по зубилу отрезает от болванки зубилом нужный ему кусок меди. Теперь он будет расковывать этот кусок в лист. Расковывают 2—3 человека. Они садятся вокруг наковальни. Мастер накаливает кусок докрасна, вынимает из огня щипцами, ставит его на наковальню, не выпуская из щипцов. Начинают бить молотками один за другим, ритмически. Мастер держит в левой руке щипцы и бьет одноручным молотом (т. е. более легким, который при ударе можно держать в одной руке, главным образом указывая место, по которому нужно ударять

его помощникам), а другие двое бьют тяжелыми кувалдами держа их в обеих руках. Когда медь остывает и темнеет, хозяин снова ее накаливает, и снова начинают ковать. Мало-помалу кусок расплющивается в пластинку. Тогда хозяин опускает пластинку в воду, меняет молоток и начинает работать один. Особым молотком (более узким и плоским) он кует теперь пластинку холодным способом. От этого лист делается еще тоньше и приобретает шероховатую поверхность, которая потом сглаживается. Прокалив и опустив затем лист в воду, мастер высушивает его на углях, выпрямляет, чистит от окалины особой скребкой и намечает выкройку шилом или железным циркулем.

Предположим, что ему нужно сделать дно для кувшина. Нацарапанный циркулем круг он вырезает ножницами, равняет на наковальне деревянным молотком и выковывает грубую форму блюдца.

После этого работа переходит на одну из переносных наковален — так называемый «зангáр», которых в мастерской медночеканщика имеется несколько штук. Зангáр — это массивный железный стержень, концы которого, часто утолщенные, представляют различные, необходимые для выколачивания и чеканки посуды, ребра и поверхности. На зангаре донце получает окончательную обработку.

Справа от мастера, там, где лежат инструменты, в земляной пол неподвижно вделан массивный деревянный обрубок с отверстиями. В эти отверстия вставляет мастер (под бóльшим или меньшим наклоном, тем или иным концом) тот зангáр, который нужен для данной работы, и работает на нем способом холодной ковки, как на наковальне. При помощи другого рода подставки мастер может еще больше варьировать положение зангáра, установить его ближе, дальше и вообще на любом месте по отношению к себе. Эта деревянная подставка (камкá), — род довольно массивной (длина 50 см) рогатки с прорубленным в вершине сквозным отверстием. В отверстие вставляется зангáр. Получившийся в результате пологий треножник устанавливается по возможности неподвижно, и мастер работает на торчащем вверх конце зангáра.

Обычно в мастерской медночеканщика имеется 3—4 разных зангара и одна малая наковальня (гуцá), тоже переносная [7] (не считая большой неподвижной наковальни).

На всех этих переносных наковальнях, пользуясь различными молотками, мастер собственно и производит свою главную работу — «выколотку» посуды. Данный процесс оригинален и сложен. Когда мастер бьет изнутри готовящийся сосуд, это (по терминологии русских мастеров) обычно называется «выколоткой»; когда он бьет молотком с лицевой стороны сосуда, это будет «посадка» металла; то и другое вместе — «наводка» (отсюда и приводившийся выше термин «наводильщик»).

Выковав на большой наковальне лист и нарезав его по намеченной выкройке, мастер каждую часть отдельно обрабатывает на зангаре. Например, для изготовления большого водоносного кувшина кубачинской формы (мучáл) мастер сначала вырезает из медных листов четыре трапеции, из которых потом получаются конусообразные средние части кувшина. Затем он каждой трапеции придает на зангаре молотком изогнутую форму, прорезает по краям отверстия и склепывает трапеции попарно. Получаются два усеченных конуса. Каждый из этих конусов снова кладется на зангар для более тщательной обработки и чеканки орнамента (большей частью продольные, лучеобразные, идущие по всему конусу «дорожки» или складки, а также другие мотивы).

Подобным же образом отдельно выковывается и верхняя часть кув-

---

[7] Неподвижно укрепленная в массивной каменной переносной подставке.

шина — горлышко на «узком» зангаре, а также нижняя его часть с донцем. Привычной и ловкой рукой поворачивая надетую на зангáр часть кувшина, мастер набивает заклепки, выправляет выпуклые формы и, нащупывая вещью нужную ему поверхность или ребро зангара, задерживает ее и быстрыми ударами молоточка чеканит свой большей частью геометрический выпуклый орнамент, постепенно поворачивая и перемещая на зангаре вещь. Из разбросанных на полу рядом с ним молотков, торчащих, как ваньки-встаньки, деревянными рукоятками вверх, он берет то один, то другой, смотря по работе. Вместе с тем он в необходимых случаях берет в руку чекан-канфарник и, нанося им на поверхность украшаемого сосуда (например кувшина малого размера, так называемого «кутка́») точки, выводит точечный (канфаренный) узор, образующий чередование различных точечных фигур (треугольников, кружочков, звездочек и т. п.), а также тех или иных точечных линий.

Итак, четыре части, из которых состоит «муча́л» (два усеченных конуса, горло и низ), сделаны. Теперь их надо собрать в одно целое. У мастера уже приготовлены медные гвоздики и узкие, вырезанные с обеих сторон круглыми зубчиками полоски, лежащие вместе с другой мелочью в большой деревянной чашке. Но перед этим он должен еще вычернить части кувшина. Для этого мастер бросает в горн горсть скорлупы от грецких орехов, ставит сверху железную воронку или какой-нибудь кувшинчик без дна, раздувает мех, и когда от затлевшей скорлупы через воронку пойдет густой дым, окуривает на этом дыму вещь, поворачивая ее со всех сторон над воронкой, а потом обжигая и без воронки. Это повторяется три раза с перерывами на остывание. Обработанная таким способом часть кувшина становится черной и глянцевой.

Приступая к скреплению частей кувшина в целое, мастер, как было уже сказано, имеет заранее заготовленные гвозди и узкие резные пластинки, которые закроют собой «швы» кувшина. Гвозди — либо «сплошные» (клинышки, нарезанные из медной болванки), либо «завернутые» (в виде воронок, свернутых из маленьких нарезанных медных квадратиков). Что касается резных пластинок, то они соответственно конструкции кувшина дают на нем восемь линий: три горизонтальных пояса (на скреплениях между собой двух основных конусов, нижнего конуса с подставкой и верхнего конуса с горлышком) и пять вертикальных (по паре на конусах и одна по «шву» горлышка).

По прикреплении пластинок, верхние части гвоздей штампуются при помощи пунсона и принимают вид округлых шишечек, декоративно выделяющихся по «швам» кувшина ровными рядами.

Сделанные из желтой меди пластинки и гвоздики ярко блестят на черном глянцевом фоне всего кувшина.

К кувшину делается орнаментированная, отдельно вставляющаяся в горлышко крышка, напоминающая своей формой стакан.

Последнее дело—это прикрепление к горлышку мучала ушка и кольца. Эти мелкие части, равно как и другие, потребные для различных видов кованой посуды (например, ножки для ведра «нукну́с», скобки для крышек и т. п.), — литые.

Медночеканщик сам отливает упомянутые некрупные детали из меди в своей мастерской. Для литья ему служит небольшая металлическая опока в виде коробки, состоящей из двух одинаковых частей. Обе части опоки он плотно заполняет сырой черной массой (обожженной и растолченной глиной, перемешанной с мазутом) и утрамбовывает ее. На сглаженной таким образом поверхности, слегка пересыпав ее порошком из угля, мастер осторожно раскладывает оловянные колечки, ушки, ножки и другие мелкие модели; затем посыпает тем же порошком сверху, при-

крывает другой частью опоки и нажимает. Раскрыв опоку и вынув оловянные модели, мастер получает на глине вдавленные их оттиски, которые осторожно соединяет друг с другом тонкими канавками. В сложенную с этими оттисками опоку через воронку, которая имеется в верхней ее части, мастер льет расплавленную медь, заполняющую собой углубления оттисков и застывающую затем в них.

Мучáл, водоносный кувшин емкостью до $1^1/_2$ ведра,—самое крупное по величине изделие медночеканщика. На заготовление его мастер должен затратить до 2.5 кг меди и от 8 (летом) до 12 (зимой) рабочих дней. При наличии готовой листовой меди работу можно исполнить значительно скорее. Ценился мучáл в с. Кубачи в 1925 г. от 10 до 20 рублей. Кроме черных, сделанных из красной меди, есть очень нарядные, нечерненные мучáлы из желтой меди. Тщательно начищенные, они красуются на посудной полке в жилище кубачинца. Вообще же в старину посуду больше делали из красной меди, причем в качестве материала иногда шли медные монеты. Что касается лужения, которому подвергается тоже посуда из красной меди (подойники, чашки, кувшины для питья и др.), то процесс этот происходит так: расплавленное в особой глиняной посуде олово выливается на кусок кожи или брезента и пересыпается песком; затем кожу с оловом закатывают и разминают на колене; после этого получается порошок, которым обсыпают смоченный кислотой предмет, обжигают его на огне и натирают паклей. Внутренняя поверхность лудится до склепки сосуда по частям.

Лучше всего можно познакомиться с изделиями медночеканщика в основной комнате кубачинского жилища. Здесь перед упоминавшимся выше домашним «музеем фарфора» ничуть не теряется размещенный на деревянных полках набор блестящей медной посуды.

На нижних ярусах обычно стоят в ряд мучáлы и медные литые котлы. Выше идет множество более мелкой посуды. Большинство выставленных здесь вещей (кроме, разумеется, предметов персидских или современных фабричных)—произведения кубачинского мастера-чеканщика (см. рис. 4).

Изделия кубачинского медночеканщика разнообразны. Среди них имеется, так сказать, рядовая, «общедоступная» медная утварь, но есть утварь, характерная именно для с. Кубачи, и таковой большинство. Она всецело восходит к старому местному быту. Это, кроме мучáла,— ведрообразный медный сосуд — нукнýс (см. стр. 38—39).

Нукнýс величиной бывает обычно с небольшое ведро (высота 20—25 см, верхний диаметр до 23 см). Он несколько расширяется вверх и стоит на трех низеньких литых ножках. Корпус сосуда украшен рельефным чеканенным на зангаре орнаментом. Эти нукнýсы имеют особое обиходное, весьма традиционное значение: они употребляются на свадьбах. Наполненные мукой или крупой, с воткнутой в середину ложкой рукояткой вниз, они (2—3 штуки и больше, смотря по состоянию) приносятся женщинами вместе с приданым в дом жениха, где молодая ставит их на полку. Через 40 дней она должна раздать содержимое беднякам. Богатая невеста также приносит в дом жениха нукнус с положенными в него крупными кубачинскими кольцами и браслетами. В обычное же время нукнус стоит почти без употребления и служит лишь украшением и знаком зажиточности и семейного благополучия в жилище кубачинца. У иного хозяина можно встретить до десятка этих сосудов, щегольски начищенных и расставленных в ряд на полке.

Кроме того, специфически кубачинской, изготовляемой в той же мастерской медной утварью являются: небольшой орнаментированный кувшин куннé (высота около 25 см) из желтой меди, служащий для омовения, с характерным загнутым носиком; небольшой орнаментированный

кувшин кутка́ (высота около 30 см) для питьевой воды, тоже из желтой меди; различные блюда и узорные сита.

Самый подбор и стиль предметов местно кубачинского спроса, которые для мастера являются привычной традиционной работой по форме, по

Рис. 25. Изделия кубачинского медника.

1 — мучал (выс. 62 см); 2 — мучал (выс. 62 см); 3 — кутка (выс. 30 см); 4 — кунне́ (выс. 24 см); 5 — нукнус (выс. 22 см); 6 — нукнус (выс. 22 см); 7 — крышка для котла (диам. 40 см).

технике, по манере украшений, самый этот подбор и стиль показывают нам, что рынок сбыта произведений нашего мастера весьма невелик и замкнут и что рынок этот — главным образом Кубачи с их индивидуальными бытовыми особенностями (рис. 25).

Но этот ограниченный рынок все же существует. Подбор изделий можно было бы расширить и самый рынок оживить, предприняв некоторые организационные меры. Изящные, богато украшенные мучалы и нукнусы, часто дающие интересные варианты орнамента, безусловно представляют художественный интерес.

Медную утварь некубачинского типа здешние медночеканщики изготовляют значительно реже.

В 1925 г. немногочисленные медночеканные мастерские (их можно было насчитать в с. Кубачи до трех) вели заметное существование, но занимались чаще починкой старой посуды и сравнительно реже выделкой новых вещей или изготовлением какого-нибудь чрезвычайного «кубачинского» заказа, например шлема с железной маской для шуточного представления, которое на свадьбах разыгрывается молодежью под открытым небом.

В 1936 г. несколько человек медников входило в состав кубачинской артели. Они занимались преимущественно лишь починкой старых сосудов. В 1944 г. я уже не нашел в составе кубачинской артели ни одного медночеканщика. Отрасль эту, однако, в с. Кубачи в любое время можно возродить, если только для нее будет обеспечена перспектива широкого сбыта изделий.

МЕДНОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Кубачинское литейное (котельное) производство представлено было в 1936 г. двумя небольшими мастерскими, находившимися в средней части селения. В отношении рабочей силы и оборудования обе находились, примерно, в равных условиях. И в той, и в другой работало по одному мастеру. Помогали им члены семьи. Оба мастера, Шайтанов и Ирганов (люди средних лет), начали заниматься литейным делом смолоду. Свое мастерство они переняли по наследству. Их учителей уже нет в живых.

Не только для с. Кубачи, но и для всего Кавказа названные мастера являются едва ли не последними представителями этой очень старой по происхождению отрасли металлообработки, раньше распространенной на Кавказе в более широких пределах.

Нижеследующее описание этого производства делаю по своим записям 1936 г.

Набор изделий, выпускаемых Шайтановым и Иргановым, чрезвычайно скуден. Главным образом это котлы (котел — аша́к) шести разных, определяемых весом, размеров, но одинаковой формы, а именно: котлы на $^1/_2$ ята́ла,[8] на $1^1/_2$, 2, 3, 4 и 6 ята́лов. Самыми ходовыми считаются три первых меньших размера. Крупные котлы на 6 ята́лов за последнее время уже не заказываются. Кроме котлов, литейщики делают медные светильники (светильник — чах), столь необходимые ночью при передвижении по кубачинским улицам и в домах при переходе по лестницам из этажа в этаж. Вот и все, если не считать кое-каких мелких несложных отливок, которые литейщик может выполнить по специальному заказу (например: медная форма с калибрами для чеканки выпуклых серебряных блях; кольца и ножки для медных сосудов и др.). Перечисленные изделия бытуют главным образом в с. Кубачи. Однако они встречаются также в даргинских, кайтакских, лакских и аварских аулах на чрезвычайно широкой территории.

Выстроенные в ряд по размеру, черные от сажи снаружи, вычищенные изнутри, котлы в количестве от 5 до 10 и более обычно, как уже

---

[8] Ята́л—мера веса, равная по счету кубачинцев 6 фунтам или 2.4 кг.

говорилось, занимают нижнюю полку в основной комнате жилища кубачинца.

Кубачинский котел имеет форму правильного полушария, стоящего на трех невысоких ножках. В верхней его части, немного ниже борта, идет ребром (в горизонтальной плоскости) плоский круговой выступ с красивым, орнаментально вырезанным очертанием. К выступу симметрично приклепаны две изящные литые ручки. Котел накрывается кованой крышкой, имеющей вид отлогого конуса с небольшим вертикальным бортом у основания и колечком у вершины. При накрывании борт котла плотно охватывается снаружи бортом крышки, края которой ложатся на упомянутый круговой выступ котельного корпуса. Крышка, начищенная до блеска, украшена чеканным орнаментом, напоминающим крупные, лучеобразно расходящиеся из центрального диска стрелки или лепестки, либо состоящим из концентрических разноузорных поясов, зигзагов, зубцов, чешуек и т. п. Промежуточные пространства оживлены легким точечным узором, сделанным чеканом. Это нарядное добавление к котлу изготовляется не самим литейщиком, а медночеканщиком и заказывается отдельно от котла.

Корпус котла снаружи имеет слегка выпуклый (данный в литье) орнамент в виде крупных разводов. Впрочем, таких узорных котлов теперешние мастера делать не умеют.[9]

Описанный тип кубачинского котла имеет за собой длинную историю. С течением времени он претерпел ряд видоизменений (в деталях), о чем можно судить по немногим сохранившимся старинным котлам. Ему отчасти предшествовали, отчасти с ним сосуществовали и другие типы, давно вышедшие из употребления. Если нынешний кубачинский котел (подвешенный ли при помощи ручек к очаговой цепи, поставленный ли прямо ножками на очаг) служит для варки пищи, то другие типы (о них можно судить по единичным экземплярам) удовлетворяли когда-то иным потребностям. Одни из них, менее глубокой формы, в виде неполного полушария и с особым сточным желобком на бортовом выступе, служили, по мнению стариков, для гонки хмельного напитка[10] (рис. 26). Другие, наоборот, более глубокие, несколько суживающиеся вверху (напоминающие по форме шар со срезанной верхней частью), употреблялись, надо полагать, как необходимая утварь в связи с большими праздничными или ритуальными общественными трапезами.

Важно отметить, что отдельными своими чертами эти вымершие типы котлов совпадают с типом современного кубачинского котла. Производство, когда-то цветущее, обладавшее значительным разнообразием выпускаемых изделий, сейчас переживает стадию замирания, утраты технического совершенства и забвения былых технических достижений. Судя по сходным находкам котлов старого типа[11] в Дербенте (где были случаи обнаружения их в песке, в морской береговой отмели) и в других отдаленных от с. Кубачи местах, можно предполагать, что котельное производство[12] и бытование таких котлов охватывали когда-то более широкую область Южного Дагестана.

К тому же кругу объектов материальной культуры относится и кубачинский литой светильник, чах (см. рис. 46 и 55), оказывавшийся в местных условиях как ручной фонарь очень устойчивой и жизнеспособной

---

[9] См. иллюстративный материал второй половины XIX в. в публикации Зичи [41].

[10] При гонке котел накрывался крышкой, которая примазывалась к его корпусу глиной для плотной укупорки.

[11] Бронзовых от XII—XIII в. и более поздних.

[12] Типа кубачинского производства.

вещью. Чах представляет собой небольшой приземистый сосудик на низеньких ножках (или без ножек) с сильно вытянутым у одного бока широким горлышком, из которого торчит войлочный или тряпичный фитиль и которому у другого бока соответствует ручка, — форма, близкая к античной. К средней части горлышка светильника сверху бывает прикреплена цепочка, соединяющаяся с металлической палочкой для регулирования огня (вталкивания или выдвигания фитиля из горлышка, сбрасывания нагара).

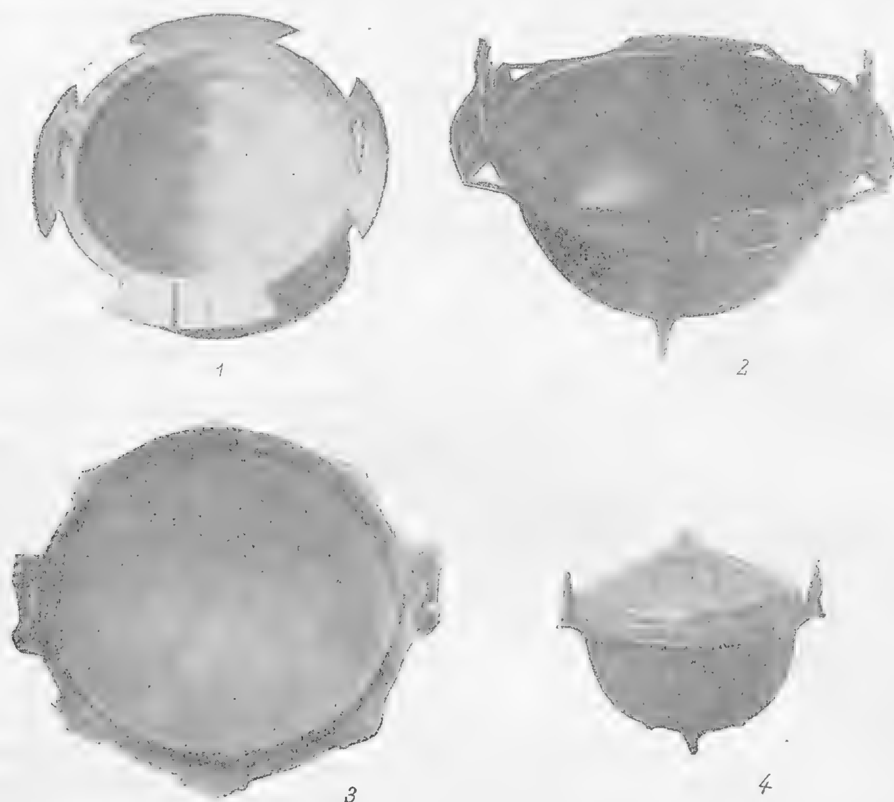

Рис. 26. Котлы из с. Кубачи.

1 — старинный бронзовый котел; 2 — старинный бронзовый котел; 3 — современный медный котел; 4 — современный медный котел с надетой на него кованой крышкой.

Головку палочки иногда увенчивает литое изображение птички, в клюве которой закреплена цепочка. Вторая птичка бывает посажена в средней части горлышка светильника: она держит клювом другой конец цепочки. Изображение птичек можно сопоставить с близким к ним изображением фазанов, имеющих характерно выгнутые хвосты на «сасанидских» серебряных блюдах, найденных на территории б. Вятской и Пермской губерний [66, табл. 28 и 29]. В редких случаях корпус светильника украшается гравированным орнаментом (резьбу делает не литейщик, а мастер гравировки по серебру).

Рядом с описанным светильником существовали светильники и других форм, ныне вышедшие из употребления. Мастер Иrганов мне показал большой кувшинообразный медный литой светильник с выпуклым изображением головы барса на крышке и другой, тоже литой, в виде небольшого круглого сосуда с дырочками для подвешивания и с четырьмя

крестообразно расположенными вытянутыми горлышками для фитилей. Первый из этих предметов относится, повидимому, к тому времени, когда жировые или нефтяные светильники были основным способом освещения Второй представляет собою вещь не столько повседневного обихода, сколько, может быть, нарядную принадлежность мечети или иного общественного помещения, представляя собой висячую четырехрожковую лампаду.[13]

Кубачинская меднолитейная техника, конечно, не могла создаться на базе лишь того скудного набора предметов, которые производятся в на-

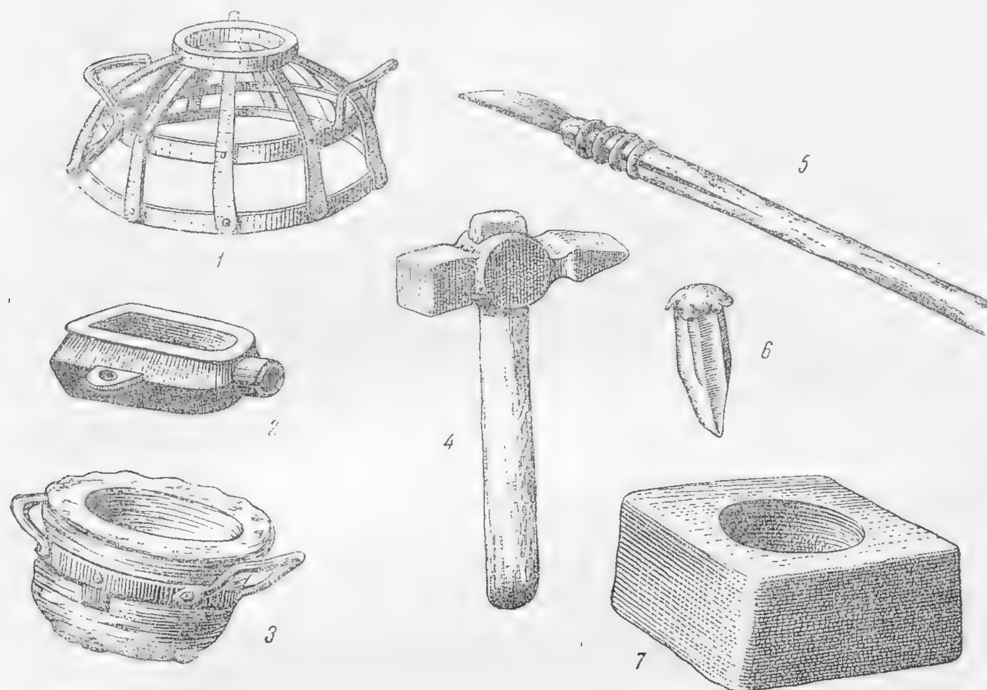

Рис. 27. Некоторые предметы из производственного инвентаря меднолитейщика (по рисункам Н. Б. Бакланова)

1 — опока; 2 — опока (для ручки котла); 3 — тигель; 4 — молот; 5 — скребок; 6 — зубило; 7 — ступка для формовочной глины.

стоящее время. Она только остаток «былого великолепия» и представляет, следовательно, ценный исторический памятник.

Процесс изготовления котла на 2 ята́ла, прослеженный мною от начала до конца в мастерской Ирганова в 1936 г., длился 6 часов. За этот срок котел был только отлит, но не обточен и не подвергнут детальной обработке, на что мастеру требовалось еще не менее 4 часов работы. Отсюда можно судить о темпах производства. За 10-часовой рабочий день мастер едва-едва выпускает один небольшой котел и то только в том случае, если отливка окажется удачной — не даст раковин и сквозных пробелов.

Работа началась с тщательной подготовки формовочного песка [14] на полу в углу мастерской (смешивание бывшей в употреблении массы с не-

[13] Того же типа (но большая, 12-рожковая) литая лампада, хранящаяся в Эрмитаже, взятая из мечети соседнего Кала-Корейша, повидимому, была 6—7 столетий назад отлита кубачинцами.

[14] Местная порода, добываемая в верхней части селения.

большим количеством свежего песка, подливание воды, опрыскивание и разминание руками формовочного теста). Подготовив песок, мастер принялся за приготовление из него отливочной формы. Для этой цели на котел каждого размера он имеет специальные наборы. В набор входят:

а) викабйцля ашаклá, т. е. «нижняя подставка котла»,— поддон, вроде сковородки с большим сквозным круглым вырезом в середине;

б) буке́ калйпь, т. е. «внутренняя форма» — точная медная модель котла, которая ставится бортами, т. е. положением вверх дном, на поддон (а);

в) чикабйцля ашаклá, т. е. «верхняя подставка котла», — опока, имеющая вид решетчатого каркаса (см. рис. 27), размером несколько крупнее, чем модель котла (б), и ставящегося поверх этой последней на тот же поддон (а). С поддоном опока неподвижно скрепляется четырьмя дугообразными железными зажимками.

Мастер устанавливает всю конструкцию и заполняет формовочной массой пространство между опокой (в) и моделью (б). Внутренняя поверхность песчаного слоя даст ему внешнюю часть изготовляемой отливочной формы, т. е. то, что в литейном производстве именуется собственно формой. Затем конструкция перевертывается поддоном (а) вверх, и через его отверстие выкладывается слоем формовочной массы внутренняя сторона модели (б); внешняя поверхность этого второго слоя явится внутренней частью приготовляемой отливочной формы, что в литейном деле называют сердечником. Процесс создания формы и сердечника к ней длителен и кропотлив. Он сопровождается многократной трамбовкой и опрыскиванием формовочной массы и требует напряженного внимания.

Сделанные из песка форма и сердечник далее подвергаются тщательной просушке на горне. Необходимо, чтобы испарилась вся влага, в противном случае при отливке мгновенно получаются пары, которые или создадут сквозные прорывы в медной стенке или образуют в ней так называемые «раковины».

Для просушки мастер удаляет с конструкции зажимки, осторожно подымает опоку (в) с приставшей к ней песчаной формой и подвешивает над горном.

При помощи особого держателя он осторожно приподымает также модель (б) и удаляет ее вовсе, оставляя на поддоне песчаный сердечник в виде безупречного полушария. Поддон с сердечником немедленно ставят на горн тоже для просушки.

В то время как обе половины таким образом сушатся, мастер отвешивает на весах, пользуясь каменными гирями, необходимое количество медного лома [15] и подготовляет для плавки тигель.

Просушенные половины между тем снимаются с жара и устанавливаются близ горна на полу, т. е. поддон с сердечником и надетая на него опока (в) с формой. Части скрепляются зажимками. Теперь все готово для отливки. Форма установлена в несколько наклонном положении, чтобы медь проникла внутрь постепенно и тем давала бы возможность выходу воздуха.

На плавку меди для котла в 2 ятàла мастер расходует один мешок древесного угля. Самая плавка (постепенное накладывание в тигель кусков лома, подбрасывание углей и энергичная работа мехами) требует не менее одного часа.

Медь растопилась. Мастер сбрасывает лопаткой жар, берет в руки два куска войлока, подымает ими за ушки горячий тигель с расплавленной

---

[15] Раньше котлы делались из бронзы; бронзовый котел ценится дороже медного.

медью и льет в отверстие формы ослепительно блестящую струю жидкого металла.

Этот краткий, но очень ответственный момент требует большого умения. Медь должна литься непрерывно без захвата воздушных пузырьков. Поток должен обладать определенной силой: медленное литье даст возможность металлу охладиться раньше, чем дальнейшее количество меди успеет заполнить форму; наоборот, чрезмерно сильное и быстрое литье повлечет порчу формы или закупорку воздуха. Самая доза расплавленного металла должна точно соответствовать объему формы.

Наполняя котельную форму медью, мастер остатки разливает по мелким формам (отливка котельных ручек, светильников и т. п.).

Через четверть часа после литья форму обливают водой для скорейшего охлаждения, снимают опоку, разрушают песчаные слои и извлекают из хаоса только что отлитый котел, еще не вполне остывший. Мастер с волнением его рассматривает. Брак в этом производстве непоправим.

Кроме тщательности подготовки всех рабочих процессов, кубачинские котельщики в старину (речь идет о периоде конца XIX в.) имели обыкновение «страховать» себя от неудач некоторыми магическими действиями, такими, например, как использование (по рассказам стариков, записанным мною в Кубачи в 1925 г. при осмотре мастерской Шайтанова) для формовочной массы — воды из «целительных» источников. Близ с. Амузги есть такой источник, вода которого слыла специально помогающей от сглаза. Некоторые литейщики брали с собой, как говорят, эту «чудодейственную» воду в Лакский округ, куда им случалось выезжать для литья котлов.

Надо ли подчеркивать, что уже в 1925 г. этот обычай был фактом, ушедшим в прошлое и лишь шутливо вспоминаемым.

Дальнейшая обработка котла состоит из чистки, удаления «литка»,[16] обтачивания внутренней поверхности котельного корпуса на токарном станке.

Токарный станок представляет собой горизонтальную ось с большим деревянным маховым колесом. На одном конце оси — ручка для вращения, на другом — железный каркас, куда вплотную вставляется деревянная муфта (сделанная по размеру котла) с затиснутым в нее котлом. Жена мастера вращает колесо. Сам он берет в правую руку железный резец на длинной рукоятке, прикладывает его острием к внутренней части вертящегося котла, подтыкает себе под левый бок подушку и начинает обтачивать котел изнутри, поддерживая левой рукой рукоятку резца, налегая на нее всем корпусом. Колесо скрипит, из-под резца сыплются тонкие медные стружки. После обточки к котлу приклепываются отлитые отдельно ручки и производится обработка напильниками различных деталей.

Архаичной технике производства соответствует вся обстановка. В мрачном помещении потолочные балки покрыты грязно-белым налетом от металлических паров. Прямо перед входом вырисовывается остов токарного станка с грубо сколоченным массивным деревянным колесом. В одном углу чернеет груда мелкого кала-корейшского древесного угля; из другого выглядывают мехи с устьем, вправленным в каменную кладку. Над горном, на цепи, покрытой белым налетом, висит чикаби́цля ашакла́; другие подобные же разнокалиберные опоки виднеются в полумраке вдоль стены. На неровном земляном полу, который завален медным ло-

[16] Т. е. меди, застывшей в отверстии формы, через которое шло литье; литок иногда оставляется и неудаленным.

мом, котлами и моделями, можно различить рабочую площадку, обложенную брусьями и устланную каменными плитами. Близ нее наковальня, тиски, деревянные весы, гири-камни. На самой площадке — груда формовочного песка и сулевкентский гончарный круг,[17] необходимый литейщику при процессе накладывания массы во время приготовления формы.

Когда мне пришлось приобретать в с. Кубачи для Гос. Исторического музея коллекцию по литейному делу, на этой почве встретились большие затруднения. Дело в том, что современные мастера не могут сделать (или во всяком случае ни разу не делали) тех наиболее важных предметов самодельного инвентаря мастерской, которые мне необходимо было приобрести. Это главным образом относилось к металлическим комплектам для изготовления глиняных котельных форм. Особенно ценятся опоки, сделанные из массивных литых частей, склепанных друг с другом. Остальные орудия, не столь сложные и специфические, фигурирующие и в других, лучше сохранившихся, отраслях кубачинских производств (кузнечный мех, тигель, тиски, наковальня, весы, напильники и т. п.). приобретать было гораздо легче.

Старик, присутствовавший в мастерской, рассказал, что лет 40 назад (т. е. в конце XIX в.) «в с. Кубачи было 5 литейных мастерских». Отец его матери, доживший до восьмидесятилетнего возраста, литейщик, за всю свою долгую жизнь выезжал из родного селения только один раз и то недалеко — в ближайшее селение Шири. С утра до ночи он сидел за работой в мастерской. «Много тогда работали наши литейщики», присовокупил в заключение рассказчик.

Описанное производство в последний раз я наблюдал в с. Кубачи в 1940 г. Его живучесть, хотя бы и «на ущербе», объясняется тем, что котлы фабричного производства не отвечают запросам кубачинского потребителя. Местные котлы всеми своими деталями (ручками, ножками, крышками) и градацией размеров как нельзя лучше соответствуют нуждам повседневного обихода даже до наших дней.

Большая степень насыщенности почти всех кубачинских домов местными котлами и отмирание в то же время внешнего спроса на эти изделия держат меднолитейное дело в с. Кубачи в таком состоянии, что оно не может развиваться.

А спрос на котлы был когда-то весьма широким. Так, и до настоящего времени кубачинские литые котлы в большом количестве можно найти на пространстве Среднего и Южного Дагестана в даргинских, кайтагских, табасаранских и лезгинских селениях, в домашней обстановке жилищ. Но этого мало. Материалы наших последних экспедиций в Аварии (1945—1946 гг.) показали, что именно кубачинские медные котлы имели в ряде районов этой части Дагестана (Кахибском, Хунзахском и других) вплоть до начала XX в. значительное распространение, употреблялись в повседневном обиходе и особенно в обрядах и вообще считались предметами очень ценными. Приведем некоторые конкретные данные из записей экспедиции (в частности, из записей участниц нашей экспедиции З. А. Никольской и Ю. В. Ивановой).

В селениях аварского общества Гидатль (Урада, Тлях, Тидиб, Ходота, Гента, Мачада), т. е. в северо-восточной половине Кахибского района ДАССР, отстоящей от с. Кубачи по прямой «воздушной» линии не менее, чем в 100 км к северо-западу (а по горным дорогам едва ли не вдвое

---

[17] Т. е. гончарный круг, употребляемый в с. Сулевкент для производства гончарной посуды; круг низкий, приводимый в движение руками, вырубленный из цельного тяжелого куска дерева.

дальше), — литой медный котел кубачинской работы называется «ухй». В старинных однокамерных гидатлинских жилищах эти котлы в количестве одного, двух, трех и более экземпляров стоят обычно на особой низкой полке около дверок цагу́ра (хранилища пищевых продуктов) в наиболее почетной части обширного жилого зала, находящейся именно там, где расположен открытый очаг; в этой части помещения мы видим также семейную «святыню» — массивный деревянный резной столб и большой деревянный резной диван для мужчин. Все вместе взятое составляет как бы целый комплекс, одним из элементов которого будут, следовательно, кубачинские котлы. По старым гидатлинским обычаям, восходящим ко второй половине XIX в., впервые вводимая во время свадьбы в дом жениха невеста должна была наступить на пороге на кубачинский «ухй», опрокинутый ножками вверх и покрытый овчинной шубой шерстью наружу. Считалось, что, совершив такую церемонию, она «приобщалась» к дому жениха. По адатам того же времени штрафы, налагавшиеся здесь обществом на отдельные дворы, уплачивались кубачинскими котлами как предметами, представлявшими собой определенные ценности. В кубачинских котлах, как правило, готовились кушанья, предназначенные для свадебных или поминальных пиршеств. В аварском селении Чох (Гунибский район ДАССР) во второй половине XIX в. существовал обычай, по которому ближайшие родственники умершего носили из дома в дом кубачинский медный литой котел, наполненный вареным рисом, для поминовения покойника. Они обходили всех представителей данного родственного коллектива, а также соседей. В этом же селении, по свидетельству А. В. Комарова (1868 г.) [51, стр. 80—88], потомки освобожденных рабов до четвертого поколения при переделе пахотных участков должны были вносить в пользу общества по одному «ухй» стоимостью в 8—10 рублей.

Приведенные сведения показывают, что вплоть до второй половины XIX в. включительно интересующие нас медные литые кубачинские котлы разных размеров входили в состав самых традиционных предметов быта населения Северного Дагестана.

Таким образом, ясно, что распространение кубачинских литых котлов охватывало фактически территорию всего Дагестана. Это обстоятельство небезынтересно учесть и применительно к истории происхождения и бытования прототипов современных медных кубачинских котлов, — котлов бронзовых, древних.

АМУЗГИНСКОЕ КЛИНКОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Характеристике кубачинских златокузнецов нельзя не предпослать данных по выделке клинков в соседнем селении Амузги. Когда-то клинковое производство было, повидимому, и кубачинским, поскольку кубачинцы исстари славились как оружейники и поскольку жители Амузги этнически и культурно были безусловно связаны с кубачинцами. В процессе специализации производств по селениям клинковое дело как более простое и первичное выделилось и локализовалось в соседнем с кубачинцами селении, представляющем вместе с с. Кубачи как бы единый производственный комбинат (ибо амузгинские клинки одеваются в ножны и украшаются кубачинцами). В силу сказанного обратимся теперь к краткому описанию клинкового производства с. Амузги.[18]

---

[18] По материалам, записанным мной на месте в 1925 и в 1940 гг.; см. нашу публикацию 1926 г. [89, стр. 29—40]. В 1944 г. большая часть жителей с. Амузги переселилась в новые районы ДАССР.

До селения Амузги ехать из Кубачи верхом не более получаса. На высоком, почти совершенно отвесном обрыве прилепилась, как ласточкино гнездо, небольшая кучка каменных с плоскими крышами домов — это с. Амузги.

Войдя в любой из этих домов, вы увидали бы довольно скромную обстановку. Прежде всего бросится в глаза даргинский очаг «пáу», описанный нами выше (см. стр. 44—46). Наклонив голову, вы зайдете в «очаговую» часть комнаты и подойдете к пау. На каменном полу здесь посредством плит выложено полукругом самое место очага; в потолке между балками проделано четырехугольное отверстие для дыма; на боковых стенах и на полу—кухонная посуда (горшки, кувшины, кастрюльки и т. п.). В других частях комнаты много сулевкентской глиняной утвари, кое-какие медные сосуды кубачинской работы и (что является самым интересным) непоместившиеся в самой мастерской или случайно здесь оставленные некоторые принадлежности кузнечного производства.

В Амузги до недавнего времени насчитывалось до 50 кузнечных мастерских. Произведения амузгинских кузнецов можно видеть в с. Кубачи на базаре, куда с.езжаются люди из разных аулов.

Чтобы поближе познакомиться с этим мастерством, опишем типичную амузгинскую сталекузнечную мастерскую. Мастерская занимала обычно особое, довольно просторное помещение (например, 7.35×3.35 м) в доме мастера, где он работал с помощью членов семьи. Бывает, впрочем, и теснее (например, обмер другой мастерской 3.80×2.66 м). Приблизительно в середине мастерской находится невысокая наковальня (например, высотой 0.12 м), неподвижно закрепленная в горизонтальном деревянном обрубке, который, в свою очередь, крепко вделан в пол, не выдаваясь над его поверхностью. Вокруг наковальни обычно — три сиденья для кузнецов. Сиденья эти устроены в полу в виде четырехугольных (примерная площадь $\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$ м) углублений (примерная глубина $\frac{1}{3}$ м), выложенных плоскими камнями. Сверху углубление немного прикрыто каменной плитой, которая собственно и служит сиденьем кузнецу, а в самое углубление он спускает ноги. Три таких углубления окружают с трех сторон наковальню, с четвертой стороны подходит горн. Таким образом, вокруг наковальни получается прямоугольная площадка размером около 1 кв. м.

Горн и мехи устроены так же, как у кубачинского медночеканщика, но повернуты к мастеру под известным углом, чтобы при закалке длинный кинжальный клинок приходился по отношению к мехам не острием, а продольно; другими словами, чтобы каменная стенка с мехами не мешала мастеру держать клинок на огне, давая ему в этом направлении свободу движений. Сиденье, от которого горн находится по левую руку,— место хозяина. Другие два сиденья предназначены для помогающих (например, при ковке). По бокам сиденья мастера, справа и слева, расположены небольшие открытые каменные «ящики», сделанные так же, как и углубление, куда мастер опускает ноги, только меньших размеров. В правом «ящике», под рукой у мастера, лежат инструменты, в левом (следовательно, ближе к горну), тоже под рукой,— мелкий древесный уголь. Позади мастера, слева, и так близко, что он может протянуть руку, стоит узкое и низкое каменное корыто с водой (примерно, длиной 120 см, шириной — 0.27 м). Где-нибудь около другого сиденья брошены железные самодельные тиски, укрепленные стоймя в тяжелом деревянном горизонтальном обрубке или в камне. Поодаль — 1—2 точильных колеса на деревянных стойках. Такова в общих чертах обстановка амузгинской сталекузнечной мастерской, из которой выходят кинжальные клинки, бритвы, ножи, косари, серпы, косы, топоры, подковы и т. п.

Из всех этих изделий самое сложное по выработке и создающее славу мастеру — это кинжальный клинок. По качеству клинка судят о мастере. Клинок, прежде чем он выйдет готовым из рук мастера, должен пройти 13 стадий обработки.

Сперва мастер выковывает железную болванку и отдельно узкую стальную пластинку вдвое длиннее болванки. Потом он огибает этой пластинкой болванку с двух сторон. Это первая стадия клинка, состоящего из двух частей,— железной в середине и стальной по краям. Части пока еще не скованы в одно целое. Следующая, вторая стадия, «сваренное железо», представляет собой ту же железную болванку, но скованную со стальной пластинкой с незамкнутого конца. Теперь уже обе части скреплены друг с другом, правда пока еще не совсем. От дальнейшей ковки мастер получает «сваренную ветку» (третья стадия), т. е. железо здесь уже окончательно сковано со сталью, а предмет вытягивается приблизительно до длины будущего клинка. Затем мастер выковывает на конце «сваренной ветки» узкий стержень (четвертая стадия), на котором будет держаться рукоятка кинжала. Дальнейшей ковкой, теперь уже холодным способом, без огня, мастер придает своей работе более плоскую форму, в которой легко отгадать очертания кинжального клинка (пятая стадия) и укрепляет ее неподвижно на особом деревянном ложе, слегка загнув для этого рукояточный стержень и вбив его молотком в ложе. Один конец ложа мастер упирает в живот, а другой — в наковальню или в пол и начинает выстругивать от себя особым железным резцом желобок, который обычно идет вдоль клинка и предназначен для стока крови. Тонкие, блестящие, закручивающиеся в спираль железные стружки летят вниз. Когда желобок прорезан, клинок перевертывается, кладется на ложе другой стороной, которая подвергается тому же процессу простругивания. Клинок с желобком — это шестая стадия обработки. Заметим, что на некоторых кинжалах бывает на каждой стороне по два параллельных желобка.

После прорезки желобков мастер обтачивает их напильниками и чистит клинок особой железной скребкой, отчего тот становится блестящим (седьмая стадия), точит на точильном колесе крупной точкой (восьмая стадия), прокаливает докрасна на огне и опускает затем в корыто с водой. Клинок получает синеватый тон. Это девятая стадия обработки. После закалки клинок оттачивается на другом точильном колесе мелкой точкой (десятая стадия), шлифуется камнем (одиннадцатая стадия), чернится купоросом (двенадцатая стадия). Приступая к полировке, мастер кладет клинок на деревянное, оклеенное войлочной настилкой ложе, накладывает сверху по линии желобка особый железный ранжир, вроде линейки с несколько согнутым концом, и захватывает с одного конца всю эту установку щипцами. Закрепив ручки щипцов неподвижно роговой зажимкой и крепко прижав к ложу другой конец клинка при помощи второй зажимки, мастер начинает тщательно полировать кинжал особо предназначенными для этого деревяжками.

Качество клинка зависит от стальной части, которой огибается первоначальная железная болванка. Эта стальная пластинка может быть выработана весьма сложным способом, в результате чего получается особый высокий сорт клинка. Данный сорт клинка некоторые мастера именуют «дамасским». На деле же его нельзя называть дамасской сталью (точнее — дамасской сталью тигельного мелкорисунчатого булата): амузгинский клинок упомянутой сложной выделки представляет собой крупнорисунчатый «дамаск», так называемый «сварочный булат».[19]

---

[19] Н. Беляев. О булате (журн. Русск. Металлургич. об-ва, № 4, 1911 г.).

Первоначальная стальная пластинка для такого клинка изготовляется из трех сортов покупной стали — крепкая сталь для лезвия (для соединения с железом), так называемая, «антушка́» (А), мягкая сталь, которая употребляется для простых сплошных лезвий — «дугалала́» (Б) и самый крепкий сорт стали (подпилочная) — «альхана́» (В).

Из каждого сорта мастер выковывает небольшие тонкие пластинки и кладет их в известном чередовании (А — Б — А — В — А и т. д.). Потом, зажав щипцами стопку сложенных в таком порядке пластинок.

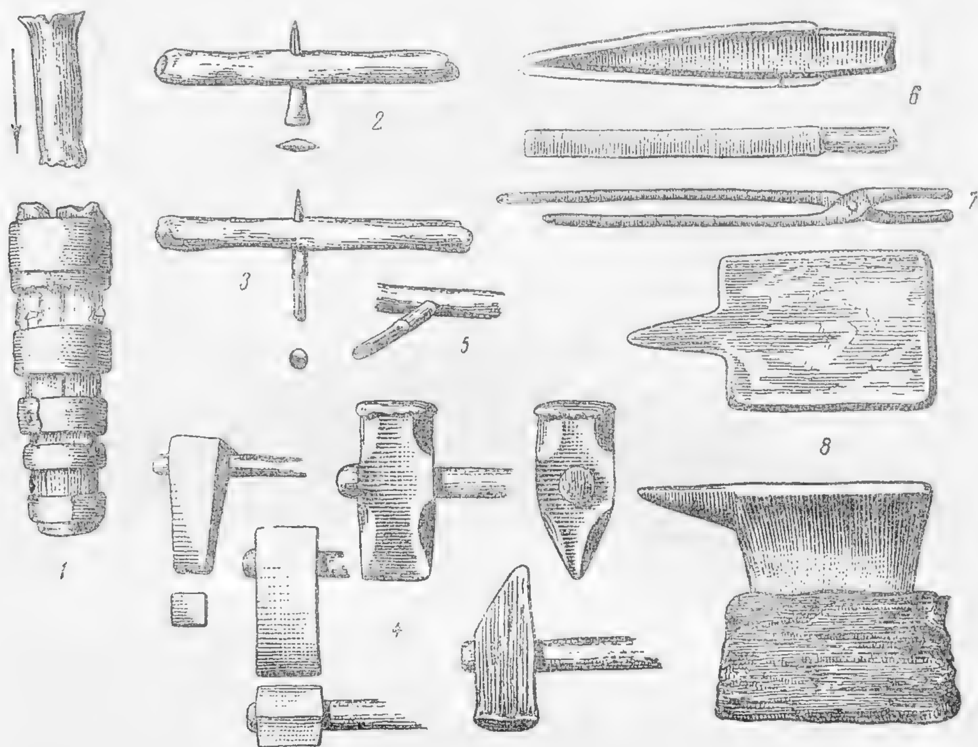

Рис. 28. Из производственного инвентаря сталекузнечной (клинковой) мастерской селения Амузги. 1925 г. (По рисункам Н. Б. Бакланова).

1 — тиски для выпрямления рога (на ручки); *2* — скребок для очистки кинжала от окалины; *3* — скребок для желобка; *4* — молоты; *5* — кувалда; *6* — железная со сталью болванка для лезвия; *7* — щипцы; *8* — наковальня.

он закрепляет щипцы зажимкой и кладет стопку на горн. Когда она раскалится, ее переносят на наковальню. Около наковальни у мастера уже приготовлен желтый порошок, взятый из-под точильного колеса, этот материал там изобилует, так как получается из отходов точки. Окунув в порошок раскаленную стопку, мастер помещает ее на наковальню, и ее начинают бить молотом. Куют вдвоем или втроем. В горн подбрасывают порошок, стопку снова прокаливают, снова куют, и так несколько раз. Порошок необходим, чтобы произошла сварка стальных пластинок; он же употребляется при сварке железа со сталью. Мало-помалу выковывается четырехгранный стальной стержень, который затем в дальнейшем процессе ковки, перемежающейся с прокаливанием, делается более плоским и вдвое вытягивается. Затем мастер ломает полоску пополам, и таким образом сталь для двух клинков готова.

Взяв железную болванку и обогнув ее только что изготовленной стальной полоской, мастер принимается за изготовление клинка, т. е. проходит все перечисленные стадии обработки. Поверхность такого «дамасского» клинка, хорошо отполированного, носит на себе следы сковавшихся кусочков в виде зигзагообразных прожилок.

Амузгинские кузнецы делают клинки разных сортов — и дешевые, и дорогие, и разных размеров. Клинок малого размера — примерно 0.35 м, без рукоятки, среднего — примерно 0.55 м. Клинки больших размеров употребляются мало и считаются старомодными. Что касается стоимости, то по ценам 1925 г. плохой клинок можно было купить за 1—2 рубля, хорошие же расценивались от 7 до 15 рублей. На выработку хорошего клинка мастер должен затратить дней 8.

Среди инструментов сталекузнечной мастерской обращают на себя внимание некоторые вещи, которые, собственно, к кузнице не относятся. Дело в том, что обычно мастер делает только клинок, а дальнейшее его превращение в готовый кинжал, т. е. выделка и прикрепление роговой ручки, изготовление ножон и др., переходит в Кубачи к особому мастеру кинжалоотделочнику или монтировщику. Однако и наш кузнец может при случае вторгнуться в эту область. Вот почему в его мастерской, рядом с обычным инвентарем сталекузнеца, мы встретим такие, например, вещи, как деревянную муфту для выпрямления рога, зубило для проделывания дыр в рукояточном стержне, другое широкое зубило для обделки роговых ручек, маленькие щипцы с зажимкой, на которых подпиливаются шляпки гвоздей, и др.

Амузгинские клинки для холодного оружия издавна пользовались в Дагестане большой известностью. Неподалеку расположен и другой центр сталекузнечного дела — селения Харбук. Наряду с названными очагами клинкового производства, известны, конечно, и другие. Из них в первую очередь надо упомянуть о селениях кумыкской плоскости. Здесь в первой половине XIX в. особенно славился мастер Базалай [20, стр. 102, 1850 г.]. Клинки его работы получили в Дагестане нарицательное наименование «базалай» и для монтажа и художественной обработки зачастую попадали в Амузги и Кубачи.

МОНТИРОВКА

Особую серию производств промежуточного подсобного характера в с. Кубачи называют «монтировкой». Таковы очень разнообразные производства по выработке металлических частей для оправы оружия и цельных предметов (утварь, сосуды, портсигары и т. д.), которые потом поступают для художественной обработки в руки гравировщиков или мастеров насечки.

Специализация в перечисленных работах может различаться по технике и по материалу. Однако особенно строгого разграничения здесь нет.

Крупная монтировочная специальность — производство ножон для холодного оружия.

Если отвлечься от предметов европейского обихода (пудрениц, портсигаров, запонок), которыми кубачинцы стали заниматься не так давно и в производстве которых они, в смысле формы, естественно, не достигли совершенства, то остальные изделия монтировщиков, детали и вещи старой традиции, носят отпечаток совершенных, давно сложившихся форм, отпечаток значительного культурного наследия.

Ножны для шашек и кинжалов различных размеров делаются из двух деревянных, точно соответствующих клинку планок. Планки обтя-

гиваются ослиной кожей, считающейся для этого лучшим материалом. Ее может заменить козлиная кожа, лицевая поверхность которой предварительно обрабатывается под шагрень. Оборотная сторона ножон кинжала иногда снабжается узеньким кожаным кармашком для небольшого ножичка, входящего в состав полного кинжального комплекта.

Большой опытности от мастера, делающего ножны, требует изготовление рукоятки к кинжальному клинку из буйволового рога, слоновой или моржовой кости. В его мастерской имеется набор орудий и инструментов для обработки этих материалов. Амузгинские клинки, попадающие в руки кубачинца-монтировщика, обычно имеют узкий и острый рукояточный стержень, на который монтировщик прочно насаживает цельную костяную или роговую рукоятку. Иногда же клинки снабжены плоским рукояточным средником, соответствующим контуру будущей рукоятки. Тогда мастер обкладывает средник двумя кусками рога или кости, скрепляя их болтами, и рукоятка получается у него составная.

Собирая ножны в целое, мастер должен закрепить в надлежащих местах все полагающиеся металлические части и украшения, сделанные или им самим, или вышедшие из рук другого мастера.

Существует довольно много типов убранства холодного оружия наборами металлических «кусков». Я приведу несколько примеров, не исчерпывая всего разнообразия. Так называемая паталá шушкá, т. е. «шашка со штанами» — наш «азиатский фасон», как говорят в с. Кубачи (в отличие от так называемой казачьей), с глубоко вдвинутой в ножны рукояткой, имеет семь металлических «кусков», которые и перечислю в порядке их расположения от рукоятки до наконечника: ажé (ручка), такá (плоская часть, декоративно окаймляющая устье ножон), чибигаля́ (первый поясок с петлей для портупеи), патá (первая «штанина» — декоративная, удлиненная пластинка), чибигаля́ (второй поясок с петлей для портупеи), патá — (вторая «штанина», симметричная по отношению к первой), хайканé (наконечник) (рис. 29).

Чибиглюмалá шушкá, т. е. «шашка с поясками»,—тот же набор, но без «штанов», всего 5 кусков.

Металлические «куски» этих наборов более или менее богатой обработки (гравировка по серебру с чернью; насечка золотом по слоновой кости или по железу; цветная эмаль), вышедшие, может быть, из мастерской другого монтировщика (серебряка) и затем прошедшие через руки двух-трех мастеров-художников, наш монтировщик, приготовляющий ножны, искусно собирает и закрепляет на ноженном футляре, черная шагреневая поверхность которого проглядывает как основной фон среди блестящих украшений.

Наиболее дорогим и щегольским видом является так называемая битау шушкá, т. е. «сплошная шашка», состоящая из набора в 12 «кусков», покрывающих ножны сверху донизу сплошной фактурой ювелирно обработанного серебра, иногда еще с костяными вставками, насеченными золотом. Пять лишних «кусков» битáу шушкá сравнительно с патухалá шушкá идут как раз на покрытие мест, где на патухалá шушкá виден шагреневый фон кожи.

Ножны для кинжалов тоже бывают разных типов, начиная от самых скромных, имеющих на конце лишь металлическую шишечку и сверху поясок для ремня, и кончая нарядными, с наложенными поверх кожи дорогими наконечниками и усложненными верхними поясками. Наиболее богатые кинжалы, как и шашки, покрываются сплошь серебром, включая иногда и рукоятку.

Сильно искривленные иранского типа клинки, например кривой

кинжал (бе́хбут или балька́) и шашка (кли́чь), требующие особых ножен, а также вариации размеров клинков вообще, вариации основных форм традиционных ноженных «кусков», все это вместе взятое выявляет весьма, в общем, богатый ассортимент украшений холодного оружия, выпускаемый кубачинскими монтировщиками. Собственно список их изделий можно было бы еще продолжить, перечислив все многочисленные «куски» наборов к мужским ременным поясам, упряжи, седлам, кобурам и т. п., — в прошлом еще «куски» для украшения пистолетов и кремневых ружей, а также назвав те новые, европейского обихода вещи, которые кубачинцы, хорошо ли, плохо ли, все в большем и большем количестве выделывают.

Монтировочные отрасли кубачинских производств художественными, в строгом смысле слова, названы быть не могут. Они лишь подготовляют для резца мастера достаточно отточенную и выразительную форму, создавая конструктивные детали и собирая части в целое.

Монтировкой (помимо мастеров-монтировщиков в узком смысле этого слова) занимаются как промежуточно подсобным делом чуть ли не все кубачинцы и значительная часть амузгинцев.

Можно думать, что разносторонние отрасли кубачинской «монтировки», значительно изменивши прежние производственные русла и кое-что утративши вовсе, донесли все же до нас некоторые зерна культуры той мощной когда-то среды «кольчужников», творцов оборонительного и наступательного оружия, которая столь прославила страну «зирехгеранов».

А утраченными оказались, в первую очередь, как раз все виды оборонительного оружия (связанные с искусной ковкой железа, чеканкой серебра, литьем деталей из ценных и простых металлов, первичной обработкой дерева, кожи, рога и кости, т. е. как раз со всеми теми специальностями, которые именно и являются сейчас в с. Кубачи достоянием так называемой «монтировки»).

В соседних аулах часто можно слышать рассказы иногда насмешливые, иногда преувеличенные, повествующие о хитроумных кубачинцах, которые якобы «все, что угодно, могут сделать, даже человека из железа сделают».

Один ревнивый кубачинец (как в шутку рассказывают, например, в Уркарахе), уезжая по торговым делам надолго в Иран, сковал некое хитрое приспособление, не позволявшее жене в отсутствие мужа совершать су-

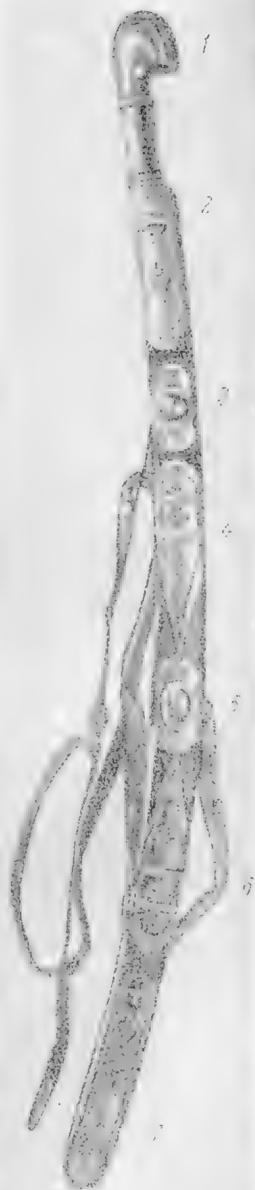

Рис. 29. Шашка с серебряным оформлением, состоящим из семи «кусков».

1 — рукоятка; *2* — «кусок», обрамляющий устье; *3* — первый поясок с петлей для портупеи; *4* — первая «штанина»; *5* — второй поясок с петлей для портупеи; *6* — вторая «штанина»; *7* — наконечник.

пружескую измену. Рассказ этот, конечно, басня. В с. Кубачи его с негодованием отвергли, но он характерен как шутка.

Подобные рассказы следует относить прежде всего к мастерам кубачинской «монтировки». Кубачинцы чрезвычайно способны придумывать, конструировать, изобретать.

Способность эта часто проявляется в тех случаях, когда им заказываешь какую-нибудь новую сложную вещь. Мне припоминается придуманное и выполненное одним монтировщиком весьма остроумное приспособление откидной подставки с особым замком к одному экспонату, заказанному в с. Кубачи для Музея народов СССР. Изобретательские способности кубачинцев, впрочем, обнаруживались и задолго до наших дней. Р. Фатуев, например, занимавшийся А. А. Бестужевым-Марлинским, приводит показание этого декабриста, попавшего более 100 лет назад в Дагестан (30-е годы XIX в.), об изобретении мастерами с. Кубачи особой пружины для кремневого пистолета («Нажми огниво, и у него отпадет на полку золоченая покрышечка, чтобы порох не развеялся и не отсырел, а при выстреле она сама входит в прежнее место» [81, стр. 58—61]).

Если металлообработку с. Кубачи в порядке поэтического отклонения нам позволительно будет сравнить с легендарным мастерством Гефеста, то один из шедевров вулкановой кузницы, щит Ахиллеса, можно взять для сравнения с искусством кубачинской гравировки, тогда как другой — сеть, скованную в целях уловления Афродиты,— с хитроумностью кубачинской монтировки. Это уподобление можно развить еще тем замечанием, что и в ахиллесовом щите самая ковка и сборка (не его украшение) сделана была в том самом «отделении» кузницы, которому в с. Кубачи соответствует мастерская монтировщика.

Не касаясь подробно всех разделов монтировочной техники, я хочу лишь отметить, что ковка и литье серебра сходны с аналогичными приемами обработки в с. Кубачи меди. Отливки из серебра производятся в железной коробке (опока). Обе половины коробки наполняются массой песка с небольшим количеством мазута. На поверхности этой массы раскладываются деревянные или оловянные модели тех предметов или «кусков», которые требуется отлить. Затем обе половины коробки складываются и вновь разнимаются. Модели удаляются. Полученные на поверхности формовочной массы оттиски моделей осторожно соединяют канальцами, по которым будет течь расплавленное серебро. Коробка вновь складывается. Через особое отверстие в нее льется серебро. Застывшая отливка вынимается из коробки, распиливается на части, и каждый предмет обрабатывается напильниками.

Подобные вещи могут быть выполнены и способом холодной ковки.

Наборы плоских и довольно крупных деталей для украшения шашек делаются ковкой. Кинжальные пояски и отливают, и куют, и штампуют. Накопечники к ножнам кинжалов чаще куют.

Монтировочная домашняя мастерская — обычно небольшое помещение рядом с жилой комнатой, иногда угол или часть балкона. Ее оборудование: ручной мех, глиняный горн, тигели, небольшая наковальня, тиски, лобзик, ножницы, циркуль, весы, дрель, рубанок, куски кожи, дерева, рога, ящики и полки с молотками, зубилами, штампами, мелкими моделями и т. п. В современной кубачинской артели имеется хорошо оборудованный монтировочный цех.

Мастерство монтировки — очень видное звено кубачинских производств. Та поддержка, которая мастерам-монтировщикам оказывается в наши дни, должна и впредь состоять в конкретной помощи по освоению

новых для с. Кубачи изделий широкого современного спроса.[20] Большое положительное влияние окажет также дальнейшее усиление механизации ряда процессов и увеличение завоза в Кубачи соответствующего новейшего оборудования.

ГРАВИРОВКА

Хаби́чу уста́, мастер гравировки, — центральная фигура кубачинского производства.

И в численном отношении в с. Кубачи группа граверов — самая крупная, их насчитывают более 200 человек. Почти каждый мастер гравировки в то же время и монтировщик-серебряк в пределах своей работы.

Основной материал, с которым имеет дело гравер, — серебро; в значительно меньшей степени — медь.

В маленькой комнатке, образованной из сплошь застекленной части балкона, лицом к свету сидит человек, внимательно склонившийся над серебряной пластинкой, наложенной на брусок, который он держит в левой руке и «копает» по серебру резцом. Это кубачинский хабичу уста в своей домашней мастерской. Перед ним что-то вроде прилавка, за которым он примостился на низеньком деревянном табурете. Он и, может быть, его подрастающий сын — единственные работники мастерской.[21]

В мастерской своеобразный порядок и чистота. Мелкий инструментарий гравера — разнообразные резцы и молоточки — частью разложены на прилавке, частью засунуты за шнур, протянутый вдоль стены. Где-нибудь рядом блюдечко с чернью, бура, пинцет, куски серебра, напильники, аптекарские весы, ножницы, циркуль — вот, кажется, и все (рис. 30).

Те вещи, которые мастеру могут понадобиться для монтажной работы, находятся не здесь, а по соседству, в какой-нибудь другой комнате. Там и мехи, и горн, и наковальня, и тиски. Здесь же только то, что ему нужно для гравировки.

Гравировка по-кубачински называется хаби́чиб, хаби́чибзиб.

Серебряную вещь, литую или кованую, которую необходимо обработать гравировкой, мастер сперва закрепляет черным варом на деревянном бруске, чтобы удобнее было ее держать. Затем берет этот брусок в левую руку и острым резцом быстро намечает на поверхности серебра расположение основных линий узора. Затем он меняет острый резец на копьевидный, упирает его рукоятку в ладонь и, охватив стержень резца пальцами, принимается за резьбу, направляя инструмент вперед от себя, то плавными движениями, то выстругивающими толчками. Во все стороны летят при этом мельчайшие серебряные частички.

Через некоторое время вы видите на нетронутом фоне серебра углубленный рисунок, состоящий из прорезанных по серебру линий и разнообразных листочков, которые сделаны не линейным контуром, а сплошными выемками металла.

Эта техника называется «ля́мцла», что соответствует значению «лизаный». Неглубокие цельные выемки металла как бы уподобляются углублениям, полученным от слизывания.

---

[20] Эти вещи здесь иногда все еще имеют технические недостатки.

[21] Такие мастерские я видел в с. Кубачи в 1925, 1936 гг. и позднее; они сосуществовали с общей мастерской, организованной при артели. При посещении мной с. Кубачи в 1944 г., когда артель стояла уже на прочной базе, отдельные домашние мастерские имелись главным образом у мастеров, не входивших в состав артели.

Что касается мастеров членов артели, то, конечно, в ряде случаев и у них дома сохранились от прошлых лет собственные мастерские, в которых некоторые работают по своему почину сверх работы в артели.

Ля́мцла в чистом виде употребляется сравнительно редко.

Это скорее стадия работы, чем законченный технический прием.

Если маст ер делает резьбу в обратном соотношении, т. е. вырезает не рисунок, а фон, то мы имеем дело с техникой, называемой цу́бла наки́ш, что значит «белый рисунок».

Резьба «цу́бла наки́ш» бывает обычно глубже, чем «ля́мцла». Поверхность лепестков цу́бла наки́ш (как увидим ниже) может быть покрыта более мелкой гравировкой. Для техники цу́бла наки́ш характерно отсутствие черни.

Чернь, хац,— специально приготовляемый мастером сплав,[22] по остывании имеющий вид черного камня.

Мастер толчет кусочек черни в ступке и получает порошок. Затем берет особое, заранее им же приготовленное, вещество — танакар (в технологии обработки металлов так называемый флюс,[23] употребительный при покрытии одного металла другим во время плавки), разводит его на блюдечке в воде и сыплет в раствор черневой порошок. Образуется смесь, напоминающая по консистенции кашицу. Это и есть, собственно, готовая для работы чернь.

Далее мастер при помощи пинцета накладывает равномерный слой черни на все углубления заранее выполненной им резьбы. Обмазанный чернью серебряный кусок прокаливается. Черневой состав плавится и залегает во всех выемках гравировки.

Почерневшая и потерявшая вид вещь, орнамент которой скрыт сейчас нагрубыми разводами застывшей черни, подвергается очистке сперва напильниками, потом шабром, наждаком и, наконец, особым песком из селения Усиши.

В результате чернь очищается, оставаясь лишь в углублениях, и орнамент предстает перед нами во всей красе. Предмет имеет совершенно гладкую полированную поверхость с четким белым узором на черном фоне (чибильго́н гуму́са хацля́ [24]) или наоборот (чибильго́н ля́мцла). Термин «чибильго́н» соответствует значению «сверху опаленный».

Чибильго́н, если он усложнен второй орнаментальной сетью мельчайших лепестков, как бы наложенной на все черные места основного, более крупного орнамента, является уже особого типа работой, носящей название де́нид-хати́чиб, что в переводе соответствует значению «гравированный внутри». Эта внутренняя резьба (узор, получаемый путем вырезки фона) производится, конечно, до наложения черни.

Работа де́нид-хати́чиб, благодаря микроскопически мелкой обработке металла, сообщает предмету нарядный, предельно насыщенный узором вид.

Некоторой разновидностью де́нид хати́чиб является так называемый кипде́нид хата́кибзиб, т. е. «кип» внутри сделать». Термином «кип» обозначается мелкий, напоминающий точку, вырез резцом по серебру. Характерным признаком описываемой разновидности, значит, будет наличие в орнаменте особых маломасштабных «точек», отражающих один из приемов техники резца.

---

[22] В рецепте черни, приведенном мной в публикации 1937 г. [88, стр. 60] по записи в с. Кубачи 1936 г., значится — 100 г красной меди, 100 г свинца, 12 г серебра, 200 г серы. У специалистов этот рецепт вызывает сомнение в том смысле, что в нем указана слишком малая пропорция серебра.

[23] Рецепт танакар: 100 г поташа, 50 г соли, 25 г буры; в XIX в. кубачинские мастера готовили танакар из золы растений. Танакар способствует процессу, происходящему при плавке черни во время приставания ее к основному металлу, т. е. к серебру.

[24] Гумуса хацля — «фон черневой»; лямцла («слизанный») здесь в том смысле, что узор до чернения был выполнен техникой лямцла.

Чибильго́н, являясь вполне законченным типом работы, может стать, в том случае, когда того требует композиционный замысел мастера, стадией, за которой следует дальнейшая обработка.

Если мастер, изготовив чибильго́н ля́мцла при помощи особого резца бенбулгла́, превратит фон в равномерно рубчатую, как бы гофрированную или штрихованную матовую поверхность, и затем для большей четкости прорежет острым резцом весь узор по всем его очертаниям, то получится уже иная работа, так называемая бенбулго́н.[25] Она дает очень своеобраз-

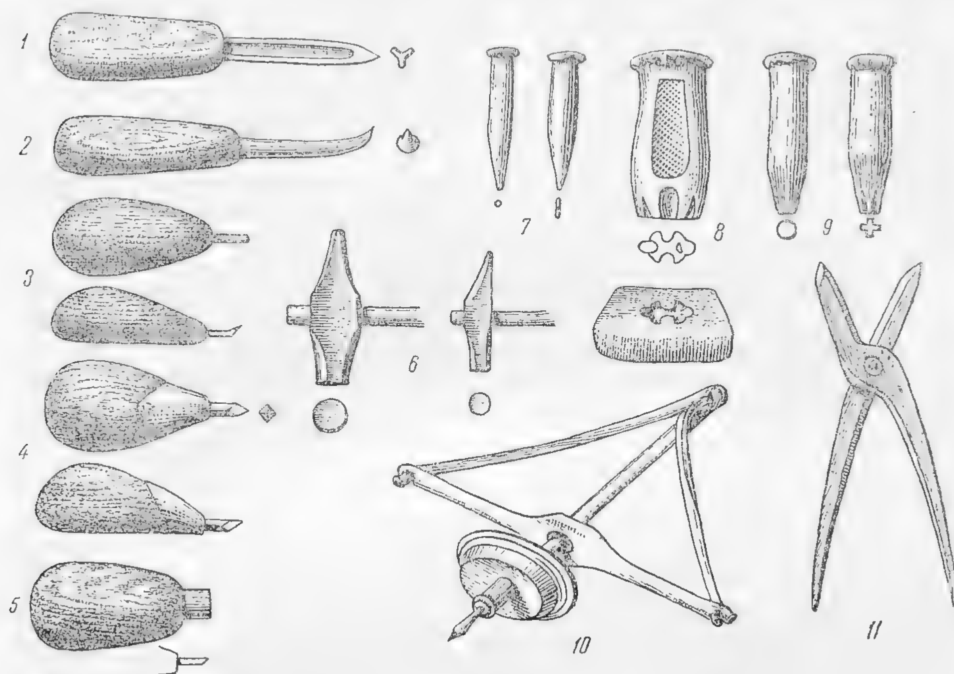

Рис. 30. Набор инструментов гравировщика. (По рисункам Н. Б. Бакланова).
1 — шобер-скоблило; *2* — гладилка; *3* — резец узкий; *4* — резец граненый; *5* — резец широкий: *6* — молотки; *7* — зубильца; *8* — штамп; *9* — пунсоны; *10* — дриль; *11* — циркуль.

ный эффект черных лепестков, блестяще серебряных контуров и мягкого затушеванного серебряного фона. Орнамент при технике бенбулго́н, естественно, должен быть сравнительно более крупным и менее густым.

На эту технику можно указать как на один из образцов неглубокой гравировки. Резец «бенбулгла̀» почти не углубляет фона, покрывая его поверхность лишь штриховкой; заполненные же чернью вырезки ля́мцла также неглубоки.

Такая неглубокая гравировка применяется обычно в тех случаях, когда орнаментом покрывается тонкая, не массивная серебряная пластинка.

Работа чибильго́н гуму́са хацля́ тоже может быть подвергнута последующей обработке: на гладких, белых лепестках узора вырезывается очень мелкий сплошной, блестящий мельчайшими срезами серебра орнамент, ярко вырисовывающийся на черневом фоне. Такую работу называют «кипчава́хиб». Смысл этого термина — работа, сделанная при помощи «кип» (кип — особое, упоминавшееся выше движение резцом). Кипча-

[25] Смысл этого слова — рубчатый фон.

ва́хиб бывает двух типов. Более старый по традиции тип — **ля́мцла кипчава́хиб** (состоящий, как видно по самому названию, из сочетания неглубоких вырезов штихелем, носящих наименование ля́мцла); при ля́мцла кипчава́хиб на листочках орнамента делается очень своеобразная разбивка миниатюрных поверхностей штрихами, прямыми линиями и срезами, что как бы контрастирует с извилистыми очертаниями самих листочков и ветвей орнамента. Другой тип — накишли́циля кипчава́хиб, т. е. «рисунчатый кипчава́хиб», состоящий как бы из уменьшенного дублирования некоторых элементов — листочков и цветов орнамента.

Кипчава́хиб обоих типов почти всегда завершает собой также работу цу́бла наки́ш, особенность которой, как я указывал, — отсутствие черни. В этом случае данный прием сочетается еще с одним, очень ценимым в с. Кубачи и считающимся очень трудной работой, требующей большой квалификации, — я имею в виду технику **бенбулто́н**.

Смысл этого слова — обозначение особой точечной обработки лицевых камней, встречающейся в с. Кубачи на фасадах каменных построек. Аналогичной точечной обработке подвергается и серебро.

Выполнив на серебряной пластинке «белый рисунок» — цу́бла накыш, т. е. получив в результате глубоко вырезанный фон, на котором лежит, следовательно, несколько приподнятый, плоский, бело-серебряный узор из лепестков, мастер берет специальное долото бенбултла́ в левую руку и, наставив его острием на углубленный фон, при помощи легких ударов молоточка покрывает все соответствующие места матовой точечной чеканкой, способной проникнуть в самые мелкие закоулки орнамента. Эта чеканка, собственно, и носит название бенбултон.

Работа в общем принимает вид светлой, без участия черни, поверхности, имеющей глубокий, чеканенный точками фон с лежащим на нем довольно рельефным орнаментом из лепестков, каждый из которых густо заполнен более мелким, сверкающим срезами узором кипчава́хиб. Такую работу можно назвать более точно — бенбулто́н кипчава́хиб, более обобщенно — цу́бла накыш; с напором на ту или иную техническую сторону, просто бенбулто́н, или просто — кипчава́хиб. В некоторых случаях бенбулто́н применяется и в сочетании с черневой работой. Техника бенбулто́н, представляющая пример глубокой гравировки, требует более толстой и массивной серебряной пластинки.

По своему характеру описанная работа (бенбулто́н-кипчава́хиб), дающая игру поверхностей разных глубин, дающая блики и яркие, и затушеванные, дающая густую орнаментальную ткань, подчеркивая красоту фактуры ценных металлов, создает впечатление чего-то торжественно-парадного. При наиболее богатом убранстве вещи именно бенбулто́н кипчава́хиб является доминирующим.

Из всех предыдущих описаний должно быть ясно, что хаби́чу уста́ в процессе работы может обходиться и без черневой техники. Если же он применяет ее, то основные процедуры располагаются в следующей последовательности: а) первая гравировка, б) наложение на нее черни, в) вторая, послечерневая гравировка. Мастер может при этом остановиться на втором моменте — наложив чернь, считать работу законченной (чибильго́н), может и продолжать дальше, используя по вкусу последующие приемы.

К менее употребительным приемам работы гравера относятся: бе́ни кабечу́ наки́ш — «выпиленный рисунок», и мутчеулконзи́б асли́ аче́, т. е. «работа золотом, припаянная на серебро».

Наконец, мастер искусной резьбой по твердому металлу готовит штамповальные доски с негативным изображением орнамента и при помощи их обрабатывает вещи техникой штампа с последующей отделкой деталей.

Сравнительно поздно было освоено травление узоров и надписей на клинках. В этом деле кубачинские гравировщики добились хороших результатов и, думается, могут итти дальше, осваивая и более широко применяя новую для них технику.

Гравированные серебряные предметы часто золотятся. По старому способу для позолоты мастер брал 1 золотник золота 96-й пробы и 4 золотника ртути и готовил из этого сплав. Затем поверхность серебряного предмета он натирал чистой ртутью и покрывал упомянутым сплавом. Вслед за этим предмет подвергался воздействию огня.[26]

Все многочисленные виды техники кубачинского гравировщика представляют собой до такой степени сложный комплекс, так срослись, спелись в одно стройное и органическое целое, что в самом этом факте нельзя не усмотреть, так сказать, монолитности данного элемента культуры. Другими словами, я полагаю, что тут нельзя считать одни приемы заимствованными, другие местными, одни более старыми, другие более новыми.

Все эти признаки в одинаковой мере приложимы и неприложимы к кубачинской гравировке в силу того, что круг аналогичных очагов мастерства когда-то был неизмеримо шире; в силу того, что очаги эти никогда нельзя было рассматривать изолированно одни от других, все они брали и давали, и каждый из них жил и перерабатывал; в силу того, наконец, что описанные нами выше работы не могли создаться на коротком промежутке времени,— все они стары, но они же и молоды, так как не застыли, не окаменели, а неуклонно из поколения в поколение видоизменяются,— видоизменяются и на наших глазах.

Я еще не касался вопроса об орнаменте, т. е. не раскрыл еще важнейшей половины творческого багажа хабӣчу уста́. Но даже и сейчас нам становится ясным, что самая техника, которой он пользуется, имеет значимость мощного художественного фактора. В выборе того или иного приема и их сочетаний уже есть доля творчества.

В производственной практике кубачинского гравера нет, кажется, такого случая, чтобы мастер всю свою композицию выполнил, пользуясь лишь одним видом техники. Он пользуется всеми ими, как художник красками. Они для него своего рода гамма. Рассмотрение любой хорошо сработанной вещи это подтверждает.

Приведу конкретный пример. Предмет, на описании которого мы здесь остановимся, был изготовлен по заказу Музея народов СССР в 1935 г. кубачинскими мастерами Хаджи Муратом Ганиевым и Ника Магомедовым к празднованию 15-летия Дагестанской АССР.

Это — массивная серебряная доска, на лицевой стороне которой выгравирован текст постановления ВЦИК от 20 января 1921 г. об образовании Дагестанской автономной социалистической советской республики.

Необходимо напомнить, что декрету предшествовал съезд народов Дагестана, работа которого проходила под руководством товарища И. В. Сталина. После разгрома контрреволюционных банд лучшие представители Красного Дагестана собрались в г. Темир-Хан-Шуре (теперь г. Буйнакск). Здесь 13 ноября 1920 г. в переполненном трудящимися зале городского театра товарищ И. В. Сталин объявил декларацию о советской автономии Дагестана [2, т. IV, стр. 394—398]. Вскоре после съезда из Дагестана была направлена специальная делегация в Москву к товарищу В. И. Ленину. По урегулировании в центре ряда вопросов правительство РСФСР опубликовало постановление, исторический текст которого и воспроизведен на рассматриваемом экспонате штихелем кубачинца.

---

[26] При огневом золочении чернь замазывается мелом с клеем, чтобы позолота не легла на чернь.

Текст заключен в медальон, имеющий форму округлой, мягкой по очертаниям «тамги»; вокруг идет пышный растительный орнамент, который ограничивается слегка выпуклой, тонко орнаментированной рамкой.

Перед нами яркий современный образец древнего по происхождению искусства Кубачи, подлинное произведение народного творчества (рис. 31).

Доска имеет форму квадрата (40×40 см), верхняя сторона которого дает ломаную линию, увенчанную в середине небольшим выступом с советской эмблемой (звезда с серпом и молотом). Тыловая часть доски снабжена откидной подставкой, имеющей особую задвижку.

Рис. 31. Серебряная доска с текстом декрета об образовании Дагестанской АССР.

Вещь потребовала от исполнителей, кроме работы чисто художественного порядка, еще преодоления значительных трудностей по части монтажа. В соответствии с давно установившимся в с. Кубачи порядком разделения труда по специальностям (например по насечке, по гравировке, по монтировке и др.) и в данном случае монтажное дело выполнил мастер монтировщик, кубачинец Ника Магомедов, а всю работу по гравировке, черни, чеканке и филиграни производил специалист этих отраслей Хаджи Мурат Ганиев.

Вещь, кажущаяся на первый взгляд монолитной, состоит из 23 отдельных частей, или «кусков», как говорят кубачинцы. Сюда входят: 4 полосы для рамки, 4 советских звезды по углам рамки, звезда на верхнем выступе

рамки, 4 наугольника (основные поля для орнамента), 4 фигурных пластинки в местах скрепления наугольников друг с другом, центральный медальон (для текста), декоративная шестерня с серпом и молотом (на медальоне), тыловая сторона доски, откидная подставка, задвижка, дощечка с датой и фамилиями исполнителей. Все перечисленные части были сделаны отдельно Ника Магомедовым, затем художественно обработаны Хаджи Муратом Ганиевым и, наконец, собраны на 78 серебряных гвоздиках в единое целое.[27] Тыловая сторона доски сделана из никелированной меди. Остальные куски (в общей сложности весом до 2.5 кг) — серебряные. Работа велась обоими мастерами примерно около шести месяцев. В общей композиции экспоната (форма доски и разбивка ее площади на части) некоторую помощь кубачинцам оказал дагестанский художник Муэддин Джемал.

В художественной обработке доски Хаджи Мурат Ганиев развернул типичный кубачинский орнамент, применив при этом разнообразные технические приемы.

Мы дадим краткое описание наиболее существенных частей экспоната.

а) Центральный медальон. Он имеет немного выпуклую заполненную текстом поверхность. Мастер выгравировал резцом на серебре текст и покрыл гравировку черныо. После закалки смазанных этим составом мест на огне, как это обычно для черневой техники, поверхность медальона была тщательно зачищена. Получилась черневая надпись на серебряном фоне, который в свою очередь обработан равномерно-рубчатой, как бы гофрированной, матовой штриховкой (техника неглубокой гравировки — бенбулгóн).

Во избежание пустых пятен, незанятые текстом места на медальоне декоративно заполнены черневым орнаментом. Сверху — две ветки «мoскóв»; слева, среди текста — «тýтта»; в нижней части текста несимметричные растительные извивы «мархарáй»; под текстом миниатюрное изображение серпа и молота и, наконец, в разных местах — штрихи, звездочки, завиточки.

Выше текста на медальоне помещена выпуклая позолоченная шестерня, внутри которой — рельефно сделанная эмблема (серп и молот) на золотом фоне бенбулгóн. В деталях шестерни применена также чернь и техника филиграни (пояски).

б) Наугольники. Основными полями орнаментального украшения нашего экспоната являются четыре крупных плоских наугольника, которые окружают медальон. На них дан рисунок тýтта, построенный на диагональных осях, выходящих из углов квадрата, и развернутый крупными и смелыми ветвями.

Несколько углубленный фон обработан тонкой точечной чеканкой, так называемой «бенбултóн» (техника глубокой гравировки).

Итак, на фоне бенбултóн мы видим в наших наугольниках выпуклый орнамент, как бы две совмещенных на одной плóскости, крупных по масштабу системы ветвей — ветви черневые и ветви светлые, серебряные (на репродукции эти последние видны хуже).

Ветви черневые имеют гладкие черные «головы» (бучй)[28], полированная (техника чибильгóн) поверхность которых испещрена мельчайшими светлыми, чуть заметными на репродукции, ростками,— прием «дéнид хатйчиб». Внутри этих же черных «голов» вырезаны резцом довольно крупные и хорошо различимые светлые «головы», прочеканенные способом бенбултóн. Это, следовательно, одна система крупных ветвей — ветви черневые.

---

[27] Описание этого предмета было опубликовано в 1938 г. [93].

[28] См. ниже в разделе об орнаменте.

Другая крупная система — ветви светлые, серебряные, вовсе не имеющие черни и передающие натуральную фактуру серебра в сложных, тонких и блестящих орнаментальных срезах. Эти ветви, окруженные чеканным фоном (бенбулто́н), имеют также традиционные кубачинские бучѝ, внутри которых в свою очередь сделаны более мелкие орнаментальные вырезки, — прием кипчива́хиб.

Все указанные приемы, взятые вместе, скомпанованные в одно гармоничное целое художественным замыслом мастера, придают основным орнаментированным полям нашего экспоната характер драгоценного ювелирного убранства.

На месте смычки наугольников друг с другом наложены небольшие декоративно вычурные золоченые пластинки с мелкой гравировкой типа ту́тта. У смычки двух верхних наугольников, кроме того, прибита прямоугольная пластинка, покрытая позолотой с черневой надписью «ДАССР».

в) Р а м к а. Окаймляющая всю композицию рамка сделана из выпуклых полосок серебра, украшенных орнаментом ту́тта, преимущественно в виде крупных тамг, нанизанных на ось в цепном порядке.

Техника передачи орнамента здесь также довольно сложна. Наружные и внутренние стороны рамки окаймлены филигранью, т. е. рядами узеньких серебряных поясков, состоящих из соприкасающихся друг с другом шариков, и из тонких проволок, свитых «веревочкой» или «в косу». На основных полях рамки черневые пятна перемежаются со светлыми, серебряными. И те, и другие украшены ветвями со всем традиционным их одеянием. По углам рамки прибиты золотые пятиконечные звезды с простой резьбой. Пятая звезда с серпом и молотом увенчивает выступ вверху рамки.

г) Т ы л о в а я с т о р о н а д о с к и. Никелированная блестящая поверхность этой части экспоната покрыта очень крупным и не густым рисунком ту́тта, построенным на шести симметрично расположенных осях. Резьба сделана рубчатыми линиями бенбулго́н.

Откидная подставка облицована тонкой серебряной пластинкой с рисунком ту́тта. Орнамент дан чернью на светлом фоне, частью техникой бенбулго́н (рубчатый фон), частью приемом чибильго́н (сплошная гладкая отполированная поверхность без прорезки фона).

Над подставкой прибита гладкая серебряная дощечка с черневой надписью (тоже чибильго́н): «Сделано кубачинскими мастерами Хаджи Мурат Ганиевым и Гамем Ника Магомедовым для Музея народов СССР, 1935 г.».

Несколько слов о гравировке по меди. В отдельных случаях перебои в снабжении мастеров серебром повели к удачному использованию кубачинцами меди в качестве материала для гравировки (портсигары, пояса и т. п.).

Гравировка по меди для кубачинцев вообще дело не новое. Оно когда-то существовало в с. Кубачи как особая отрасль, но потом, с изменением бытового обихода, постепенно утратилось. Некоторые следы этой исчезнувшей отрасли можно увидеть в практике ученической работы. Гравировщики и до сего времени начинают учить своих сыновей искусству резца не на серебре, а на меди. Для этой цели обычно берется медное блюдо, на которое мальчик наносит орнамент. Такие «ученические» блюда, иной раз весьма неплохой работы, можно видеть в доме у любого мастера, который хранит их как воспоминание детства.

В искусстве хабѝчибзиб в целом кубачинцы остаются непревзойденными мастерами. В частности, с их мастерством черни по тонкости и разнообразию работы едва ли может соперничать чернь Устюга. О чисто творческой стороне работы хабѝчу уста́ мы будем говорить ниже.

Еще несколько замечаний. С большим вкусом компановалось и компануется столь хорошо знакомое гравировщику оформление оружия, теперь только холодного, а до середины XIX в. и огнестрельного. Кремневые ружья и пистолеты, украшенные серебряными «кусками» с образцами прекрасной гравировки, можно и до сего времени найти в с. Кубачи.

Я не буду здесь перечислять всех изделий кубачинского гравировщика. Об этом упоминалось уже выше в разделе, посвященном монтировочной работе, где я говорил о подготовке наборов «кусков» для ножен и других частей, которые украшает затем гравировщик.

В вещах местного обихода мастер, конечно, чувствует себя увереннее. Тем не менее, и в новых изделиях он все же достаточно силен. В этом отношении можно прямо сказать, что если отстает и хромает монтировка вещи (портсигар, скажем, плохо закрывается, толст и неизящен по конструкции), то обычно художественная ее обработка (гравировка) в смысле общей композиции, чувства формы предмета, выбора технических средств и орнамента очень часто стоит на должной высоте.

В настоящее время ассортимент вещей городского спроса, с художественной обработкой которых удачно справляется кубачинский гравировщик, достаточно велик и разнообразен.

Если улучшить монтаж и ввести умелый и систематический инструктаж чисто художественного порядка, который, конечно, не исказит творческого лица мастера, а лишь поможет ему совершенствоваться в освоении нового материала, искусство хаби́чу уста́ пойдет крупными шагами еще далее вперед.

НАСЕЧКА

Рядом с гравировкой следует поставить насечку — бишибзи́б — отрасль, занимающую второе место в художественном творчестве кубачинцев.[29] Мастер насечки называется би́ху уста́. Принцип насечки — инкрустация, вставка кусочков одного материала в другой, являющийся основой. Насечка «бишибзи́б» имеет два подразделения: насечка по металлу и насечка по кости и рогу. Обоими может владеть один и тот же мастер. Однако чаще все же мастер специализируется на чем-нибудь одном. Насечка по металлу в свою очередь делится на три вида техники, по каждому из которых отдельные мастера также часто специализируются. Таким образом, мастерство насечки может быть распределено по рукам мастеров не менее пяти разных специальностей.

Лучшей в смысле качества насечки по металлу считается техника ви беко́н бишибзи́б (рис. 32). Этот термин соответствует значению — «насечка, положенная внутрь».[30] Насечка наносится на железный предмет золотом, реже серебром и еще реже — медью.

Приступая к работе, мастер прикрепляет варом «кусок» к деревянному бруску и чистит поверхность железа шабром и особым тупым полирующим инструментом. После такой подготовки он легкими ударами молоточка по верхнему концу резца прорезает на память, без какого-либо предварительного эскиза, рисунок. Рисунок делается тонкими линиями. Внутри листочков, вырезанных контурно, проводится по одному, по два продольных штриха.

Переменив резец на другой, имеющий граненое острие, мастер проходит им по линейному рисунку, нанося точечную чеканку и превращая все линии и штрихи как бы в точечный пунктир. Сделавшаяся теперь чрезвы-

[29] Мастеров насечки в с. Кубачи более 60 человек (данные 1936 г.).
[30] Это будет насечка углубленная или врезная.

Рис. 32. Наконечник ножен кинжала. Насечка ви беко́н бишибзиб.

чайно шероховатой, заусенчатой, поверхность орнамента сглаживается тупым полирующим инструментом. Все заусенцы от этого загибаются внутрь прорезов.

Следующая стадия работы — вбивание в узор золота.

Мастер берет кусок круглой, тонкой (0.2—0.3 мм) золотой проволоки, накладывает ее левой рукой по частям на прорезанные линии рисунка и миллиметр за миллиметром вбивает внутрь ударами молоточка. Резец в это время он держит во рту, чтобы в нужные моменты принять его в руку для регулирования и вправления его в борозды или для обрывов. Таким образом золото забивается в канальцы орнамента и крепко заседает в них, придерживаемое по краям мельчайшими железными заусенцами.

После этого мастер тщательно и равномерно простукивает молоточком все части рисунка, сплющивая тем самым загнанную в железо проволоку. Штрихи внутри лепестков сливаются в одно целое (в сплошные золотые пятна), линии несколько утолщаются. До полного завершения работы остается еще три процесса: прорезка всего рисунка по контуру, чтобы сделать его более четким (резец, движимый от себя, ударами молоточка медленно проводится по извивам орнамента); нанесение на золотые листочки техникой гравировки кипчава́хиб и, наконец, воронение железного фона, который, после прокалки на огне, принимает темносиний тон, очень хорошо контрастирующий с золотом.

Так, пройдя ряд последовательных стадий обработки, заканчивается работа насечки по железу — ви беко́н бишибзиб, считающаяся самой трудной из всех видов кубачинских художественных производств.

Другая техника насечки по железу, не такая прочная, более легкая для мастера и более дешевая для заказчика, потому что требует гораздо меньше золота, называется — ви булто́н бишибзиб, что соответствует значению — «насечка, чеканенная внутрь».[31]

Взяв особый резец, мастер размашистым движением от себя покрывает поверхность железа во всю длину и ширину частыми параллельными прорезами-штрихами, сперва в вертикальном направлении, потом, по тому же месту, в горизонтальном, потом в направлении одной диагонали и, наконец, в направлении другой.

[31] Термин бултон (бенбултон) встречался нам в разделе описания гравировки; напомним, что он употребляется еще для обозначения точечной обработки камня на фасадах зданий.

Поверхность предмета оказывается покрытой четырьмя слоями взаимно пересекающихся штрихов, приобретая тем самым свойство шероховатости. Это грунт для насечки.

Далее предмет укрепляется в тисках неподвижно, и мастер начинает накладывать на железо золотую проволоку, работая примерно так же, как и при технике ви беко́н бишибзи́б. Разница в том, что там были предварительно тщательно подготовлены канальцы, слагающие орнамент, здесь же этого нет; здесь мастер по общему грунту сразу выкладывает узор золотой проволокой, непрерывно вбивая ее молоточком в железо. Золото силой сцепления задерживается в шероховатой, изрезанной поверхности. Неопытный наблюдатель отличит эту технику от насечки первого типа только в лупу.

В ходе работы у мастера в правой руке молоточек и зубило; левой рукой он дает направление проволоке. Время от времени он прижимает зубилом ее конец к железу и поворачивает туда, куда должен итти узор, обрезает, снова прижимает конец проволоки углом зубила к грунту, быстро обматывает спиралью вокруг закрепленного конца 2—3 оборота золотой нити и тотчас простукивает эти места молотком, получая золотое пятно.

При отлогих поворотах узора проволока вытягивается в нужном направлении рукой, тогда как молоточек спешит выстукать и закрепить возникающую линию. Контуры лепестков накладываются короткими отрезками золотой нити. Внутренние поля лепестков заполняются параллельными штрихами золота, которые потом под ударами молоточка сливаются в сплошные пятна.

Когда насечка закончена и зубильцем подправлены кое-какие детали на контурах, ее надо прочистить куском кожи с толченым углем.

Способ ви булто́н бишибзи́б ограничивает широту орнаментальных возможностей, при нем не применяется также гравировка кипчава́хиб на лепестках, так как золото здесь заложено в железо слишком неглубоко и держится оно при этом недостаточно крепко.[32]

Простейший тип насечки по металлу, еще более дешевый, непрочный и бедный в смысле выбора орнамента, называется кырцлé бишибзи́б, что соответствует значению «царапанная насечка».

От предыдущего вида последняя отличается тем, что подготовка грунта ограничивается прорезкой только двух пересекающихся под прямым углом слоев штриховки.

Насечка по кости — «бишибзи́б ма́ге» и насечка по рогу — «бишибзи́б лика́» — в общем одна специальность.

Эта работа по свойствам самого материала (т. е. кости или рога) имеет весьма ограниченные возможности и считается не такой трудной, как насечка по металлу.

На лицевой стороне рогового или костяного «куска», приклеенного варом к деревянному бруску, рисуют карандашом или нацарапывают металлическим острием орнамент. Затем весь орнамент прорезают особым резцом, обычным движением от себя, постукивая молотком по верхнему концу резца. На всех конечных точках линий узора дрилем высверливаются маленькие, неглубокие ямки.

Ввиду того что на кости или роге не может получиться заусенцев и зазоров, которые придерживали бы золотую нить в канальцах, весь уже вырезанный орнамент прорезается еще несколько раз специальным резцом ви игузи́б дуп (т. е. «внутрь режущий инструмент»). Мастер берет этот

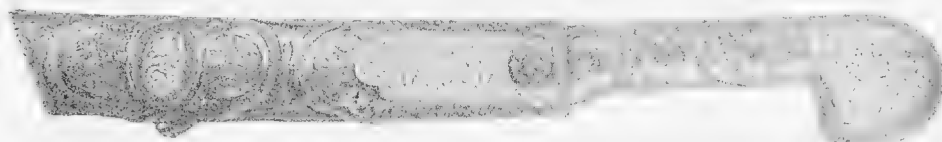
[32] Этот способ представляет собой (как и описываемый ниже способ «кырцлé») насечку набивную.

резец в правую руку и плавным уверенным движением проходит по всем линиям орнамента, подрезая их наискось, вбок, под кость,— сперва в одну сторону, потом дважды в другую, чтобы сечение каждой линии давало фигуру вроде миниатюрной трапеции с широким основанием внизу.

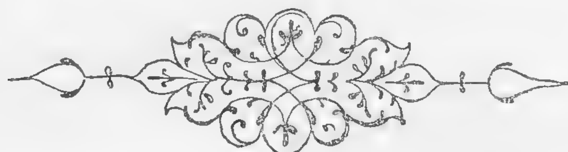
Золотая проволока, вбитая в это ложе, уширяется вглубь костяного слоя и тем самым удерживается от выскакивания.

При толстой золотой проволоке подрезы орнамента под кость должны быть сделаны глубже, что влечет за собой лишнее прохождение еще несколько раз резцом ви игузйб дуп по всей работе.

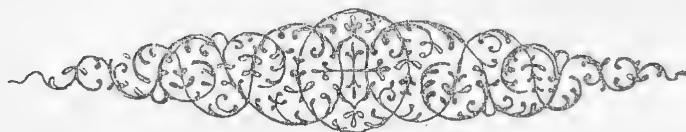
Канальцы для насечки подготовлены. Вещь неподвижно зажимается тисками. Мастер начинает загонять в канальцы при помощи небольшого зубила и молотка золотую проволоку теми же самыми приемами, которые употребляются при насечке по железу, проходя по всему орнаменту не менее двух раз.

1

2

3

Рис. 33.

1 — фрагмент шашки с тремя накладными пластинками из слоновой кости, украшенными золотой насечкой; *2* — узор типа тутта для насечки на кости; рисунок мастера насечки Шапи Хартумова; *3* — узор типа мархарай для насечки по кости, того же мастера.

Когда это сделано, насечка чистится шабром и отполировывается песком. Заканчивая вещь, мастер искусно снимает резцом тонкий слой с поверхности орнамента, как бы «открывая глаза» начинающему сверкать из-под резца золоту.

Узор на кости и роге по самим свойствам этих материалов не заполняет фона почти сплошь, как на металле. Легкий и прозрачный, он лежит на черном или на белом, как не распустившаяся еще ветка (рис. 33).

Насечка по кости несколько прочнее насечки по рогу, обладающему свойством гигроскопичности и могущему с течением времени ссыхаться или разбухать. Зато рог при его волокнистой структуре насекается легче, чем кость, хрупкость и ломкость которой ставит преграды разнообразию орнамента.

Мало применяющейся в наше время является насечка серебром по меди, украшавшая раньше блюда, кувшины, котлы, чашки и иные медные кованые или литые сосуды. Эта практика, повидимому, отпала давно или не была достаточно развита.

Некоторые сохранившиеся здесь образцы медной утвари местной и иранской, с серебряной, большею частью выпавшей из своих гнезд, насечкой, подтверждают данное положение.

Насечка как способ украшать вещь распространена несравненно меньше, чем гравировка, которая оказалась более жизненной, более универсальной и более применимой в новых условиях формой художественной обработки вещей.

Серебро, а не железо, не рог и не кость, оказалось материалом, наиболее подходящим для изделий, которые стоило бы украшать сложным ювелирно-тонким оформлением.

С выходом из употребления кремневого огнестрельного оружия, с сокращением выделки кавказских кинжалов, шашек и прочих предметов походного снаряжения возможности применения насечки сильно сузились. Большую роль сыграла также дороговизна золота и трудность его получения. Без золота же насечка теряет больше, чем наполовину свою прелесть. Серебро, а тем более медь, заменить его не могут.

В наше время насечка применяется преимущественно при обработке ножен для холодного оружия, при этом насечкой по железу пользуются, украшая целые «куски», а насечку по рогу и кости применяют для мелких вставок и изготовления орнаментированных рукояток.

За последнее время рог и кость с насечкой стали фигурировать также в мелких вещах городского спроса (пудреницы, брошки, запонки и т. п.).

Инструменты и прочее оборудование мастера насечки, как и устройство его рабочего места, очень напоминает обстановку, в которой работает гравировщик.

Искусство насечки менее широко применяется в работах кубачинской артели по сравнению с искусством гравировки. Оно требует очень внимательного к себе отношения, при котором мастера могли бы расширять ассортимент, найти широкий спрос на работу и еще более развить замечательное мастерство, столь типичное для Восточного Кавказа.

ФИЛИГРАНЬ

«Люси́н ку́вала аче́» — «проволочно-шариковая работа», т. е. филигрань,—это тот самый вид обработки ценных металлов, который мы можем видеть на окладах старинных русских икон, на переплетах и на других старых серебряных и золотых вещах, таких, например, как известные бармы рязанского клада или так называемая шапка Мономаха (работа XIII в.).

Для обозначения этой техники у нас есть старинные термины — скань и зернь («скать» — скатывать, сучить, «сканный» — сученый). В «сканном» деле скручивали две металлические проволочки и из них потом составляли разные узоры. «Зернь» — мелкие металлические шарики, также служившие для узоров.

Таким образом, кубачинский термин «люси́н ку́вала аче́» соответствует нашему старому наименованию — «сканно-зерневая работа».

Специально мастерством филиграни, или, как говорят кубачинцы, ажура, сейчас владеют в с. Кубачи человек пятнадцать.[33] Раньше мастеров этой специальности было больше; однако филигрань никогда не играла в производстве кубачинцев такой роли, как гравировка или насечка. Материалом для филигранной работы служат серебро, медь и, реже, золото. Медная и серебряная филигрань золотится.

---

[33] Если не считать того, что филигранная техника знакома вообще мастерам гравировки, пользующимся ею как дополнительным приемом.

Из двух основных разновидностей мастерства люсйн кўвала ачё — филигрань накладная и филигрань сквозная, первая филигрань (припаянная к поверхности серебряного предмета) встречается чаще на вещах старого обихода, на массивных браслетах «кулаха», перстнях, нагрудных женских украшениях, деталях ножон и др. Представляющая же собой род металлического кружева сквозная филигрань чаще встречается на изделиях нового спроса — подстаканниках, шкатулочках, брошках и т. д.

Работа филигранщика начинается обычно с подготовки материала. Мастер отрезает от серебряной болванки узкую полосу и выделывает из нее тонкую проволоку, последовательно протягивая серебро через разнокалиберные отверстия особой волочильной металлической доски, начиная с более крупных по диаметру и кончая мелкими.

Полученная проволока в свернутом виде прокаливается на углях и ссучивается в двойную серебряную нить. Процесс ссучивания выполняется при помощи особого деревянного бруска (тем самым его движением от себя, как женщина катает белье) на привинченной к столу дощечке, на которую кладется сложенная вдвойне серебряная проволока. Это самый примитивный способ, наблюдавшийся мной в Кубачи в 1936 г., наряду с которым существовал способ, технически более совершенный и более распространенный, — ссучивание на скальнице. Ссученная проволока прокаливается вторично, затем плющится на наковальне молотком и прокаливается в третий раз. После всех этих процедур у филигранщика получается нужный ему запас плоской серебряной проволоки, рубчатой по ребру.

Кроме проволоки он заготовляет узенькую серебряную ленту, ребро которой также может быть насечено рубцами, и шарики — «куве».

Для выделки этих шариков мастер режет серебро на мелкие кусочки разных размеров и кладет их в небольшой глиняный тигель, пересыпая кусочки серебра слоями угольного порошка. Наполненный тигель ставится на горн, приводится в движение ручной мех. В результате мастер высыпает из тигеля мелкую, как дробь, зернь — горсть серебряных шариков разных размеров.

Одинакового размера шарики получаются только из точно нарезанных кусочков одинаковой величины.

Когда материалы подготовлены, мастер принимается за вторую стадию работы — изготовление декоративных деталей (рис. 34а).

Расчистив на столе место, он выделывает из проволоки различные мелкие спирали, завитки, зигзаги, петельки, звездочки, лепестки, оперируя пинцетом, специальными деревянными брусочками, в которые вбиты короткие тупые гвоздики, и костяными палочками, поперечное сечение которых образует какую-либо фигуру. Закрутив проволоку петлями между гвоздиками или плотно опоясав ею костяную палочку, он перерезает ее ножницами, и с гвоздиков или с костяной палочки соскакивает какая-нибудь петелька, завитушка или звездочка.

Из серебряной ленты примерно таким же способом выгибаются контурные (стоящие на ребре ленты) более крупные фигуры — круги, секторы, каркасы узора, а также ободки для цветных камней и т. п.

Из одинарной несплющенной проволоки мастер делает плетение «в косу» — из шести проволок тремя рукавами по две штуки в каждом либо из девяти проволок, тремя по три. Наконец он накладывает отрезки одинарной круглой проволоки на штамповальную доску и отштамповывает их, получая «шариковую проволоку», т. е. проволоку, состоящую из соприкасающихся друг с другом штампованных круглых шишечек.

После подготовки вышеперечисленных декоративных деталей для мастера наступает третья и последняя стадия работы — построение из них узора, создание вещи.

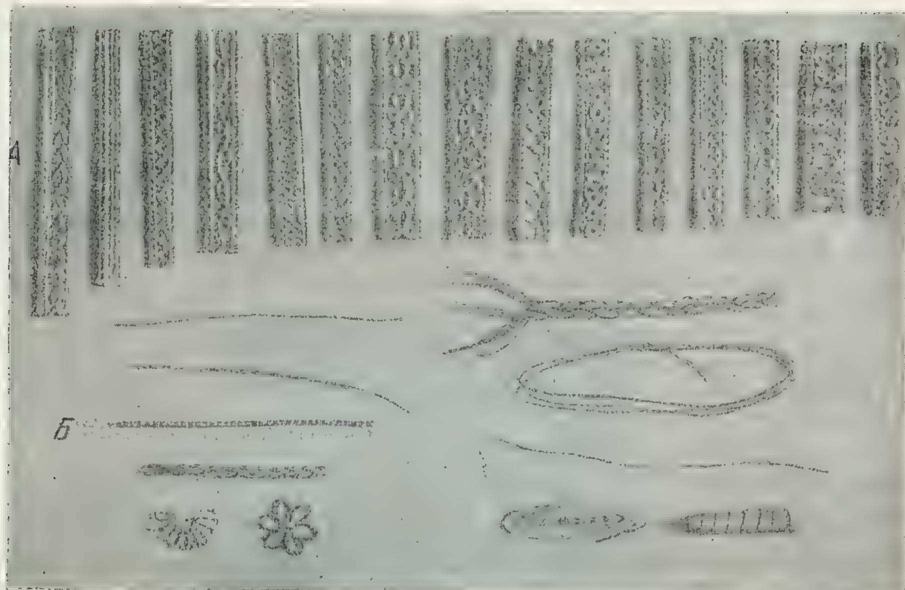

Рис. 34а. Из мастерской кубачинского филигранщика. Сверху — накладная филигрань, каемки. Снизу — стадии работы (проволока простая, сученая, рубчатая; плетение «в косу»; плоская лента; спираль, звездочка). Коллекция, изготовленная в с. Кубачи по заказу Е. Шиллинга в 1936 г.

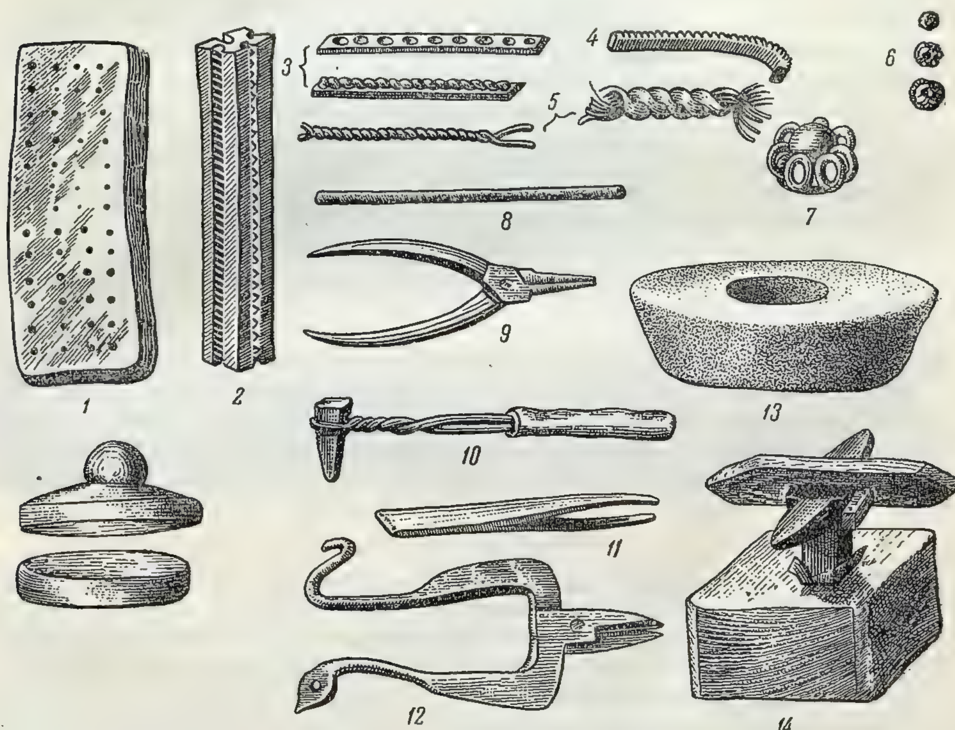

Рис. 34б. Некоторые предметы из производственного инвентаря филигранщика. (По рисункам Н. Б. Бакланова).

1 — калибр для протягивания проволоки; *2* — штамп для проволоки; *3* — штамп; *4* — полоска с нарезкой; *5* — скань; *6* — зернь; *7* — розетка из филиграни (предметы *3—7* увеличены); *8* — палочка для изготовления колечек — *9*; круглогубцы; *10* — паяльник; *11* — пинцет; *12* — ножницы для металла; *13* — каменная жаровня для пайки и плавления; *14* — наковальня с деревянной плашкой. Внизу слева — пресс для расправления деталей из серебра.

При накладной филиграни мастер комбинирует узор на серебряной пластинке или вообще на поверхности серебряного предмета; он как бы выкладывает или строит орнамент из отдельных мелких элементов, составляя сперва из проволоки основную структуру композиции — каркас, а потом заполняя внутренние пространства сочетанием миниатюрных петелек, спиралей, завитков, шариков. Построение не всегда ограничивается горизонтальной плоскостью, кое-где оно может уйти и в вертикальную, возвышаясь на некоторых участках крошечными сооруженьицами из поставленных на ребро спиралей, образующих пирамиду, или наложенных сверху шариков, бирюзы и цветных камней. Все это скрепляется в одно целое при помощи спайки.

Припой для общего монтажа узора состоит из сплава серебра 84 пробы (3 золотника) и желтой меди (1 золотник). Застывший сплав пилится напильником, и таким способом получаются мелкие опилки. Эти опилки смешиваются с бурой: на три части буры кладется одна часть опилок.

Припой для спайки мелких декоративных элементов готовят из несколько иного сплава: серебра 84 пробы (4 зол.) и более крепкой красной меди (1 зол.). Вместо буры раньше употребляли золу местных трав.

Приступая к работе с припоем, филигранщик обсыпает порошком отдельные несложные построения из мелких элементов и прокаливает их на углях (например, сложенную из нескольких зубцов звездочку, которая после прокала делается цельной). Затем эти уже более крупные фигуры и главные линии узора припаиваются к серебряной основе.

При сквозной филиграни работа складывания узора из мелких элементов и скреплений их в неразрывное серебряное кружево в общем ведется таким же способом; только каркас орнамента здесь составляется из поставленных на ребра и фигурно выгнутых ленточных полосок, представляющих собой крепкую основу из перегородок, спаянных в одно целое (рис. 35). Техника филиграни может иногда применяться в сочетании с гравировкой и насечкой для украшения той или иной детали. Таково, например, использование штампованных шариков на рукоятке и наконечнике кинжала или накладывание плетеных «в косу» поясков и иных филигранных деталей в качестве окаймления на ножны.

В мастерской филигранщика мы встретим маленькую наковальню, горн в виде большой чашки, тигли — стаканчики, ручной мех, коробки с зернью и цветными камнями, мотки серебряной и медной проволоки, дощечки для вытягивания проволоки, ножницы, пинцеты и другие немногочисленные мелкие инструменты.

Мастера гравировки, которым приходится чаще других употреблять в сочетании с резьбой по серебру филигранные детали, как правило владея весьма трудоемким искусством люсин кувала аче, цельных филигранных вещей не делают.

ЭМАЛЕВАЯ РАБОТА

«Миналя́ аче́» — эмалевая работа [34] — является самой молодой отраслью кубачинских художественных производств. Ее возникновение, как передают старики, относится к середине XIX в. и связано с опытами подражаний восточным «антикам» и эмалевым изделиям, попадавшим в Кубачи с Запада и из России.

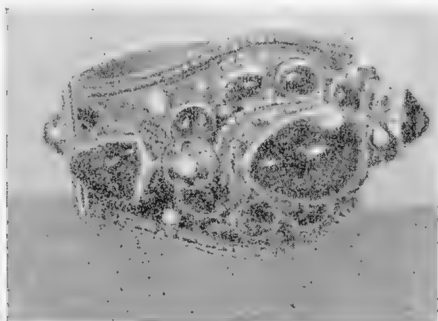
Освоение кубачинцами эмалевой техники может служить примером их художественной восприимчивости. Мы должны подчеркнуть это как

[34] Эмаль-мина́. Изделия с эмалью — ножны холодного оружия, женские украшения и др.

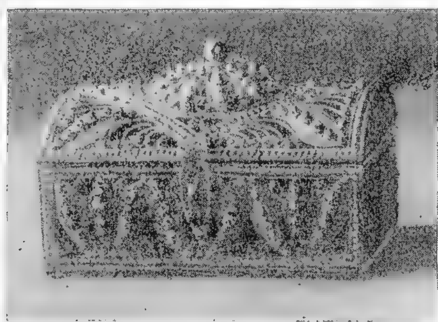
факт, говорящий о возможностях успешного развития искусства с. Кубачи еще в новых и новых направлениях.

Мастеров эмали в с. Кубачи немного, не более 5 человек. Известны были ныне покойные братья Топчиевы, Бахмут и Абдулла,— мастера эмальеры, поставившие свое искусство на весьма высокий уровень.

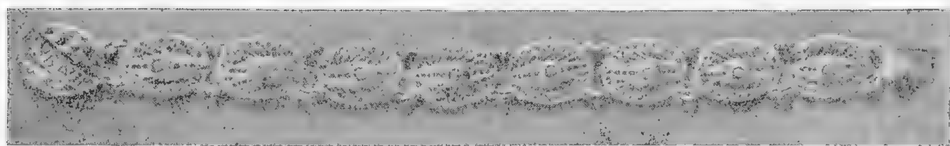
Бахмут Топчиев в конце XIX в. ездил в Москву и Петербург, видел там эмалевые изделия, закупил материалы и стал работать в с. Кубачи с братом, добившись неплохих результатов и выписывая в последующие годы эмаль из Москвы.

1

2

3

Рис. 35.

1 — браслет, укрепленный зернью; 2 — шкатулочка из сквозной филиграни; 3 — браслет из сквозной филиграни.

Работа миналя́ аче́ по металлу состоит из накладывания разноцветных пятнышек разведенной эмалевой кашицы по заранее сделанному на металлической поверхности рисунку. Вещи затем прокаливаются на углях, вследствие чего эмаль крепко заседает в углублениях и застывает. За первой закалкой после чистки следует вторая закалка и, наконец,— окончательная обработка (шлифовка карборундом, промывание мокрой щеткой, чистка шабром, полировка и т. д.).

При всех подготовительных процессах мастер должен тщательно соблюдать чистоту. Эмаль, растолченная в порошок, много раз моется в воде.

В зависимости от того, каким способом сделан рисунок на поверхности металлического предмета, украшенного эмалью, миналя́ аче́ делится на несколько разновидностей.

Когда эмалью покрывается орнамент, сделанный способом накладной филиграни, работа называется «люсии́цвля бакибзи́б миналя́ аче́», т. е. проволочная эмаль.[35] Эмальер является, следовательно, и филигранщиком. Материалом обычно служит медь, которая серебрится или золотится.

Если эмаль накладывается на заранее выгравированный по серебру орнамент, заполняя, чаще, вырезанный фон и реже — углубления вырезанного рисунка, то работа называется «хаби́чиб бакибзи́б миналя́ аче́»,[36] т. е. эмалевая работа, сделанная по гравировке. Когда эмаль наложена и прокалена на огне, предмет при этой технике подвергается дальнейшей гравировочной обработке: контуры эмалевого узора прорезаются резцом, некоторые свободные от эмали части чеканятся способом бенбул-

Рис. 36. Шашка, украшенная цветной эмалью.

[35] Так называемая перегородочная эмаль — клуазоннэ (émail cloisonné).
[36] Тип эмали, сходный с так называемой шамплеве (émail champlevé).

тон, другие покрываются рубчатыми пятнами бенбулго́н и т. д. Эмальер здесь является и мастером гравировки (рис. 36).

Второй тип эмалевой работы считается самым совершенным и самым богатым. Он применяется, например, для отделки сплошных серебряных шашечных или кинжальных ножен. Вещь, сделанная приемом хабичив бакибзиб миналя аче, при тонкости и техническом совершенстве выполнения так и переливается удачно подобранными красками густого и мелкого орнамента, среди которого поблескивают золоченые пятнышки гравировки.

Самая простая и дешевая разновидность эмали, используемая большею частью на мелких вещах — мундштуках, серьгах, нагрудных украшениях, это — «кабакиб бакибзи́б минаља́ аче́», т. е. эмалевая работа, штампованно сделанная. Рисунок выбивается на меди штампом, а затем на него кладется эмаль.

Эмалевая работа тесно связывается с филигранью и гравировкой. Эта сравнительно новая отрасль еще недостаточно выделилась из других смежных с ней. Братья Топчиевы не только эмальеры — они были первоклассными мастерами гравировки и искусными филигранщиками.

Развитие эмалевого дела в с. Кубачи безусловно имеет большие перспективы. Кадры можно черпать из состава многочисленных мастеров гравировки.

СУТБУКСКИЕ КАМНЕРЕЗЫ

С точки зрения изучения собственно кубачинской культуры необходимо будет еще остановиться особо на художественном камнерезном производстве, орнамент которого совершенно сходен с орнаментом гравировки по серебру. Резьба по камню (внутренние и наружные архитектурные детали зданий, надгробия, предметы домашней обстановки — ступки, пряслочные постаменты и др.) имеет в нагорном Дагестане до нашего времени значительное распространение. Вспомним также, что древним памятником дагестанской художественной камнерезной работы являются «албанские» рельефы с. Кубачи.[37] Важно отметить, что мотивы орнамента этих рельефов имеют преемство в живом искусстве кубачинцев, существующем посейчас, будет ли то глубокая гравировка по серебру с вынутым и точечно прочеканенным фоном, или какая-нибудь сделанная здесь же серебряком каменная ступка для чеснока с орнаментацией того же стиля. Этот стиль не ограничивается лишь селением Кубачи. Как оказалось (помимо камнерезного дела самого с. Кубачи, где мастера-серебряки обычно делали в часы досуга для домашних надобностей различные мелкие предметы из камня с искусной резьбой), в аулах даргинского общества Сирха существовал довольно крупный очаг художественного камнерезного производства (в качестве занятия, подсобного при сельском хозяйстве), воспроизводившего на камне рисунок, столь характерный именно для кубачинского серебра. Последние остатки этого очага мы имели возможность обнаружить в с. Сутбук, а также (в меньшей степени) в с. Бакни.[38] По рассказам стариков, камнерезами славились еще селения Уркниши, Урари, Сагни, Дахри. В памяти населения сохранились имена мастеров и их учеников, ставших в свою очередь мастерами. В с. Сутбук в 1940 г. работал лишь один Муртузали Ахмедов, а в с. Бакни у родственников знаменитого мастера Зульпикара, умершего в 60-х годах XIX в.,

---

[37] Кубачинцы еще в середине XIX в. делали в отдельных случаях рельефы для украшения своих домов (не то лишь подражая забытому искусству древних памятников своего селения, не то показывая, что какие-то крохи этого искусства у них сохранились).

[38] Материалы были здесь собраны мной во время поездки 1940 г.

сохранились воспоминания о Зульпикаре и некоторые его подлинные работы. Произведениями резца Муртузали являются вертикальные плоские надгробия, постаменты для прялок, лицевые плиты для пристенных очагов каминов с аркообразным вырезом вырабатывавшиеся, преимущественно, для кубачинцев — главных заказчиков селения Сутбук (рис. 37) и, в более редких случаях, украшенные резьбой блоки для фасадов зданий. Материал сам мастер по мере поступления заказов добывает в горах, в 3—4 км от селения, при помощи железной кирки. Камни для мелких работ доставляются ручным способом. Очаговые плиты перевозятся вьюком на ишаке: плита кладется на спину животного, поверх пары пустых вьючных корзин. Крупные куски породы для надгробий переносятся в дом мастера родными покойника на носилках. Инструментарий камнереза состоит из набора 10—15 зубил, скребла для сглаживания поверхности камня и молотка. Нацарапав гвоздем на камне узор по памяти (импровизация, основанная на установившемся орнаментальном стиле), мастер высекает его зубилом, поставив на линию узора острый конец инструмента и ударяя молотком по его верхнему концу. Таким способом производится выемка фона и получается плоская, немного приподнятая над фоном, резьба. Гораздо реже встречается рельефная работа с выпуклыми поверхностями.

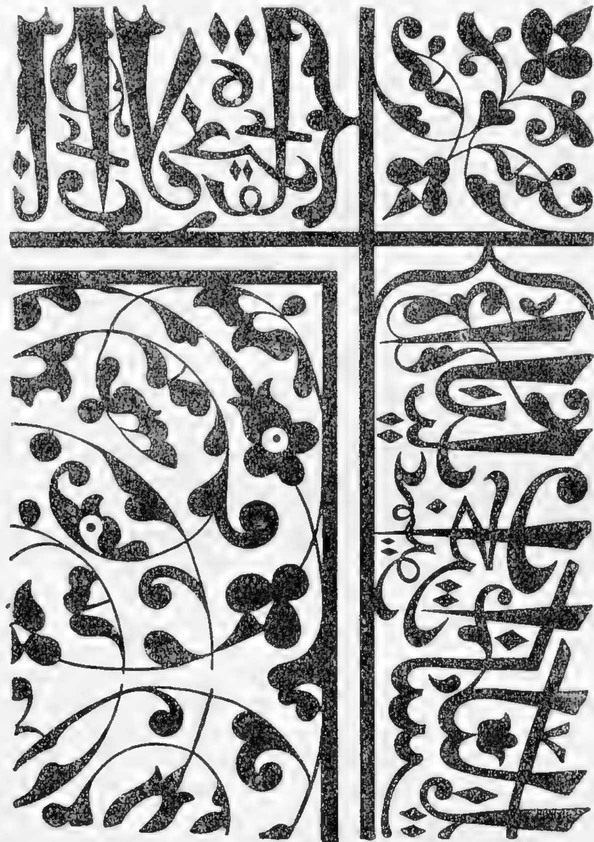

Рис. 37. Эстампаж с резьбы на каменном наличнике камина в жилом доме с. Кубачи. Наличник — сутбукской работы.

В густой сети растительного рисунка, покрывающего поверхность камня, встречаются (впрочем, не часто) изображения людей, зверей и птиц. Наличие последних мотивов в суннитской среде знаменательно, ибо по этому признаку идет сближение данных камней с тематическими изобразительными мотивами «албанских», относящихся к доисламской традиции. На прялочном постаменте работы Зульпикара из с. Бакни вырезаны фигуры всадника, охотника, стреляющего из ружья, и какого-то животного. Интересно, что подобные изображения на отдельных вещах из бытующей деревянной утвари попадаются в жилищах (кубачинских и даргинских). В качестве примера можно указать на скульптурные изображения голов животных на деревянных поставцах для хранения ложек.

ОРНАМЕНТ

Однажды в Махач-Кале, проходя двором одного из домов Комсомольской улицы, я случайно обратил внимание на человека в бешмете и бараньей шапке, который, видимо, ожидая здесь кого-то, сидел на груде недавно привезенного теса и, наклонившись, от нечего делать чертил карандашом.

Тесовая доска, на которой он сидел, во всю ширину оказалась испещренной вокруг него причудливыми завитками сложного орнамента. При первом же беглом взгляде я признал в этих переплетающихся спиралях, густо одетых изящными листиками, почками и цветами, знаменитый кубачинский «мархара́й».

Я не ошибся. Человек был из с. Кубачи. Он дожидался кунака, которого не застал дома, и без определенной цели, задумчиво водил карандашом по доске. К сожалению, захватить с собой этот оригинальный документ кубачинского искусства было невозможно.

Эпизод этот крайне характерен. В с. Кубачи издавна нераздельно господствует страсть к орнаменту, вошедшая в плоть и кровь людей — мастеров резца, мастеров чеканки, знатоков искусства Востока, через руки которых проходили художественные произведения Китая, Индии, Ирана, Бухары. Недаром про жилище рядового кубачинца говорят, что оно состоит из трех отделений: музея, мастерской и кунацкой; в музее он живет, в мастерской работает, в кунацкой принимает гостей.

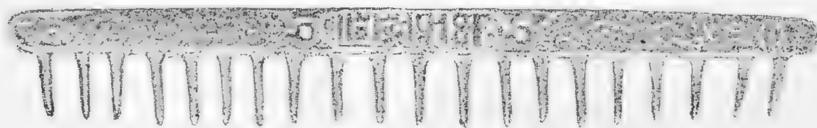

Рис. 38. Грабли с орнаментацией.

Среди домашних вещей кубачинского обихода имеется круглый медный дуршлаг «куцу́ке» с деревянной рукояткой. Обычные дырочки заменены в нем прекрасным сквозным орнаментом.

Оказалось, что в с. Кубачи существует обыкновение приготовлять в дорогу для отбывающих в дальние поездки особые печения, на поверхности которых оттискивалась резьба «куцу́ке». Уходивший на несколько дней на окрестные пастбища также привешивал куцу́ке себе к поясу, чтобы печатать излюбленный орнамент на лепешках, которые он пек под открытым небом. «У нас даже кушанья бывают с гравировкой», — подтверждали, улыбаясь, рассказчики.

В дни ли сватовства, в часы ли свободного времени, — и молодой, и старый, — всяк готов сменить штихель гравера на простое долото и перочинный нож, чтобы резать по камню, резать по дереву и создавать шедевры из самых, казалось бы, неподходящих для этого предметов.

В одном доме я видел простые деревянные грабли, четырехгранная основа которых была покрыта сплошным «ювелирным» орнаментом, датированным 1918 г. (подарок невесте). Нижняя часть основы, чаще всего соприкасающаяся с травой, за истекшие годы была наполовину стерта, на остальных гранях резьба сохранилась лучше (рис. 38).

Много раз и подолгу мне приходилось простаивать в кубачинских саклях с запрокинутой назад головой, любуясь хлебной полкой, которая обычно висит высоко в комнате близ очага. Полка эта украшена проре-

занным в дереве сквозным орнаментом ту́тта [39], — тем самым, какой мы часто видим на серебре, но масштабно увеличенным здесь не менее чем в 25—30 раз. Каждый лепесток этого гигантского (если сравнить с узором по серебру) орнамента обработан в том же стиле сплошной мелкой резьбой, по своему масштабу уже не столь превосходящей гравировку на серебре.

Густой, гравировочного типа орнамент по дереву украшает в с. Кубачи мерки для муки, подставки гребней для расчески шерсти, прялки, верхние косяки окон и дверей, столбики на балконах, висячие щитки для каминов, пороховницы и т. п. (рис. 39).

Необходимо напомнить, что на улицах с. Кубачи, в фасадах домов нередки старинные каменные блоки с резьбой, часть которых (как и отдельные резные камни, припрятанные в жилищах в качестве могущих быть проданными «антиков») восходит к группе знаменитых «албанских» рельефов. А изобилие в домашней обстановке кубачинцев всяческих иного вида «антиков» (меди, бронзы, фарфора, фаянса, стекла, ценной керамики и восточных тканей) вошло, кажется, в поговорку.

Таким образом, вся атмосфера здесь, вплоть до мелких бытовых моментов, в высокой мере насыщена богатейшим художественным материалом.

Орнаментика кубачинских художественных производств, к анализу которой я теперь перехожу, была изучена мной в основном на изделиях советского периода.[40]

Несмотря на все свои связи с Востоком и Западом, орнамент с. Кубачи безусловно оригинален, в своем роде неповторим и относится к категории явлений подлинного народного творчества.

Самое яркое и типичное его воплощение — гравировка по серебру — хабйчибзиб. По недостатку места мы ограничимся здесь преимущественно характеристикой орнамента хибйчибзиб.

Типичный кубачинский орнамент является по преимуществу растительным. Он обычно ложится густой сплошной сетью на всю поверхность предмета, заполняя ее пышной тканью извивов, завитков, головок, розеток. По эффекту эта ткань кажется бесконечно разнообразной. Однако приглядевшись к ней внимательнее под руководством опытного мастера, вы выделите здесь сравнительно небольшое количество основных единиц, мелких элементов. Некоторые из этих слагаемых, элементов орнамента, кубачинцы называют «бикь» (т. е. «голо́ва»), другие именуются терминами «сура́т» (т. е. изображенье) или «накы́ш» (т. е. рисунок).

Я перечислю здесь самые существенные единицы орнамента с. Кубачи, заметив, что некоторые из них употребляются не только в целом своем виде, но и удвоенном, или, наоборот, взятыми наполовину, что в общем увеличивает возможности разнообразных сочетаний (рис. 40): 1) истамбу́л-бикь — голова стамбульская, 2) ва́вке истамбу́л-бикь — половина стамбульской головы, 3) пара́нг-бикь — франкская голова, 4) кйка пара́нг-бикь — двойная франкская голова, 5) во́вла-бикь — голова вовла (во́вла — знак арабского алфавита), 6) муча́л-бикь — голова мучал (муча́л — кубачинский водоносный кувшин), 7) су́лка-бикь — голова — кузнечный мех, 8) каца́ла-бикь — голова-козел, 9) ва́вке каца́ла-бикь — половинная голова-козел, 10) ашако́м — голова-курдюк, 11) ва́вке-ашако́м-бикь — половинная голова-курдюк, 12) гулгу́л-бикь — круглая голова, 13) гу́та-бикь (термин не выяснен), 14) какие́ — косточка (простейший элемент, употребляемый большей частью в симметрическом парном со-

---

[39] О нем см. ниже.

[40] Предыдущие публикации [87], табл. 38, 39, текст стр. 43—45 [90, 91, 92].

Рис. 39. Резные деревянные и каменные предметы кубачинской работы.

1 — мерка для муки (начало XX в.); *2* — верхние части обрамления оконных пролетов (конец XIX в.); *3* — шкатулка (конец XIX в.); *4* — пороховницы (конец XIX — начало XX в.); *5* — нижние части прялок — каменные подставки с резьбой.

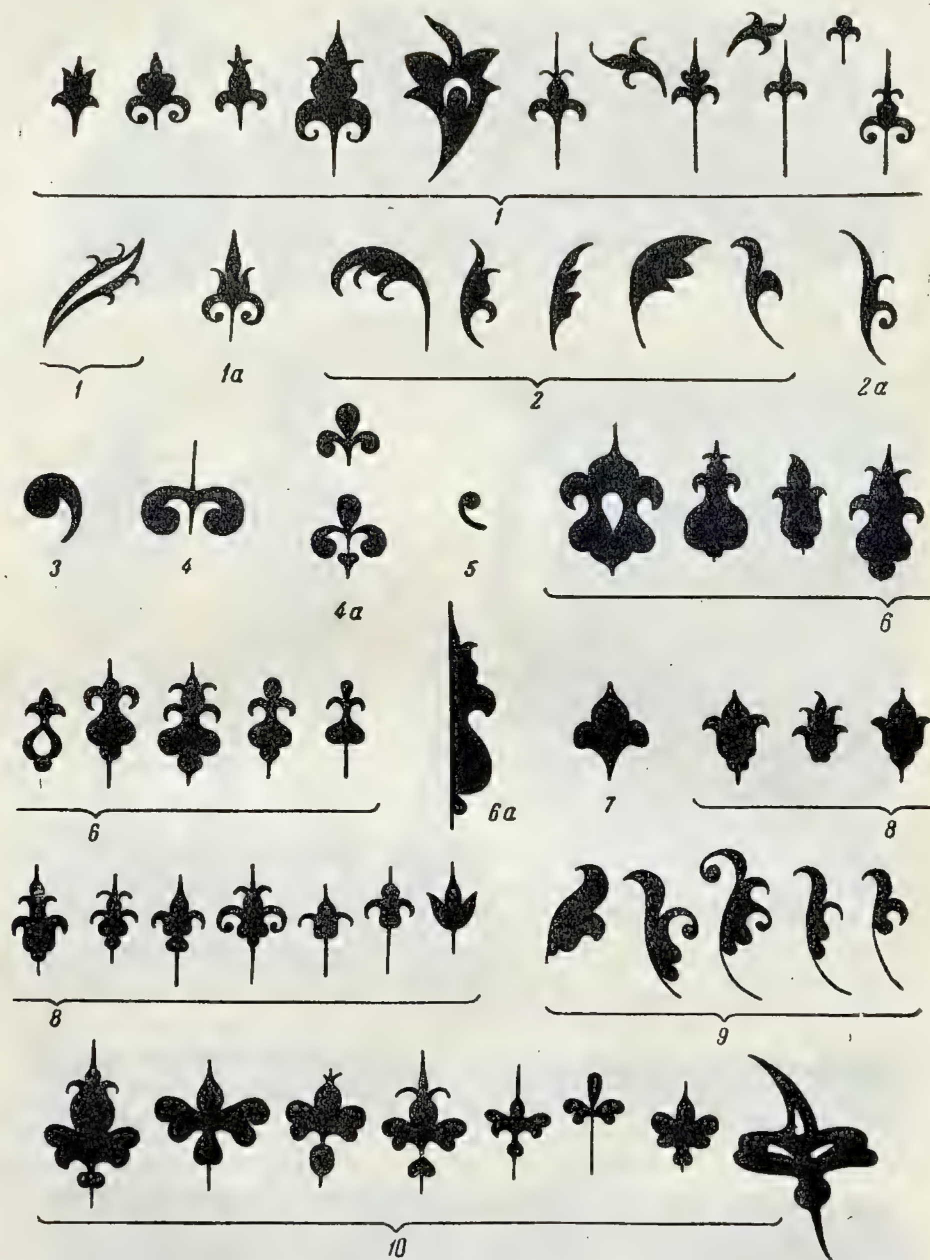
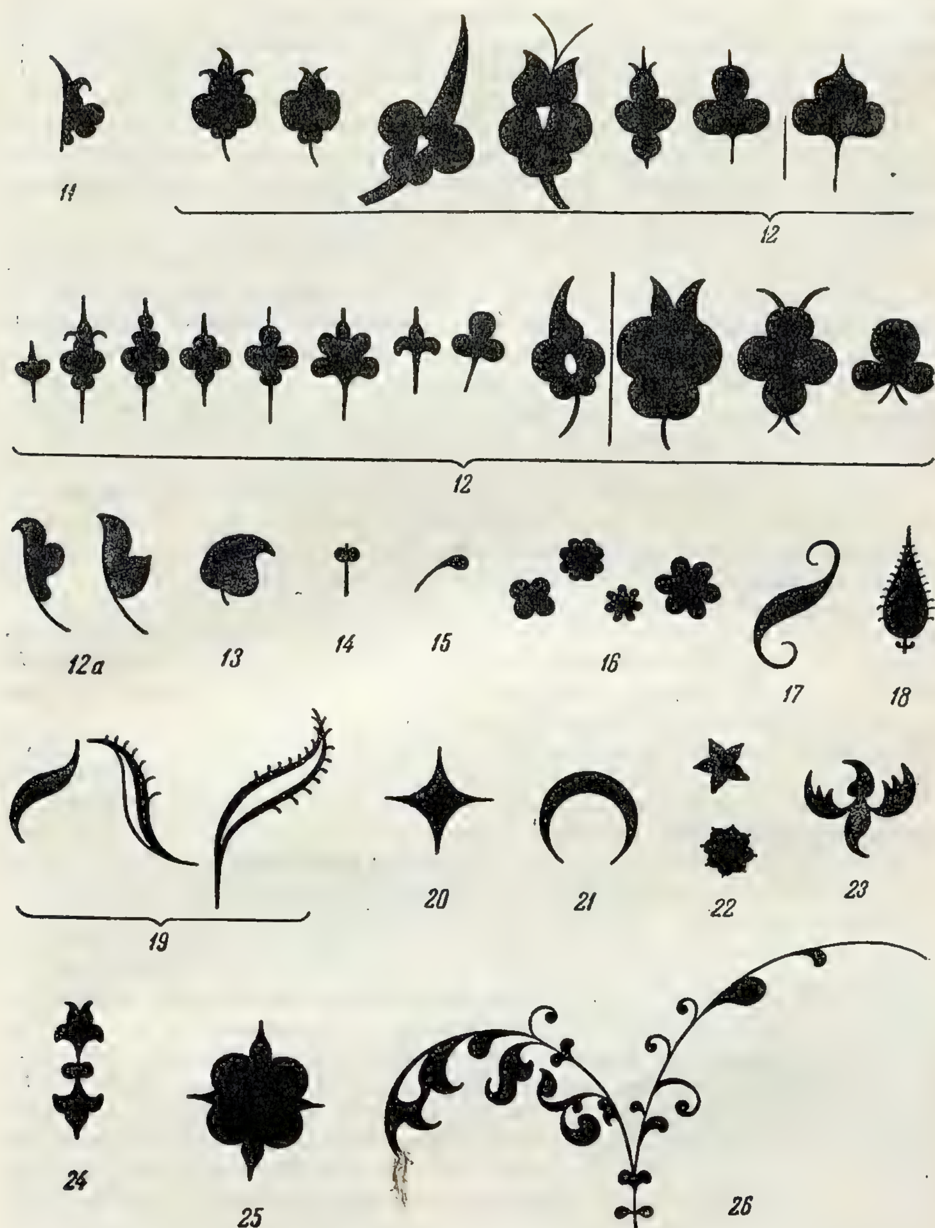

Рис. 40. Элементы кубачинского орнамента. Многие элементы

1 — истамбул-бикь; *1а* — истамбул-бикь в соединении с вовла; *2* — половина истамбул-бикь; *2а* — половина истамбул-бикь в соединении с вовла; *3* — паранг-бикь; *4* — удвоенная франкская голова (кика паранг-бикь); *4а* — удвоенная франкская голова в соединении с двойным чит; *5*—вовла-бикь; *6* — мучал-бикь; *6а* — половина мучал-бикь; *7* — сулка-бикь; *8* — кацала-бикь; *9* — половина кацала-бикь; *10* — ашаком-бикь (или удама-бикь);

(«головки»— «бучи») представлены в нескольких вариантах.

11 — половина ашаком-бикь; *12* — гулгул-бикь; *12а* — половина гулгул-бикь; *13* — гута-бикь; *14* — какне; *15* — чит; *16* — пархикуан; *17* — калькус; *18* — мицаля-капиля; *19* — сивай; сивай с волосками иногда трактуется как половина истамбул-бикь; *20* — огмуда; *21* — бацля-сурат; *22* — диля-сурат; *23* — сочетание гута-бикь и двух половин истамбул-бикь; *24* — сочетание какне, истамбул-бикь и сулка-бикь; *25* — тамга в виде «седельной подушки»; *26* — ветвь с «головками» (рисунок (Алихана Ахмедова).

чеканки), 15) чит — простейший элемент в виде растительной почки, 16) пархикуáн — изображение в виде розетки или многолепесткового цветка, 17) калькус — очаговой крюк, 18) мйцаля-кáпиля — крапивный лист, 19) сивáй — червь, 20) огмудá — четырехугольник, 21) бацлй-сурáт — луна-изображение, 22) дйля-сурáт — звезда-изображение.

На таблице даны также два примера сочетаний орнаментальных головок: 23) образец сочетания — сверху и снизу гута-бикь, по бокам половины истамбýл-бикь; 24) образец сочетания — в центре удвоения какнé, сверху истамбул-бикь, снизу сýлка-бикь.

Девять головок-бикь, изображенных на таблице под порядковыми номерами 1, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13,— это самые существенные слагаемые, это соль кубачинского стиля. Они сильнее других стилизованы и менее натуралистичны. Очевидно, они и самые старые по традиции. Так, по крайней мере, можно думать, учитывая их господствующую роль в орнаменте, смысл и характер присвоенной им терминологии, обладающей к тому же высокой устойчивостью. Однако надо подчеркнуть, что эти головки далеки от мертвой окаменелости; некоторые из них имеют варианты, и все они, выходя из-под руки того или иного мастера, получают еще известные индивидуальные черты, почему и разобраться в них не так просто.

К этой же первой по важности категории следует отнести цветок или розетку пархикуáн (16), а также какнé (14) и чит (15). Остальные элементы, показанные в таблице, не играют такой важной роли; они реже фигурируют и не у всех мастеров выступают под одними и теми же терминами. Видовое их наименование не «бикь», а «сурáт» (21 и 22) и «накы́ш» (все остальные). По характеру они реалистичнее первых. При желании их перечень можно было бы еще увеличить.

Таковы слагаемые, составляющие основу кубачинского художественного стиля. Разобраться в них и безошибочно прочесть все эти «буквы» на сложной орнаментальной ткани кубачинского серебра с непривычки весьма трудно.

Имена простейших элементов — «точка», «завиток», «косточка»,[41] «цветок»—передают то, что, собственно, и изображают соответствующие им фигуры. В эпитетах «кузнечный мех», кувшин — «мучал», «козел» — следует видеть осмысление по сходству, приложенное к стилизованным растительным элементам, осмысление, корнями своими уходящее в исконную кубачинскую культуру. Головки «стамбульская», «франкская», арабская «вовла» и рисунок «москов накыш» (о котором ниже) — конкретные показатели связей, тяготеющих к Ближнему Востоку, Турции, Западной Европе и Восточной Европе. Встречающееся название «уцамá бикь» являет сравнительно редкий пример памяти об индивидуальном творчестве какого-то мастера. Значительную роль во внедрении в кубачинский орнамент элементов как бы добавочных (сверх 12 основных) сыграли иранские привозные вещи (медные и керамические изделия), набойчатые ткани «каламкары» и др.

Мастера черпают материал для добавочных мотивов орнамента также из богатств окружающей растительности, на урочищах с пышным травяным покровом, где происходят в летние месяцы общественные гуляния. Собеседники при прогулке по окрестностям селения, срывая на ходу то одно, то другое растение с ювелирно вычурными очертаниями и показывая их мне, говорили:

— Вот эти листки и эти вот ветки были взяты тогда-то и тогда-то как образцы для орнамента.

---

[41] Фруктовая.

Эта динамичность орнаментального творчества с. Кубачи очень типична.

Заканчивая обзор главных слагаемых кубачинского орнамента, необходимо сказать несколько слов об элементах, употребительных в рисунках окаймляющего значения.

Они весьма многочисленны. Из них строятся более или менее узкие пояски, в которых правильно чередуются избранные автором мотивы. Таковы уже знакомые нам точки, косточки, завитки, «головки». Таковы стерженьки с расширенными или, наоборот, суженными концами, зубцы разных форм, восьмерки, сердечки, петли, фестоны, круги, квадратики с заключенными в них завитками и листками, квадратики с диагоналями и перекрещиваниями, спирали одинарные и двойные, волнообразные линии разных видов, плетеные линии «в косу», «веревочкой» и др. Перечисленные мотивы, разумеется, употребляются на каймах в самых разнообразных сочетаниях.

Перейдем к вопросу о композиции. Существует несколько главных, типичных для кубачинского стиля, композиционных принципов. В рамках каждого из них мастер имеет полную и неограниченную возможность давать волю своим индивидуальным стремлениям и вносить в работу личное творчество.

Самой трудной и потому наиболее ценимой в с. Кубачи считается композиция «ту́тта», т. е. «ветка» или «дерево». Н. Б. Бакланов дает этой композиции такую характеристику:

«Ту́тта по своему строению аналогична известным орнаментам раннего Ренессанса, применявшимся для заполнения вертикальных узких филенок, на пилястрах, наличниках, на полях манускриптов, на рамках ковров-гобеленов. Это вертикальный основной стержень, от которого симметрично в обе стороны отходят завитки, листики, цветочки. ... Ту́тта всегда помещается на узком длинном поле и идет большей частью вертикально, но иногда применяется и горизонтально» [12, стр. 47—48].

Однако надо указать, что данное определение не охватывает всех богатых перспектив ту́тта; оно характеризует лишь некоторые из присущих этому приему возможностей.

Я не считаю ту́тта заимствованием, пришедшим от европейского Возрождения, хотя и не отрицаю фактов занесения в с. Кубачи культурных воздействий как с Востока, так и с Запада (в том числе в область процесса формирования ту́тта). Я полагаю, что основы этой композиции для с. Кубачи являются особо традиционными, более ранними по времени, чем европейский Ренессанс.

Коренной принцип ту́тта — симметрия. Существенный признак одной из разновидностей ту́тта — вытянутая продолговатая форма, которая свойственна различным типам холодного оружия. Знаменательно то, что самые старинные предметы кубачинского искусства бывают очень часто обработаны именно в стиле ту́тта.

Старики говорят, что ту́тта — это «настоящая» работа, с которой слабый мастер не справится. Ее трудности в задачах строгой, двухсторонней, четырехсторонней или многосторонней симметричности орнаментального материала, располагаемого большею частью ветвями по обе стороны одной или нескольких правильно расположенных осей.

Иногда ось ту́тта идет по кривой линии и смыкается в окружность. Иногда короткие ее отрезки, расставленные гранями, слагаются в декоративное пятно, образующее тамгу. Иногда ту́тта строится из нанизанных на ее ось медальонов — тамг, которые при этом могут располагаться цепным порядком, заходя краями одна за другую.

Такие оси с медальонами могут перекрещиваться или лучеобразно выходить из одной центральной точки.

Простейшая основа ту́тта — удлиненной формы — это, следовательно, стебель с одинаковыми, идущими одно за другим ответвлениями направо и налево. Симметричное чередование боковых веточек разнообразится их различной длиной, степенью изогнутости, пересечениями. Такой скелет, более сложный или более простой, обычно одевается густой сетью упомянутых выше «головок» и прочих элементов орнамента в различных сочетаниях друг с другом. Иногда основа ту́тта есть всего-навсего одна ось без ветвей, и головки как бы вырастают непосредственно по ее бокам. Во многих случаях оси ту́тта суть линии воображаемые, несуществующие в рисунке и лишь угадываемые по симметрично размещенному орнаментальному материалу.

Ту́тта далеко не всегда служит для украшения длинных и узких поверхностей. Этот узор прекрасно компануется, например, на лицевой крышке такого предмета, как портсигар. В середине крышки, например, делается крупный цветок — пархикуан о восьми лепестках с четырьмя ося́ми, симметрично пересекающими под одинаковым углом его центр. От каждого лепестка розетки протягивается наподобие луча линия (ось). Таких линий восемь. Еще четыре оси выходят из четырех углов крышки портсигара. Всего, значит, у нас двенадцать стеблей. Этот скелет далее оснащается симметричными ветвями с густо насаженными на них «головками». В результате получается композиция из пяти пятен: среднее пятно образует крупную, многогранную тамгу, но без очерченного контура, а остальные четыре окружают этот центральный рисунок четырьмя пышными наугольниками.

Сложный тип ту́тта можно представить и в таком виде. От длинной прямой оси отделяются по сторонам ветви, оснащенные «головками». От этой же оси смелыми, крупными сложноперекрещивающимися разводами и петлями симметрично вправо и влево широко разбегаются по всему полю предмета кривые линии. Сами по себе эти линии, за исключением некоторых правильно чередующихся мест, голы и никакими головками не украшены, но от некоторых точек их взаимных пересечений вырастают извилистые ветки, густо и очень декоративно одетые «головками», листочками, завитками. Таким образом, все пространство композиции, достаточно густо насыщенное материалом, развертывает перед зрителем как бы два наложенных друг на друга, но спаянных в единое целое плана: пестрый цветочный фон головок и четко выделяющийся на нем крупный узор кривых.

Описать все разнообразие ту́тта невозможно. В каждой вещи может неожиданно явиться новый вариант (рис. 41, *1—2*).

Другой принцип композиции — мархара́й, т. е. заросль.[42] В противоположность ту́тта, он отрицает симметрию. От одной спирали с небольшим числом оборотов или кривой линии отходят в разные стороны другие, часто не подчиненные первой, а ей равнозначные и вступающие далее в пересечение друг с другом. Часто эти стебли или разводы образуют крупноволнистые линии, иногда взаимно переплетающиеся. Спирали и разводы мархара́й могут разбегаться также во все стороны из одного центра; этим центром может служить, например, пархику́ан.

Такова основа орнамента мархара́й. Основа пышно и густо уснащается вырастающими на сложной ритмической сети стеблей «головками», создающими в общем очень равномерно насыщенную сплошную орнаментальную ткань. В ней часто нет ни верха, ни низа, ни начала, ни конца;

---

[42] Кроме наименования орнамента слово «мархара́й» служит для обозначения чащи вьющихся и переплетенных друг с другом растений. «Мархара́й накыш» — «рисунок заросль».

1

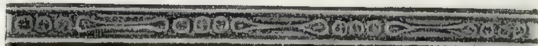
2

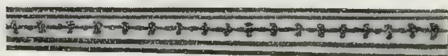
3

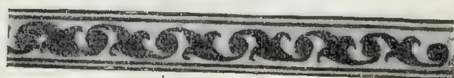

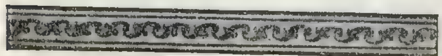

4

5

Рис. 41. Тамга и лум.

1 — внутренняя поверхность тамги, заполненная узором ту́тта; четыре внешних килевидных выступа увенчаны «головкой» гулгул-бикь; *2* — в верхней части ту́тта, в нижней — мархара́й; *3* — внутренняя поверхность тамги заполнена узором мархара́й; *4—5* — лум в разных образцах.

она может расти и развиваться в любом направлении, во все стороны. Если где-нибудь в середине композиции мархарай ставится, наподобие тамги, крупно вырезанная головка, например, истамбу́л-бикь, то этот медальон сразу дает ориентацию всему рисунку, определяя его стороны, верх, низ и т. п.

Мархара́й может заполнить собой пространство любой формы и неправильное по своим очертаниям. Он чрезвычайно гибок и легко применим для орнаментальной обработки вещей. Им можно заполнить любой угол, любой закоулок. Часто он сочетается с ту́тта. По выполнению он считается легче, чем ту́тта. В нем меньше разнообразия и меньше творческих возможностей (рис. 41, *2—3*).

Как мы видим, с композицией ту́тта или мархара́й часто увязывается тамга́.

Тамга́—это крупное пятно, медальон, большею частью с замкнутым контуром очень разнообразных очертаний. Формы тамг в большой мере связаны с общим очертанием той поверхности, к украшению которой они применимы мастером. Так, если предмет близок к кругу или квадрату, то и тамга приближается к этой форме; если предмет вытянут — вытягивается и тамга́, принимая ромбовидный или эллиптический характер, и т. п.

Тамги — одна или несколько — композиционно расчленяют орнаментируемую поверхность вещи, выделяют на ней декоративные пятна. Внутреннее поле тамги чаще всего заполняется сочетанием мелких головок, завитков, листков. В качестве тамг нередко употребляются сильно увеличенные в масштабе «головки» кубачинского орнамента, в особенности муча́л-бикь, истамбу́л-бикь, пархикуа́н, каца́ла-бикь и др. (рис. 41, *1—3*).

Каемчатая или вытянутая в виде пояса композиция носит название «лум».[43] Несмотря на свою часто подсобную роль по краям орнамента, она может иметь весьма развитые формы, переходящие в наиболее пышных образцах в вытянутые поясами виды ту́тта и мархара́й.

В большинстве случаев лум сохраняет характер мягкого растительного орнамента, но иногда он разрабатывается в характере строгой геометрической каймы (рис. 41, *4—5*).

Особого типа орнаментом можно считать монограмму или надпись, скомпанованную из декоративно трактованных знаков арабской письменности. Подчас это даже не надпись, а лишь красивое подражание арабским буквам, или их набор без всякого смысла, преследующий чисто декоративную цель.

На старых вещах в надписях мастера чаще всего воспроизводили малопонятные им цитаты из корана.

После Великой Октябрьской революции характер надписей изменился. Мастера в старую форму арабской графики влили новое, близкое и живое содержание. Так, умерший несколько лет назад талантливый гравировщик Магомед Алиджанов дал очень интересную композицию: в рамку, окаймленную поясным орнаментом лум, он вписал крупную тамгу; внутреннее поле тамги занято пышной, увенчанной изображением серпа и молота, арабской монограммой, в вычурной вязи которой читаются слова «Советская республика».

Декоративные надписи-орнаменты, выполняемые на вещах современными мастерами, часто содержат также различные советские лозунги, строки мемориального характера, имена заказчика или исполнителя.

После Великой Октябрьской революции кубачинцы научились делать штихелем надписи и на русском языке, добившись в некоторых случаях

---

[43] Лум — кайма.

неплохих декоративных эффектов в тех общих композициях, где они такие надписи применяли.

Помимо охарактеризованных типов орнамента можно отметить еще практикующуюся в с. Кубачи разбивку пространства предмета, подобно узорной ткани, на сплошные ряды одинаковых соприкасающихся между собой кадров или тамг. В таком роде у кубачинцев бывает, например, рисунок клетчатый — «куца́т-накыш», полосатый — «чалуйкуйля-накыш», кольчужный — «хуне колханала́-накыш», иранский рисунок «миндурма́» (см. рис. 47, *1*) и т. д.

Внутренние поля каждого кадра такого орнамента заполняются головками, скомпанованными весьма часто в виде отрезка ту́тта. В создании данного типа орнаментов известную роль играли, несомненно, восточные ткани, шедшие в с. Кубачи из Индии и Ирана и до сих пор фигурирующие как излюбленный материал в кубачинском женском национальном костюме (парчевые шубки и нарядные парчевые цветные рубахи).

Несколько особняком стоит иной по типу орнамент, носящий наименование «москов-накыш»— московский рисунок. Он представляет собой несимметричную, изящно изогнутую ветку, стебли которой щедро усеяны «головками», цветами, листочками, завитками. Крупные «головки» ритмичными пятнами размещаются по концам стеблей и в середине; элементы же мелкомасштабные застилают все остальное пространство. Рядом с традиционными кубачинскими «головками» вы найдете здесь удлиненные листики; цветы, взятые в профиль, с тонко вырисованными тычинками; шишечки вроде шишек кедра или хвои; цветочные розетки типа пархикуан, но с немного более вытянутыми и разделенными друг от друга лепестками. Моско́в-накыш кубачинцы часто употребляют на свободном фоне, например на оборотной стороне ножен оружия. Однако нередки случаи и органической спайки этого рисунка в целой композиции с другими.

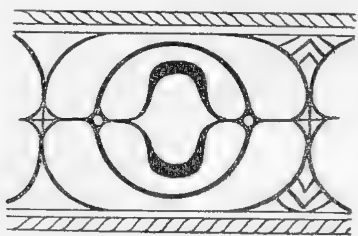
Моско́в-накыш, безусловно, результат более поздних воздействий извне. Его мотивы могли проникнуть в с. Кубачи примерно с XVI в., когда стали крепнуть и расти постоянные связи между Кавказом и Московским государством.

Говоря об орнаменте с. Кубачи, о его типах, об орнаментальной композиции, было бы неправильным ограничивать картину только моментами чисто кубачинскими. Мастера-кубачинцы отлично ориентируются во вкусах и стилях изобразительного творчества, выходящего за пределы с. Кубачи. Особенно хорошо кубачинцы знают иранское искусство — и благодаря торговым связям и вследствие выполнения специально иранских заказов. В терминологии орнамента с. Кубачи нередки обозначения «кажар», «испаган», «иран». Но этого мало, кубачинцы отлично ориентируются во вкусах и стилях изобразительного творчества, выходящего за пределы их художественной культуры. Они издавна выполняли заказы на сторону, работая, смотря по спросу, и в своем собственном стиле, и в стиле «иноземном». Я могу привести здесь примеры тех стилей, которыми владеют кубачинцы и с орнаментальными особенностями которых они меня познакомили. Сюда входят, как они сами называют, «грузинский», «армянский», «черкесский (рис. 42), «чеченский», «осетинский», «бухарский», «пара́х накыш» (по имени известного лакского мастера из Кази-Кумуха), «чохский» (по имени аварского селения Чох), «ахтинский» (по имени лезгинского селения Ахты) и, наконец, так называемый «житомирский».

Характер непередаваемой словами «классики» современного кубачинского искусства (прежде всего в гравировке по серебру) даже при небольшом навыке поможет нам почти безошибочно определить, что данная вещь сделана именно кубачинцем.

Особая мягкость и полнокровность форм «головок» при сравнительно небольшой их вытянутости, строгая определенность элементов разнообразных, но постоянно встречающихся и легко узнающихся, достаточная густота оснащения и общее сродство с искусством более широких областей Восточного Кавказа — вот черты, которые сразу выделяют орнамент с. Кубачи и определяют его. Богатство используемых и творимых мастерами с. Кубачи орнаментов усугубляется богатством техники, которая эти орнаменты воплощает, а также разнообразием сочетаний приемов композиции, здесь перечисленных.

Во всех этих случаях орнамент с. Кубачи един. Однако если при насечке по металлу его облик остается в известной мере сходным с узором гравированным, то от этого последнего весьма отличается облик орнамента насечки по рогу и кости, обычно бывающего более легким. При эмалевой работе перед нами чаще всего предстает узор, сходный с узором гравировки, принявшим, однако, свойство многокрасочности, и, наконец, совершенно особый облик кубачинская орнаментация получает при сканно-зерневой работе, сближаясь, с одной стороны, с тем же «развитым» стилем с. Кубачи и, с другой, вплотную соприкасаясь со слоем кубачинского искусства иного облика, о котором речь будет ниже.

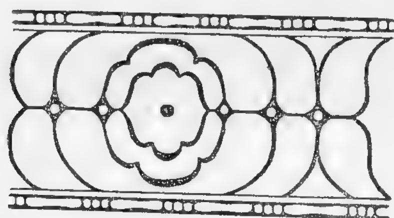

Рис. 42. «Черкесский узор» — карандашная зарисовка кубачинского мастера Саида Магомедова.

Наиболее старыми художественными изделиями с. Кубачи, с которыми я имел возможность сравнить теперешние, были музейные вещи середины XIX в.

О характере кубачинского орнамента по серебру приблизительно столетней давности можно иметь представление по помещаемым нами иллюстрациям (эстампажи с оправы оружия середины XIX в., хранящегося в Дагестанском музее в Махач-Кале). Он крупнее и реже современного. Разнообразие элементов или «головок» (бучи) ограниченнее (наиболее употребительны «головки» округленных форм — гулгул, кацала, пархикуан). Во внутренней орнаментации «головок», благодаря их сравнительно крупным масштабам, отчетливее проступают геометризированные детали (на наших иллюстрациях они, к сожалению, не различимы). Преобладающим видом техники являются глубокая гравировка (бембултон) с чернью и без черни, разновидности черни (чибильго́н, чибильго́н денид хатычиб), золотая насечка, штампованная зернь (рис. 43, 44).

Лучшие из современных вещей, орнамент которых мы характеризовали в этой главе, наоборот, блещут более мелко и тонко выполненной орнаментальной тканью, отступающей кое в чем от старых канонов. В них введены некоторые менее традиционные «головки» вроде какого-нибудь «крапивного листа»; в них есть также нарочитое стремление пойти навстречу «московскому рисунку» — дать больше веток, букетов и разных деталей в стиле моско́в-накыш с особой формой лепестков, листиков, стебельков; в них есть, наконец, совершенно новые сдвиги, внесенные Великой Октябрьской социалистической революцией и периодом социалистического строительства.

Рис. 43. Эстампажи с узоров кубачинского орнамента середины XIX в. (Дагестанский музей в г. Махач-Кала).

1—2— глубокая гравировка, орнамент ту́тта (ружье № 1608); *3*— насечка золотом на слоновой кости; орнамент ту́тта (кинжал № 1535); *4*— глубокая гравировка, орнамент ту́тта (шашка № 1668).

Мало того, что расширился ассортимент новых изделий,— в самом орнаменте, в содержании изображений появилась новая тематика. Появились советские эмблемы и тексты, очень удачно оформленные и входящие органически в орнаментальную ткань серебра, появились новые композиции, новые мысли. Мы уже показывали это выше. Приведем еще некоторые примеры.

В 1922 г. ныне покойный мастер Гаджи Ахмедов сделал письменный прибор в виде серебряной модели нефтяной вышки,[44] который был поднесен 7 ноября 1922 г. товарищу В. И. Ленину от бакинских рабочих Азнефти. Сейчас эта вещь находится в музее Ленина в Москве.

Модель, в облике которой ощущается своеобразное, едва уловимое влияние каменной архитектуры нагорного Дагестана, покрыта хорошо скомпанованным и подчеркивающим формы предмета орнаментом ту́тта и поясом лум. В гравировке преобладает глубокая резьба с чеканом — бенбулто́н. Ребра искусно обработаны филигранью.

В 1928 г. Магомед Алиджанов дал в рисунке символическое изображение Страны Советов в виде «крепости», так называемой «Хайбар Кала» (воспроизводящей фигуру, известную под наименованием критского лабиринта). Перед входом в «крепость» симметрично положены колосья. По извилистым дорожкам тянутся ритмичные ряды кубачинских «головок». В самом центре «крепости» в диске — серп и молот.

Тот же автор на другом рисунке изобразил три крупных колоса, как бы вырастающие из положенной в их основание советской эмблемы (серпа и молота). Колосья окружены венком ту́тта — двумя изогнутыми пышными стилизованными ветвями, соприкасающимися вверху. Одна сторона венка состоит из крупных «головок», нанизанных на стебель, делящий их пополам, другая дает вереницу таких же «головок», но расположенных на стебле попарно. Композиция увенчивается сложной тамгой, вплетающейся в верхнюю часть веток в виде фигуры мучáл-бикь. Внутренность тамги и всех крупных лепестков декоративно заполнена миниатюрными «головками», скомпанованными в том же стиле ту́тта.

Мастер Куртаев в 1935 г. дал рисунок крупной пятиконечной звезды. Ее расходящиеся лучи трактованы в рисунке легкими полосками соприкасающихся розеток пархикуа́н, узенькими поясами лум и простейшими вариантами ту́тта. Рисунок прост и по-кубачински оригинален.

Значительной новизной для с. Кубачи является смелое введение в композицию изображений животных, человеческих фигур, лиц, ландшафтов, зданий. Мне удалось приобрести в с. Кубачи серебряный портсигар с двумя довольно искусно сделанными сценами: на одной изображена борьба со львом, на другой — рыцарский поединок. Такие вещи теперь не редкость. Я видел эстампажи [45] с вещей, на которых в орнаментальном обрамлении были хорошо скомпанованы фигуры рабочих, крестьян, красноармейцев, индустриальные ландшафты, изображения школьников за учебой, мавзолей Ленина, самолеты и многое другое. Изделия с новой тематикой находят очень скорый сбыт.

Изображения с фигурами и сценами — пока что, большей частью, лишь копии, но копии, претворенные по-своему, по-кубачински, и выполненные на таком специфическом материале, как серебро. Ведь до сего времени очень немногим кубачинцам и в очень редких случаях приходилось изображать что-нибудь подобное. Несомненно, что в будущем с. Кубачи добьется в этом направлении самостоятельных творческих произведений. Кое-какие предпосылки для этого уже налицо. Несколько лет

---

[44] Высота 31 см, в основании 27×10 см.
[45] Бумажные оттиски.

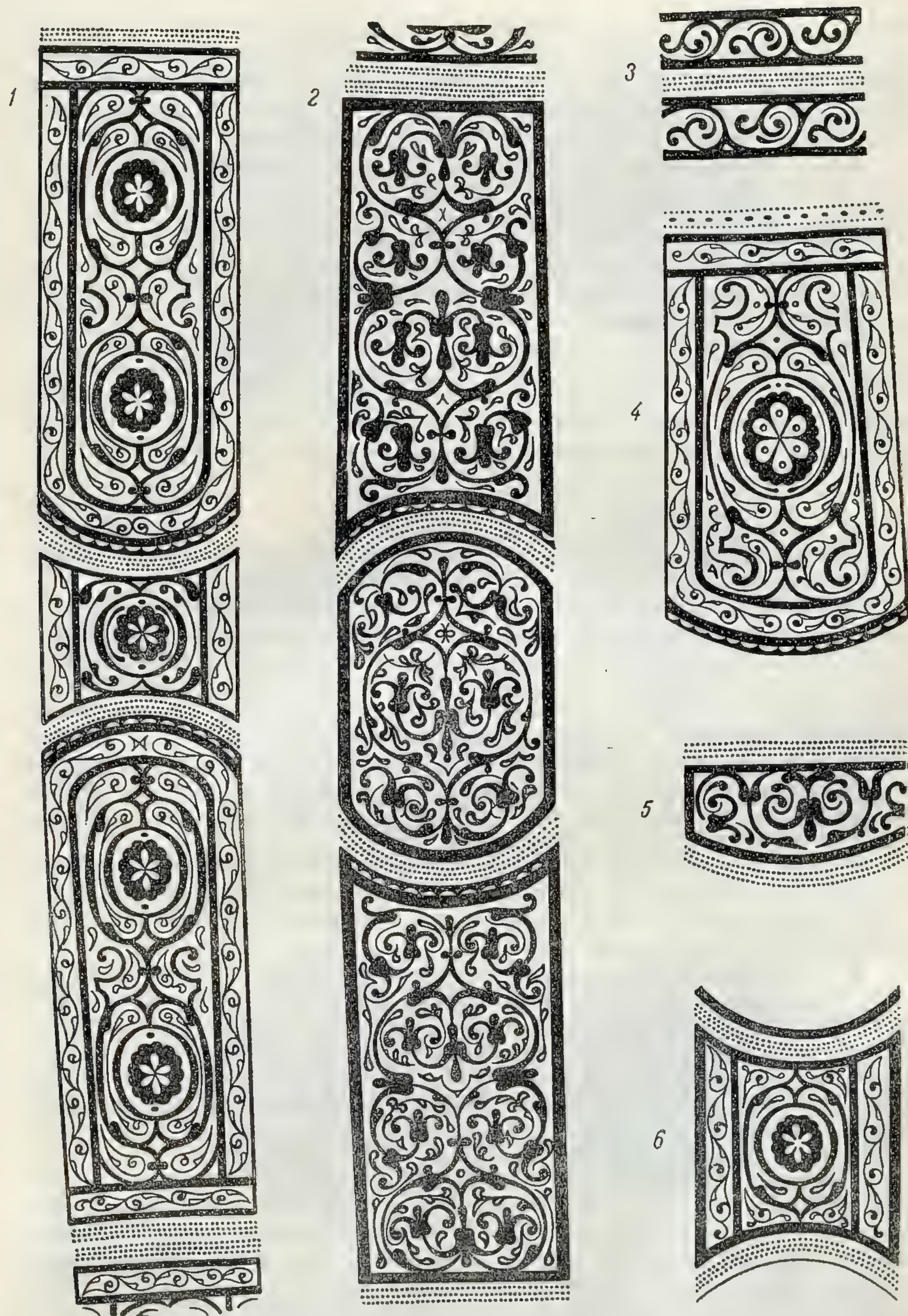

Рис. 44. Эстампажи с серебряной оправы шашки № 1667, хранящейся в Дагестанском музее (Махач-Кала). Работа кубачинского мастера Абдулла Капалай 60-х годов XIX в. Образцы старого кубачинского орнамента, так называемого «чаргас-накыш» («черкеский узор»)— претворение мотивов орнамента адыгов сквозь призму художественного стиля Кубачи

1 — лицевая сторона средней части ножен; *2* — тыловая сторона той же части; *3, 4, 5, 6* — т-
дельные куски лицевой стороны верхней и нижней частей ножен.

назад в с. Кубачи мастером Уммалатом Иммаевым была изготовлена филигранная пятиконечная звезда с гладким центральным медальоном, на котором техникой чбільгóн был выгравирован портрет В. И. Ленина — портрет, правда, несовершенный, но зато самостоятельный, не сведенный с чужого оригинала. Сейчас эта вещь находится в Москве в Музее Ленина.

Точно так же самостоятельными изображениями являются гравируемые теперь на серебряных портсигарах общие виды с. Кубачи, очень хорошо передающие характерный облик селения в художественно упрощенном претворении.

Мастера насечки по кости, а отчасти и гравировщики, за последнее время стали выпускать превосходно вырезанные из слоновой кости камеи и брошки с изображением животных и растений.

Все эти факты приоткрывают перспективу, развертывающуюся перед искусством с. Кубачи, предусмотреть предел которой сейчас невозможно.

Надо учесть при этом, что кубачинцы никакой специальной художественной школы никогда и нигде не проходили, кроме той учебы, которой они в малолетстве занимались в мастерских своих отцов.

* * *

Богатства орнамента и законы его построения усваиваются в с. Кубачи с детства.

Опытный мастер не нуждается в предварительном эскизе для работы. Он берет резец и с первого же движения прорезает линии, которые не могут быть стерты. Он не копирует с какого-нибудь готового и поставленного рядом оригинала. Композиция складывается в уме, из тайников памяти извлекаются нужные материалы. Без насилия подчиняются они четким и хорошо известным законам композиции; опытная и уверенная рука выполняет замыслы. Но помимо всегда живой преемственности, хранящей накопленные поколениями художественные фонды, в с. Кубачи налицо достаточный запас готовых образцов, являющихся как бы наглядной записью для молодежи.

Такими же записями орнамента, пожалуй даже еще более надежными в смысле их постоянной сохранности, можно считать имеющиеся почти у каждого мастера штампы, которые он сам сделал для себя или получил по наследству от отца и деда.

К штампам в искусстве с. Кубачи нельзя относиться как к чему-то второстепенному. Правда, штампованная работа редко может сравниться с гравировкой, выполненной резцом, которым в каждом отдельном случае неповторимо водила живая рука. Однако это не меняет дела.

Штамповальные модели или доски с негативным изображением орнамента сами по себе могут быть прекрасными образцами искусства, если их вырезал хороший мастер и если они не были предназначены для каких-нибудь мелких и дешевых поделок.

Изготовление сложной штамповальной доски (резьба по твердому металлу) требует чрезвычайно большого искусства и очень трудно по технике.

Изготовление штамповальных массивных железных досок в старину имело здесь довольно значительное развитие. Мне приходилось видеть экземпляры довольно крупных размеров (30×15 см при толщине 4—5 см), сделанные лет пятьдесят назад и старее. Поверхность их была покрыта наборами орнаментов, применявшихся для тех или иных работ. По части выделки штампов были особые мастера, по специальности, собственно, те же гравировщики. Доска после гравировки по ней узоров прогревалась на огне и опускалась в воду (т. е. подвергалась такой же закалке, как это делается с клинками). Она становилась прочной, и рисунок на долгие

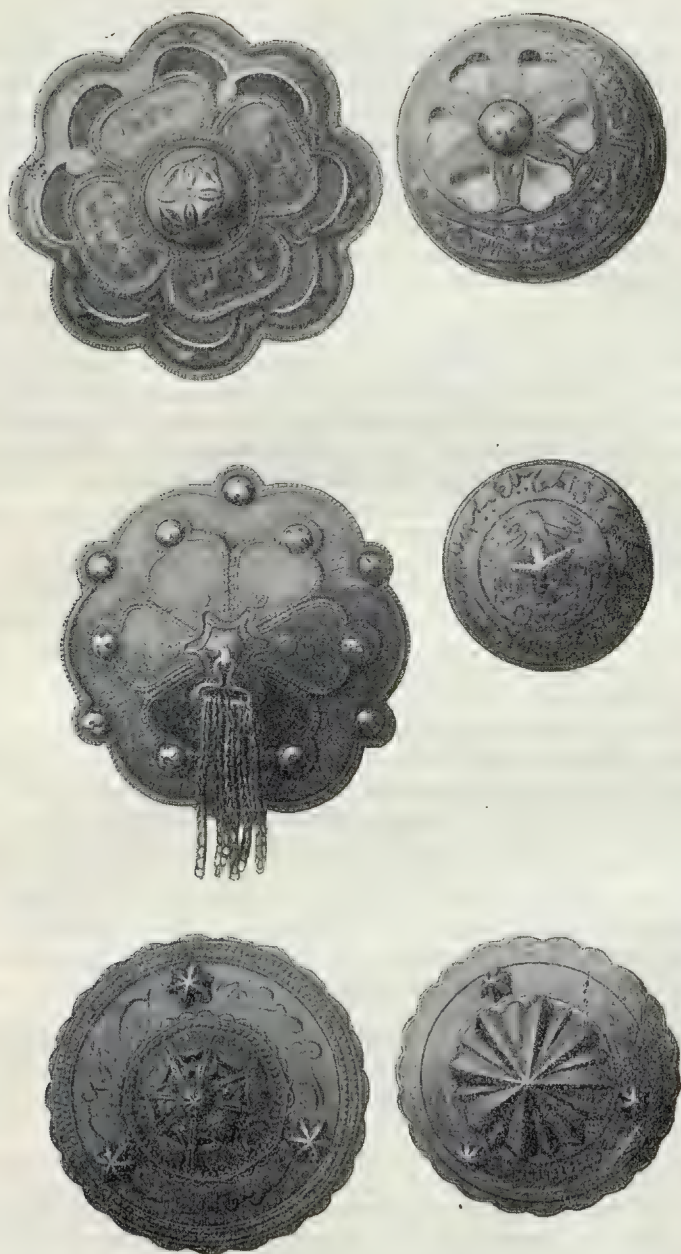

Рис. 45. Образцы работы по серебру середины XIX в. Серебряные бляхи с гравировкой, чернью и филигранью — ордена, которыми Шамиль награждал отличившихся. Ордена изготовлялись аварцами, лаками и кубачинцами (Дагестанский музей, Махач-Кала).

годы, даже при частом использовании доски для штамповки серебряных пластинок, не стирался. Рисунок на таких досках обычно врезанный, углубленный (техника типа лймцла) при гладком фоне. Впрочем, иногда и фон получал чеканную обработку (техника типа бенбултóн). Упрощенный способ выделки бруска для штамповки — это изготовление из твердого металла отдельных печаток (каждая печатка давала какой-либо один из основных, наиболее употребительных, элементов орнамента). Затем печатками выбивались оттиски данных элементов на железной доске, и доска таким образом сама становилась штампом для будущих работ. Кубачинцы очень ценят свои штампы. Кто и не пользуется ими, все же хранит их, как ценную «запись».

Но этого мало. Мало также и одних навыков и памяти. Мастер чувствует необходимость какого-то вещественного хранения орнамента — наиболее удачных своих композиций и построений. Такая потребность существовала и раньше. Теперь она стала более насущной в связи с изменениями тематики и стремлением зафиксировать какое-нибудь новое достижение, еще, быть может, не вполне освоенное и по своей новизне не отстоявшееся в памяти. Со сдачей вещи заказчику художник лишился бы возможности повторить свое произведение. Вот почему у хорошего мастера вы можете найти целую кучу эстампажей, сделанных с лучших вещей, — оттисков, накопленных за долгую практику и особенно пополнившихся за последние годы. Иногда это оттиск со всей композиции, иногда лишь с какой-нибудь ее детали, с кусочка орнамента.

Оттиски делаются путем наложения на гравировку тонкого листа мокрой бумаги или при помощи отпечатка с гравировки, покрытой легким слоем копоти. В поисках новой тематики бумажные оттиски сейчас стали делать и с вещей не кубачинского производства (особенно с изображений людей, сцен, ландшафтов и т. п.). Такие новинки чаще механически сводятся с бумажного оттиска на серебро, иногда служат прототипом для подражания и свободного копирования от руки.

Наконец, не так давно появились в Кубачи и оригинальные зарисовки на бумаге, собственноручно делаемые мастерами. В 1927—1928 гг. Магомед Алиджанов по своей инициативе приготовил альбом очень тонких карандашных рисунков. В альбоме он дал весьма наивные по форме изображения вещей (кофейников, чайников, подстаканников, зеркал, ручек, набалдашников, шашек, кинжалов, плетей и т. п.), покрытых хорошо скомпанованным богатым орнаментом. Вместе с тем он дал также блестящие по композиции образцы орнамента отвлеченно от вещей — эти страницы можно считать лучшими.

В 1934 г. альбом Алиджанова был приобретен Музеем народов СССР. Когда в с. Кубачи стало известно, что подобные зарисовки могут представлять интерес, мастера решили попробовать силы, взяв в руки вместо привычного резца карандаш.

Мною были розданы (1934 г.) чистые рисовальные альбомы и мягкие карандаши. Совместно обсудили, как и что рисовать. В результате в течение года кубачинцы заполнили свои альбомы прекрасными зарисовками. Так же, как и Алиджанов, авторы умело справились с орнаментом, с орнаментальной композицией и оказались слабыми по части формы, по части изображения предметов и соблюдения пропорций.

Я бы не сказал, что причина этого заключается в недостатке у кубачинцев развития объемного чутья, чувства формы и пространства. Мастер наивно и неумело нарисует вам изображение какой-нибудь вещи, но если вы дадите ему вещь в руки, он в большинстве случаев обработает ее резцом, согласовав орнамент со всеми особенностями формы данного объекта и разрешив композиционно все задачи пространства.

Не надо забывать, что кубачинский художник больше привык обрабатывать вещь, чем создавать ее.

Из всех альбомов наиболее удачным оказался альбом, сделанный Саидом Магомедовым. Этот мастер проявил недюжинные способности к рисованию. Никогда до того не рисуя на бумаге, он быстро освоился с этим делом и от рисунка к рисунку, выполняя мои все более и более трудные задания, добился, наконец, того, что стал передавать карандашом не только орнамент, но и тот или иной вид техники хабйчибзиб ачё. Его рисунки стали произведениями, по тонкости не уступающими работе резца.

Как и всяким новым начинаниям, имеющим отношение к их делу, кубачинские мастера очень заинтересовались альбомами. Я не сомневаюсь в том, что они могут безгранично совершенствоваться в технике рисования и быстрыми шагами итти вперед. Развитие рисовального искусства в с. Кубачи, выращивание его от первых робких зачатков до степени мастерства высокой культуры — задача чрезвычайно важная. Ее разрешение, во-первых, поставит на прочную базу дело фиксации орнаментов; во-вторых, будет способствовать художественному развитию мастеров; в-третьих, даст ряд своеобразных произведений искусства; в-четвертых, поможет еще не начатому делу изучения индивидуального творчества кубачинских мастеров.

ТВОРЧЕСТВО ОТДЕЛЬНЫХ МАСТЕРОВ

При наличии издавна сложившегося четко выкристаллизовавшегося кубачинского художественного канона лучшие мастера своими работами проявляют и черты индивидуального творчества. Не выходя из рамок традиционного канона, они пользуются его закономерностями, варьируют и компануют, в известной мере каждый по-своему. Можно думать, что несколько столетий назад, когда ислам не наложил еще на искусство кубачинских златокузнецов нивелирующего начала (почти окончательно вытравившего к XVIII—XIX вв. сюжетно-изобразительные мотивы и оставившего в неприкосновенности лишь богатую растительную орнаментику), индивидуальное начало в творчестве мастеров проявлялось ярче и полнее. Во всяком случае черты его прослеживаются на работах современных мастеров и тем ярче, чем больше они после Октябрьской революции мало-помалу стали воскрешать забытую традицию изобразительности.

Для выявления начал индивидуального творчества приведу небольшие характеристики, посвященные отдельным мастерам, с которыми я общался и которые считаются в с. Кубачи за последнее время наиболее известными.

Алихан Ахмедов и его сын Расул Ахмедов. Ныне здравствующий Алихан Ахмедов, известный кубачинский хабйчу устá, т. е. гравировки мастер, по своему возрасту (родился в 1884 г.) относится к поколению мастеров, значительная часть самостоятельной деятельности которых относится к периоду после Октябрьской революции. Как уже говорилось, кубачинцы нигде и никогда своему искусству вне с. Кубачи не учились. Их единственная школа всегда—отцовская мастерская, произведения признанных местных мастеров и более или менее случайные «впечатления», вынесенные из путешествий.

Живя почти безвыездно в с. Кубачи, Алихан Ахмедов лишь в молодости выезжал на краткое время для работы во Владикавказ. Он является одним из выдающихся носителей кубачинской художественной культуры

в ее наиболее чистом виде. При этом он умеет отвечать и запросам современности. В период начала артельной организации в с. Кубачи в 1926 г. Алихан Ахмедов был в числе лучших граверов, создавших прекрасные изделия нового типа (вещи широкого городского спроса), отправленные в Москву как образцы продукции на экспорт. К празднованию пятнадцатилетия Дагестанской АССР (1935 г.) Алихан Ахмедов, вместе с другим мастером (ныне покойным Ахмедом Джабаровым), был избран для выполнения заказа правительства Республики по изготовлению высоко-художественной серебряной обложки для адреса товарищу И. В. Сталину от трудящихся Дагестана. Эту почётную работу мастер с успехом выполнил. В январе 1937 г. он закончил другое правительственное задание по подготовке альбома для товарища Г. К. Орджоникидзе. В художественном оформлении этого альбома на долю Алихана Ахмедова выпала работа по основной специальности мастера.

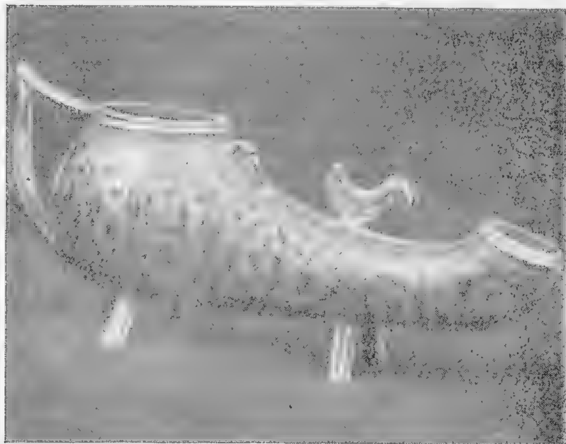

Рис. 46. Серебряная чернильница в виде традиционного медного литого светильника (чах) работы Алихана Ахмедова. Кубачи, 1925 г.

Не имея в своем распоряжении фотографий с лучших произведений Алихана Ахмедова, мы приводим иллюстрацию, воспроизводящую одну его мелкую работу: чернильницу в виде модели кубачинского светильника (Музей восточных культур в Москве).

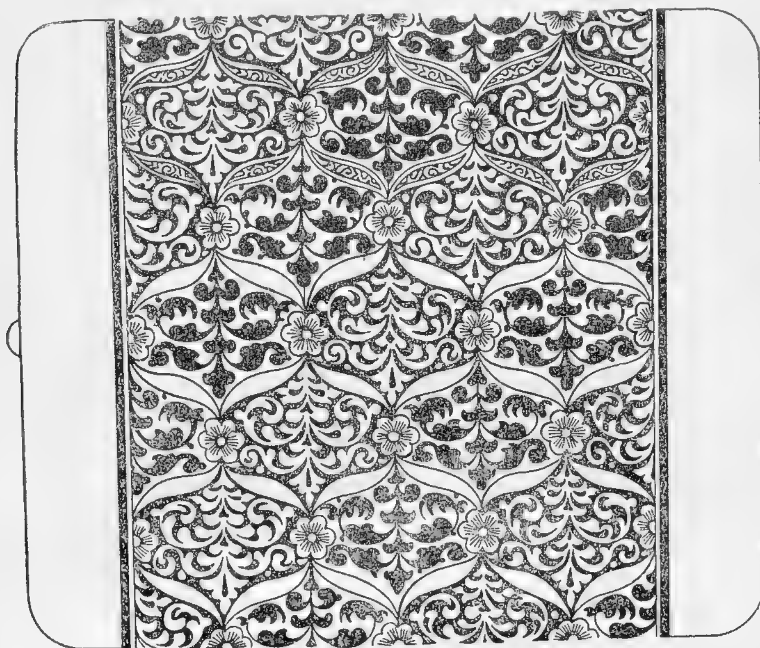
Серебряная чернильница (рис. 46)—интересна по форме. Это традиционный кубачинский светильник, о котором мы упоминали уже выше и который обычно делается из меди. Чернильница отлита из серебра. Светильник пропорционально уменьшен и украшен крупными разводами черневого орнамента (техника чибильгон), в отступление от более свойственной этому мастеру мелкомасштабной орнаментации. В данной работе мастер показал пример удачного применения старых местных форм для создания новых изделий, обнаружил способность моделирования и разрешения композиционных задач в художественной обработке той формы, которая в обиходе, как светильник, почти не орнаментируется. Обращает на себя внимание изящно выполненное традиционное изображение птицы (фазана), обычно имеющееся и на медных светильниках.

Алихан Ахмедов — мастер-художник. Он творчески использует все богатства кубачинского стиля, он лучший знаток кубачинского растительного орнамента. Присущая Алихану Ахмедову характерность — это, по преимуществу, орнаментация чрезвычайно мелкая и в то же время густая, истинно ювелирная, что с точки зрения эволюции кубачинского стиля является чертой модернизации, не начавшейся, разумеется, с Алихана.

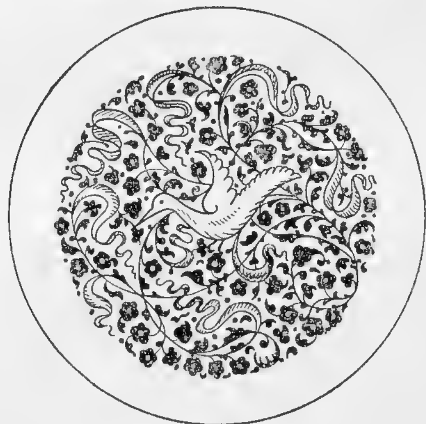
В настоящий момент мастер в расцвете сил. Об этом говорят его последние крупные работы и та степень мастерства в овладении техникой, при которой резец становится орудием, способным шутя преодолевать все трудности. Летом 1944 г. Алихан со своими работами приезжал в Москву.

Несколько лет назад он получил высокую правительственную награду (орден Знак Почета) за многолетнюю творческую работу.

В отношении личных качеств Алихан Ахмедов — мягкий, задумчивый, обаятельный человек, по натуре подлинный художник.

1

2

Рис. 47. Рисунки Расула Ахмедова. Кубачи, 1944 г.

В духе укоренившегося в с. Кубачи обыкновения передавать искусство детям, Алихан Ахмедов сумел соответствующим образом воспитать сына. В лице этого последнего, ныне члена кубачинской артели, мы имеем уже вполне сложившегося молодого мастера, выполняющего самостоятельную работу. Его имя Расул. В произведениях Расула Ахмедова отражается «школа» его отца. В то же время он идет по пути самостоятельных творческих исканий.

Рис. 48. Серебряное блюдо работы Расула Алиханова. Из вещей, подготовленных к конкурсу на художественные изделия, состоявшемуся в Москве в 1947 г.

Для ознакомления с работами Расула Ахмедова охарактеризую два его эскизных рисунка и одну недавно выполненную им серебряную вещь. Первый рисунок (из коллекций Института художественной промышленности в Москве) воспроизводит орнамент «миндурма́», сделанный тушью (рис. 47, *1*). Перед нами «классический» кубачинский орнамент, где единственным отступлением от старой манеры можно считать реалистическую разработку повторяющегося мотива пархикуа́н, во внутреннем поле которого мастер изобразил расходящиеся из центра тычинки. Эта мелкая деталь оживляет всю композицию. В кадры миндурма́ помещены стройные варианты ту́тта, первичные элементы коих («головки» — «бучи»), не отступая от норм кубачинского орнаментального канона, обнаруживают изобретательность автора, удачно построившего различные сочетания.

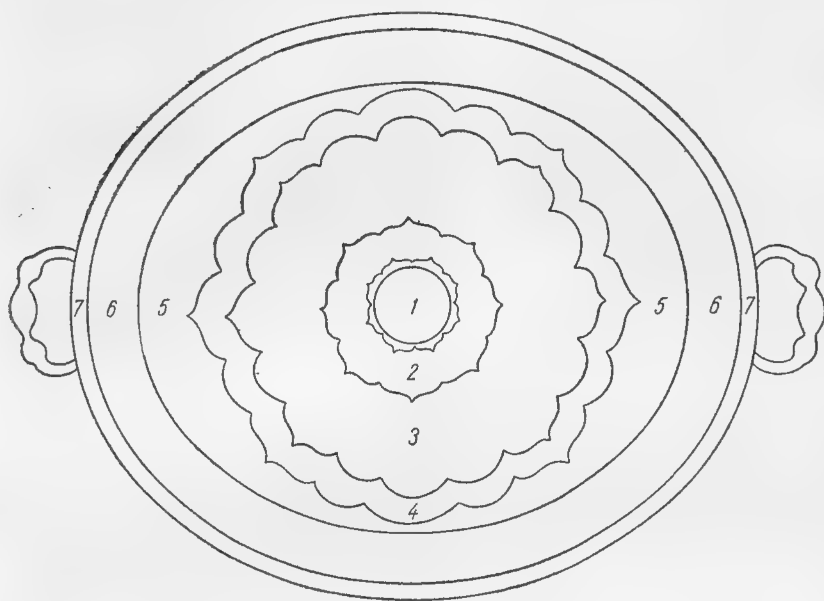

Рис. 48 а. Макет серебряного блюда работы Расула Аляханова, изображенного на рис. 48.

Второй рисунок, выполненный тоже тушью (из того же собрания) (рис. 47, *2*), поражает своей непосредственной легкостью. Небольшой круг имеет в центре изящное изображение летящей птицы на фоне сплошного несимметричного орнамента мелких ветвей, оснащенных «головками» (бучи́) и переплетенных как бы развевающимися по ветру лентообразными зигзагами. С первого же взгляда вы признаете эту композицию чисто кубачинской, и в то же время все в ней сделано по-новому: и самая ткань узора (напоминающая мархара́й, но лишенная тут спирального каркаса) и характер «головок» (представляющих вольное построение на мотивы кубачинской классики).

Третье произведение Расула Ахмедова — серебряный овальный поднос сложной работы. Предмет был обработан мастером в с. Кубачи к конкурсу на художественные изделия, организованному и проведенному управлением промысловой кооперации в Москве в 1947 г. Работа была представлена к премии и включена в состав экспонатов Всесоюзной выставки художественной промышленности и народных ремесел, организованной

Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР в Москве в 1948 г.[46]

Характеристику рассматриваемой работы позволю себе дать с техническими подробностями. Размер подноса 34×25 см. Монтаж был выполнен кубачинским монтировщиком Гаджи А. Мамаевым. Для удобства изложения описание начну в последовательности от центра подноса к его краям, для ориентации предлагая вниманию читателей фоторепродукцию со схематическим макетом при ней (снабженным цифрами) (рис. 48 и 48а): а) Центральный к р у г *1* заполнен полированным черневым рисунком (техника чибильго́н), изображающим общий вид селения Кубачи на фоне гор и облачного неба. Под рисунком черневая надпись «Кубачи 1946 год»; б) Обрамляющая круг *1* розетка *2*. Построена в виде круглой восьмилепестковой тамги. Основное поле розетки покрыто симметричным узором (ту́тта), сделанным неглубокой гравировкой с чернью (техника бенбулго́н). Внутренние и внешние края розетки, а также имеющиеся в ней крупные «головки» истамбу́л-бикь, обработаны мельчайшим светлым орнаментом на черни (техника денид хаты́чиб); в) Более крупная розетка *3*, обрамляющая предыдущую *2*, покрыта золоченым глубоко выгравированным (техника бенбулто́н) симметричным узором, на фоне которого выделяются крупные черневые «головки» с внутренней мельчайшей орнаментацией (техника де́нид хаты́чиб). Вместе с тем на этих же «головках» равномерно вырезаны небольшие отдельные ярко сверкающие элементы (техника ля́мцла); г) Рамка *4*, окаймляющая предыдущую розетку *3*, украшена тонким узором типа мархара́й, выполненным полированной чернью (техника чибильго́н) и снабженным равномерно чередующимися светлыми, глубоко выгравированными (бенбулто́н) розетками «пархикуа́н»; д) Овальная рамка *5*, обрамляющая предыдущую *4*, заполнена прекрасным черневым узором мархара́й, в неглубокой гравировке (бенбулго́н). В частях против ручек — крупные черневые кадры (денид хаты́чиб) с вписанными в них грушевидными фигурами (техника ля́мцла); е) Борт подноса *6* украшен чередованием золоченых глубоко гравированных (бенбульто́н) тамг на черневом полированном ювелирно обработанном фоне (денид хаты́чиб). В тамгах — черневые элементы той же техники; ж) Наружный край борта *7* состоит из пояска штампованной зерни. Ручки подноса обработаны мелкой гравировкой. Оборотная сторона — гладкая золоченая со светлым редким узором (ля́мцла) и вырезанной надписью — «1946 г. Кубачи, Мастер гравер Ахмедов Расул. Монтировка Г. А. Мамаева». Вещь в целом, как видим, изготовлена с применением комплекса разнообразных традиционно кубачинских технических приемов. Пышная парадность сочетается здесь с гармоничностью и строгой четкостью. Художественный стиль не отступает от канонов. Новым является лишь графический ландшафт в центре, данный в оригинальной обобщенной манере. Описанное произведение — один из лучших образцов «школы», которую теперь можно назвать «школой» не только старика Алихана, но и его сына Расула.

Расул Ахмедов за последние годы не раз приезжал в Москву в творческие командировки, которые ему предоставляют центральные органы промкооперации, а также артель.

Б р а т ь я Б а х м у т и А б д у л а Т о п ч и е в ы. В старом доме Верхнего квартала селения, откуда развертывается вид на крыши нижележащих построек, на балконе, нависающем над улицей, находились мастерские ныне покойных братьев Топчиевых. Бахмут умер в 1943 г. в возрасте около 75 лет. Другой брат, — Абдула, на шесть лет моложе Бахму-

[46] Газета «Известия» № 177, 28 июля 1948 г.

та, умер в 1939 г. (рис. 49). Оба состояли в артели. Бахмут часто выезжал из с. Кубачи.[47] После революции Бахмут Топчиев был одним из мастеров, начавших активно обучать в общих артельных мастерских молодежь.

Топчиевы — знаменитые кубачинские мастера старшего поколения, имевшие за своими плечами весьма длительный стаж. Личные мастерские братьев помещались одна против другой. Каждый сидел в своей крошечной «кабине» в потоках света, обильно проникающего через стекла галлереи.

Рис. 49. Братья Топчиевы.

1—Бахмут Топчиев в своей домашней мастерской. Кубачи, 1925 г.; *2*— Абдула Топчиев. Кубачи, 1936 г.

Топчиевы оба по преимуществу гравировщики. Однако они внесли в художественный обиход кубачинцев нечто новое. Именно они способствовали упрочению и развитию использования цветной эмали. Они стали прекрасными эмальерами. От них уже учились более молодые мастера.

Бахмут Топчиев в 90-х годах XIX в. ездил в Петербург, где выполнил большую работу по оформлению холодного оружия. В Петербурге Бахмут Топчиев изучил изделия, обработанные цветной эмалью. Он закупил запас эмалевых красок и вместе с братом Абдулой стал самостоятельно работать в с. Кубачи по этой отрасли, традиция которой, может быть, и была тут когда-то, но к XIX в. уже утратилась. Братья Топчиевы развили на месте целый ряд приемов цветной эмали. Наиболее сложным и в то же время самобытным, т. е. связанным с чисто кубачинской техникой гравировки, является, как мы уже знаем, прием наложения цветной эмали на предварительно выпол-

---

[47] В прессе г. Махач-Кала [95].

ненную гравировку. Как раз в этом направлении Топчиевы, будучи отличными гравировщиками, и создали свои лучшие вещи, выдвинув на первое место именно данный прием цветной эмали, получивший тут общее признание, ставший популярным, подхваченным более молодыми мастерами. Эффект эмали по гравировке сочетается с эффектом собственно гравировки и чеканки — многоцветность красок с тонами золота и серебра. Это богатство эмальерных работ Топчиевых усугубляется еще введением в композицию декоративных пятен тонким черневым узором. При органическом слиянии сравнительно новой техники эмали с местными издавна сложившимися способами резьбы по металлу самый орнамент выигрывает в богатстве, сохраняя все особенности кубачинского стиля. Таким образом, топчиевские эмалевые изделия с гравировкой являются безусловно ценным самостоятельным творческим достижением, связанным с общей художественной культурой кубачинцев.

Индивидуальной особенностью произведений Бахмута является смелость композиции, красочность, пышность убранства. Работы Абдулы построены строже и сдержаннее. Типичная черта этого мастера — четкость узора, состоящего из очень мелких элементов. Работая по эмали, Абдула вместе с тем очень любил гладкую черневую технику (чибильго́н), компануя черневой орнамент или спокойным сплошным, равномерно густым, заполнением поля, или оставляя значительные места серебра вовсе нетронутыми и таким образом как бы подчеркивая тонкость и чистоту рисунка.

К сожалению, я не располагаю лучшими репродукциями для иллюстрирования произведений братьев Топчиевых. В Государственном Дагестанском музее (г. Махач-Кала) хранится круглый серебряный столик эмалевой работы, изготовленный обоими мастерами после Октябрьской революции. Этот красочный шедевр кубачинской эмали опубликован в одной из моих предыдущих работ [88, стр. 83]. Поверхность столика покрыта тонким многоцветным узором, воспроизводящим в сложной композиции излюбленный кубачинский орнамент розеточного типа. Недавно Дагестанский музей приобрел другой кубачинский эмалевый столик, сходный с первым и являющийся, как мне кажется, тоже произведением Топчиевых (рис. 50). В Музее народов СССР (Москва) хранится кривая сабля в богатых серебряных ножнах, сплошь обработанных цветной эмалью в сочетании с глубокой гравировкой (бенбулто́н) и гладкой полированной чернью (чибильго̀н). Рукоятка заканчивается скульптурно выполненной головой зверя. Предмет этот был сделан Бахмутом Топчиевым в 1935 г. В Музее восточных культур (Москва) хранится весьма изящное ручное зеркало в серебряной оправе, украшенной полированным черневым узором работы Абдулы Топчиева (1925 г.).

Изделия братьев Топчиевых много раз попадали на выставки, приобретались музеями, получали почетные отзывы. Из последних работ наиболее замечательны вещи, изготовленные для советского павильона Международной парижской выставки 1937 г. Произведения братьев Топчиевых достойны того, чтобы некоторые их образцы собрать в музее с. Кубачи.

Саид Магомедов. Ныне покойный мастер родился в 1873 г. Умер в 1941 г. Его биография очень типична для старого кубачинского быта. Десятилетним мальчиком он стал обучаться мастерству гравировки. С 14 лет началась трудовая бродячая жизнь — работа по найму, сперва подмастерьем, затем мастером в мастерских, принадлежавших богатым кубачинцам, казикумухцам и армянам в ряде городов Кавказа и Украины. В 1908 г. Саид, вследствие болезни глаз, оставил производственную работу и занялся антикварной деятельностью, успев до начала империалисти-

ческой войны пять раз побывать за границей с антиками. В советский период Саид работал в Дагестанском музее, занимаясь определением экспонатов по искусству Востока, реставрацией оружия и рисованием. Будучи человеком без образования, но много видевшим на своем веку и обладающим широким кругозором, Саид познал все тонкости кубачин-

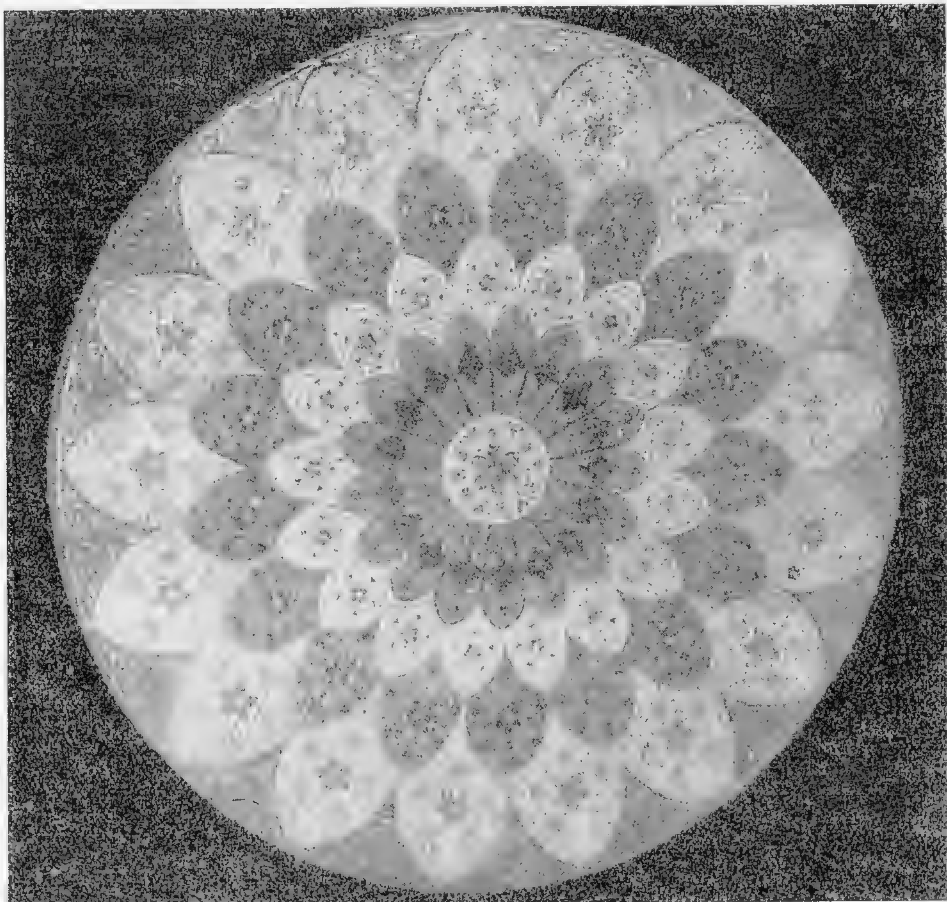

Рис. 50. Эмалевый столик (из коллекций Дагестанского музея в г. Махач-Кала).

ского художественного стиля. Он неплохо разбирался также в искусстве Кавказа, Ирана, Средней Азии, Турции. Совершенно новым, возникшим после Октябрьской революции явлением художественной жизни кубачинцев должно считать графические работы карандашом и тушью, в чем мастера резца и наковальни, до того никогда не рисовавшие на бумаге, неожиданно достигли крупных успехов. Вот в этих-то оригинальных работах по зарисовкам особенно ярко проявилось творчество Саида Магомедова. В рисунках он проявил себя крупным художником с богатым творческим композиционным замыслом. Лучшие карандашные произведения Саида хранятся в коллекциях Музея народов СССР, Музея восточных культур, Института художественной промышленности и Дагестанского музея. В начале 1937 г. по заданию правительства Дагестана Саид Магомедов подготовил рисунки для альбома товарищу Орджони-

киндзе. За год до своей смерти он приезжал в Москву и передал в качестве подарка для товарища И. В. Сталина большую серию своих оригинальных орнаментов, сделанных в карандаше и в красках.

Творчество Саида Магомедова не замыкалось лишь старыми традициями. Он дальше, чем другие мастера, пошел вперед (правда, не в работах по металлу, которые давно бросил, а в карандашных рисунках) по части расширения возможностей использования кубачинского орнамента в наши дни (изобразительные сюжеты, надо заметить, ему не давались, да он ими почти и не занимался). Он создал великолепные рисунки, пригодные для узорных тканей, обоев, украшения зданий и иных художественных поделок и применений.

Графика Саида в целом характерна сложностью построений, имеющих густую, почти не оставляющую пробелов, орнаментацию. Она отличается большой насыщенностью, уверенностью и, я бы сказал, законченной ритмичностью и какой-то особой, подкупающей логикой. В округлости и весомости мелких элементов, складывающих узор, сказывается рука гравера и особенность техники гравировки, которая, как известно, дает возможность мастеру, не ограничиваясь лишь контурным очертанием фигур, делать целые более или менее значительные вырезы металла.

В отношении личных качеств Саид Магомедов представлял собой довольно типичную, чисто кубачинскую фигуру. Энергичный, предприимчивый, хорошо воспринимавший новое, он был вместе с тем крепким хранителем кубачинских обычаев, общественных установлений и правил. Как никто он разбирался в антиках, снабжая ими Государственный Эрмитаж и другие музеи. Широкий кругозор в отношении распознавания древностей, большей частью восточных, этот мастер приобрел благодаря многократным торговым поездкам по городам Западной Европы. Его датировками и определениями пользовались наши музеи. Он был страстным любителем орнамента, красивых старых вещей, изделий прикладного искусства. Больше же всего он все-таки любил и понимал искусство своего родного селения и оставил после себя богатое творческое наследие.

Два-три штриха касательно внешнего облика (рис. 51) мастера. Худой, среднего роста. По-русски говорил плохо, тем не менее речь его была живой, образной, с юмором. Нрав живой и общительный. В последний раз мы с ним виделись во время экспедиции в Дагестан в 1940 г. Он был деятельным сотрудником экспедиции и, несмотря на свой почтенный возраст, совершал в районе с. Кубачи с нами экскурсии не только верхом, но и пешком.

Художественным рисункам Саида Магомедова посвящен очерк покойного искусствоведа В. Н. Чепелева, который опубликовал некоторые графические работы Магомедова из альбома, принесенного мастером в редакцию журнала «Творчество» в 1939 г. Один из рисунков изображает Спасскую башню Кремля. В. Н. Чепелев пишет: «Рисунок Спасской башни Кремля с венчающей рубиновой звездой прекрасно показывает целостное эстетическое единство узора и фольклорно обобщенной архитектурной формы. В нарисованном архитектурном облике Спасской башни сочетаются черты дагестанского домабашни со схематизированным силуэтом Кремля. Введение орнаментальных клейм и линейное членение архитектурной формы тончайшим образом рассчитаны на ритмику включаемого в них узора. Даже стрелкам часов приданы завитки мархарáя» [84, стр. 12].

Помимо статьи В. Н. Чепелева, ряд зарисовок С. Магомедова опубликован был в моих предыдущих работах о кубачинцах.

Кратко охарактеризую некоторые композиции С. Магомедова, помещенные в данной книге.

1. Эскиз орнамента для оформления шкатулки (рис. 52) работы 1936 г. [92, стр. 45]. Все поле занимает мощный вариант узора мархара́й, в центре которого помещена «головка», именуемая «курдюк». Примечательно, что в этом рисунке автор передает особенности техники бенбулто́н (точечный чеканный фон) и техники цу́бла (светлые «головки»). Из альбома Музея народов СССР (Москва).

Рис. 51. Саид Магомедов с альбомом своих рисунков. Махач-Кала, 1940 г.

2. Эскизы оформления двух бокалов (1936 г.). На обоих симметричный орнамент ту́тта. На одном из них в рисунке передана техника неглубокой гравировки (бенбулго́н), на другом техника полированной черни (чибилыо́н) (рис. 53).

3. Вариант композиции (1939 г.), в которой, по словам автора, сплелись впечатления от Спасской башни Кремля и от готической архитектуры Варшавы, где С. Магомедов был в начале XX в. (из альбома Музея народов СССР, рис. 54).

4. Композиция, воспроизводящая в схематизированном виде изображение кубачинского медного литого светильника «чах» (1939 г.), покрытого орнаментами мархара́й — в центре, лум — окаймление и ту́тта (рис. 55) — на крышечке.[48] Образ птицы с опущенным хвостом отличается от традиционного изображения фазана с поднятым хвостом на медных

[48] Простой обиходный светильник так не орнаментируется.

Рис. 52. Эскиз оформления шкатулки. Рисунок работы Саида Магомедова. 1936 г.

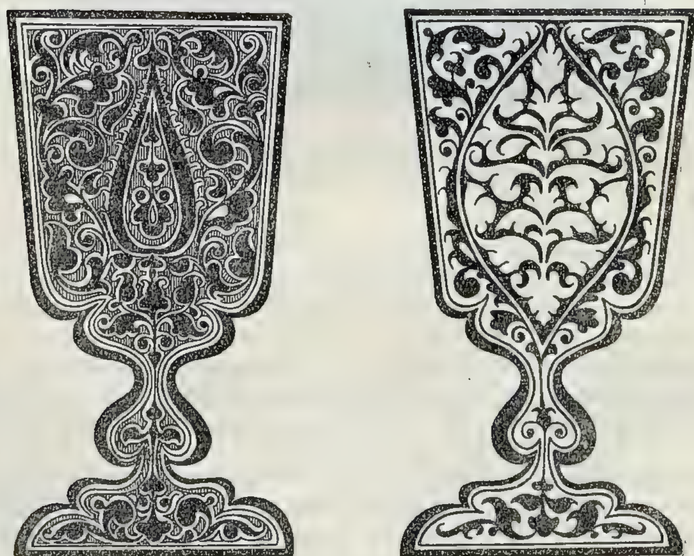

Рис. 53. Эскизы оформления бокалов. Рисунок работы Саида Магомедова. 1936 г.

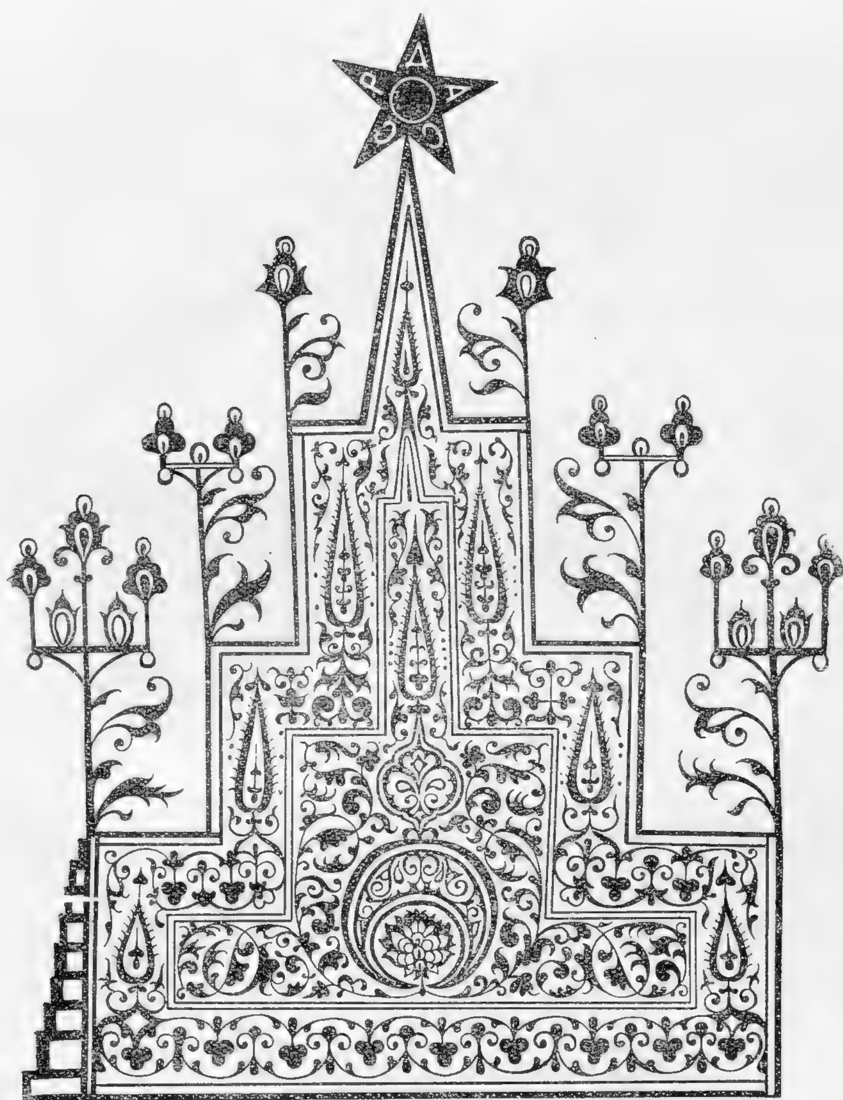

Рис. 54. Композиция Саида Магомедова. 1939 г.

обиходных кубачинских светильниках. Из альбома Института художественной промышленности (Москва).

5. Эскиз для ткани или обоев (1939 г.) (рис. 56) — выражение самостоятельной мысли Саида Магомедова, пытавшегося найти широкое производственное применение для орнамента кубачинских златокузнецов.

Абдул-Джалиль Ибрагимов. Мастер золотой насечки, ныне покойный, имел за собой 45 лет творческого пути. Он родился в 1885 г. и начал работать двенадцатилетним мальчиком под руководством отца с 1897 г. Его отец, умерший в 1930 г., был очень знаменит. Он имел 7 золотых медалей и 11 серебряных, полученных в награду за изделия (присужденные как в России, так и в Англии, Франции, Турции и Иране, куда попадали его произведения).

Абдул-Джалиль перенял от отца богатейшую культуру мастерства обработки ценных металлов, его громадный художественный багаж. Он передал это наследие, обогащенное собственным опытом, третьему поколению — своим сыновьям. Основная специальность Абдул-Джалиля Ибрагимова — насечка золотом, т. е. инкрустация по слоновой кости, буйволиному рогу, вороненому железу. При насечке, особенно по рогу и кости, орнамент тонок и прозрачен. Крупные сплошные пятна, как мы уже знаем, не могли бы держаться прочно в прорезах основы, поэтому

Рис. 55. Схематизированное изображение светильника (чах) с орнаментацией работы Саида Магомедова. 1939 г.

в насечке их и избегают. Рисунок хорошо выделяется и блестит на светлой фактуре слоновой кости, на черной полированной поверхности рога, на синем фоне вороненого железа. Надо сказать, что при насечке по железу орнамент тонок, но все же он несколько гуще, чем при насечке по рогу или кости. Золотые пятна листочков и цветов делаются несколько крупнее, так как силой сцепления металл в металле держится крепче. На поверхности золотой инкрустации в этом случае мастер делает еще легкую гравировку.

В 1913 г. Абдул-Джалиль Ибрагимов работал в Тифлисе. Кавказский кустарный комитет отправил его вещи на выставку в Петербург. Ибрагимов получил золотую медаль. В 1921 г. он поступил в одну из тбилисских ювелирных артелей, а с 1925 по 1934 г. состоял членом артели в с. Кубачи. Последние годы он работал в Кисловодске (артель имени 1 Мая), приняв участие в подготовке экспонатов для советского павильона Международной парижской выставки 1937 г.

Абдул-Джалиль Ибрагимов в числе прочих работ разрабатывал эскизы для ковровой орнаментации, стремясь, так же как и Саид Магомедов, расширить область практического применения кубачинского златокузнечного орнамента [7].[49]

Не оставляя непосредственной работы с молотком и штихелем, Абдул-Джалиль Ибрагимов сумел, вместе с тем, создать значительное количество прекрасных рисунков тушью, которой лучше, чем карандашом, можно

[49] В прессе г. Махач-Кала 1936 г.

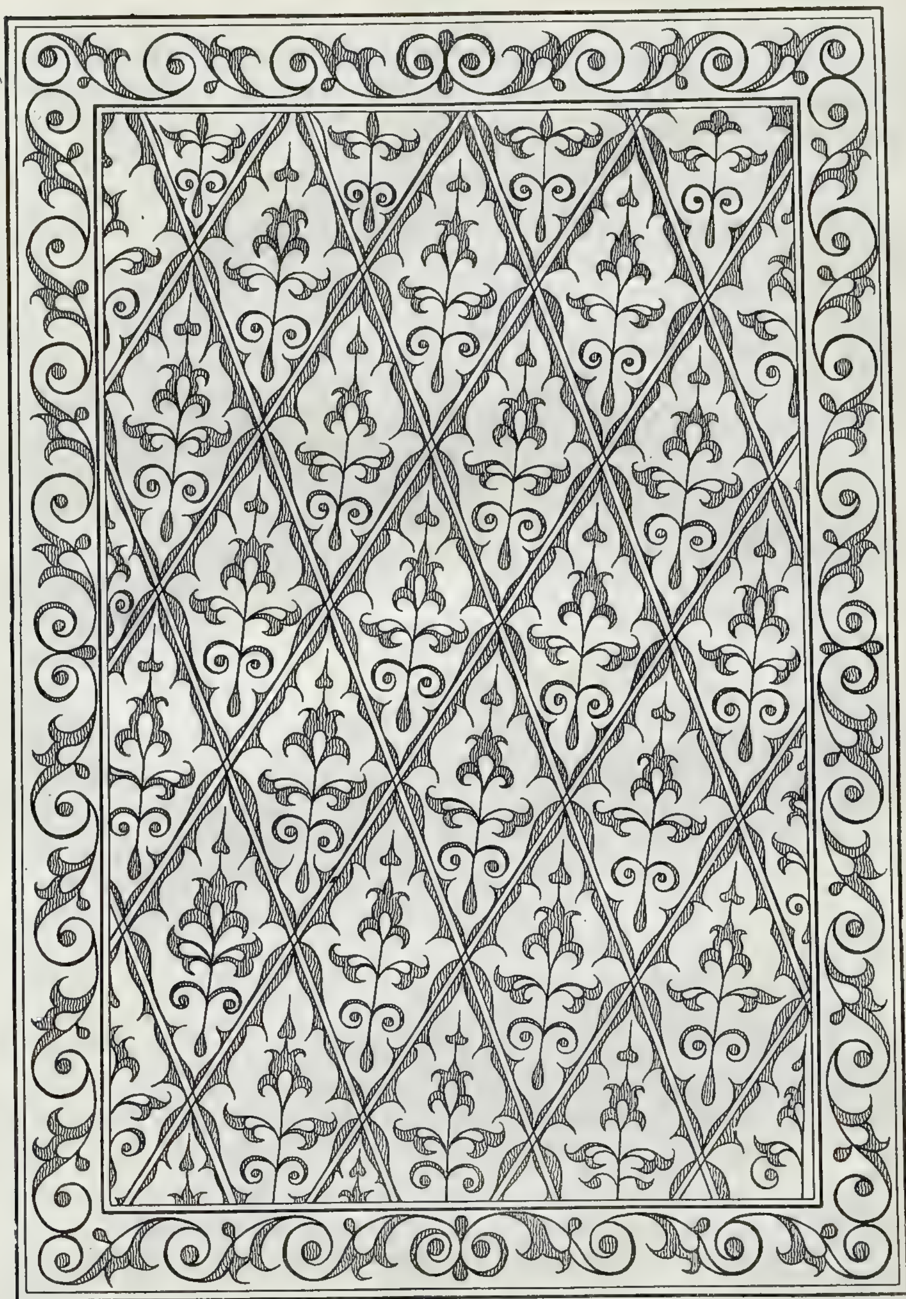

Рис. 56. Эскиз для ткани или обоев работы Саида Магомедова.
Махач-Кала, 1939 г.

передать все особенности более тонкого орнамента насечки. Лучшие из этих рисунков (работы 1937 г.) хранятся в библиотеке Института художественной промышленности в Москве.

В рисунках Абдул-Джалиля Ибрагимова сказываются специфические особенности техники насечки, хотя они и не сделаны специально для насечки, — тонкость линий и отдельных элементов, напоминающих весенние нераспустившиеся почки. Этот стиль, как видно, отличается от стиля графики Саида Магомедова (рис. 57, 58, 59).

Рис. 57. Композиция А.-Д. Ибрагимова. Пятигорск, 1937 г.

1. Композиция в виде круга с изображениями пятиконечной звезды, серпа и молота и с инициалами «РСФСР» (рис. 57). Узор построен сложным концентрическим поясом (Из альбома Института художественной промышленности, 1937 г.).

2. Панно (рис. 58). В центре композиции круг, вписанный в овал. Внутренняя поверхность этих фигур заполнена сложным построением узора ту́тта. Овал окружен наугольниками и тремя декоративными рамками с пышными вариантами поясного узора лум. По мысли мастера, такого рода эскиз в какой-то мере как исходный мотив мог быть использован для ковра (Из альбома Института художественной промышленности, 1937 г.).

Рис. 58. Композиция (панно) А.-Д. Ибрагимова. Пятигорск, 1937 г.

3. Декоративные изображения орнаментальных тамг, данные в стиле двух наиболее популярных вариантов художественного стиля с Кубачи — мархара́й и ту́тта (Из альбома Института художественной промышленности, Москва) (рис. 59).

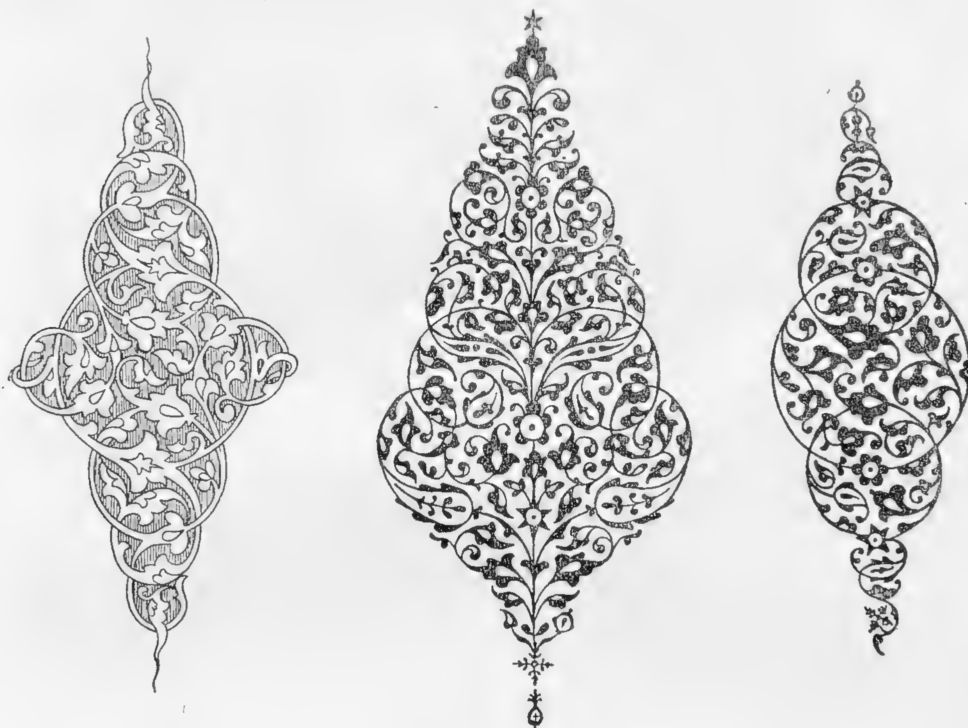

Рис. 59. Эскизы тамг А.-Д. Ибрагимова. Пятигорск, 1937 г.

ИЗДЕЛИЯ ДЛЯ КОНКУРСА 1947 г. В МОСКВЕ

В предыдущем разделе я уже упомянул о конкурсе на художественные изделия, состоявшемся в 1947 г. в Москве. Конкурс этот вызвал большой интерес у кубачинских златокузнецов. В нем, помимо Расула Ахмедова, участвовали и другие мастера, в том числе известные мастера старшего поколения: орденоносец Гаджи Кишев (род. в 1902 г.) (рис. 60), орденоносец Гасан Гуссейн Канаев (род. в 1890 г.), Шахвал Мунгиев (род. в 1897 г.), Шафи Мулаев (род. в 1890 г.); из молодых — Гаджи Бахмут Магомедов (род. в 1923 г.), Ибрагим Ильянов (род. в 1926 г.) и другие.

Для более ясного выявления современных художественных достижений членов кубачинской артели «Художник» приведу краткую характеристику пяти произведений, заслуживших на конкурсе представления к премии и отобранных для выставки в Москве в 1948 г.

1. Портрет товарища Сталина. 1947 г. Художественная работа Гаджи Кишева, монтировка Джабраила Тикаева (рис. 61). Размер 47 × 31 см. Произведение представляет собой монументальную рамку; внутреннее прямоугольное поле имеет в центре овал из слоновой кости с тонкой золотой насечкой, воспроизводящей узор мархара́й. На этом фоне в овале помещен золоченый литой рельефный портрет товарища И. В. Сталина в профиль. Воротник куртки покрыт сплошной гравировкой (бенбулто́н),

Рис. 61. Портрет И. В. Сталина. Работа мастера-орденоносца Гаджи Кишева.
Из вещей, подготовленных к московскому конкурсу в 1947 г.

Рис. 62. Обложка для альбома из серебра и слоновой кости.
Работа Г. Б. Магомедова и Г. А. Шахаева.
Из вещей, подготовленных к московскому конкурсу 1947 г.

Рис. 63. Лампа настольная из серебра и слоновой кости. Работа Г. Б. Магомедова. Из вещей, подготовленных к московскому конкурсу 1947 г.

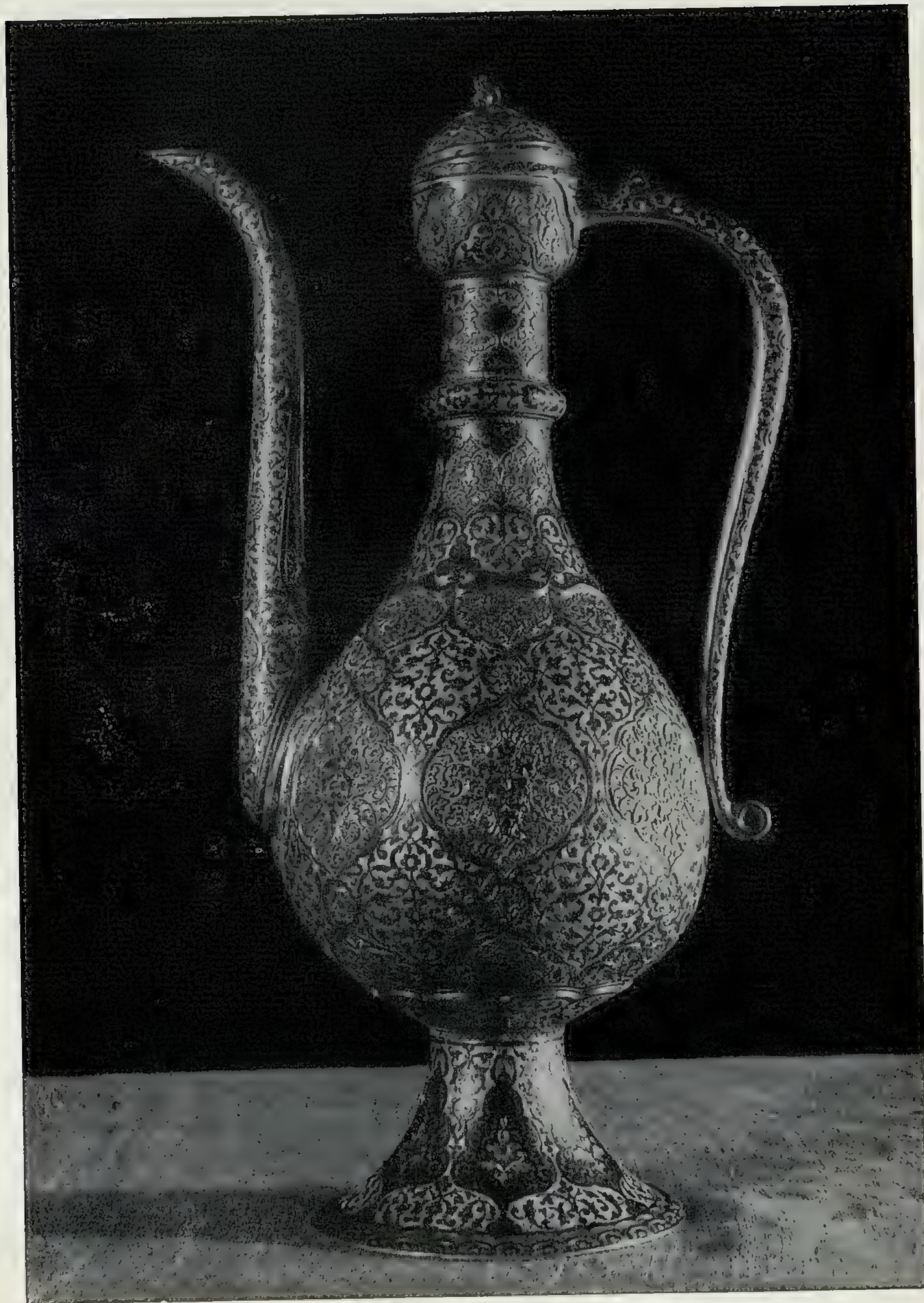

Рис. 64. Кувшин серебряный. Работа Г. С. Курбанова.
Из вещей, подготовленных
к московскому конкурсу 1947 г.

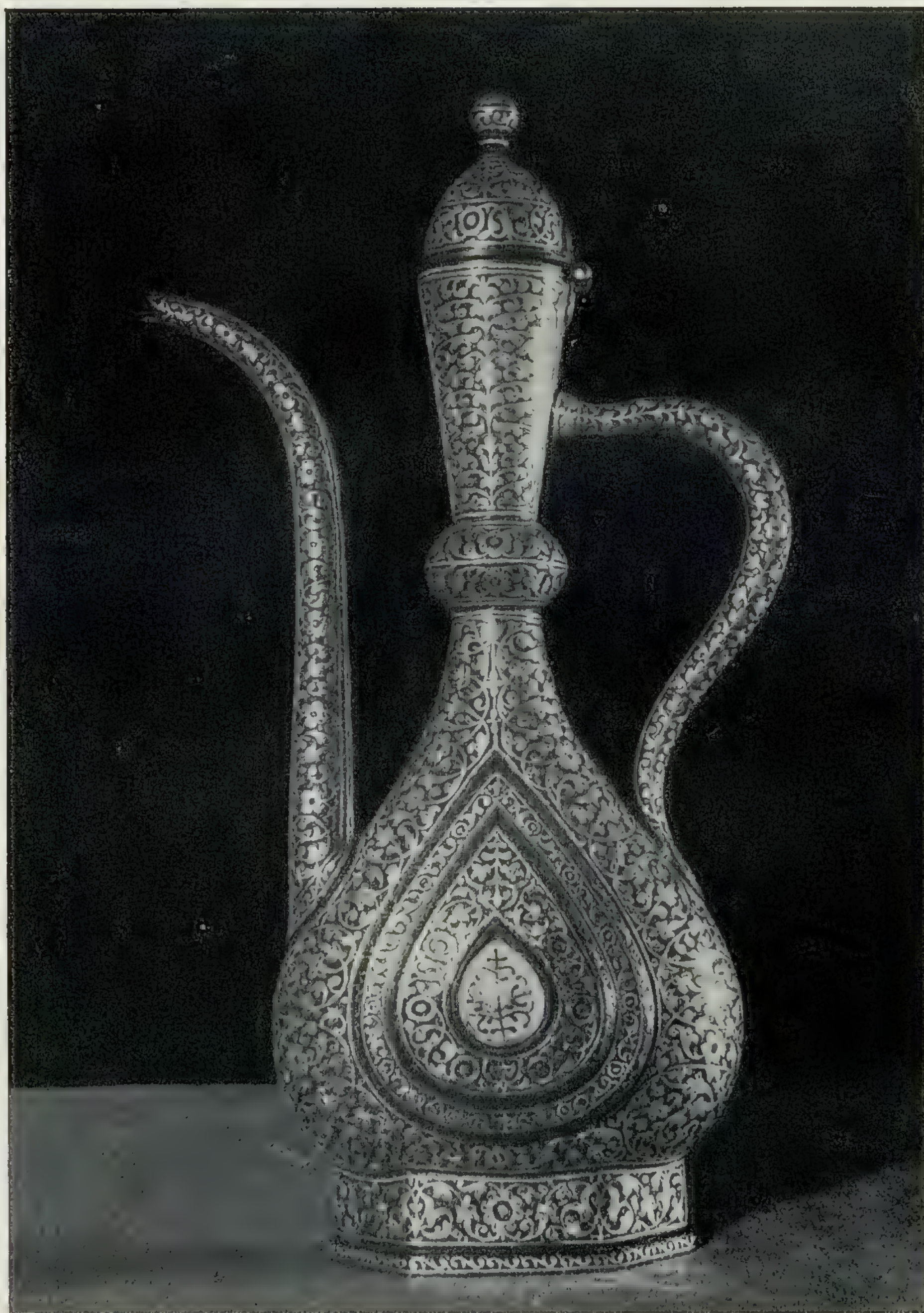

Рис. 65. Кувшин железный с насечкой. Работа Шабана Алиева. Из вещей, подготовленных к московскому конкурсу 1947 г.

искусно передающей в мелкомасштабном, но четком виде узор мархара́й. Овал окружен восемью черневыми лепестками (плохо выделяющимися на фотографии), обработанными глубокой гравировкой и орнаментом ту́тта. Лепестки окружены золоченым пространством, покрытым глубокой гравировкой (узор мархара́й) и ограниченным четырьмя наугольниками из слоновой кости с золотой насечкой (тот же мархара́й). Самая рамка украшена штампованной зернью и симметричным узором типа ту́тта, выполненным сочетанием различных видов техники. В верхней части рамки — 16 гладких золоченых знамен, пятиконечная звезда, заполненная гравировкой, и под ней накладное изображение серпа и молота.

Рис. 60. Гаджи Кишев. 1940 г.

2. Серебряная обложка для альбома (1947 г.) (рис. 62). Гравировка Гаджи Бахмута Магомедова, работа на кости Гафии Абакара Шахаева, монтировка Гаджи Магомеда Абакарова. Размер—31 × 22 см. Предмет состоит из двух одинаковых створок, соединенных друг с другом серебряным корешком. Не входя в подробное описание экспоната, укажу, что он имеет в центре накладной овал из слоновой кости с выпиленным узором мархара́й, а на обрамлении накладные пластинки из слоновой кости с редкой золотой насечкой (узор ту́тта); остальные части поля заняты богатым сочетанием различных видов гравировки, то вызолоченной, то с черневым рисунком на светлом серебряном фоне. В обсуждении отмечалось, что «большое количество позолоты и прямолинейные накладки из кости по краям крышки альбома создают впечатление перегруженности и излишней пестроты». С этим замечанием я не вполне согласен. В обработке обложки альбома действительно мы имеем на редкость сложное сочетание позолоты, штрихованного серебра, черни, кости выпиленной и кости насеченной, гравировки глубокой и гравировки мелкой. Но такие сочетания, по-моему, в отдельных объектах, когда мастера хотят придать предмету облик некоей нарядной торжественности (как в данном случае), имеют право на существование.

3. Настольная электрическая лампа из серебра и слоновой кости. 1947 г. (рис. 63). Работа мастера Гаджи Бахмута Магомедова (автора предыдущего экспоната). Высота—38 см. По поводу этого предмета при обсуждении замечали: «Лампа — пример положительных поисков кубачинской артели новых художественных утилитарных изделий. Несколько неудачны кронштейны, выделяющиеся по стилю из всей вещи». Серебряные части рассматриваемого предмета обработаны сочетанием различных видов техники с. Кубачи, передающих изящные варианты симметричного орнамента (ту́тта). Кронштейны прорезные. Каждый из них представляет собой сильно увеличенную в масштабе традиционную для кубачинского стиля «головку», известную под наименованием «истамбу́л-бикь» («стамбульская головка»). Замечание о неудовлетворительности этой детали вызвано, повидимому, не разнобойностью стиля, а, несколько

невяжущейся с характером вещи в целом, прорезной техникой кронштейнов. Подставка лампы сделана из слоновой кости, выпуклой резьбой—прием, в искусстве Кубачи сравнительно мало распространенный.

4. Серебряный кувшин. 1947 г. (рис. 64). Гравировка работы Гаджи Саида Курбанова, монтировка Гаджи Абдулы Мамаева. Высота—27 см. Форма кувшина для искусства собственно кубачинского — не типична, но широко распространена в Дагестане вообще и в Кубачи в частности. Кувшин богато и с большим вкусом обработан глубокой и мелкой гравировкой и чернью. Тамги на выпуклой части корпуса золоченые, узор — симметричный (ту́тта).

5. Кувшин железный с серебряной и медной насечкой (рис. 65), 1947 г. Работа мастера Шабана Алиева. Высота—27 см. Высокое мастерство насечки в настоящее время в с. Кубачи распространено значительно меньше мастерства гравировки. Тем приятнее видеть данную вещь, выдающуюся по своему художественному уровню. На синем фоне вороненого железа прекрасной композицией выделяется и блестит орнамент (ту́тта и мархара́й), классически кубачинский. Особо выделяется небольшая вставка из насеченной слоновой кости. Форма кувшина традиционная, но для собственно кубачинского искусства не типична. По справедливости рассматриваемый предмет удостоился высоких оценок («Сочная декоративность орнаментального украшения при сложной технике насечек и традиционной красивой форме делают данную вещь одной из лучших, представленных на конкурс»).

Таковы произведения современных мастеров, говорящие о расцвете кубачинского народного искусства в наши дни, о сохранении ценного дедовского наследия и о новых путях, исканиях и достижениях.

ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА КУБАЧИ

Приведенным материалом я заканчиваю характеристику художественного стиля кубачинских златокузнецов. Как видно, в творчестве орнамент неотделим от техники. Его разнообразие в значительной мере является не только разнообразием рисунка самого по себе, но и разнообразием, обусловленным неразрывным соединением собственно орнаментального богатства и богатства видов техники и их сочетаний. Качество переходит в количество и количество в качество.

Нами не сделано специально выделенного сопоставления кубачинских материалов со столь сходными образцами так называемого восточного искусства, искусства соседних с Кавказом областей, и в первую очередь с искусством народов Азербайджана, Грузии, Армении и Средней Азии, равным образом с искусством стран Ближнего Востока и других. Такая задача поставлена в дальнейшем. Общие очертания сродства изобразительных мотивов и стилей ясны, как ясна и самобытность творчества кубачинцев на фоне [50] произведений других народностей.

Другая задача последующей работы — ретроспективный обзор изу-

---

[50] Сделанный нами, например, в вещевых и иллюстративных фондах Музея восточных культур в Москве опыт сравнения орнамента с. Кубачи с мотивами народного декоративного искусства Узбекистана вполне это доказывает. С орнаментом кубачинского серебра (а, следовательно, и резного дерева и камня, где те же мотивы воспроизводятся в более крупных масштабах) оказываются сходными соответствующие мотивы народного узбекского орнамента, воспроизведенного на разных материалах и в разные эпохи,—в оформлении холодного оружия, на медных кувшинах, на вышивках, в монументальных потолочных росписях, в раскраске деревянных шкатулок, на резных деревянных колоннах, на изразцах. В частности, особенно родственными мотивам узбекского орнамента оказываются кубачинские мотивы мархара́й, пархикуа́н, истамбу́л. При этом, разумеется, ни искусство кубачинцев, ни искусство узбеков ничуть не теряют черт оригинальности, самостоятельности и самобытности.

чаемого нами искусства от современности к прошлому на базе самого «города златокузнецов». Уже и сейчас можно сказать, что преемственность нынешнего искусства кубачинцев в глубь времен восходит по крайней мере к XII—XIII вв. В самом деле, за орнаментикой старейших албанских рельефов и бронзовых котлов следуют непрерывной цепью кубачинские резные камни того же стиля, но более поздние, вплоть до XVIII и середины XIX в. В начале 80-х годов XIX в., как видно из свидетельства Д. Н. Анучина [9, стр. 357—449; см. также 8, стр. 37—38], эта цепь заканчивала свое последнее звено. Я уже указывал, что сами кубачинцы «читают» узор албанских камней с точки зрения «азбуки» своего современного орнамента. Художественная традиция албанских рельефов сохранилась у них в известной мере в нынешних металлических изделиях. Остается проследить видоизменения этой традиции, ее эволюцию. Для разрешения такой задачи нужен сбор дополнительных материалов.

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТА МЕДНЫХ ИЗДЕЛИЙ И НЕКОТОРЫХ БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ

Говоря о кубачинском искусстве в целом, нельзя обойти молчанием особую мало известную его ветвь, представленную художественной обделкой медночеканной утвари. Эта ветвь до такой степени отличается от основного, охарактеризованного выше кубачинского златокузнечного стиля, что я намеренно ее выделил.

Общие замечания о ней сводятся к следующему: во-первых, это более простой по своему характеру орнамент; во-вторых, это манера украшения определенного ряда вещей исключительно местного быта (почти не выходящих за пределы с. Кубачи или за пределы нагорного Дагестана); в-третьих, круг предметов, подвергающихся такой именно обработке, крайне невелик, весьма ограничен; в основном в него входят всего-навсего пять предметов медночеканного мастерства (мучáл — водоносный кувшин; нукнýс — столь же оригинальный ведрообразный сосуд, преимущественно свадебного обихода; куткá — небольшой ручной кувшин для воды; куннé — кувшин для омовения; кованая крышка к кубачинскому литому котлу) и еще кое-какие бытовые предметы. Пять названных объектов (см. рис. 25) медночеканного производства — до настоящего времени наиболее типичные и повседневные предметы домашней утвари рядового кубачинского жилища. Мучáл и нукнýс, как я выяснял выше, по своему происхождению, в смысле внешней формы, восходят к завозным вещам XII—XIII вв., проникавшим в Кубачи из стран Ближнего Востока, своеобразно здесь переработанным и, главное, получившим чисто местное кубачинское художественное оформление. Крышка к котлу, надо полагать, по происхождению моложе «кубачинского» литого котла, тоже восходящего к прототипам XII—XIII вв., когда-то бытовавшим на более широкой территории Восточного Кавказа; она, очевидно, явилась утилитарным дополнением к котлу, ставшему в с. Кубачи повседневным прочно обжитым предметом. Таковы намечающиеся хронологические грани, не уходящей, кажется, в особую глубь веков, традиции кубачинской кованой или медночеканной утвари. Входящие в состав этой последней кувшины кутка и куннé почти целиком примыкают к тому же стилю и объединяются, следовательно, в ту же общую группу.

Очень примечательно то обстоятельство, что в общем комплексе кубачинской культуры (как она выглядит теперь) изделия из кованой меди занимают какое-то обособленное и довольно скромное место. Художественные медные блюда и сосуды издавна шли в с. Кубачи из Лагича (Азербай-

джан) и различных мест Ирана. А если кубачинский штихель и трудился над медью, то только (по старому обыкновению) находясь в руках ученика-мальчика. Сам по себе стиль орнаментации кубачинских медных кованых изделий, нами перечисленных, может быть, носит следы значительно большей старины, чем вещи, которые он украшает. Он архаичен.

Чеканная орнаментация мучáла в большинстве случаев состоит из частей вертикальной гофрировки (по основным конусам и горлу) и узора (на крышке и поддоне). Реже все тело мучáла, вместо гофрировки, покрывается узором. Узор крупен и несложен (фестоны, копьевидные полосы): чередующиеся или расходящиеся лучеобразно чешуйки, круги, зигзаги, елочки, зубцы, розетки и т. п. Все линии скрепления частей мучáла, и вертикальные (на конусах), и горизонтальные (между конусами, горлом и поддоном), проложены узкими двухсторонне-фестончатыми полосками с декоративными рядами гвоздиков вдоль них.

По характеру художественной обработки кувшин кутка́ вполне соответствует мучáлу: декоративные гвоздики и фестончатые вырезы по скреплениям частей сосуда на горлышке и на корпусе, копьевидные расходящиеся лучами полосы или стрелки, хорошо подчеркивающие форму сосуда. Пустоты между крупными элементами орнамента бывают покрыты чеканным точечным узором в виде розеток, ромбов и разнообразных линий. Это традиционное убранство кутка́ почти не имеет вариантов.

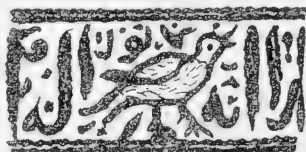
Орнамент кунне́, такой же по стилю, бывает гораздо разнообразнее и богаче. Иногда к нему примешиваются мотивы, заимствованные из орнаментики гравировки по серебру. Так, верхняя половина корпуса лучших экземпляров часто украшается округлыми выпуклыми линиями косой гофрировки, а нижняя половина — крупным растительным узором типа мархара́й.

Орнаментальное украшение нукнусов не отличается особым разнообразием, но совершенно одинаковых в смысле художественной обработки сосудов этого типа мы все же не встретим. В качестве примеров орнамента нукнуса я позволю себе привести материалы из описания, сделанного Н. Б. Баклановым, с той, однако, оговоркой, что это описание отнюдь не исчерпывает иных существующих разновидностей убранства нукнуса: «Внизу ведерка гладкими полосками намечаются два или три пояска, наверху один. Между ними остается широкая полоса для основного орнамента. Наиболее часто он состоит из ряда выпуклых кружков, слегка удлиняющихся вниз, как бы переходящих в стебель, прячущийся за поясок. Внутри этих кружков эксцентрично, ближе к низу, вдавлены другие кружки меньшего размера. Все вместе напоминает немного как бы кончики павлиньих перьев с их глазками, заткнутые за поясок (В старинных русских рукописях подобный узор носил название «копытца»). Из-за них, размещенные вперебежку (в шахматном порядке), высовываются выпуклые, закругленные чешуйки или лопасти. Как на последних, так и на нижних кружках иногда выбиты звездочки из точек, иногда же они гладки. Пространство между верхними лопастями иногда заполнено стрелками, иногда ничем не заполнено. Верхний поясок, так же как один или два пояска под главным фризом, украшаются разнообразно зигзагами, волнообразной линией и т. д. Самый нижний поясок чаще всего заполнен чешуйками, посаженными рядом, закруглением вниз. Другой тип орнамента на ведерке отличается рисунком главного фриза; фриз украшается разнообразными линиями, идущими в вертикальном направлении тесно одна около другой, то вогнутыми, то выпуклыми по очереди, как на стенах мучáла» [12, стр. 57].

Крышки котлов украшаются большей частью однообразно — копьевидными радиусами, расходящимися во все стороны из центра.

Таков в основных чертах своеобразный художественный стиль кубачинской меди. По-своему он привлекателен, оригинален и безусловно обладает немалой художественной ценностью.

По небольшому удельному весу в кубачинском искусстве он привлекал к себе значительно меньше внимания и достаточно изученным считаться не может. Ни в обиходной резьбе по дереву (обрамления окон и дверей, мерки, пороховницы и т. п.) или камню (ступки, подставки для прялок, камины и др.), ни в каких-либо других поделках он не применяется. Всюду господствует пышный растительный орнамент златокузнецов.

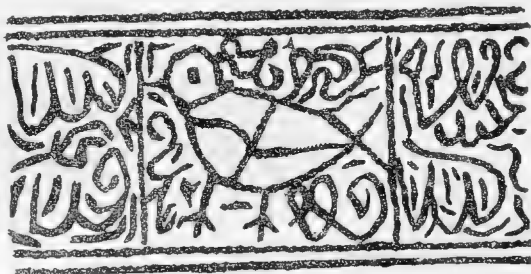

Рис. 66. Фрагменты на вышивках (бидижибзи́б) цветным шелком по краям кубачинской женской головной повязки (каз) — изображение птицы, окруженной орнаментом «под арабскую надпись». Кубачи, 1944 г.

К рассматриваемому слою искусства с. Кубачи — условно назовем его пластом более замкнутого местного стиля — следует еще, пожалуй, отнести образ птицы на казах и чахах (рис. 66), о котором я говорил выше, касаясь вопроса о религиозных пережитках,[51] расписные войлочные маски,[52] а также своеобразный стиль женских узко местных (кубачинских) украшений. Из числа этих последних прежде всего следует назвать праздничные нашивки на рукава женской рубахи (рис. 67). На упомянутых нашивках обычно имеются примитивные по форме и обработке серебряные бляхи (иногда в виде птиц) и особые неизменные крупные треугольные жемчужные вышивки, которые в точности совпадают с такими же жемчужными вышивками старинного и весьма архаичного аварского женского головного убора из селения Ругуджа.[53] Кубачинские женские перстни, браслеты, «подбородочные» цепочки,[54] нагрудные навески из блях — относятся к тому же слою. Все эти украшения, как правило, бывают лишены изящного и развитого орнамента кубачинской гравировки. Они грубы и массивны и бо́льшей частью обделаны зернью и крупными цветными камнями (рис. 68). Можно было бы назвать и другие объекты того же стиля.

Таков в общих чертах пласт кубачинского искусства более замкнутого стиля, переплетающийся в живой действительности с пластом высоко развитого и сложного искусства златокузнецов, представленного растительным орнаментом.

Более широкий охват изобразительного искусства горных народов Дагестана показывает, что предлагаемое нами для с. Кубачи условное членение художественных объектов на два упомянутые пласта прослеживается едва ли не по всей территории «страны гор». Разница лишь в том, что в Кубачи слой замкнутого искусства имеет сравнительно

[51] См. гл. I, стр. 13; см. также рис. 46 и 55.
[52] См. гл. III, стр. 160—164.
[53] Материалы поездки 1945 г.
[54] См. гл. I, стр. 52—53.

небольшой удельный вес, тогда как в других местностях он иногда доминирует и проявляется всякий раз в чрезвычайно оригинальных местных видах.

Разновидности развитого стиля более определенно объединяются между собой, чем разновидности стиля замкнутого. Для первых мы можем в основном установить «общедагестанское» единство; вторые не укладываются в подобные рамки и значительно обособленнее выделяются локальными признаками и отличиями.

Следует подчеркнуть, что наиболее ярким выражением в Дагестане

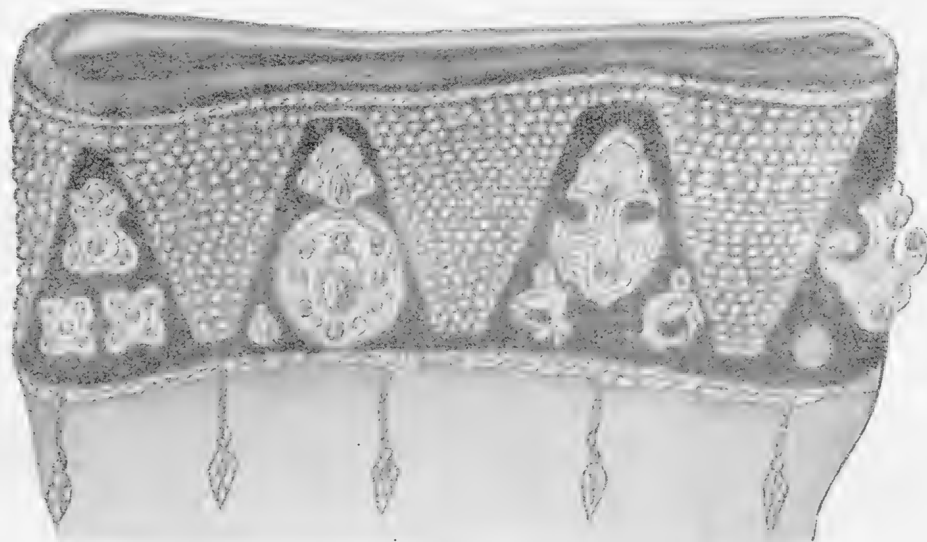

Рис. 67. Праздничная нашивка на рукав женской рубахи с серебряными бляхами, цепочками и крупной вышивкой жемчугом в виде чередующихся треугольников. Зарисовка с натуры. С Кубачи, 1940 г.

искусства развитого растительного стиля, оригинального на местах, но сближающегося, вместе с тем, по характеру с искусством народов Закавказья, Ирана, Турции, стран Аравийского полуострова, стран восточного Средиземноморья, является златокузнечное искусство с. Кубачи и вместе с ним искусство другого крупного дагестанского центра — Казикумуха (в этом отношении Кубачи и Казикумух являются как бы родными братьями). Как выяснилось,[55] развитой стиль кубачинско-казикумухского комплекса (с преобладанием в данном случае струи кубачинской) оказывал и оказывает большое влияние на разнообразные и порой весьма отдаленные области не только Южного Дагестана, но и Северного, вплоть до северных и западных окраин Аварии включительно. В златокузнечестве стиль, изученный нами здесь на современных кубачинских образцах, особенно развился в XIX в.

Другой слой дагестанского искусства и в с. Кубачи и в других местах «страны гор» требует специальных изысканий.

---

[55] Материалы наших «внекубачинских» поездок по Дагестану в 1934, 1935, 1944—1946 гг.

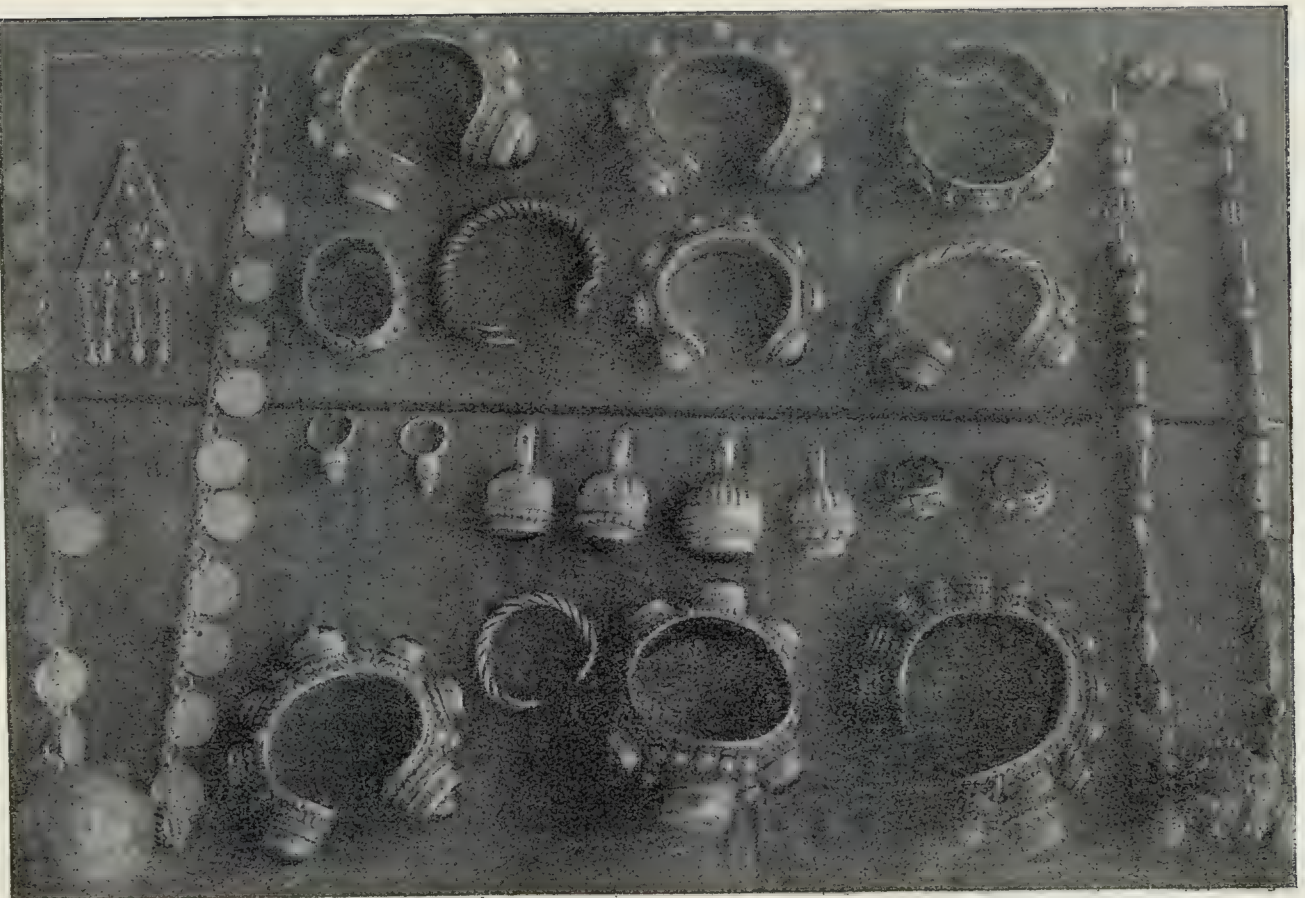

Рис. 68. Украшения к женскому национальному костюму (браслеты, перстни, нагрудные навески).
с. Кубачи, 1925 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли требуется доказывать ценность и необходимость сохранения и развития искусства с. Кубачи. После Великой Октябрьской социалистической революции перед ним раскрылись самые широкие и заманчивые перспективы. Если прежде красивые вещи были привилегией имущих, то теперь они являются потребностью народных масс.

Развиваясь дальше, с. Кубачи может стать крупным, очень своеобразным центром всесоюзного значения. Этот центр представляется нам как комбинат, куда войдут, кроме собственно кубачинских производств, связанные с с. Кубачи сталекузнечные и клинковые отрасли соседних селений. Мастерство и искусство с. Кубачи в наши дни может сыграть известную роль и в развитии некоторых художественных отраслей других районов, не обязательно кавказских. В пользу этого говорят конкретные факты. Так, в артельной организации села Красного, Костромской области (этого старого русского народного центра ювелирного производства), в настоящее время работает над возрождением утраченного искусства черни один кубачинский мастер.

«Изящные» отрасли с. Кубачи уже стали на путь, по которому и должны итти дальше, пополняя ассортимент изделий и при этом осваивая не только новые формы, но и широко используя старые формы.

Искусству гравировки, в частности, следует еще разрешить задачу окончательного овладения рисунком в смысле изображения людей, животных и т. п.

Особого внимания требует эмалевое дело.

В с. Кубачи могут развиваться на основе старых навыков еще две новые художественные отрасли — резьба по дереву и резьба по камню. Для кубачинцев, как мы видели, резьба—дело привычное. Правда, оно никогда не было производством на продажу. Оно было лишь занятием досуга. Сейчас, за ненадобностью каких-нибудь пороховниц, вследствие вытеснения из обихода старой утвари, резьба по дереву и по камню почти не применяется. Но ведь ее можно применить к обработке каких-нибудь иных вещей из тех же материалов, вещей, соответствующих современному широкому спросу.

Удивительный по своему богатству комплекс художественных производств с. Кубачи в наши дни все более крепнет и развивается. Ему, повторяю, уделено много внимания как со стороны местных органов, так и со стороны центральных руководящих учреждений.

Пять мастеров старшего поколения — Алихан Ахмедов, Гаджи Кишев, Гаджи Саид Курбанов, Гаджи Гуссейн Канаев и Магомед Шамсудинов — за выдающиеся творческие заслуги последних лет получили высокую правительственную награду — орден Знак Почета. В 1944 г. состоялось постановление Правительства РСФСР «О восстановлении и расширении народно-художественных промыслов в системе промысловой кооперации РСФСР», в котором именно для производств с. Кубачи были предусмотрены следующие мероприятия по оказанию помощи: а) расширение производственных площадей и дооборудование артели «Кубачинский художник»; б) организация в с. Кубачи школы ФЗУ по художественной обработке металла с трехгодичным сроком обучения при контингенте учащихся в 100 человек; в) разрешение Управлению промкооперации израсходовать: 200 тысяч рублей в порядке безвозвратной ссуды на приобретение коллекций музея кубачинских изделий и 250 тысяч рублей в порядке долгосрочной ссуды сроком не менее 5 лет на расширение производственных площадей и дооборудование артели «Кубачинский художник».

В дальнейшем, надо полагать, кубачинский комплекс еще значительнее расширится и обогатится новыми отраслями. Артель «Художник» — не только мощное производственное объединение. Она становится культурным и художественным центром, готовящим молодые кадры и собирающим образцы художественных изделий для развертывания местного музея.

Кубачи — второй Палех нашего Союза. Кубачинское народное искусство (как определенный стиль), кубачинские мастера (как индивидуальные творцы) и, наконец, художественные изделия кубачинцев (с одной стороны, вещи массового потребления и, с другой, отдельные монументальные произведения, выполненные то по особым заказам, то к юбилейным датам, то на конкурс), — широко известны трудящимся нашего Союза. О кубачинцах много пишут в прессе. Им посвящают работы советские ученые. Руководящие партийные и советские органы активно помогают их организованной производственной деятельности. Мастерство кубачинцев растет и развивается, как никогда раньше. Оно выступает перед советскими людьми как искусство, национальное по форме и социалистическое по содержанию.

ГЛАВА III

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ КУБАЧИНЦЕВ

Вступительное замечание. Пережитки мужских союзов. Общественные институты «батирте́» и «чине́». Пережитки матриархата. Основные этапы развития социального строя у кубачинцев.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

В дошедших до нас свидетельствах о народе урбуг, относящихся к промежутку времени, равному почти девяти столетиям (X—XVIII вв.), бросается в глаза одна черта: насколько единогласно звучат показания об основном занятии народа, настолько неясны данные, касающиеся общественного строя кубачинцев. Еще Масуди [43, т. 38, стр. 52] говорит о богатстве и независимости страны зирехгеранов. Это подтверждается через два столетия Абу Хамидом Андалузи [9; 79; см. также стр. 13, примеч. 20] и еще позже ширванским историком Мухаммедом Рафи [59, стр. 23]. Вольным обществом или городом Кубачи именуется у европейских путешественников XVIII — начала XIX в., равно как в документах первой половины XIX в., опубликованных в Актах Кавказской археографической комиссии. Академик Френ [83], сделавший сводку материалов, имеющих отношение к с. Кубачи, из разных источников, замечает, что образ правления, существовавший в этом вольном обществе, представляется то аристократическим, то демократическим. Потоцкий (1797 г.) [73, стр. 106], рассказывая о том, как кубачинские старшины постарались поскорее выпроводить от себя миссионеров Грабша и Груля в 1782 г., не задумываясь, называет их совет «сенатом». Рейнеггс [74, стр. 107—110] подчеркивает, что «государственное устройство» кубачинцев, управляющихся пожизненными старшинами, — «тайна, о которой жители селения не любят говорить». Наконец Гамба [26, стр. 369—372] считает, что во главе общества стоит монарх, не получающий, однако, податей.

Для посильного выяснения вопроса привлеку в первую очередь собранные мною материалы, представляющие устную кубачинскую традицию, сохранявшуюся в памяти местного населения в течение трех последних десятилетий, о трех или даже четырех общественных институтах, весьма архаичных по своему происхождению, а затем уже постараюсь наметить общую историческую перспективу.

Первый исследователь кубачинского языка проф. Л. И. Жирков ставил вопрос о возможной связи самоназвания кубачинцев с именем албанцев [39, стр. 255—281],[1] занимавших в древности значительную часть восточного Кавказа, соответствующую территории современного Азербайджана и Южного Дагестана (куда входит и область с. Кубачи). Эта часть Кавказа была известна под именем Албании еще античным авторам. К концу XII в., стесненная со всех сторон, она оказалась раздробленной. К этому времени, пишет академик И. Орбели, «процесс изоляции горных районов северной Албании от внешних воздействий и создания благоприятных условий для замедления хода общественного развития и консервации старых форм, в частности домашнего производства, был усилен перемещением главной жизненной артерии, пересекавшей Албанию, из армянского Двина на албанский Партав и далее на запад, — в более южные области Кавказа, когда в XI в. большой караванный путь к Черному морю стал проходить не через Партав, теперь уже Берду, постепенно терявшую свое значение, а через Ани. Это перемещение торгового пути и его выпрямление в интересах кратчайшего транзита из Ирана к Черному морю сказалось, в первую очередь, на судьбах Южной Албании, но отразилось и на северных ее областях. В этих северных горных областях Албании, в настоящее время составляющих Южный Дагестан, находили себе пристанище и переселенцы, вытесняемые из более доступных и более влекущих к себе захватчиков частей страны, из таких изобиловавших благами областей, как широкая полоса между Араксом и Курой... В числе этих ушедших в горы албанцев, к каким бы древним племенам они ни принадлежали, были и предки нынешних кубачинцев, одной из разновидностей албанских племен, сохранившей в своем племенном наименовании несомненно древнее название своей страны Албании».[2] Указанный здесь этап в процессе этногенеза кубачинцев я понимаю так: нынешняя область с. Кубачи — северная окраина древней Албании, населенная некогда «албанскими» племенами, в числе которых были и предки кубачинцев; в упоминаемую эпоху сюда устремляется новый «албанский» поток с юга и смешивается с аборигенами.

Материал, который я здесь привожу (восходящий несомненно к древним обычаям и установлениям народа урбуг), надо полагать, раскрывает еще одну страницу из истории столь мало известной нам «албанской» культуры, крохи которой вскрываются исследованиями послереволюционного периода, вплоть до недавней находки в Эчмиадзине (в одной из рукописей первой половины XV в.) доселе неизвестного албанского алфавита, исследованного И. Абуладзе и А. Шанидзе [3].

Кубачинский пережиток, о котором будем говорить, уходит корнями в отдаленные эпохи доклассовой стадии общественного развития народов.

ПЕРЕЖИТКИ МУЖСКИХ СОЮЗОВ

В одном из дневников «кавказской этнолого-лингвистической экспедиции Северо-Кавказского комитета»[3] есть описание кубачинской свадьбы. Надо сказать, что на свадьбах в с. Кубачи раньше разыгрывались шуточные сцены и пантомимы с участием масок.

---

[1] Соображения по этому же вопросу высказал Р. Эркерт [97, стр. 194].

[2] [65, стр. 303—304].

[3] Экспедиция, работавшая под руководством проф. Н. Ф. Яковлева в 1924 г.; дневник члена экспедиции К. М. Пашкевича.

Рассказы о масках показались мне интересными. В шуточных свадебных эпизодах, зафиксированных записью, проглядывали некоторые черты обрядовости не свадебной. Когда в следующем, 1925 г. я впервые попал в с. Кубачи, то занялся вопросом о масках специально. И вот оказалось, что эти маски, кроме незначительных эпизодов свадебных игр, потянули за собой весьма обильный материал особого цикла игр, к которому собственно и относится основное назначение этих масок; местное население называет этот цикл—«гулала́-аку-буко́н», и рассказы о нем представляют собой как бы неписанный устав, хорошо сохраняемый памятью старшего и среднего поколения с. Кубачи, устав особого общественного института,— союза неженатых.

В последующие годы мои записи были продолжены рассказами кубачинцев, часто приезжавших в Москву. В 1935—1936 гг. мне удалось снова работать в с. Кубачи. Накопившиеся материалы были проверены со стариками и значительно дополнены. Наконец, последние пополнения и проверку я произвел летом 1940 г. во время работы в с. Кубачи экспедиции, организованной кафедрой этнографии Исторического факультета Московского университета, и частично в 1944 г.[4]

Тождественность сведений, полученных от разных лиц в течение большого периода, говорила за устойчивость комплекса в памяти местного населения и за точность передачи зафиксированного извода (правда, имеющего в деталях различные вариации), [5] относящегося к характеристике последнего периода существования этого удивительного реликта.

Мы изложим сейчас самый извод, являющийся ценным и, пожалуй, даже уникальным памятником, имеющим прямое отношение к древнему периоду культуры народов Кавказа.[6]

Для удобства изложения ниже будут применяться без особого различия такие условные наименования, как «цикл», «союз», «игра» для обозначения и самой организации неженатых, и отрезка времени (каковой требовался для полного периода ее действия в годовом календаре), и группы входящих в нее лиц, и всего комплекса в целом.

1) Г у л а л а́-а к у-б у к о́ н — «с о б р а н и е г р у п п ы н е ж е н а т ы х». Изобилующий сложными и разнородными строго соблюдавшимися церемониями цикл гулала́-аку-буко́н был, как говорили старики, издавна известен кубачинцам. Он игрался сперва регулярно из года в год. Потом обычай начал постепенно ослабевать, и интервалы увеличиваться. Цикл стал повторяться лишь через два года на третий, а потом еще реже, пока не наступил для него период забвения. Последний раз он игрался в с. Кубачи в 1927 г. После указанной даты обычай был самой жизнью отброшен.

---

[4] Экспедиция работала в составе руководителя Е. М. Шиллинга и десяти студентов кафедры этнографии исторического факультета Московского университета.

[5] Ниже я привожу в необходимых случаях варианты или версии по поводу той или иной подробности, не относящиеся (как и основная редакция памятника) к показаниям какого-нибудь одного лица, а выявленные путем повторных проверочных и перекрестных вопросов, задаваемых тем, кто лучше помнил старое. Такой метод собирания в данном случае (часто это были вечерние беседы с участием 5—6 стариков) являлся единственно возможным и наиболее целесообразным. Основными сказителями, сообщавшими мне сведения, были жители с. Кубачи: Саид Магомедов (55 лет), Расул Магомедов (50 лет), Шахмал Амиров (40 л.)—в 1925 г.; Виха Мама Холатаев (80 лет)—в 1936 г.; Хаджи Расул Ирганов (80 лет) и Гаджи Магомед Конаев (60 лет)—в 1940 г.; во время пребывания моего в с. Кубачи в 1944 г. добавочные сведения сообщил Хаджи Расул Ирганов.

[6] Сокращенное изложение этого цикла было опубликовано в 1947 г. [94, стр 35—46].

В XIX в., кроме с. Кубачи, цикл существовал в местных разновидностях в соседнем селении Сулевкент (считающемся по некоторым версиям кубачинскими выселками) и в некоторых расположенных недалеко даргинских аулах.

По принятому обыкновению цикл проводился летом в промежутке времени между апрелем и началом покоса (середина августа). Его длительность равнялась сроку от 1 до 2 месяцев, максимально до 3 месяцев. Она, а равно и срок начала игры, зависела от ряда причин, связанных с моментами текущей жизни. Поджидали, например, возвращения домой молодых кубачинцев, работавших в качестве мастеров серебряных дел в городах и в селениях.

Большое значение имели также такие условия, как наличие у людей необходимых материальных средств, разрешение вопроса о заготовке аруша[7] и других угощений, благополучие семейств,[8] устойчивость погоды [9] и т. д.

В соответствии со старым делением с. Кубачи на два квартала — Бáшала-куáт, т. е. «Верхний квартал», и Хáшала-куáт — «Нижний квартал», цикл гулалá-аку-букóн в старину игрался в каждой из этих двух частей селения отдельно. Иногда в обоих кварталах игра происходила одновременно. Тогда между группой Верхнего квартала и группой Нижнего квартала наблюдались черты некоторого соревнования и даже враждебности. «Раньше верхние и нижние не любили друг друга (говорят старики), да и сейчас это есть». Позднее цикл стал играться объединенно, т. е. селением в целом.

Как явствует из самого наименования «гулалá-аку-букóн», участниками союза могли быть только холостые, преимущественно молодые люди и мальчики не моложе 10—12 лет. Не исключалась, однако, возможность членства лиц более зрелого возраста, лишь бы они были тоже неженатые. Из нескольких братьев в союз вступал старший, при его отсутствии — следующий за ним по летам.

Вступление в организацию было как бы обязательным. Нельзя было уклоняться. Отказ влек за собой всеобщее порицание. У отказавшегося в виде взыскания отбирали корову, которая поступала в общий фонд союза, а самого принудительно включали в организацию.

Таким образом сколачивалась группа от 50 до 100 человек и более.

При всей шуточности описываемой игры, союз, как увидим дальше, хранил такую железную дисциплину, так властно в некоторых моментах проявлял себя и пользовался до самого последнего времени своего существования таким общественным весом, что за простой игрой и шуткой тут нельзя было не усматривать следов предшествовавших стадий, когда сущность данного общественного института проявлялась более цельно и когда он играл у предков нынешних кубачинцев такую же, может быть, роль, как какой-нибудь союз Дук-дук в Меланезии,— этой «классической» стране мужских союзов и тайных обществ.

2) Г у л а л á-к а л — «н е ж е н а т ы х д о м». На все время цикла союз снимал для себя дом — гулалá-кал. Торговаться при этом о цене не было принято. Часто получали помещение бесплатно. При просторности и величине кубачинских жилых домов, особенно многоэтажных, с большим числом комнат, временное превращение части жилого дома в гулалá-кал особых затруднений для хозяев не представляло. В гулалá-кал переселялись на жительство взрослые участники и частично мальчики.

---

[7] Хмельной напиток; лет 45 назад водка еще мало употреблялась в с. Кубачи.

[8] Смертные случаи, траур или болезнь естественно препятствовали своевременной организации игры.

[9] В условиях кубачинской высокогорной зоны нередки туманы и дожди.

Самым младшим разрешалось ходить на ночевку домой.[10] Кушанья в гулала́-кал приносили из домов. Гулала́-кал днем и ночью охранялся дежурными членами союза и постоянным сторожем (буска́), выбиравшимся из числа наиболее бедных участников, которые не могли ставить очередных угощений товарищам.

Без разрешения вход в гулала́-кал посторонним под угрозой штрафа был воспрещен. Женщин, даже самых близких родственниц, вовсе не пускали. Если отдельным членам союза приходилось отлучаться из «дома неженатых», то, находясь вне его, они не имели права говорить друг с другом.

Союз неженатых имел общую казну, иерархию, свои законы и правила.

На срок всей игры нанимались музыканты, зурнач и барабанщик,[11] ибо все общественные выступления гулала́-аку-буко́н, — шествия, забавы и работы, — окрашивались чертами обрядности и в большинстве сопровождались музыкой. В случаях, когда музыканты уставали, их временно заменял кто-нибудь из парней, членов союза, владеющих инструментами.

3) Неписаный устав. Вступление в союз обусловливалось обязательными одновременными денежными взносами в общую казну и передачей личного залога диха́, который состоял из какой-нибудь ценной вещи, большей частью оружия (пистолета, кинжала, шашки, ружья) или такого, например, предмета, как коса.[12] Лицо, ставшее полноправным членом союза, т. е. уплатившее деньги и внесшее залог, называлось дихала́-гуле́, т. е. «давший залог неженатый человек».

Вступительный взнос с мальчиков равнялся сумме от 50 копеек до рубля. Взрослые и особенно старшие по летам платили от 3 до 10 рублей, а иногда и больше. Если денег оказывалось мало, взносы пропорционально увеличивались. Более состоятельные могли вносить по желанию дополнительные деньги, за что пользовались особым авторитетом, уважением и преимуществом при выборе на старшие должности.

Собранные деньги шли на общие угощения, которые особенно обильны бывали в течение последних, наиболее торжественных, трех дней, а также на общие организационные расходы, как-то наем «дома неженатых», оплату труда музыкантов, траты на мимическое представление с масками и т. п.

Члены союза, проживавшие в гулала́-кал, помимо личных угощений, которые каждый по желанию и состоянию мог делать, столовались вскладчину. Музыкантов же угощали по очереди. Член союза, на очередь которого в данный день выпадала обязанность их угощать, зачастую приглашал на угощение и еще 10—15 человек. По другим вариантам, в рядовые дни цикла (т. е. во все дни, кроме трех последних, праздничных) большею частью обедали у себя по домам. Обеды вскладчину бывали редко. Иногда старшие сходились в гулала́-кал, угощались здесь вскладчину и выпивали при строжайшем условии — в нетрезвом виде никуда не выходить из «дома неженатых».

Союз имел оригинальную структуру, складывавшуюся из массы рядовых членов и небольшой группы руководящих выборных должностей. Эти должности следующие:

---

[10] По другим версиям (может быть, передающим более позднюю традицию), в гулала́-кал на ночь оставался лишь один человек из старших, т. е. из так называемых бикельте́, а также предводитель младших, так называемый бикаля́-хале́ль. Об этих двух терминах мы скажем ниже.

[11] Музыканты получали от союза плату и харчи.

[12] Коса, повидимому, вещь, не столь часто встречавшаяся в с. Кубачи и потому представлявшая известную ценность; сами кубачинцы кос не делали; их производством занимались жители селений Харбук и Амузги.

а) бикь-халéль, т. е. «голова большая», главное лицо союза; на это место обычно выбирали уважаемого человека и нередко старшего по летам; он имел равноправного заместителя; по другим вариантам, на должность бикь-халéля выбиралось два или три человека;

б) туманá-халéль, т. е. «деньгами старший»; их было 3—4 человека и столько же заместителей.

Перечисленные лица составляли высшее начальство союза. Они назывались халельтé — «старшие».

Халельтé занимали отдельное помещение в «доме неженатых», называемое халельталá-кал, т. е. «старших дом», и ведали всеми делами, забавами, распорядком, наложением наказаний и т. п. В их руках была также финансовая сторона организации. Перед ними отчитывались в расходах. Однако сам бикь-халéль с денежными расчетами дела не имел.

Каждый из остальных многочисленных участников гулалá-аку-букóн носил название бикéль, т. е. «младший», во множественном числе—бикельтé. Та часть «дома неженатых», которую занимали бикельтé, носила название бикельталá-кал, т. е. «младших дом».

Бикельтé выбирали из своей среды как бы защитника — человека, их возглавлявшего, при них находившегося и носившего титул бикаля́-халéль, т. е. «младшим старший».[13] Бикаля́-халéль имел выборного заместителя. По другим версиям, бикаля́-халéль пользовался правом назначать временного своего заместителя из мальчиков. Функция бикаля́-халéля и его заместителя — защита интересов младших (бикельтé) перед старшими (халельтé). У бикаля́-халéля также хранились все время общие деньги, вплоть до последних трех дней игры, когда производились фактически все основные траты союза и когда бикаля́-халéль сдавал казну туманá-халéлям как лицам, ведающим расходами.

В случае наложения взыскания на одного из провинившихся младших бикаля́-халéль при общественном обсуждении вопроса выступал в роли защитника и в необходимых случаях спрашивал совета у опытных стариков на стороне.[14]

Из среды младших выбирался еще упоминавшийся выше сторож бускá. В распоряжении этого сторожа был замок от «дома неженатых» и большой общественный барабан (отличавшийся от барабана музыкантов), так называемый вовди́хля-там, т. е. «барабан тревоги», в который он ударял перед всеми церемониями и выступлениями союза и при всех происшествиях. Вовди́хля-там считался столь важной вещью, что без разрешения бикаля́-халéля и старших его никому нельзя было трогать. Если не было готового барабана, союз за общий счет покупал кожу и заказывал кому-нибудь изготовить вовди́хля-там.

Наконец особняком стояло в союзе еще одно лицо — мангу́ш — церемониймейстер, атрибут которого— резной деревянный жезл. Мангу́ш членского взноса не платил. На эту должность, считавшуюся почетной, выбирали человека с подходящими индивидуальными качествами — остроумца, весельчака, опытного распорядителя и хорошего танцора. Дельный мангу́ш, как говорят, поспевал всюду. В течение цикла ему приходилось так много ходить и танцовать, что он изнашивал две, три пары чувяк. В случаях, когда не было отдельного сторожа, в ведении мангу́ша находился общественный барабан.

Особо надо остановиться на жезле мангу́ша, так называемом, ман-

---

[13] По другому варианту, бикаля́-халéль выбирался всеми, а не только младшими.

[14] Почетные и знающие всю тонкость обычаев старики привлекались союзом в качестве консультантов при всех важных делах и спорах, когда не было общего согласия, особенно при обсуждении провинностей и нарушении дисциплины членами союза.

гу́шля-га́сса.[15] При исполнении обязанностей мангу́ш не мог дотрагиваться им до земли. Он держал жезл в правой руке за головку, заостренным концом вверх, делая условными мановениями нужные распоряжения. Вызывая людей из круга на очередной танец, мангу́ш давал знак при помощи особого вращательного движения жезлом. Когда танцовал сам, то жезл держал тоже острием вверх.

Мангу́шля-га́сса нередко являлся как бы летописью гулала́-аку-буко́н, ибо он хранился из года в год, и на его поверхности вырезывались соответствующие имена и даты. Мне показывали мангушский жезл, сделанный в 1882 г. На нем были вырезаны более поздние даты, из которых последняя относилась к 1921 г. Даты сопровождались именами 16 лиц, которые за данный промежуток времени занимали должности бикь-хале́ля и мангу́ша.

Мангу́шля-га́сса по внешнему виду совпадает со столбиком кубачинской прялки. Он представляет собой деревянную прямую четырехгранную палку с круглой рукояткой в форме яблока. Палка немного суживается к концу и конец слегка заострен. Длина предмета — 1.5 м, поперечное сечение 6 × 6 см. Грани жезла обильно украшались тонкой резной орнаментацией кубачинского стиля с многоцветной раскраской (помимо надписей).

Мангу́шля-га́сса и барабан хранились в помещении «дома неженатых», занимаемом младшими. Эти почетные вещи, помимо сторожа, были под присмотром особых дежурных из бикельте́. Некоторые рассказы подчеркивают, что к упомянутым предметам и их хранению ближайшее касательство имел сам мангу́ш, а к барабану еще и бикаля́-хале́ль, независимо от сторожей и дежурных.

4) Гулала́ хыржантӛ катыкублиса́т — «неженатые люди кинжал снимают». Как только возникло решение устроить гулала́-аку-буко́н, инициативная группа в 10—15 человек сходилась в каком-нибудь доме. Собравшиеся трижды ударяли в барабан. На этот обрядовый призыв со всего квартала стекались уже знавшие, в чем дело, мальчики, подростки и холостые. Начинался прием денежных взносов. У кого не было под рукой денег, тот снимал с пояса кинжал и отдавал его с тем, чтобы вскоре принести следуемую сумму и забрать кинжал обратно. Этот момент, собственно, и есть «гулала́ хыржантӛ катыкублиса́т».

После приема денежных взносов и передачи союзу залогов происходили выборы должностных лиц. Перечисленные дела не укладывались, конечно, в один день. По другим рассказам, момент «снимания холостыми кинжала» заключался в том, что в помещении, уже намеченном под гулала́-кал, собираются неженатые (сперва лишь инициаторы), снимают с себя кинжалы и оставляют их тут. Об этом узнают другие и делают то же. Лишь в следующий раз (через день-два) вносятся залоги, а кинжалы берутся обратно. Что касается порядка выборов, то есть версия, по которой в Верхнем квартале должностных лиц гулала́-аку-буко́н выбирает все мужское население квартала, т. е. в том числе и женатые. В Нижнем же квартале над таким порядком смеются и женатых выборщиков не допускают. Если придет женатый, они такого гонят, — от него, мол, пахнет. У нижних, следовательно, хранится более старая традиция игры, чем у верхних.

5) Правила поведения и времяпрепровождение. Члены союза должны были соблюдать безукоризненное поведение, выказывать уважение к старшим, быть вежливыми. Строго было запрещено пьянство. Не допускались ссоры, карточная игра. За малейшую

[15] Га́сса — от арабского — жезл, палка.

провинность на виновного налагалась особая уплата. Грубое слово, опоздание, несоблюдение обычая, ошибка в танцах, курение, недисциплинированность во время общих выступлений,— все это ставилось, что называется, в строку и наказывалось взысканием. Традиционная дисциплина во время всего цикла также изолировала членов союза от женской половины населения.

Если в это время в с. Кубачи случалось какое-нибудь происшествие, пожар, обвал дома или что-нибудь иное, требовавшее вмешательства общественной власти, союз неженатых немедленно захватывал в свои руки инициативу. Жители этому подчинялись. Союз мог по своему почину выполнить какую-нибудь общественную работу: починку строения, колодца, доставку балок для ремонта мечети, ремонт дороги и т. д. Также было принято коллективно посещать могилу недавно умершего.

Если у кубачинцев происходил конфликт с соседями, союз неженатых немедленно вмешивался в дело и пускал в ход, когда нужно, силу. Достойно внимания то обстоятельство, что (по некоторым версиям) столь популярная кубачинская легенда о столкновении с калакорейщцами, когда эти последние убили 40 человек кубачинцев,[16] связывается рассказчиками с гулала́-аку-буко́н. В одной из моих записей говорится: «наше стадо было за горой Ля́мцла-ба́й, и отсюда калакорейшцы угнали наших лошадей. Тогда наши люди из союза неженатых напали на калакорейшцев, потеряли в бою 40 человек, но лошадей вернули, а тела погибших похоронили на месте Кала-ку́». В этом варианте рассказчики связывали неженатых с легендарными «богатырями», о которых мы скажем ниже.

На все деловые выступления неженатые шли в полном составе с музыкой, торжественным церемониалом, в строгом порядке, гуськом, затылок в затылок, не глядя по сторонам. Встречный, если он позволял себе перейти на другую сторону сквозь это шествие, не дождавшись его конца, подвергался материальному взысканию в размере одной коровы или должен был платить денежную сумму.

Порядок шествия гуськом был следующий: впереди шел сторож с замком от «дома неженатых» в кармане и барабаном на плечах.[17] За ним двигались зурнач и барабанщик. За музыкантами в порядке старшинства следовали бикь-хале́ль, его заместитель, тумана́-хале́ли, их заместители, бикаля́-хале́ль; за этими лицами шли в порядке старшинства и по росту бикельте́ (самые младшие и малые ростом оказывались в хвосте); шествие замыкал церемониймейстер мангу́ш с жезлом, следивший за стройностью и правильностью движения.

В таком же приблизительно порядке неженатые выступали не только на дела, но и на ежедневные намаз и танцы (происходившие на одной из немногих в с. Кубачи ровных площадей, среди которых особенно известна была площадь Ха́нжиля).

Однако должно заметить, что шествие на танцы или на молитву не сопровождалось по пути музыкой и было менее торжественно, нежели выступления делового характера, в которых союз проявлял силу, авторитет и общественную активность.

Распорядок дня был чаще всего таков: утром в полном составе шли на площадь и устраивали здесь танцы; в 12 часов дня шли к роднику Хы́сцыля (если игра шла в Верхнем квартале) или Да́киля (для Нижнего квартала) творить предписанную исламом молитву, после чего

---

[16] См. вариант легенды, сообщенный в гл. I.

[17] Вообще, идущий впереди, например при следовании на танцы, большей частью был из бедняков; исключение —«тевидикапа», о котором см. ниже.

возвращались домой. Второй раз молитва происходила в 4 часа дня; к вечеру снова приходили на площадь для танцев. После танцев всегда возвращались в гулала́-кал, и лишь отсюда, с разрешения бикаля́-хале́ля, младшие могли на свободное время итти домой. По другой версии, в распорядке дня значится: в 8 часов утра, еще до завтрака, по звуку барабана, выход на площадь для танцев; к обеденному времени сбор в «дом неженатых» для выхода на молитву; остальное время относительно свободное.

Расположение неженатых во время танцев было строго регламентировано. Становились по старшинству большим кругом в определенной последовательности, сходной с последовательностью во время шествий (рис. 69).

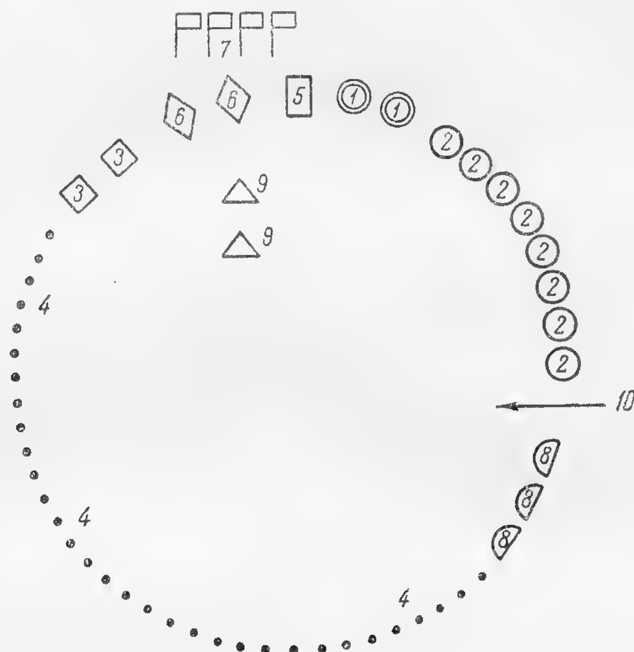

Рис. 69. Схема размещения на площади членов гулала́-аку-буко́н

1 — бикь-хале́ль и его заместитель; *2* — тумана́-хале́ли и их заместители; *3* — бикаля́-хале́ль и его заместитель; *4* — бикельте́; *5* — мангу́ш; *6* — музыканты; *7* — флаги коучми́; *8* — слуги; *9* — шах и его жена; *10* — выход на площадь шествия с шахом (см. стр. 159).

Когда все устанавливались на своих местах, мангу́ш подходил к музыкантам и жезлом давал знак началу музыки. Сперва мангу́ш танцовал сам, показывая пример. Потом мановением жезла он приглашал танцовать старших (халельте́) по очереди. Эти последние в количестве шести человек выходили на середину круга и исполняли танец. За ними по приглашению мангу́ша следовал танец других шести человек во главе с бикаля́-хале́лем. После этого мангу́ш заставлял плясать остальных из числа бикельте́, вплоть до самых младших. Мангу́ш при этом стоял в кругу: то на своем обычном месте, то около тумана́-хале́лей, не пересекая при своих перемещениях линий входа в круг. За первым танцем приступали к следующим, ибо и они шли в определенной последовательности и были для всех строго обязательными.

Сперва танцовали а́скайля, затем за́пайля, за ним кики́лятля и в заключение хабар-хасля́—по терминологии Верхнего квартала; в Нижнем

квартале этот танец назывался ху́тура. Иногда после этого, по желанию' если находились умеющие, плясали «лезгинку» (так называемый танец де́ркля). По другому варианту, был еще танец кучмала́ (исполнявшийся после кики́лятля), кажется, не строго обязательный.[18]

Самым важным, явно носившим, как увидим дальше, следы прежней обрядовости, был танец а́скайля. Самое его наименование имеет смысл — танец военного отряда. При исполнении его в круг входило шесть человек (иногда 10). Танцующие располагались гуськом. Каждый держал одну руку на груди, другую вытягивал от себя в направлении к наружной стороне движения. По словесному объяснению моих рассказчиков, танцовальный шаг а́скайля (т. е. постоянно повторяющийся период) был таков: два прыжка на одной ноге, свободное ступание и два прыжка на другой. Такими ритмическими периодами танцующие двигались вперед. Общее движение при этом шло крупными зигзагами внутри круга.

Таков же приблизительно был танец за́пайля. В отличие от первого его шаг был, как говорят, «припрыгивающим».

Для исполнения танца кики́лятля в круг входили два человека. Они становились рядом и с приплясыванием двигались вперед, отбрасывая попеременно в сторону то одну руку, то другую, затем поворачивали назад к исходному пункту.

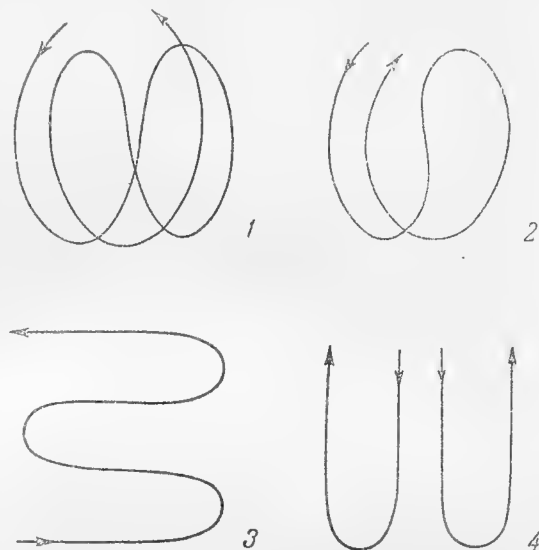

Рис. 70. Схема движения танцующих

1 — при танце а́скайля (полный круг); *2* — при танце а́скайля (сокращенный круг); *3* — при танце хабар-хасля́; *4* — при танце кики́лятля.

Для заключительного танца хабар-хасля́ в середину круга выступало в очередь по шести человек: три из халельте́, три из бикельте́. При них мангу́ш. Танцоры, имея в середине мангу́ша с поднятым жезлом, двигались по кругу гуськом мелкими зигзагами и делали движения руками и ногами, подобные движениям кики́лятля, но в более быстром темпе (рис. 70).

Во время танцев (и вообще в обиходе цикла) нередко употреблялся шуточный условный язык, которым обычно хорошо владел мангу́ш. Ключ этого языка — перестановка слогов и вставка между слогами лишнего согласного звука. Например, слово гута́ — табуретка превращалось в туга́, или имя собственное Ама звучало как Азама.

По окончании танцев холостые с обычной торжественностью возвращались в свой дом. Выполняя в течение длительного времени ежедневно по два раза полную программу обязательных танцев, участники игры хорошо их усваивали. Это считалось очень важным, так как ошибки влекли за собой взыскания.

Кроме танцев, работ и каких-либо иных общественных выступлений, союз неженатых мог совершать коллективные увеселительные прогулки с угощениями и танцами по ближайшим окрестностям с. Кубачи в горах.

---

[18] Собственно — «танец коучми» (см. ниже, стр. 165).

Излюбленными местами были урочища: Абсйгналя-диха́ — «трех башен площадка», Хйрдиля-диха́ — «площадь Хйрдиля», Хайдёшлиже — «высота Хайдёш». Церемониальное шествие союза на эти места сопровождалось толпами жителей. Во время пикников неженатые подвергались наибольшей опасности нарушить правила поведения и подвергнуться штрафу, так как под влиянием хмельных напитков возникали инциденты и ссоры.

В гулала́-кал члены союза ели, занимались различными забавами, разговорами и некоторыми работами. Например, делали резьбу на жезле мангу́ша; украшали резьбой деревянные и каменные части прялок для женщин, посылая подарки, взамен чего молодежи передавали от имени получивших подарок угощение в дом неженатых. Дело не обходилось без шуток. Однажды от женщин в гулала́-кал в качестве угощения были присланы угли и пирожки, начиненные оческами шерсти. В ответ на это молодежь приготовила для дарительниц прялку с нарочито убогой резьбой.

6) Х и к а́ — «в з ы с к а н и е». Взыскание (деньгами, продуктами, скотом), налагавшееся по уставу за провинность, имело ряд градаций. С мальчиков брали от 5 до 20 копеек. Мелкий штраф можно было заменить подковой. По мере накопления штрафных подков, они посылались к гончарам в Сулевкент и обменивались на кувшины. Мелкие штрафы с взрослых были от 20 копеек. Они, как и штрафы с мальчиков, налагались за разные оплошности, опоздание к выходу на шествие, разговоры (когда разговаривать не полагалось), бесцеремонный вход младшего в комнату бикельтé. Такие штрафы тоже могли заменяться подковами. Крупные взыскания достигали 3—5—10 и более рублей. Самым значительным взысканием считался «коровий штраф» (кулла́-хика́), т. е. взимание с виновного коровы.

Во всех серьезных случаях вопрос о хика́ решался на специальном совещании халельтé (главным образом тумана́-халёлей) с участием бикаля́-халёля и иногда мангу́ша. Бикаля́-халёль играл роль защитника (если провинившийся был из числа бикельтé), мангу́ш наблюдал за нелицеприятием обеих сторон. В спорных случаях, разумеется, советовались со стариками. По ходатайству мангу́ша и музыкантов вина на первый раз могла быть прощена.

Если в результате совещания по важному делу вопрос о хика́ решался утвердительно, происходило приведение приговора в исполнение со множеством обрядовых процедур. Виновный должен был уплатить наложенную на него пеню, но подвергался и моральному воздействию. По распоряжению мангу́ша ударяли в «барабан тревоги». По этому знаку неженатые собирались в гулала́-кал. Все разувались, за исключением мангу́ша и музыкантов, и спешили (на этот раз без торжественного марша) на площадь. На площади все устанавливались, как обычно, в круг и исполняли танец а́скайля и снова возвращались в гулала́-кал. Между тем бикаля́-халёль брал залог осужденного, и все, окружая его и вооружившись палками, взятыми из кучи дров,[19] снова шли на площадь, чтобы здесь публично сломать залог. Для означенной цели приносился большой камень, о который разбивалась вещь. Все при этом скучивались и махали палками, так что за ними не видно было, как и кто ломал залог осужденного. По другой версии, залог ломал обязательно сам бикаля́-халёль. До того он сидел запертый в «доме неженатых». Вооруженные палками входят к нему, вытаскивают его оттуда, дабы он совершил необходимую экзекуцию. В момент поломки залога присутствующие густой толпой с палками в руках окружают бикаля́-халёля.

---

[19] Дрова тут — хворост или ветви; для резки их в окрестностях селения существует особый кривой косарь. Дрова заготовляют женщины.

Осужденный должен был позаботиться о внесении нового залога в «дом неженатых» еще до уничтожения старого, ибо в противном случае на него налагалось за промедление дополнительное взыскание. Во всяком случае, если он внесет новый залог хотя бы после уничтожения старого очень скоро, вторичное взыскание на него не налагалось.

После поломки залога снова танцовали а́скайля, возвращались в дом, мыли ноги и обувались.

При взимании коровьего штрафа (кулла́-хика́) выполнялась та же церемония поломки залога, после чего все шли на пастбище за коровой. Если у виновного не оказывалось своей коровы, брали корову сестры или брата. Родственники виновного старались выкупить корову, предлагая за нее деньги, положенные на обнаженный клинок кинжала. Иногда им это удавалось. Бывало даже им и деньги, и кинжал вернут и простят, оставят себе лишь три рубля в качестве минимального штрафа. Если же корова реквизирована, то она шла на угощение. Ее резал бикаля́-хале́ль. Замедление в деле внесения виновным нового залога грозило ему взиманием вторичного коровьего штрафа.

Человек, у которого был поломан залог, считался запятнанным.[20]

7) Т у у́ к—«и с к л ю ч е н н ы й». В связи с самыми тяжкими провинностями, в случае неуживчивости нрава и неисправимости человека союз неженатых мог вынести решение об исключении виновного из состава своих членов навсегда, без права быть принятым в последующие годы. Такого рода «лишенца» называли туу́к. Он носил с этого момента в глазах общественного мнения печать позора на всю жизнь.

При исключении происходило приблизительно то же, что при взимании штрафа с поломкой залога. Затем неженатые (босые, засучив рукава и подоткнув шальвары) направлялись к стаду. При помощи пастуха они разыскивали корову осужденного, брали ее и приводили в селение на площадь. Корову резали и стреляли вверх залпом. Мангу́ш кричал, объявляя об исключении, и все также кричали «туу́ква́кай», т. е. «лишили», и исполняли танец а́скайля.

Интересно отметить, что добровольный выход из состава союза неженатых не допускался. Меры воздействия на желавшего выйти из союза были следующие: а) общественная поломка залога, б) захват коровы, в) сожжение или отобрание принадлежащих данному лицу дров на заготовках в горах. Это последнее наказание совершалось, как и все, в строго определенном порядке и было обставлено весьма внушительно. Одевались в лучшую одежду, брали с собой ружья и другое оружие, затем шли церемониалом на площадь и ставили здесь ружья в порядке, прислонив их к стене строения. Ударяли в барабан, танцовали а́скайля, снова разбирали по рукам ружья и торжественным шествием направлялись к дому непокорного. В это время стреляли из ружей. От дома непокорного поворачивали к лесу, идя под музыку в полном молчании. Разговаривать друг с другом идущим было запрещено. Придя на дровяную заготовку своей жертвы, неженатые, если не сжигали имеющийся здесь запас, то разбрасывали и ломали сухой хворост или производили реквизицию — каждый брал охапку на плечо, подпирая ее с другого плеча ружьем. После этого возвращались в с. Кубачи, стреляли из ружей около места Ба́каля-ку́.

Если «дровяное» воздействие не помогало, прибегали к процедуре исключения, которое протекало особенно обстоятельно и заканчивалось тем, что неженатые подходили к дому исключаемого, мангу́ш с барабаном, и часть их взбирались на крышу и стреляли из ружей. Мангу́ш бил в ба-

---

[20] По другой версии, градация наказаний была такая: 1) штраф — подкова, 2) поломка залога, 3) захват коровы; денежных же взысканий не было.

рабан, все кричали «туу́ква́кай» и танцовали все тот же обрядовый танец а́скайля.

8) Гулала́-абильци́ль — «неженатых последние три дня». Дни шли. Времяпрепровождение членов союза неженатых, если не было каких-либо непредвиденных случаев, закономерно текло по руслу, нами охарактеризованному. К исходу $1^1/_2$- или 2-месячного срока игру надо было заканчивать. Ее заключительные последние три дня, гулала́-абильци́ль, были самыми торжественными. Относящиеся сюда обряды начинались приблизительно за неделю. Первый из них назывался дуклюмаже́, «по дрова». Дело в том, что для гулала́-абильци́ль предстояло печь хлебы и готовить бузу и аруш. Нужно было запастись дровами. Добыча дров и была основным мотивом вышеназванного обряда. Церемония также сопровождалась танцем а́скайля. Неженатые в башлыках, с пистолетами и ружьями, в боевом снаряжении выстраивались обычным порядком и направлялись в горы к лесным участкам, где у каждого кубачинца имелись дровяные заготовки. По дороге стреляли в воздух. Придя на участок, брали по три вязки от каждого хозяйства и, нагруженные, той же дорогой с выстрелами возвращались в с. Кубачи. Теперь, когда топливо запасено, наступала пора спешного приготовления напитков, хлеба и других кушаний. Хлеб пекли на улице на большой каменной плите, близ дома неженатых. Тут же под открытым небом делали аруш и жарили мясо штрафных коров, если таковые были в наличии. Всем этим занимались сами неженатые. У кого прогоркнет хлеб, того штрафовали. Остальные кушанья готовились в частных домах женщинами и доставлялись в гулала́-кал.

На время «абильци́ль» все бикельте́ (младшие) делились на четыре группы по числу четырех тумана́-хале́лей, которые ими на этот срок ведали. Тумана́-хале́ли приступали к жеребьевке, в результате которой группа вытянувшего жребий должна была особо угощать группы остальных трех тумана́-хале́лей. Вообще же, в «абильци́ль» все угощались в основном за счет общего фонда и припасов, приносимых из домов родственниками неженатых. За день до наступления этих торжественных дней выполнялся обряд хун (хождение по воду).[21] В Верхнем квартале местом хождения за водой служил фонтан Да́куэ, в Нижнем — фонтан Чиахатла́. Шли, как всегда, установленным порядком. Каждый имел в левой руке большой медный водоносный кувшин (мучал). Перед выходом процессии из селения жители в ее честь устраивали салют из «пушки» — туп). Делалось это так: старый ружейный ствол наполняли порохом, зарывали в землю и при помощи фитиля производили взрыв. Последовательность действий, собственно, следующая: удар в барабан, выход с мучалами на танцовальную площадь, установка здесь пустых кувшинов, танец а́скайля, разбор мучалов снова по рукам, шествие к роднику гуськом без музыки, салют при помощи взрыва, продолжение шествия (теперь уже под музыку).

У фонтана неженатые ставили кувшины на землю по прямой линии (один рядом с другим) по мере того, как каждый подходил к месту, и шли за цветами. При этом старались выкупать в воде или основательно обрызгать новичков, т. е. мальчиков или парней, впервые участвующих в гулала́-аку-буко́н. Происходила большая забава, потому что новенькие убегали, а их ловили. Однако как бы ни был проворен мальчик («хоть бы убежал в Амузги», как говорили рассказчики), все равно его в конце концов хватали и бросали в воду. В это время сельчане, присутствующие в качестве зрителей, переставляли кувшины по той же линии, но в обрат-

[21] Один из немногих случаев, когда за водой шли мужчины, не считая это «стыдом».

ном порядке, так как неженатые возвращались с цветами к фонтану с другой стороны. Кувшины наполнялись водой и украшались принесенными цветами. Затем каждый брал свой кувшин, и все, выстроившись, направлялись обратно в селение на танцовальную площадку, где у них кувшины разбирали по домам. На площади же выполнялась обычная программа танцев.

Наконец наступает первый день гулала́-абильцу́ль. Он начинался выходом неженатых с цветами на площадь. После танцев выполнялась особая церемония с участием тевиди́кана. Это бывало не всякий год, так как требовало больших расходов, на которые должен был предварительно согласиться отец одного из самых младших членов союза неженатых. Фактически согласие было в значительной мере принудительным, так как отказ родителя мог по решению союза неженатых вызвать захват коровы (коровий штраф). Когда так или иначе согласие было получено, мальчик получал титул тевиди́кана, т. е. «впереди идущий».[22] Он шел в процессиях впереди и пользовался правом ходатайствовать о прощении провинившихся, которых в таком случае обыкновенно прощали. Семья мальчика готовила к первому дню гулала́-абильцу́ль три больших искусственных «дерева», пестро украшенных. «Дерево» — длинная жердь или деревянный брус с многочисленными ответвлениями, на острия которых натыкались крашеные разноцветные яйца. К верхушке «дерева» прикреплялись призы или, вернее, мишень для стрельбы. Мишень устраивалась следующим образом. К верхушке «дерева» прибивалась в горизонтальном положении небольшая доска, к ней прикрепляли пять фигурок, изображающих птиц (ка́кба) — в середине большую, а по углам меньших размеров; птицы были сделаны из меди (что в среде искусных кубачинских мастеров не должно нас удивлять) и частично из теста (пережиток обрядового печения).[23] Брус, украшенный яйцами, представлял собой предмет очень массивный. Самое большое «дерево», как говорили, было «с двухэтажный кубачинский дом» и имело 300 яиц; на среднем было 200 и на считавшемся малым 100. Искусственное дерево называлось ду́кнала ту́тта, т. е. «яичная ветвь» или «яичное дерево».

Неженатые с площади шли в дом тевиди́кана угощаться. Там иногда и накануне их угощали. Затем все под звуки барабана возвращались на площадь, неся впереди три «яичных дерева». «Деревья» втыкались в землю позади места, где стояли музыканты. Снова начинались танцы, а в промежутках угощения. Бикельте́, поделенные на четыре группы (иногда на три), веселились и угощались. Пока две группы танцовали на площади. третья пировала в доме неженатых под наблюдением своего тумана́-хале́ля и с участием приглашенных гостей. Так проходил весь день. Часть расходов натурой на угощение падала пропорционально на участников.

Второй день гулала́-абильцу́ль был похож на первый. На третий и последний падал самый праздничный момент всего цикла — шахское представление с масками. Естественно, известные элементы этого заключительного празднества (а именно, шуточные выступления персонажей «спекта́кля») фигурировали и в течение первых двух дней, так как подготовка шла заранее.

9) Персонажи мимического представления с шахом и масками. Действующие лица этого своеобразного зрелища таковы:

а) Шах. Исполнитель комик. Шах бывает одет в красный халат хаджи

[22] Тевиди́кана мог выбираться при благоприятных условиях в самом начале цикла.
[23] Мне не удалось, к сожалению, заказать модель такой птицы.

и вооружен по-старинному луком со стрелами, щитом и секирой и т. п. На лице шах носит железную маску, на голове шлем.

б) Жена шаха (ша́хла-бика́). Одета в кубачинский женский национальный костюм. В руке держит шелковый платок. Лицо закрыто тонкой шелковой тканью.

в) Приближенные шаха — коучми́. Их число колеблется от четырех до шести человек. Костюм: мисюрка с кольчужной сеткой, спущенной на лицо, и богатейший пояс (его богатство— многочисленные привешенные к поясному ремню, точнее — за него заткнутые, куски ценной парчи, шелка, бархата, шарфов с золотой вышивкой и т. п.).[24] В руке — флаг на длинной палке. Коучми́ должны были уметь танцовать. При них были оруженосцы. особенно отличительного одеяния не имевшие.

г) Жены коучми́. Одеты, как и ханская жена, но менее пышно.

д) Шахский телохранитель — у́чила-му́тта — «всадник». У́чила-му́тта появляется верхом на палке (или на мотыге) с бутафорской лошадиной головой, сшитой из материи. Одет в черкеску, имеет кинжал и плеть. Исполнитель комик.

е) Жена телохранителя— изда́к (от имени собственного), она же наперсница шахской жены. Одета приблизительно так, как жены коучми́. В руке имеет небольшой медный кованый кувшин кунне́.

Все женские роли исполнялись мужчинами. Здесь я перечислил только половину действующих лиц — шахскую сторону. Надо сказать, что сюжет представления развертывает перед зрителем борьбу этой партии с другой, ей враждебной. Об этой последней будет сказано ниже. Персонажи шахской партии исполнялись большею частью наемными лицами, часто из других селений или из бедных слоев с. Кубачи. В 1925 г. мне пришлось познакомиться в с. Кубачи со стариком-бедняком, весьма веселого нрава, специалистом по части исполнения роли жены шаха. Он показывал нам свои артистические приемы: приплясывание и комическое подражание женским повадкам.

Надо ли говорить, что наемные «артисты» — не члены союза неженатых. При этом следует только отметить, что роли коучми́ и обязанности их оруженосцев не всегда исполнялись по найму. Были случаи, что в этих ролях выступали сами тумана́-хале́ли и их заместители или посторонние кубачинцы (т. е. не члены союза), имевшие богатые костюмы и дорогие украшения (ткани).

Расходы по найму «артистов» делались из своих средств халельте́ и бикаля́-хале́ль, а именно бикь-хале́ль оплачивал роль шаха или у́чила-му́тта; одну из этих же ролей мог оплачивать бикаля́-хале́ль; заместитель бикь-хале́ля (или сам он) платил «артистам», игравшим роли шахской жены и жены у́чила-му́тта; тумана́-хале́ли и их заместители оплачивали лиц, игравших роли коучми́ [25] и их жен.

Роли жен коучми́ считались самыми неблагодарными. Редко кто из жителей с. Кубачи соглашался их играть; обычно подыскивались бедняки в других селениях. Дело в том, что во время сцены похищения женщин жен коучми́ хватали, тискали, рвали, что называется, на части.

Кто же являлся противником шаха? Кто с ним по ходу действия вступал в борьбу?

---

[24] Вследствие дальних торговых разъездов у многих кубачинцев можно было найти образцы иранских, индийских, итальянских и других ценных тканей; они-то, равно как дорогие слуцкие пояса из Польши и Белоруссии, привешивались к поясам коучми́.

[25] Разумеется, в том случае, когда сами тумана́-хале́ли не выступали в этих ролях; явный параллелизм между персонажами «шахского» действа и руководящими персонами «союза неженатых» бросается в глаза.

Это другая сторона — паалтуртӣ, [26] люди в кольчугах, вооруженные кремневыми ружьями, пистолетами и кинжалами (20—30 человек). Все они носили войлочные маски с фантастическими белыми разводами. У многих в руках были флаги (шелковые платки на длинных жердях).

Для исполнения этих ролей не требовалось привлечения наемных лиц. Паалтуртӣ на шахском представлении — это желающие из числа кубачинцев, которые очень любили участвовать в представлении и принимать непосредственно участие в театральной борьбе с шахом. Во время действия паалтуртӣ старались остаться неузнанными.

Необходимо будет немного охарактеризовать маски.[27] Они делались из темнокоричневого, темносерого или черного грубого войлока, сшивавшегося наподобие немного суживающегося вверх цилиндра. Вертикальный шов шел сзади или сбоку. Верхняя часть пришивалась в виде круглого донца. Такая маска, как мешок, целиком надевалась на голову, охватывая ее всю и спускаясь особыми выступающими краями по верхней части груди и спины. Маска имела отверстия для рта, глаз, ушей и носа. Около отверстий носового и ушных пришивались, сделанные из кусочков войлока, нос и уши. Иногда пришивались войлочные полоски для изображения бровей. Со всех сторон маска раскрашивалась белыми, довольно широкими линиями (известью), хорошо выделявшимися на фоне войлока. Реже раскраска делалась в обратном соотношении (белый фон с оставлявшимися незабеленными коричневыми полосами). Еще реже маска снабжалась «румянцем» в виде пришитых к щекам кусков красной материи.

На лицевой части масок полосы обычно шли концентрически, кривыми линиями вокруг глазных отверстий и бороздили все лицо, протягиваясь на затылке параллельными вертикальными линиями (рис. 71). Иногда полосы и с фаса, и с тыловой стороны образовывали подобие крупного орнамента. Иногда и то, и другое сочеталось вместе, т. е. полосатая раскраска с орнаментальной.

Маски не имели волосяной бороды. В самом покрое лицевая нижняя часть маски обладала выступом, напоминающим бороду. При этом почти всегда маски были снабжены усами, сделанными из шерсти или конского волоса. На макушке головы маски очень часто имели чуб из пришитого коровьего хвоста или пучка конского волоса, нередко сплетенного в тоненькие косички. В облике некоторых масок улавливались звериные черты — рога. Повидимому, более поздним типом кубачинских масок следует считать экземпляры натуралистического характера. Они имеют сплошное беленое лицо без полос.

Маски, большею частью войлочные, на территории Северного Кавказа мне известны еще у абазин, западных адыге, кабардинцев, осетин, аварцев, лаков; в Закавказье у кахетин. У большинства перечисленных народов они имели обрядово-культовое значение.

Кубачинские маски отличаются своими специфическими чертами, не встречающимися в других местах, а именно характерными полосами раскраски, напоминающими татуировку (рис. 72).

Уместно будет упомянуть об интересном наблюдении Дирра, сделанном в 1904 г. «В 1904 г. я видел, — пишет он, — в Дагестане татуированных женщин; одну в с. Ходжал-махи, которая имела между бровями четыре синих пункта и один на подбородке. К сожалению, она ничего не хотела сообщить мне насчет этого обычая. Интереснее была татуировка неко-

---

[26] От арабского слова «делать» в значении — делатель, исполнитель, лицедей.

[27] Коллекции масок, привезенных мною из с. Кубачи в 1925 г. и в 1936 г., хранятся в фондах Музея народоведения в Москве.

торых женщин из с. Вихул, которых я видел на базаре в Кухуме... Мне тогда говорили, что в указанном селении (Вихул, Вихли Казикумухского округа, Вихцинского участка) все женщины татуированы. Впрочем, по словам жителя аула Михик (Самурского округа) Молла Рамазан-оглы, цахурские женщины имеют татуировку на груди и в

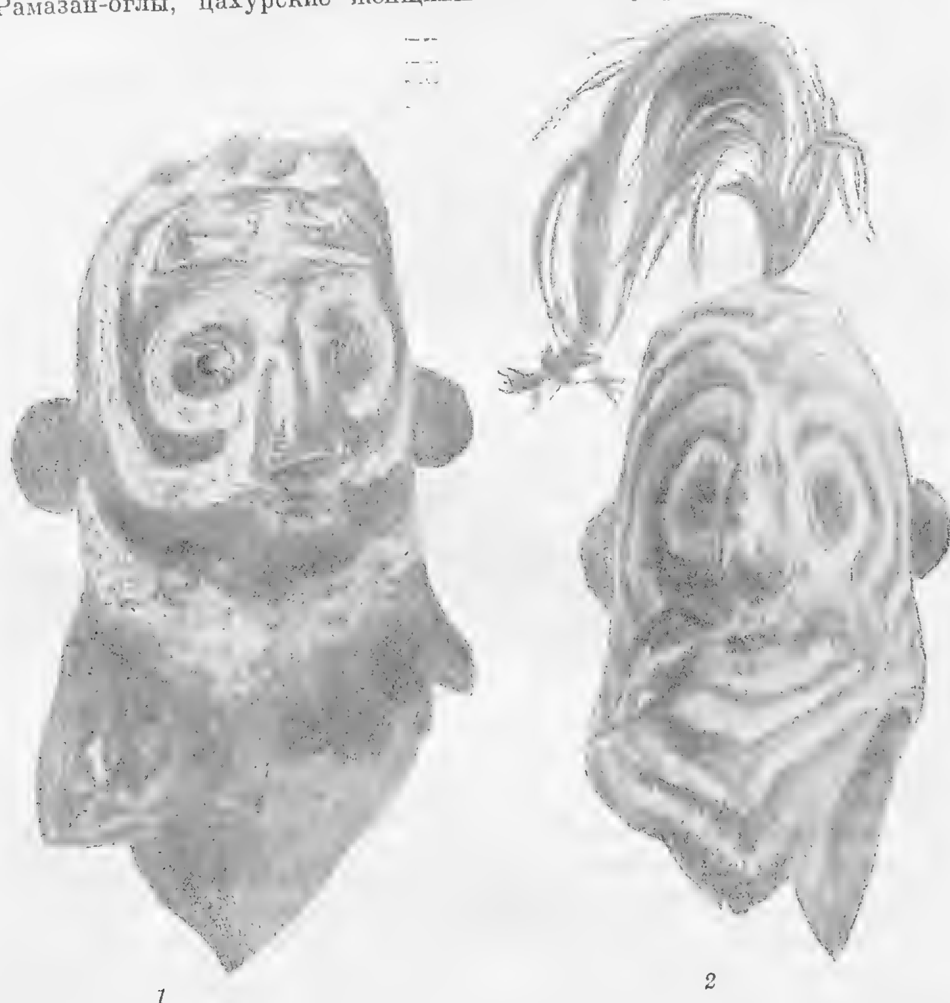

Рис. 71. Кубачинские войлочные маски (Музей народов СССР, сбор Е. Шиллинга)
1 — маска № 86/31; 2 — маска № 86/30.

области сосков. Кажется, что последние окружены кольцеобразной татуировкой. Как сообщил мне Молла, раньше татуировалось также лицо, но этот обычай уже оставлен» [32].

Сообщенные Дирром сведения относятся к трем горным народам Дагестана,— даргинцам, лакам и цахурам — южным и западным соседям кубачинцев.

В самом с. Кубачи пережиток татуировки, кроме масок (если в белых полосах и разводах этих последних можно улавливать следы былого обычая татуировки) можно усматривать в некоторых элементах, приводимых местным фольклором. Так, в песне, записанной на кубачинском языке Л. И. Жирковым в 1924 г. [39, стр. 255—281], говорится

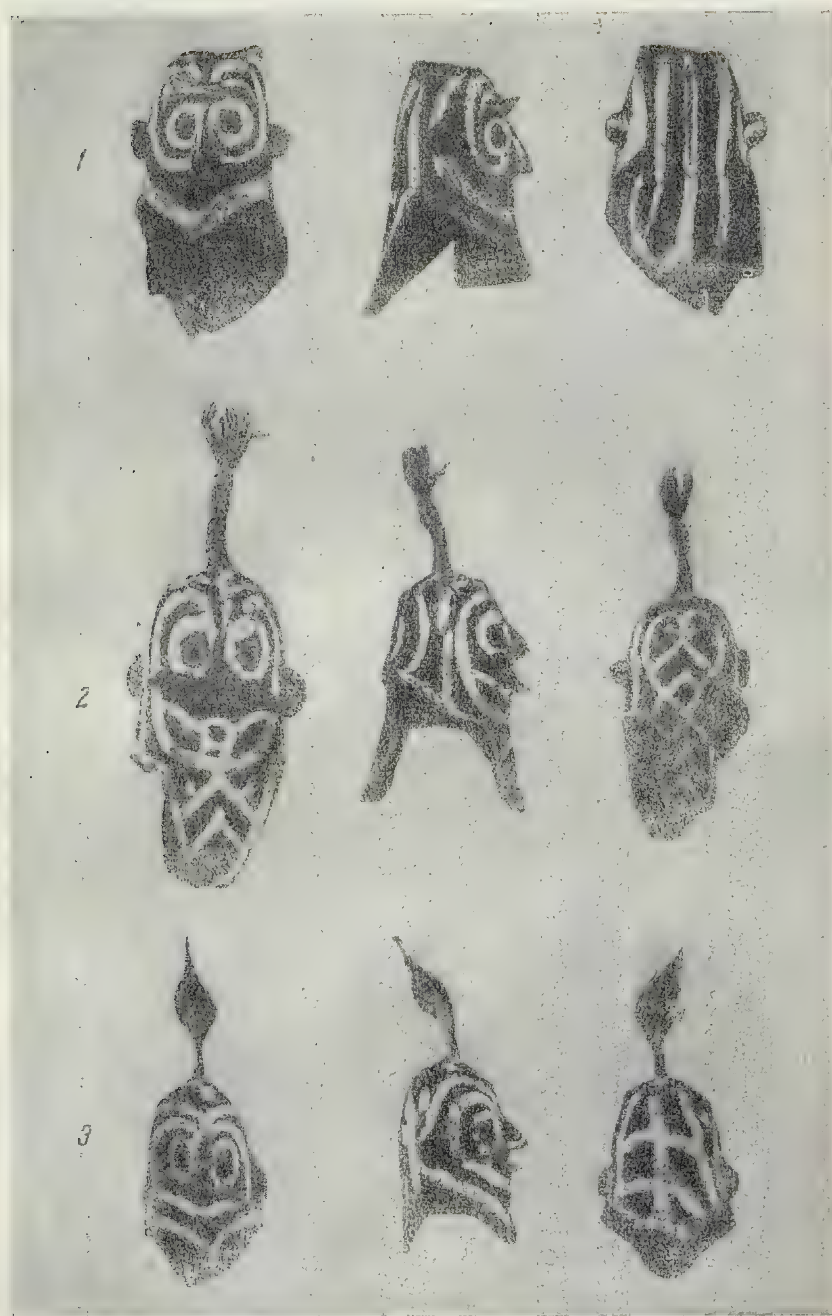

Рис. 72. Кубачинские войлочные маски (лицевая сторона, профиль, тыльная сторона) (Музей народов СССР, сбор Е. Шиллинга 1925 г.)

1 — маска № 86/31; *2* — маска № 86/28; *3* — маска № 86/34.

Рис. 73. Кубачинские войлочные маски (лицевая сторона, тыльная сторона) (Музей народов СССР, сбор. Шиллинга 1925 г.).

1 — маска № 86/32; *2* — маска № 86/33; *3* — маска № 86/35.

о вдове, имеющей «бахца́» (см. ниже, стр. 208). «Бахца́» — специальное наименование белой полосы на лбу коровы или лошади, что считалось признаком красоты. «Применение этого термина по отношению к красавице вдове не говорит ли [высказывает свое предположение автор записи, к которому присоединяемся и мы] о возможном прошлом обычае татуировки?»

Особняком стоит металлическая кованая маска шаха — произведение кубачинских медночеканщиков. Экземпляр, осмотренный мной в 1940 г. в с. Кубачи, имел следующие части: 1) Самая маска (закрывает только лицо) из красной, луженой снаружи меди; имеет отверстия для глаз и рта, черные, сделанные краской, усы и такое же пятно (бородку) на подбородке. 2) Невысокий шлем конусообразной формы с простейшей орнаментацией (полосками) из красной меди (склепан с маской тремя гвоздиками); верхняя часть начищена до блеска, а нижняя вычернена. 3) Кольчужная сетка, прикрепленная проволокой сзади к шлему и закрывающая у шаха тыльную часть головы и шеи (рис. 74).

Рис. 74. Железная маска шаха. Из инвентаря народного мимического представления на свадьбах, в прошлом на играх холостой молодежи. Кубачи, 1940 г.

Попутно упомяну еще о трех шахских вещах, нужных в пантомиме, осмотренных мною одновременно с маской: 1) курительная трубка, деревянная (длина 85 см), 2) лук простой в виде правильной полуокружности (длина тетивы 82 см, расстояние от тетивы до середины деревянной части — 34 см); деревянная часть в поперечном сечении круглая в середине и полукруглая по бокам; 3) топорик бронзовый с расширяющимся лезвием на кизиловой рукоятке с костяным наконечником и ручной ременной петлей (длина рукоятки 34 см, длина металлической части — 12.5 см; лезвие — линия, параллельная рукоятке, — 9.5 см).

10) П а н т о м и м а. Представление последнего дня происходило все на той же площади. Перед торжественной минутой выхода шаха неженатые располагались всегдашней своей круговой линией, оставляя место для выхода действующих лиц. Вокруг теснились зрители. Нарядные толпы женщин в парчевых шубках занимали плоские крыши окружающих домов.

Под звуки музыки в круг входила процессия в таком порядке: впереди скакал верхом на бутафорской лошади у́чила-му́тта, за ним большими шагами выступал с секирой или шестопером в руке в железной маске шах; за шахом шла его жена (ша́хля-бика́) с наперсницей (изда́к); далее

показывались пышно одетые приближенные (коучми́) и в самом конце их жены. Под звуки музыки, сопровождаемой выстрелами в воздух, шахская процессия делала на арене полный круг и останавливалась. Начиналось представление, которое, по существу дела, можно было назвать пантомимой, несмотря на то, что некоторые из действующих лиц (например у́чила-му́тта, коучми́ и их жены) во время действия могли говорить и кричать.

Сперва приближенные шаха исполняли особый танец коучмаля́ жайля, т. е. игру коучми́. Шах и бика́ занимали места в центре. Для шаха приносили табурет, на который он садился. Наперсница становилась против своей госпожи с медным кувшином. У́чиля-му́тта подавали шаху длинную трубку. Верхом на своем игрушечном коне он всячески старался смешить публику. Пышно одетые коучми́, воткнув свои жерди с флагами в землю (позади места, где стояли халельте́), расхаживали по кругу, оживляя шутками зрелище. Оруженосцы с чугурами и другим «реквизитом» в руках стояли близ входа.

Разыгрывалась семейная сцена между шахом и его женой. Наперсница подавала кувшин, прислужники приносили блюда с кушаньями. Исполнялись различные комические эпизоды.

Но вот, вдруг со всех сторон входили маски— паалтуртú,— партия, враждебная шаху, целью которой было похитить шахскую жену и жен приближенных. Происходило смятение. Раздавались выстрелы. Мирная обстановка была нарушена. Между свитой шаха и масками завязывалась борьба. Оруженосцы коучми́, заряжали и подавали своим хозяевам ружья и всячески помогали им в сражении. Коучми́ с флагами и оружием в руках, шурша драгоценными тканями, бросались выручать жену шаха и своих жен. Перевес, в зависимости от ловкости участников, переходил то на одну, то на другую сторону. Ша́хля-бика́ и другие женщины несколько раз похищались масками и несколько раз отвоевывались шахской партией. Сам шах принимал в борьбе деятельное участие.

С арены действие переносилось на улицы селения, на крыши, в дома. Похитители с пленными женщинами скрывались в жилища, переходя по крышам из одного дома в другой. Шах гнался за ними, появлялся с неожиданной для масок стороны. Происходили новые стычки. Женщин отбивали и приводили на площадь. Маски опять устраивали нападение и опять похищали женщин. Так шло представление, сменяемое время от времени танцами неженатых и снова продолжаемое.

Деталей и подробностей, которыми, без сомнения, изобиловали разыгрываемые сцены, я, к сожалению, дать не могу, так как не присутствовал на этом зрелище. Некоторым восполнением пробела послужит упоминавшийся выше дневник экспедиции 1924 г., повествующий о свадебных кубачинских пантомимах, непосредственно наблюдавшихся членами экспедиции и имевшими много общих черт, как подтверждают сами кубачинцы, с мимическими представлениями последнего дня гулала́-абильцúль.

Привожу выдержки записей из дневника.[28]

«Среди танцующих было много костюмированных, в масках, одетых в старинные кольчуги и вооруженных. У многих масок были метлы, а на руках звенели привешенные в виде браслеток колокольчики. Среди гостей ходил с жезлом распорядитель, родственник жениха. Играла музыка — зурна и барабан. В такт били в ладоши. Распорядитель руководил танцами, отгонял жезлом провинившихся, в чем ему помогали метлами маски. В танцах принимали участие мужчины, женщины и даже старики. Тут было разыграно несколько сцен.

[28] По рукописи.

а) Маски отправились за бараном, подаренным жениху товарищами, привели его и окружили, держа в руках длинные палки. При появлении барана музыка заиграла в быстром темпе, затем она перешла на заунывную мелодию, и один из присутствующих заколол барана. После этого тушу унесли для варки, а на площади начали танцовать те маски с палками в руках, которые перед тем привели барана. По окончании танца распорядитель отобрал у масок палки. Снова начались общие танцы.

б) Маска приносит кандалы и надевает их на ноги двум кубачинцам, свадьбы которых были последними в этом году. Закованные должны были дать выкуп, чтобы получить свободу.

в) Появился парикмахер в кольчуге и эполетах, вытащил из-за пояса бритву, отточил ее и подошел к одному из костюмированных, у которого была большая борода. Поставив ему ногу на плечо, парикмахер стал намыливать клиенту щеки. Следует комическая сцена, в конце которой клиент вырывается, оставляет накладную бороду в руках у парикмахера и убегает.

г) Выходит шах в зеленом шелковом халате с металлической маской на лице, в шлеме, вооруженный старинной кубачинской шашкой и секирой. Впереди него две маски несут лук и стрелы (оружие, из которого, между прочим, в старину стреляли в похитителей при умыкании невест). Одна из масок подметала метлой перед шахом ковер. За шахом появляется княжна в кубачинском шелковом наряде, закрытая зеленой чадрой и парчевым головным покрывалом. Княжну сопровождала женская свита. Женские роли исполнялись мужчинами. Шах прошел на середину и сел на скамеечку, которая должна была изображать трон. Кругом стали маски — шахская свита. Одна из масок поднесла шаху трубку с длинным мундштуком. Другая подала огонь. Шах закурил, а княжна в это время обмахивала его шелковым платком, который потом расстелила у его ног. Пока шли разговоры шаха со свитой и курение, появилась новая группа масок, враждебных шаху (рис. 75), которая оттеснила княжну и увлекла ее в сторону. Изображалось похищение невесты. Шах немедленно передал приближенным трубку, принял лук и выпустил стрелу. Затем он вместе со свитой отправился выручать похищенную. Пока он спускался вниз, похитители появились с княжной на крыше соседнего дома и отвели свою пленницу в нижнее помещение. Отняв затем лестницу, они ушли внутрь дома. Тогда на крыше появилась шахская партия и стала искать лестницу. Вскоре лестница была найдена. Спустились вниз, но дом оказался запертым. Пока шах ломился в дверь, похитители с княжной успели перейти на крышу соседнего дома. Шах, однако, проник и туда и потребовал возвращения женщины. Начались споры и разговоры. Похитители говорили: «не отдадим», а шах отвечал: «возьму». Последовала борьба. Княжна была возвращена, а шах отправился обратно к своему трону. К его свите присоединились теперь и похитители. Раздались выстрелы. Шах с видом победителя стал гордо расхаживать по площадке. Княжна обмахнула платком трон и предложила шаху сесть, однако тот не сел, а продолжал ходить. Когда началась музыка, шах заплясал. Княжна все время заботливо обмахивала его платком. После танца маски взяли у шаха халат, княжна приняла у него из рук секиру, вытерла платком и передала одному из костюмированных. Шах снова стал прогуливаться. Перед ним носили теперь деревянные корытца с солью и объедками в знак насмешки. Между тем маски подошли к княжне и тщательно завернули ее чадрой. Потом все во главе с шахом снова стали плясать и в заключение пошли хороводом. Шаху вернули обратно халат, секиру и дали трубку, которую он немедленно закурил. Под конец был разыгран следующий эпизод: княжна взяла кувшин с бузой и принялась ходить рядом с шахом.

Вдруг перед ними ставят люльку, в которую укладывают первого попавшегося мальчика. Мальчик вырывается и убегает. Все это сопровождается смехом и шутками».

Кроме представления на площади, в последний день гулала́-абильци́ль происходили большие танцы, исполнявшиеся с особенной тщательностью и полнотой. Устраивались также состязания в беге на дистанции до двух километров с присуждением трех призов, соответствовавших трем «яичным деревьям». В беге принимали участие только неженатые. После состязаний яйца ду́кнала-ту́тта расхищались масками и коучми́.

Рис. 75. Один из паалтуртй (из с. Кубачи. 1924 г.).

О «яичных деревьях» надо еще добавить следующие подробности: а) Если между Верхним кварталом и Нижним взаимоотношения мирные, то один квартал (тот, где идет игра) дарит одно из деревьев другому (обычно накануне последнего дня), приглашая соседей в гости и их угощая. б) Деревья остаются на площади, воткнутыми в землю все три дня. в) Паалтуртй стреляют по «деревьям», причем по самому большому «дереву» только на третий день (сбивая с него перед началом шахского действия куропатку) и едят упавшие яйца. г) Окончательное разграбление «деревьев» происходит после шахского действия в третий день, так как шах «разрушает дисциплину».

К вечеру процессия неженатых возвращалась в гулала́-кал, где давалось последнее угощение. Шах снимал маску. День считался законченным.

11) Кальчй-сюрба́т — «воробьиная беседа». Такое наименование носил следующий день после окончания гулала́-абильци́ль. Это был заключительный момент цикла.

Во время «воробьиной беседы» нарочито делались нарушения законов и правил союза неженатых. На площади в последний раз танцовали, но младшие вдруг переставали соблюдать этикет, не держали очереди, толкались и т. д. В конце концов, молодежь ставила посередине площади большой медный таз, лила в него остатки аруш и сажала в эту импровизированную ванну бикаля́-хале́ля или кого попало.

3

Гулала́-кал покидался. Все расходились по домам. Владельцам возвращалось взятое у них во временное пользование имущество. Учинялись финансовые расчеты, и жизнь в с. Кубачи вступала в обычную колею.

Изложение цикла закончено. Встает вопрос об аналогиях. Если иметь в виду Северный Кавказ, Закавказье и области, примыкающие к нему с юга, то в этих пределах мне известна лишь одна аналогия и то далеко не полная, а именно — «сообщество сверстников» в Шатахе,[29] о которых в 1927 г. писал С. Д. Лисициан:

«Шатахские горожане слывут за лучших выделывателей суконных шалей из тонкой козьей шерсти... Ткани эти находили широкий сбыт не только в Диарбекире и городах северной Месопотамии, но и в Эрзеруме, и в Константинополе, и дорого ценились также в Закавказье... Шатахские мастера взаимно строго следили за доброкачественностью работы и дорожили репутацией своей выделки... Эта тесная производственная спайка жителей достигалась и особым установлением, которое имело свое организующее значение вне рамок производства и для всего уклада общественной жизни города.

Город естественно разбивался на несколько околотков, напоминавших римские трибы, в которых семейства были связаны и продолжительным соседством и родственными узами. Все мальчики околотка, приблизительно одного возраста, составляли тесное сообщество, снимали у кого-нибудь обширную комнату, куда собирались в свободные часы, чаще всего под воскресения и праздники, для игр, шуток, плясок под зурну, рассказывания сказок, сообщения друг другу городских новостей, чтения Четьи-Минеи и отдельных мест из священного писания, взаимного обучения грамоте, для совместной подготовки к общественно-религиозным празднествам и т. п. В этих помещениях («ода») разводился зимой посредине огонь, дым от которого выходил через световое отверстие в потолке. Такой клуб выбирал ежегодно своего старшину «агу», распорядителя «малку» и рассыльного «меджу». Последний убирал помещение, разводил огонь, созывал товарищей, приносил им из дома и подогревал кушанья и вообще исполнял всю черную работу. «Меджи» выбирался обыкновенно из беднейшей семьи и получал часть доставленной провизии и денежные подношения. В «аги» попадал мальчик из более состоятельного дома; однако товарищи часто не считались с этим и выдвигали из своей среды более даровитого, способного к управлению и обладающего инициативой. Обычно во все праздники, особенно в дни масленицы, производился сбор денег для закупок на общее пиршество. С наступлением юношеского возраста разрешалась и выпивка. Вечеринки затягивались до утра. С весны сборища происходили под открытым небом, на плоской крыше, или где-либо в саду, или на берегу реки. В большие праздники соседние «ода» объединялись и выступали вместе, иногда группами в 150—200 человек, переходя с крыши на крышу из одного околотка в другой, или выходя далеко за город на прогулки по горным лугам... С годами крепла и внутренняя спайка этого сообщества, и товарищи оказывались связанными на всю жизнь, сохраняя и позже привычку собираться в свободные часы. Выделившиеся товарищи затем и в общественной жизни не переставали пользоваться влиянием и постепенно образовывали группу «князей — ишханов», к авторитету которых городское общество, не имевшее специального органа самоуправления, прибегало во всех важных случаях» [55, стр. 80—81].

Описанное С. Д. Лисицианом «общество сверстников» является, конечно, лишь одной из сторон организации шатахских суконщиков. В своем

[29] На территории так называемой Турецкой Армении (Турция, Ванский вилайет).

происхождении оно, может быть, тяготеет к тем же источникам, что и кубачинский цикл. Позже в старые видоизменившиеся формы вливалось новое содержание. В сравнении с кубачинским гулала́-аку-буко́н «общество сверстников» в Шатахе почти утратило обрядовые черты, разработанную структуру, ритуальную строгость установления и столь характерную для кубачинского реликта общественную значимость.

Гулала́-аку-буко́н в дошедшем до нас виде тоже не является чем-то первоначальным. В нем наслоились следы разных эпох. Он пережил ряд стадий и трансформировался.

Одним из сравнительно более поздних следов надо считать черты, отражающие борьбу Закавказья с Ираном. В этом отношении характерны театральная борьба с шахом, частое осмеивание и посрамление шаха, но, вместе с тем, подчеркивание силы шаха, его власти, богатства, пышности свиты.

Шахское действо известно на Кавказе не только в с. Кубачи. Те или иные его вариации встречались и в Армении и особенно в Грузии в масленичных обычаях Кееноба, обрядово-маскарадных играх Берикоба и др., и даже в таком изолированном горном районе, как Верхняя Сванетия. Следует отметить, однако, что если в Грузии шахское действо сплеталось больше с пережитками древних элементов дохристианской религии, то в с. Кубачи явственнее выступали пережитки другого порядка — пережитки сплетения его с остатками древних общественных институтов и установлений. Не будем, с другой стороны, и для кубачинцев недооценивать возможностей остатков в рассматриваемых явлениях старых домусульманских религиозных представлений. Вспомним свидетельство Потоцкого, приводившееся нами выше.

Фольклор предания и более ранние сведения говорят о распространении в с. Кубачи христианства, а еще ранее зороастризма. Если к этому учесть наличие в горах Дагестана многих местных религиозных пережитков «яфетического» слоя, то станет ясным, что даже в современном исламе кубачинцев мы могли бы встретить факты синкретизма и спайку разнородных внеисламских элементов. В шахском зрелище и вообще в цикле игры союза неженатых в целом проглядывают кое в чем следы таких синкретизированных черт. Сюда можно отнести, например, мотивы, близкие к обрядовым действиям в честь весенних божеств плодородия, как «праздник цветов»[30] во время хождения по во́ду, древовидные духнала-ту́тта и некоторые вольные моменты в мимическом зрелище с шахом, связанные с похищением женщин, что находит свои аналогии в соответствующих весенних праздниках Грузии, сопровождавшихся тоже шахской игрой.

Остановимся теперь на вопросе об остатке старых общественных форм, проявлявшихся в цикле гулала́-аку-буко́н.

Социальный строй кубачинцев нельзя было считать неразвитым. До Октябрьской революции мы имели тут резкую классовую дифференциацию с выделением класса старинных предпринимателей, богатых мастеров, владельцев мастерских и ювелирных лавок, торговцев и скупщиков, рассеянных по многим городам.

В порядке ретроспективного обзора мы должны указать, что с. Кубачи знало также феодальную зависимость. До присоединения к России с. Кубачи входило в систему уцмийства Кайтакского, терпело зависимость от шамхала тарковского, ханов казикумукского и аварского. Еще раньше оно подчинялось владетелям из арабских, иранских и монголь-

[30] Который можно сопоставить в Дагестане с «цюкwерун суwар» («праздником цветов») у лезгин с. Ахты [19, стр. 41].

ских завоевателей. Старшинская верхушка издавна состояла в известной смычке с феодалами, от которых в тот или иной отрезок времени зависели кубачинцы. Не лишен был кубачинский быт, как будет показано ниже, и пережитков родового строя.

Из всего сказанного ясно, что кубачинский цикл гулала́-аку-буко́н не мог в течение веков оставаться нетронутым. На разных ступенях общественного развития и в разные времена в него должно было вливаться новое содержание.

В последний период существования, т. е. в годы до Октябрьской революции, он был средством самоутверждения в с. Кубачи эксплоататорских капиталистических слоев. Влияние и командные роли в организации союза неженатых в эту эпоху принадлежали именно этим слоям.

«Феодальная» стадия гулала́-аку-буко́н отпечатлелась, как мне кажется, во всей той «куртуазности», которой проникнуты правила общественного поведения союза и которые по характеру напоминают нам «адыге-хабзе» кабардинского феодального общества, а также в некоторых частях оформления шахского действа и, в частности, в одежде и повадках коучмі с их оруженосцами.

Наконец, к отпечаткам «родового» слоя следует относить такие факты, как принцип взимания уплат за провинности и систему натуральных взысканий хика́ (начиная от кулла́-хика́, захвата коровы, и кончая подковой), столь типичную для родовых адатов, употребительных у народов Северного Кавказа. К той же стадии надо будет отнести правило, по которому в состав союза неженатых включался от каждой «фамилии» старший сын.

Однако наибольшее количество элементов организации союза неженатых имеет отношение к более архаическим чертам доклассовой стадии общественного развития.

Не исключена возможность. что в нем проглядывают следы фратриального устройства с пережитками первобытной дуально-родовой организации. Это видно из имевшего место сосуществования организации в двух кварталах с. Кубачи при взаимоотношениях обеих групп, окрашенных элементами соревнования и антагонизма. Самое членение селения на Ба́шала-куа́т и Ха́шала-куа́т—Верхний и Нижний кварталы—является старым и основным (позже усложненным внутренними подразделениями). Двум кварталам соответствуют два наречия кубачинского языка, различаемых самими жителями. Следы антагонизма также отражаются в известной детской игре «ба́шала-ха́шала», при которой участники делятся на две партии, нападающие друг на друга. Интересно, что на границе Верхнего и Нижнего кварталов на фасаде одного дома имеется древнее скульптурное изваяние, считаемое за изображение женщины. Эта женщина, по трактовке ха́шала, как бы кричит верхним— «вы гяуры», ибо те, по преданиям, медлили принять ислам, не желая расставаться с большими запасами свинины [31] и сделались правоверными на целых 7 лет позже, чем нижние. Ту же первоначальную дуальность может быть следует видеть в характере мимических сцен с их перемежающейся в смысле успеха борьбой двух враждующих партий, причем ясно (даже из приведенных кратких описаний пантомимы, особенно по дневнику экспедиции 1924 г.), что маски носились раньше не одной стороной, а обеими. Особое значение масок в цикле гулала́-аку-буко́н не подлежит, вообще, сомнению. Раньше оно должно было сказываться еще сильнее. Добавляю, что маски фигурировали не только в три последних дня, но фактически и повседневно во

---

[31] Мотив о недоеденных запасах свинины в пору принятия ислама распространен и у других народов Дагестана, например, в Аварии.

время танцев. По некоторым вариантам, поведение их при этом (т. е. во время повседневных танцев) не было стеснено ограничительными правилами, столь строгими для других. Эта черта прямо бросается в глаза. Такое отношение к маскам можно объяснить как далекий пережиток представлений о чтимости, священности и грозности изображавшихся ими обликов, когда-то тотемов или предков. Самое «действо с шахом» — не просто вставной дивертисмент, а нечто органически сродное существу рассматриваемого цикла.

Идя дальше, мы должны будем отметить, что в структуре организации союза неженатых прослеживается пережиток деления на возрасты. В этом отношении примечательны роль бикаля́-хале́ля (возглавлявшего младших по летам) и вообще дифференциация членов союза (халельте́ и бикельте́), с градацией членских взносов по возрастам, причем младшие, которые в первый раз в жизни вступали в организацию, обязательно подвергались «посвящению» (бросание в воду во время «праздника цветов»), сходному по смыслу с инициациями, характерными для первобытных племен земного шара. После такого «посвящения», как я упоминал выше, устраивались обрядовые танцы, первоначально в этом моменте связанные с непосвященными.

Вся обрядово-ритуальная сторона цикла гулала́-аку-буќон вообще чрезвычайно близко напоминает обычаи так называемых мужских союзов. Здесь есть все: и маски, и ритуальные танцы (а́скайля и другие), и танцовальная палица (жезл манѓуша), и большой барабан (вовди́хля-там), и музыкальные инструменты, и площадка, где происходили танцы (правда, потерявшая свою запретность для непосвященных), и множество обрядов, и строгая изоляция членов союза от женской половины населения, и, наконец, специальный мужской дом (гулала́-кал), куда женщины не имели права входить, а непосвященные входили лишь с разрешения посвященных.

Вступление в союз неженатых было обязательным, исключение влекло позор. Через искус кубачинского гулала́-аку-буќон должна была пройти чуть ли не вся мужская половина населения. Первоначально всеобщее (самостоятельное и отдельное) исполнение обычая инициаций было как бы слито с явлением другого порядка, присвоено в качестве прерогативы союзом неженатых и превращено в «посвящение» новичков, принявшее впоследствии характер шутки. Внесший залог и прошедший искус во время двухмесячной игры считался полноценным членом общества.

Пережитком обыкновения, при котором общество (или союз) жило за счет посвященных, в нашем цикле служит обычай угощения и особенно выбора тевди́кана, за счет семьи которого угощалось все общество.

Общественные выступления союза, даже в последнее время его существования, отличались властностью, далеко превосходящей значение лишь невинной забавы молодежи. Припомним, что наибольшая степень обрядовой строгости и торжественности соблюдалась именно при совершении союзом неженатых общественных дел, тогда как шествия на игры и танцы обставлялись, в сущности, много проще. Значительность удельного веса общественных функций союза в прошлом также достаточно ощутимо выявляется из преданий и обычаев, которые с несомненностью показывают, что истинной подоплекой этого комплекса, ставшего игрой, была когда-то живая действительность. Таковы, например: рассказы о столкновении кубачинцев с калакорейшцами из-за пастбищ Ля́мцла-бай; рассказы о батирте́ и чине́, касающиеся древнего общественного устройства кубачинцев, на чем я остановлюсь ниже; также ряд показаний старых авторов (о власти, мерах пресечения и взыскании), которые сходятся с установлениями и нормами неписаного устава союза неженатых.

В последнее время своего существования (до Октябрьской революции) союз неженатых формировал привилегированную группу членов, которая и вне ф ункционирования цикла пользовалась в с. Кубачи определенным уважением за достойное участие в гулала́-аку-буко́н.

Генезис изучаемого пережитка был связан, очевидно, с той стадией общественного развития, при которой происходило вытеснение материнского права отцовским. Правда, прямых следов этого процесса мы в данном случае не прослеживаем. Однако и в с. Кубачи можно проследить пережиточные слои предшествовавшего матриархата. Подробнее этого вопроса мы коснемся ниже.

Остается поставить еще один, последний вопрос о причинах сохранения до революции именно в с. Кубачи цикла гулала́-аку-буко́н, отразившего, несмотря на сравнительно высокую степень развития кубачинцев, раннюю стадию существования человеческого общества, тогда как в других соседних районах мы этого не наблюдаем с такой яркостью.

Удовлетворительно ответить на вопрос чрезвычайно трудно. Известную роль играли изолированность и недоступность селения в горах, замкнутость культуры (богатой, давно сложившейся, достигшей устойчивых, твердых форм и весьма своеобразной и во многом отличающейся от культуры соседей), язык и другие условия.

Опыт этнографических наблюдений говорит, что реликтовые явления в прошлом (часто, хотя далеко не всегда) проявляли живучесть в местах с зажиточным населением, пусть достаточно далеко ушедшим в смысле социально-экономического развития, но при этом крепко державшимся за старый быт, консервативным и имевшим материальную возможность, не поступаясь ничем, хранить все дедовское обилие обрядов и обычаев, подчас связанных с немалыми расходами.

Исторически к категории таких именно мест и относится с. Кубачи.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ «БАТИРТЕ́» И «ЧИНЕ́»

Не требуется доказательств, что игровой цикл гулала́-аку-буко́н — явление вторичное. Рассмотрим теперь материалы, рисующие явления первичного порядка. Сюда относятся рассказы и предания, характеризующие уже не игру, а самый общественный строй кубачинцев в прошлом. Легенды, при всей их сбивчивости и даже противоречивости, очень интересны. Они говорят об отдаленных временах. Сколько-нибудь определенная датировка в преданиях, разумеется, отсутствует. Рассказчиками мыслится почтенный ряд столетий, из нерасчлененной тьмы которых явственно выступает у них XVIII век и первая половина XIX как последний этап уходящих в прошлое традиционных и самобытных общественных порядков (в их последней стадии), сменившихся нормами, введенными русскими.

Предания образуют как бы два основных ядра, обозначаемых двумя словами — батирте́ и чине́. Первый термин, надо думать, больше связан с наиболее ранним слоем, а второй с последующим.[32] В то же время оба они в устах современных сказителей настолько переплетены и в свою очередь оказываются настолько связанными с недавно еще бытовавшим игровым циклом, нами описанным, что сливаются в одно целое, в котором нелегко разобраться.

---

[32] Или: членение того, что было едино (в смысле выражения его двумя терминами, из которых первый «батирте́» и второй «чине́»), относится к моменту последующему.

Если ясность институтов батирте́ и чине́ от этого не выигрывает, то значимость (вследствие связи с ними) их младшего собрата — гулала́-аку-буко́п, как остатка названных органов, выродившегося в забаву холостой молодежи, сильно подтверждается. Со своей стороны гулала́-аку-буко́п связывается с этими старыми общественными институтами, ибо многие черты последних из преданий о них самих уже выпали и дошли до нас лишь в пышной и действенной полноте праздничной игры.

Итак, кто же такие были «богатыри» — «батирте́»?

Одна из кубачинских круглых башен на окраине селения, близ кладбища Верхнего квартала носит, как говорилось, название Батиртала́-ци— (т. е. «башни богатырей»). В 1936 г. я видел лишь ее фундамент (на этом месте делали силосную яму), а в 1935 г. осматривал часть тогда еще сохранившейся стены. Башня, по преданиям, была резиденцией легендарных богатырей, 40 человек неженатых кубачинцев. Они охраняли жителей, наказывали за проступки, судили и решали все дела. Число коллектива батирте́ было постоянным и восполнялось по мере надобности новыми членами вместо выбывающих. Таким образом, цифра 40 никогда не уменьшалась и не увеличивалась. По некоторым вариантам, возраст людей, имевших право войти в состав группы батирте́, определялся гранями от 15 до 25 лет. Достигшие 25 лет выбывали, а их заменяли более молодые.

Входящий в членство коллектива батирте́ вносил залог диха́. Батирте́ жили в башне. Расходы на их содержание несло все общество. Никто к ним не допускался. К ним нельзя было близко подходить, нельзя было их видеть. Родная мать не пользовалась правом даже взглянуть на сына. В их присутствии запрещалось произносить слово «батирте́», т. е. называть этих людей, так сказать, по титулу. В то время с наступлением ночи жителям не полагалось выходить на улицу из своих жилищ. В такой именно час батирте́ могли по желанию оставлять башню и заходить в дома.

Рассказывают, что один богатырь пришел однажды ночью в дом к своей матери. Старуха сидела у очага и пекла хлеб. Вошедший был закутан с ног до головы. Он молча приблизился к огню, чтобы взять уголь. Женщина увидела при свете огня протянутую руку и по руке опознала сына и заговорила с ним. Это не осталось в неизвестности. На следующий день из «башни богатырей» злополучной матери была принесена отрубленная рука ее первенца. И сын, и мать поплатились за нарушение запрета. «Такая была дисциплина»,— прибавил мой рассказчик, один из лучших осведомителей, старик Хаджи Расул Ирганов, который слышал переданную версию в детстве от своей столетней бабки, умершей в конце 70-х годов XIX в. и перенявшей легенду от сестры мужа. Некоторые из присутствовавших при расспросах, очевидно, желая подчеркнуть, что это глубокая истина, веско присовокупили со свойственной кубачинцам любовью к старым датам (привычным им по торговле «антиками») — «это XV век».

Предания утверждают, что лишь благодаря мужеству батирте́ с. Кубачи не было никем покорено и всегда сохраняло вольность. С гибелью этой организации погибла будто бы и независимость кубачинцев — та независимость, которой столь гордятся в своих исторических воспоминаниях златокузнецы и которую (как и свой внутренний быт и культуру) они всегда ревниво оберегали от посягательств извне. Рассказы с обычной в таких случаях хронологической непоследовательностью приурочивают этот момент, обрисовываемый трагически, к свежим и доныне еще в Дагестане воспоминаниям об иранских нашествиях. В данном контексте предстает эпоха Надир шаха. Войска персов осадили с. Кубачи. Батирте́ доблестно отражали приступы. Осада была безуспешной, но столь тяжелой для кубачинцев, что жители стали просить группу батирте́ согласиться

на сдачу. Те наотрез отказались, сказав: «персы войдут в селение, только перешагнув через наши тела». Борьба была неравной. Осада длилась. Тяготы положения осажденных с каждым днем усугублялись. Тогда кубачинцы вторично вступили в переговоры со своими неукротимыми защитниками. На этот раз делегация, направленная к коллективу батирте́, состояла из отцов этих последних. Никакие доводы и тут не помогли. Батирте́ не хотели складывать оружия. И вот кубачинцы, чтобы прекратить сопротивление, решили поджечь «башню богатырей». Дрова вокруг башни загорелись, богатыри, окруженные клубами дыма, вышли из нее, сделали отчаянную вылазку против персов и все до одного пали в бою, после чего войско Надир шаха без труда ворвалось в с. Кубачи, не встречая сопротивления.

Батирте́ не только охраняли с. Кубачи. Они вели также наступательные военные предприятия, воевали с соседями: нападали на поселения, враждовавшие по тем или иным причинам с кубачинцами, и вооруженной рукой разрешали межаульные споры и разногласия.

На кубачинском языке существует особый термин для обозначения активных военных действий — чабку́н — наступление; отсюда чабку́н-бака́й — сделанное наступление, чабку́нниже-бахинте́ — ведущие наступление.

Все рассказы единодушно свидетельствуют о том, что батирте́ были великими мастерами по части операций «чабку́н» и в качестве непосредственных участников наступления и в качестве руководителей действиями более широких масс «чабкунцев», не входивших, собственно, в их богатырский коллектив.

По некоторым данным выходит, что чабку́ниже-баханте́ — особая военная организация, помимо батирте́. Версии начинают переплетаться. То, что говорилось про батирте́, совпадает с рассказываемым про отряд чабкунцев. Чабку́нниже-баханте́ — это тоже холостые от 15—18 до 25 лет. С наступлением совершеннолетия парни мобилизовались и зачислялись в отряд. Женившийся выходил из отряда. На его место поступал неженатый из подрастающей молодежи. Неопределенную у большинства рассказчиков численность чабкунского войска некоторые уточняют, ограничивая ее все той же «сакраментальной» цифрой 40.[33] Интересно, что организационная структура чабкунского войска почти полностью повторяет реальные черты устройства организации союза неженатых, как мы его охарактеризовали. Во главе чабкунцев стояло три бикь-хале́ля (из более старших по возрасту), три тумана́-хале́ля (как заместителей первых) и один бикаля́-хале́ль (как защитник младших). Здесь рассказчики поясняют, что из трех чабкунских бикь-хале́лей один был главный (ему, мол, соответствует бикь-хале́ль цикла гулала́-аку-буко́н, за счет коего в пантомиме исполнялись роли шаха или у́чиля-му́тта, тогда как двум другим чабкунцам в игре соответствием являлись лица, заместители главы союза неженатых, оплачивавшие исполнение ролей шахской жены и жены у́чиля-му́тта).

Чабку́нниже-бахинте́ имели, таким образом, внутреннее самоуправление. Если версии их различают от группы батирте́, то обычно говорят, что чабкунцы подчинялись богатырям как своей высшей власти. Дисциплина коллектива была очень строгой. Уже известный нам запрет матери видеть сына фигурирует и в рассказах о чабкунцах.

---

[33] Кроме кубачинской традиции (определяющей цифрой 40 и группу батирте́ и другие группы), в исламском слое верований народов Кавказа число 40 играет особую роль. С этим числом связана и знаменитая святыня Кырхляр в Дербенте — могила 40 правоверных воинов,— по преданию арабов, павших в бою от руки иноверных.

В чабкунские обязанности входили: боевые действия — оборонительные и наступательные, сторожевая служба, а также помощь селению в общественных работах. В их башне было установлено круглосуточное очередное дежурство — человек по 30, по 40 из разных кварталов селения. Тут же на дворе всегда было наготове семь оседланных лошадей. В случае ночной тревоги дежурный в башне зажигал факел и тем самым подавал знак тревоги. Из чабкунского управления в определенное время выходили дозоры. Они, со своей стороны, при обходе подымали в надлежащих случаях шум и немедленно сообщали обо всем находившимся в башне. По одному преданию (сходному с преданием и о богатырях, и просто о кубачинцах), семеро чабкунцев, узнав, что жители одного селения ранили двух кубачинских пастухов на горе Ду́ппиля (к югу от с. Кубачи) и угнали с пастбища лошадей, настигли грабителей, перебили врагов несмотря на большой численный перевес их, и вернули лошадей. На почве частых пастбищных столкновений с соседними селениями и посягательств жителей этих последних на похищение кубачинских лошадей (а лошадей у кубачинцев было много) чабкунские наступления, подобные приведенному, были особенно часты: сделают наступление, отнимут коней, наведут порядок и с победой возвратятся. Но были, разумеется, боевые дела и более серьезные.

Особый кубачинский сторожевой пост был к югу от селения в ущелье Хухкабига́н шелла катала́ («сыпучей скалы ущелье») с крепостью Вовди́хля-кала́ («тревоги крепость» — чрезвычайно выгодный по расположению наблюдательный пункт), где можно найти остатки жилых строений и следы старого кладбища. С этого места видны три селения — Кубачи, Амузги, Сулевкент. При обнаружении какой-либо опасности дозорные зажигали огонь, оповещавший кубачинцев. В позднейшие времена тут обычно поселяли сторожа с семьей, несшего караульную службу.

Следует ли считать, что в сходных группах батирте́ и чабку́ниже-баханте́ отражаются черты двух отдельных военных организаций? Анализ записей приводит к отрицательному ответу. Перед нами, конечно, следы одного общественного института, под каким бы именем он теперь ни упоминался. Необходимо даже отметить, что значительное количество рассказов так именно и трактует дело.[34] По этим рассказам, чабкун — это, собственно, проявление деятельности богатырей. Чабкунцы — те же батирте́.[35] Холостой юноша, вступивший в организацию, — бати́р. Коллектив богатырей фактически не ограничивался числом 40. От каждого кубачинского квартала (Верхний и Нижний имеют еще внутренние подразделения, считающиеся тоже кварталами) в коллектив входили представители (по некоторым рассказам, по десяти человек, по другим, неопределенное количество). Строгие запреты и нормы дисциплины как внутри самой организации, так и во взаимоотношениях между ней и жителями, регулировали жизнь. Батирте́ или чабкунцы, при всей своей доблести и авторитете, все-таки кем-то (что видно из некоторых версий) управляются, кому-то подчинены, неся повседневную «службу» (ответственную, нелегкую, требующую здоровья, сил, ловкости, подвижности), —

---

[34] О некоторых подробностях, ясных из сличения легенд, по которым видно, что батирте́ и чабку́ниже-баханте́ синонимы, я не упоминаю. Надо еще сказать, что есть версия, разделяющая службу охраны от службы наступления: наступление вел отряд холостых, а в охрану могли входить и женатые. Первая функция считалась более почетной, чем вторая.

[35] Или: в различении чабкунцев и богатырей лишь следы структуры единой военной организации.

лужбу, так сказать, большого диапазона (там, где нужна крепкая вооруженная рука) — от дозоров (в самом селении и по окрестным горам и лесам) и улаживания мелких сельских столкновений и пастбищных инцидентов между селениями до серьезных оборонительных и наступательных операций. Но и в большом, и в малом они выступают в большинстве случаев как исполнители. Вопрос, следовательно, возникает не о том, какая разница между чабкунцами и «богатырями», а о возглавлении, вопрос о власти.

Уже из вышеизложенного ясно, что некоторые рассказы отвечают на этот вопрос в том смысле, что власть принадлежала той же холостой молодежи (избранной группе 40 богатырей). Однако в таких версиях много непоследовательности, говорящей о сбивчивости традиций. Вопрос, думается мне, разрешается удовлетворительно на основе другого круга рассказов, которого коснусь несколько ниже. А сейчас еще несколько замечаний к характеристике занимающей нас общественной организации.

Неженатые юноши, входившие в ее состав, оказывается, занимались, говоря современным языком, «физкультурой» и военным обучением. Некоторые рассказчики говорили даже, что в организацию входили мальчики семи, восьми лет. Организация будто бы делилась на отряды по 40 человек в каждом, управлявшиеся каждый своей семеркой (три бикь-хале́ля, три тумана́-хале́ля и один бикаля́-хале́ль). «Было семь башен, и в каждой было по 40 человек». Таким образом, уже знакомая нам версия о 40 властных батирте́, об их героизме во время нашествия персов, весьма вероятно, является воспоминанием лишь об одном из отрядов боевой организации, наиболее доблестном и прославленном, — воспоминанием, впоследствии обобщившимся и в конечном итоге приписавшим общую власть данной группе.

Жили батирте́ вне дома. Лишь пищу им приносили родные. На упражнения шли по барабанному сигналу. За опоздание и провинности платили штрафы (от мелких до «коровьего»).

Как истые мусульмане, старики, мои осведомители, говорили, что занятия «физкультурой» были ежедневно, кроме пятниц. По пятницам разрешалась только стрельба в цель. В остальные дни (летом), после 4 часов пополудни, выходили на площадь и устраивали борьбу, метание камней и другие упражнения. Прошедшие такой искус юноши становились, с точки зрения кубачинцев, настоящими «богатырями», чабкунцами, могущими поддержать честь и славу своего организованного сообщества.

Перехожу теперь к вопросу о власти. Уже некоторые рассказы, героями которых являются батирте́, дают нам кое-какие указания. В них есть, например, указание, что батирте́, имеющие власть, вовсе не молодежь; среди них есть и женатые, и живут они дома.

Все будет яснее, если мы обратимся к другому кругу повествований, посвященных особому общественному институту с. Кубачи, — чине́, управлявшему организацией холостой молодежи.

Меня не смущает то обстоятельство, что, по мнению многих (но далеко не всех) кубачинских стариков, батирте́ хронологически предшествовали институту чине́. «Сперва у нас были батирте́, а потом чине́», — говорят они. Эти показания их свидетельствуют о том, что институт чине́ в истории своего существования пережил ряд стадий, не оставаясь чем-то неподвижным и неизменным. В самом деле, теряясь, как гласят легенды, началом во мраке прошлого, она окончательно распалась только в первой половине XIX в., пройдя, таким образом, длинный путь развития и видоизменений.

В основном можно сказать, что как в цикле гулалá-аку-букóн группа халельтé (старших, власть имущих) относилась к группе бикельтé (младших чинов организации, холостых парней), так когда-то в реальной действительности орган чинé относился к военной организации холостых юношей батиртé, составляя вместе одно целое.

Постараюсь систематически охарактеризовать институт чинé, касательно которого в с. Кубачи существует очень много версий (рассказов, воспоминаний, преданий и даже анекдотов), имеющих подчас все ту же картину переплетений (в данном случае с материалом о богатырях и чабкунцах), которая нам знакома по предыдущему.

а) Состав чинé. Их было семь человек. По другим версиям — больше (10—12 человек). Чинé — название всей группы. Отдельный член чинé — чиналá-адамé, т. е. «чинальский человек». Некоторые рассказы раскрывают иерархическое деление внутри этой ячейки: ее глава — чиналá-бикь, т. е. «чинальская голова», или «чиналá-халéль, т. е. «чинальский старший», «чинальский большой»; члены (три человека) — чиналá-халельтé, т. е. «чинальские старшие»; заместители или кандидаты старших (тоже три человека).

В распоряжении чинальской верхушки состояли так называемые хавантé—исполнители. Функции исполнительной власти несло также лицо более высокого ранга, чем хавантé,— так называемый халá-какá — «большая кость» и позднее (в эпоху завоевания) именовавшееся «шамхалом». Кроме того, при управлении был глашатай мангуш и его помощник. Весь коллектив, по некоторым показаниям, доходил до 40 человек. В нем ясно выделялись руководящая верхушка и остальной состав.

б) Характер полномочий и сущность института чинé. Все рассказчики сходятся в том, что чинé были выборными. Избирались обычно на один год из людей, как говорят, «активных» и влиятельных. Некоторые, однако, утверждают, что срок полномочий избранных не ограничивался во времени; лишь по ходу обстоятельств одни могли выходить из управления, другие на основе новых выборов вступать.

Имеются еще такие варианты: 1) перевыборы (чине цибикýл) происходили ежегодно, но фактически у власти оставались те же люди; 2) для особенно авторитетных переизбрания не требовалось; они продолжали из года в год сохранять свои полномочия.

Ясно, что состав верхушки чинé был более или менее стабильным, а перевыборы, если таковые применялись, в известной мере сводились к формальности. «Главное значение при чинé принадлежало тем,— говорят старики,— кто оставался у них от прежних лет». Это старая традиция. Склонность же к годовым общим собраниям с отчетностью чинé перед обществом и фактическое переизбрание является скорее чертой более поздней.

Избрание происходило на крыше дома. Начало оповещалось звуком барабана. Выбирало все общество, вернее, его мужская половина.[36] Есть, однако, вариант, по которому выборщиками являлись батиртé. По некоторым рассказам, лица, входившие в состав чинé, вносили личный залог дихá, как это делалось при организации союза неженатых или при вхождении в группу батиртé. Залог во всех подобных случаях являлся известного рода знаком обета или гарантией строгого исполнения всех порядков своего коллектива. Нарушение влекло обычные меры — по-

---

[36] Вся процедура напоминала церемонии выступлений кубачинского «союза неженатых».

ломку залога и исключение, каковые акты (диха́-ва́кай — и туу́к-ва́кай) полностью совпадали с вышеприведенными экзекуциями гулала́-акубуко́н. Надо сказать, впрочем, что в отношении самих членов чине́ карательные меры являлись больше словом, нежели делом неписаного устава.

Функции чине́ были значительны и в основном оставались с течением времени неизменными. Это был орган, управлявший по нормам обычного права, ведавший и «внешними» и внутренними делами. В руках чине́ были исполнительная власть и военная организация. Кроме того, чинальская семерка являлась судом. Больше того, по некоторым свидетельствам, кубачинское чине́ управляло не только своим селением, но и рядом окрестных (Кала-Корейш, Сулевкент, Амузги, Шири, Цилибчи, Урахи, Урцали, Уркарах, Чиши, Харбук).

в) Бытовая сторона. Меры воздействия. Отношение к кровной мести. Группа чине́ имела особый общественный дом, так называемый чинала́-кал, т. е. «чинальский дом». Сведения о его местонахождении, давая ряд вариантов, в основном сходятся. Чинала́-кал находился в средней части селения, т. е. на территории Нижнего квартала, точнее, той его части, которая называется Ду́бшиля-куа́т. Это место как бы узел кубачинских историко-культурных памятников. Тут, на сравнительно небольшом пространстве мы находим джума-мечеть (монументальный памятник зодчества с надписью на деревянном минбаре, относящийся к XIV в.), может быть не всегда бывшую мечетью; наиболее древнее кубачинское кладбище; площадь Ха́нжиля, излюбленное место игр союза неженатых; развалины двух старинных строений, повидимому, дворцового типа, так называемое хоала́-кульбе́, т. е. «большие дома»; далее здание бывшей женской мечети; три крепостных башни и др. Интересно, что именно с этой частью селения старики связывают остатки христианских церквей, о которых свидетельствовали приезжавшие в с. Кубачи в 1782 г. моравские братья гернгутеры Грабш и Груль.[37] Ду́бшиля-куа́т оказывается главным источником нахождения в стенах домов старых резных камней—«албанских» рельефов, датируемых XII—XIII вв., и местом, где доживают свой век две последние меднолитейные мастерские, представляющие собой реликт, восходящий, как было показано выше, к традиции производства бронзовых котлов той же эпохи что и рельефы.

Ду́бшила-куа́т, если можно так выразиться, — самое сердце старой культуры с. Кубачи.

По одним преданиям, чинала̀-кал находился рядом с постройкой «хоала́-кульбе́»; по другим — развалины «хоала́-кульбе́», это и есть остатки здания чинала́-кал.[38] Так или иначе чине́ занимали крупное по размерам и похожее на дворец общественное строение, украшенное каменными рельефами. В этот дом не было свободного доступа. В нем имелись жилые комнаты, так как члены чине́, если не жили здесь постоянно, то

---

[37] По преданиям, именно из этих церквей взяты деревянные резные двери, находящиеся сейчас в Кала-Корейше, с изображением зверей и других фигур,— памятники того периода, когда кубачинцы еще не приняли ислама (см. рис. 2).

[38] Кубачинцы говорят, что первоначально упоминавшиеся рельефы украшали хоала-кульбе; потом, когда это здание разрушилось, попали в другие дома; в 1910—1912 гг. ряд камней был увезен во Францию (для антикварной фирмы Келекиан хана), другая часть в 1924 г. попала в Эрмитаж и Дагестанский музей. Ввиду того, что по преданиям в с. Кубачи было два рядом стоящих дворца с резными камнями, считаемых одними домом чине, другими резиденцией уцмия, можно только гадать — то ли княжеская постройка была занята чинальцами после вытеснения уцмия, то ли этот дворцовый комплекс в какой-то промежуток времени из дома чине стал местопребыванием уцмия.

иногда ночевали или временно проживали (рассказывают по-разному) конюшни, присутственная комната, небольшая мечеть, бассейн для омовения и помещение судилища, очень оригинально устроенное. Зал был темным. Лишь узкая полоса света падала сверху на большой камень. На камень сажали обвиняемого. Вдоль стен в темноте находились каменные скамьи, где располагались судьи. Подсудимый их не видел, а лишь слышал, а они его видели и допрашивали. Допрос вел один из членов чинé, иногда несколько, иногда все семеро.

Чиналá-кал в описанном виде — это, надо думать, эпоха кубачинского средневековья (XII—XIII вв.).

Следующий период (никакой определенной датировки я не имею) — это период упадка. Здание разрушилось, рельефы в разброску попали в кладку соседних домов. Чиналá-кал обосновался в другом месте, где-то близ почитаемой могилы шейха на краю селения в простом доме. В XVIII—XIX вв. он, повидимому, не имел прежней стабильности и переезжал с места на место.

Что касается более раннего времени (до «дворцовой» эпохи), то никакими данными о характере «дома чинé» той поры я пока не располагаю.

Очень интересны сведения о чинé историко-бытового характера, естественно эскизные, но в некотором роде воссоздающие обстановку.

Главой чинé становился обычно тот из семерых, кто первый находил виновного в чем-либо. В день своего назначения этот «чикалá-бикь» должен был поставить угощение для остальных членов, а именно половину барана, мерку орехов и 10 головок лука или чеснока.

Чиналá-бикь имел особый знак отличия — нанизанные в виде ожерелья бараньи хребтовые кости, которые он одевал в нужных случаях на плечо. Это ожерелье (очевидно как знак власти) он мог передавать «шамхалу», когда тот направлялся в дом осужденного в качестве ответственного исполнителя. В прочее время ожерелье висело на стене в комнате управления.

Члены чинé, по одним версиям, работали, как и все, и только раз в неделю собирались для суда и дел, по другим — они были материально обеспечены из общественных средств, имея местом своего пребывания чиналá-кал и пользуясь лошадьми, содержавшимися обществом.

По некоторым показаниям, их обычаи и распорядки совпадали с теми, которые соблюдали батиртé или чабкýнниже-бахантé (вплоть до того, что и чинé тоже должны быть молодые и неженатые и число их 40 человек). Официальные выступления чинé подчинялись ритуалу, подобному распорядкам союза неженатых. Одна из главных обязанностей — судебная; она обставлялась многими обрядами и соблюдением ряда обычаев.

Меры воздействия, которые суд чинé налагал на жителей, имели свою градацию. Вот примеры: а) Первое наказание, самое слабое, штраф, взимавшийся продуктами для хинкала (сушеной бараниной, мукой и порцией чеснока, равной 10 головкам) или готовым, так называемым «чинальским хинкалом» — чиналá коц (коц или хинкал — собственно, тесто, вареное в воде с вареным мясом и чесночной приправой; говорят, «чиналá бухузиб коц», т. е. «хинкал, похожий на чинальский», — тот, в котором много мяса). б) Второе по степени наказание — «коровий штраф», уже знакомый нам. в) Более тяжелое наказание — выселение из с. Кубачи. г) Самая сильная мера — сожжение дома, принадлежащего виновному, с последующим выселением его или даже лишением жизни.

Подчеркну, что воровство считалось таким же тяжким преступлением, как убийство. Если виновный отказывался прийти на суд или не

подчинялся судебному приговору (хотя бы и легкому), чинала́-кал посылал к нему до шести раз отряд хаванте́ и шамхала с последовательно усиливавшейся угрозой, выраженной символическими знаками и действиями. Иногда чинальцы выходили даже сами. На седьмой раз символика сменялась конкретными мерами — поломкой и сожжением дома.

Живую картину чинальского порядка передает рассказ о мерах в случае неподчинения виновного, записанный в с. Кубачи в 1924 г. Л. И. Жирковым по-кубачински. Привожу его в пересказе, любезно сообщенном мне Л. И. Жирковым.[39]

«Сто или сто пятьдесят лет тому назад чинала́-кал смотрел за всяким делом. Семь раз посылали (к виновному) шамхала. Второй раз посылали, сняв с него [40] бешмет. В третий раз посылали — заставляли надеть через плечо хребтовые кости. В четвертый раз — сняв рукава рубахи. В пятый раз (шамхал шел) израненный.[41] В шестой раз призывали жителей селения. В седьмой раз дым пускали [42] и заставляли исполнить решение и разрушали дом. Кто не подчинялся, накладывали штраф [43] — блюдо плова, в блюде пять сах риса, один ятал масла, наверх клали вареную кишку.[44]

Один такой оштрафованный сварил блюдо плова и отнес к ним. Они отнесли это блюдо плова в ирганскую башню,[45] положили, дверь закрыли и ушли в свое управление. Но они не видели, что там осталась кошка. Кошка с этого блюда кишку съела. Вот все 12 чине́ пришли кушать из этого блюда и кишку не нашли. Где кишка? Искали и поняли, что съела кошка. Стали думать, что с кошкой сделать. Вызвали эту кошку и приговорили сослать в Сибирь. Чинала́-кал был черный. Среди дома был камень. Его называли судебный камень. На камне сидел их старший, кругом сидели другие и судили. Кого вызывали на суд, того освещали сверху, так что он был судьям виден, а они ему не были видны. Судили и совещались. По их суду человекоубийца изгонялся по ту сторону реки, а если его встретят по эту сторону реки, то убивали. Пищей им служила только сушеная баранина. Ее клали в котел, прибавляя один сах муки, делали хинкал, толкли 10 головок чесноку и ели».[46]

К этому рассказу необходимы некоторые замечания, связанные с версиями, записанными мной в 1941 г.

Имеются еще три варианта о семикратном хождении к непокорному: а) Посылали три раза, причем в третий раз шамхала с хребтовыми костями сопровождали хаванте́ с топором, взятым для взлома запора, если дом окажется запертым. Посланные или добивались своего, или при сопротивлении со стороны виновного созывали жителей и ломали или сжигали дом, взбираясь на крышу. б) Посылали до четырех раз: первый раз шел мангуш и приглашал виновного в чинала́-кал. Если виновный передавал мангушу косу, он тем самым изъявлял покорность и согласие притти

---

[39] Из полевых материалов проф. Л. И. Жиркова (не опубликовано).

[40] Т. е. с шамхала.

[41] Не совсем ясно; можно предполагать, что в ряду нарастающих по силе угроз пятая посылка шамхала предварялась нанесением ему чинальцами фиктивной или действительной раны (с тем, чтобы данный знак был продемонстрирован перед глазами виновного).

[42] Речь идет о дымовом сигнале, который в важных случаях давал чинала́-кал и по которому все сходились.

[43] Большей частью малые провинности карались только штрафом.

[44] Сах — деревянная мерка для зерна, ятал — мера веса; вареная кишка — баранья колбаса домашнего приготовления, любимое кушание местных жителей.

[45] В средней части селения; по некоторым версиям, это была башня чабкунцев.

[46] Этим заканчивается пересказ вышеупомянутой неопубликованной записи Л. И. Жиркова.

на зов. В противном случае вызов повторялся. Во второй раз посланец приходил с расстегнутой рубахой. В третий раз снимал правый рукав рубахи, в четвертый и последний был без рубахи и имел на плече хребтовые бараньи кости. в) По делу об убийстве, в случае неподчинения, посылали до четырех раз. В последний раз при этом идут все члены и исполнители. Впереди их чинала́-бикь с расстегнутым воротом, обнаженной правой рукой, держащей топор, и ожерельем из хребтовых костей на шее. Чинала́-бикь первый забирается на крышу дома, где живет виновный, и бросает камень. Это знак, по которому все принимаются за разрушение дома. Дом сжигают, а виновного убивают.

Есть еще вариант, по которому в один из приходов к виновному «шамхал» несет конский череп (после того, как он уже являлся с хребтовыми костями). С этим вариантом интересно будет сопоставить рельефное изображение на одной каменной плите, случайно не попавшей до настоящего времени в музей и осмотренной мною в 1940 г. в одном из домов Нижнего квартала с. Кубачи. Рельеф имеет весьма архаичный вид и по характеру примыкает к кубачинской группе так называемых «албанских», наиболее старые экземпляры которой, как мы знаем, датируются XII—XIII вв. Прямоугольная поверхность плиты в правом верхнем углу имеет изображение человека, повидимому носящего рогатую маску, держащего в правой руке палку с головой животного (возможно, конской) и имеющего ступни ног в форме трехпалой когтистой лапы. Впереди этой фигуры изображение животного (коня), а впереди этого последнего — фигура другого человека, повидимому тоже в маске (но на этот раз не рогатой), с протянутой вперед правой рукой и с обувью на ногах, напоминающей кубачинские белые войлочные сапоги. Одежда названных двух мужских фигур — в талию с поясом и широкие шальвары. Остальное пространство поверхности камня заполнено изображением животных (олень, лань и др.). Рельеф был по моей просьбе зарисован одним молодым кубачинцем. Репродукцию с этой зарисовки, не вполне точной и элементарной, считаю возможным все же тут поместить на правах предварительного материала. Не является ли описанная сцена в правой части рельефа (рис. 76) отражением обрядового шествия чине́-батирте́?

По адатам чине́ убийство и кровная месть строжайше запрещены и влекут за собой строжайшую кару. «По их суду, — читали мы в приведенном пересказе, — человекоубийца изгонялся по ту сторону реки, а если его встречали по эту сторону, то убивали». За этой фазой вскрывается целая система. Дело в том, что убийц высылали из с. Кубачи в особые пункты (известный в Дагестане институт «канлы»). Осужденного на изгнание хватали подмышки и тащили на суд. Таким способом, после приговора, его тащили и на место ссылки. Ссылали (душманы́ таахáй — «высланный кровник») в селения Урцахи, Ашты, Сутбук, Баршли и другие (где будто бы и посейчас есть потомки кубачинских кровников) или поселяли близ с. Кубачи. Так, здесь, в 5 км от селения, над Сулевкентом, есть урочище Хупала́ ката́ со следами кладбища и строений. Некоторые считают это урочище старым местом ссылки кровников. Более известна так называемая «башня кровника», душмана́ кала или душмана́ ци, в окрестностях с. Кубачи, — на урочище, называемом Душма́н цийла бак, т. е. «углубление (место) башни кровников», где тоже есть остатки построек.

По другой версии, было две «башни виновников»: одна круглая (в направлении Сулевкента), другая четырехугольная (в направлении Амузги). Между ними река и гора. Расстояние от одной башни до другой около 4 км. Практиковалось поселение представителей двух кровно враждовавших родов в разных башнях. На этой небольшой и изолированной тер-

Рис. 76. Рельефные изображения на камне. Рисунок с натуры, сделанный в 1940 г. местным школьником. с. Кубачи.

ритории не возбранялось кровное убийство, если только при совершении его соблюдались установленные правила: житель круглой башни мог убить жителя четырехугольной (и наоборот) лишь тогда, когда тот (или другой) перешел со своего берега реки (разделявшей башни) на противоположный; родственники кровника могли быть убитыми лишь на горе (т. е. тоже на определенном участке между башнями).

Убийце, по решению чинé высланному из с. Кубачи, грозила смерть, если он переступал условную границу, за пределами коей не имел права появляться. Он становился находящимся вне закона. По адатам чинé первый встречный мог его убить. Фактически же его подстерегал, конечно, не первый встречный, а кровный враг, не упускавший удобного случая для расправы. Убийца, помимо того, что на него падали разрушение дома и ссылка, должен был уплатить пострадавшей фамилии цену крови «риӣт», — деньгами 300 рублей или соответственно натурой. Указанная цена передает практику, существовавшую не ближе XIX в., ибо за последнее столетие, или около того, случаев кровничества в с. Кубачи не было.

За ранение виновный тоже платил натурой или деньгами, сверх чего посылал пострадавшему особый подарок «на перевязку раны» — полтора метра легкой материи и два килограмма курдючного сала, дабы раненый мог сделать перевязку (это называлось агó чапá, что значит «жирная тряпка»). Срок ссылки по решению чинé рассказчики определяют от 3 до 15 лет. Относительно того, как высылают — с семьей или без нее, говорят по-разному. Во всяком случае, риӣт полагалось уплатить в три года (просрочившего могли убить). После уплаты ссылка большей частью оканчивалась. Виновный возвращался в с. Кубачи и ставил общественное угощение.

Описанная практика чинé в отношении кровной мести, несмотря на сходство с распространенным в Дагестане обычаем вывода канлы в другое селение, имеет ряд особенностей. Там, где у других горских обществ сохранны были даже в начале XX в. многочисленные обряды и установления (при помощи чего регулируются взаимоотношения враждующих родов), тут наблюдается почти полное забвение традиций. Далее, там кровная месть есть законное дело, совершающееся по адатам, общественно оправданное. Здесь институт чинé считает кровничество преступлением и применяет к нему меры пресечения (момент общественного осуждения выражен весьма ярко). Наконец, при чинальских порядках возможность кровомщения ограничивается и локализуется пределами участка кровнических башен, причем убийцам предоставляется своего рода экстерриториальность. Необходимо также отметить, что высылка кровников в другое селение (а эта мера иногда применялась) для кубачинца представляла собой (правда, может быть не во все эпохи) в сущности изгнание из пределов обитания своего народа.

Приведенные соображения и материалы ведут нас к тому заключению, что орган чинé (в традиции, передающейся современными рассказчиками, хронологически восходящей к средневековью) знаменовал для с. Кубачи стадию социально-экономического развития, более высокую, чем уровень развития многих других групп. Но наряду с тем в данном институте удивительным образом сохранились и чрезвычайно архаичные черты.

г) Столкновения чинé с жителями. Сообщу содержание двух небольших рассказов, посвященных реальным событиям начала XIX в.[47]

---

[47] Записано в с. Кубачи от Хаджи Расула Ирганова в 1940 г.

Два кубачинца, Мамадал и Мама (родные братья), «взбунтовались» против чине́. Дело дошло до вооруженного столкновения, при котором были ранены, с одной стороны, Мамадал, с другой, несколько человек из состава чине́. Через некоторое время чинальцы вылечились, раненый Мамадал умер, а Мама бежал в Сулевкент. Чинала́-кал послал к нему людей со словами: «мы здоровы, а ты иди хоронить брата». Беглец вернулся в с. Кубачи, но решил никому не показываться, пока не отомстит за брата. В конце концов ему удалось убить того чинальца, которого он считал виновником смерти брата. Тогда чине́ созвало все общество; пришли к дому Мама и принялись за разрушение и сожжение жилища убийцы. Мама, запершийся в доме, сопротивлялся до последней возможности. Он пробовал выскочить из пылающего дома и кричал: «Воды, воды», но был заколот кинжалами.

В этом рассказе момент мщения я склонен трактовать скорее как индивидуальный взрыв возмущения, направленный против чине́ (может быть, имеющий за собой какую-нибудь общественную подоплеку), нежели в качестве случая отражения неизжитой идеологии кровничества.

Второй рассказ относится к той же эпохе и раскрывает эпизод о столкновении чине́ с гулала́-аку-буко́н.

Чинала́-кал обвинил в чем-то одного из участников игры. Как только цикл закончился, парня вызвали и наложили на него штраф. Товарищи, узнав об этом, ударили в барабан тревоги. У них еще не остыло впечатление от вольностей «воробьиной беседы» и от тех привилегий, которыми пользовался союз неженатых во время только что кончившегося цикла. Они собрались и пошли на чинала́-кал. Члены чине́ заперли дверь. Бикельте́ забрались на крышу, проникли через дымоход в помещение и побили чинальцев.

Данный рассказ, как и предыдущий, отражает последний период существования чине́, когда авторитет этого органа стал слабеть. Не исключена возможность, что в столкновениях, подобных двум приведенным, имели место какие-то проявления классовой борьбы. Это тем более вероятно, что в рассказах, относящихся к последней поре деятельности чине́, встречаются упоминания о тяготах и поборах, претерпевавшихся жителями от властного управления чине́ и заставлявших иногда людей выселяться в другие селения (например, в Сулевкент).

Оценивая власть чине́, кубачинцы обычно говорят: «Тогда были строгие порядки».

Вспоминают о происшествии с одним сулевкентцем, укравшим кубачинскую корову. Его тащили, схватив за шею, в чинала́-кал. Здесь прорезали в дверях дыру, засунули туда руку похитителя, наложив и приколотив сверх того подкову, как колодку, и держали так до тех пор, пока не была внесена соответствующая уплата за ограбление.

д) Отношение к организации неженатых. Связь между чине́, с одной стороны, и институтами гулала́-аку-буко́н, батирте́ или чабку́ниже-баханте́, с другой, достаточно явственно проступает в сообщенных выше материалах. Для лишнего ее подкрепления сошлюсь на несколько небезынтересных замечаний (по затронутому вопросу) самих кубачинцев.

1) Наши батирте́ во всем подчинялись чинальцам. Барабанная тревога, раздававшаяся из дома чине́, — главный сигнал, равно как и дым. Чинальцы решали тогда, что делать, а богатыри или чабкунцы исполняли и отвечали за дело перед чине́. Да и сами члены чине́ иногда шли в порядке по-военному, как богатыри.

2) Гулала́-аку-буко́н у нас память о дисциплине и законах чине́. Женатые считались тогда недостойными, негодными для танцев, бега и войны.

3) Гулала́-аку-буко́н у нас «копия богатырей» (или чабкунцев).

4) Чинальцы заставляли нашу молодежь делать гулала́-аку-буко́н, особенно после перевыборов нового состава чинé. Если же в году были плохой урожай и неудачи в работе, чинала́-кал отменял игру. Случалось, парни уже кинжалы сняли, приходилось им брать их обратно. При царизме, когда управление чинé у нас кончилось, старшинам так не подчинялись.

Один из рассказчиков добавил: «помню, старшина в мечети уговаривал раз не делать гулала́-аку-буко́н, просил отцов удерживать сыновей,— его не послушались. Старшина донес русскому участковому начальнику. Тот махнул рукой: их, мол, деньги, их дело, только, чтобы не было оружия и драки».

Чтобы показать, что наши сведения по старым общественным институтам с. Кубачи (включая сюда и цикл гулала́-аку-буко́н) соответствуют той самой местной кубачинской устной традиции, следы которой попали, как становится ясным, в сочинения европейских авторов XVIII и первой половины XIX в., укажем на свидетельства некоторых авторов.

Из наказаний, применявшихся в с. Кубачи, на систему штрафов указывает Бракель [22, стр. 159—165], на уничтожение утвари, поломку дома, смерть — Клапрот [46, стр. 126—134], изгнание — Рейнеггс [74, стр. 107—110]. Об общей казне, находившейся в распоряжении старшин, свидетельствуют Рейнеггс [74] и косвенно Гербер [28, стр. 1—5].

Эти отдельные разрозненные черты в наших комплексах, как было видно, занимают определенные места.

Таковы материалы о батиртé, чабку́ниже-бахантé и чинé.

В них, как и в цикле неженатых, при наличии многих наслоений, вскрываются черты ранних стадий общественного развития, относящихся к периоду перехода от матриархата к патриархату, периоду, для которого характерно существование так называемых мужских союзов и тайных обществ.

ПЕРЕЖИТКИ МАТРИАРХАТА

Прежде чем суммировать на основе изложенных материалов эти элементы, я постараюсь показать, что и самый матриархат в кое-каких пережитках нащупывается в комплексе кубачинской культуры и по фольклору, и по литературным источникам, и по собранным в с. Кубачи этнографическим сведениям.

В бытность свою в с. Кубачи в 1925 г. я обратил внимание на казавшиеся очень устойчивыми чисто мусульманские порядки в быту женщин. Помню встречи на узких кубачинских улицах с женщинами. В определенное время, когда надо поить скотину, они обычно шли гуськом к бассейну, надев, как шапку, на голову большие медные миски. Как бы ни была велика их вереница, при встрече со мной вся она, словно по команде, мгновенно и молча перестраивалась: представительницы прекрасного пола повертывались спиной и ждали, пока я пройду, уткнувшись лбом в стену. Это был «хороший тон».

Однако через несколько лет в кубачинском быту подобных правил и обычаев осталось очень мало. При прочих равных условиях (в отношении установок, пропаганды и т. п.) женский вопрос разрешился тут легче, чем в некоторых других местах Кавказа. Нетрудно было отказаться от того, что подчас не имело особенно глубоких корней. Сказанным мы не отрицаем, конечно, решающего воздействия новых, т. е. советских, условий жизни.

Как справедливо указал М. О. Косвен [53, стр. 216—218], исследователи при оценке положения женщин у народов Кавказа часто упускают из вида более глубокий анализ фактов и не рассматривают всей сложности

обстановки, имеющей отличительные особенности в отдельных конкретных случаях.

Поверхностный взгляд на кубачинский женский дореволюционный быт в прошлом может повлечь определения, диаметрально противоположные («женщина свободна», «женщина закрепощена и бесправна»), но, в сущности, одинаково неверные и односторонние, несмотря на то, что в каждом из них есть доля правды.

Замкнутость семейной жизни, главенство мужа, бытовые ограничения общественной активности женщин и другие аналогичные признаки, конечно, существовали до недавнего времени у кубачинцев. Тем не менее даже их нельзя без разбора сводить лишь к нормам ислама. В том-то и суть, что рядом с ними, одновременно с одним пучком явлений, существуют и действуют другие, исходящие из других источников и отражающие другие исторически сложившиеся слои.

Если с этой точки зрения посмотреть на быт кубачинки, — откроется картина, более цельная и верная.

а) Общий фон некоторых специфических, чрезвычайно интересных сторон быта женщин с. Кубачи прекрасно иллюстрируют три женские песни, записанные на месте в 1924 г. Л. И. Жирковым [39, стр. 255—281] (тексты этих песен в русском переводе мы приводим в Приложении 3).

Характерной чертой упомянутых песен является то обстоятельство, что женщины, впервые их пропевшие, рассказывали в них о событиях своей жизни.

Первая песнь, сочиненная в начале XX в. кубачинкой по случаю полученного ею развода, воспевает обретенную свободу и независимость.

Во второй песне, составленной девушкой из Нижнего квартала Кубачи в 80-х годах XIX в., юмористически осмеивается нелюбимый жених, сосватанный родителями в порядке «люлечного обручения».

В третьей песне, сочиненной в 50—60-х годах XIX в. готовившейся выйти замуж вдовой из Нижнего квартала Кубачи, звучат мотивы, сближающиеся, как и некоторые мотивы первой песни, с обычаем гетеризма вдов, о котором свидетельствует в отношении кубачинского быта XVIII в. Яков Рейнеггс, о чем мы еще скажем несколько ниже.

Облик женщин и девушек, обрисовываемый приведенным материалом, а также сообщаемыми Л. И. Жирковым биографическими данными, относящимися к героиням и в то же время составительницам этих песен, обладает чрезвычайно примечательными чертами. Мы видим женщин и девушек отнюдь не приниженных, а смелых и насмешливых. К ним вполне применимо замечание Х. Д. Френа, что в с. Кубачи «женщины участвуют в увеселениях мужчин».

Мои личные наблюдения быта некоторых женщин и девушек в 1925 г. также не расходятся с сообщенными материалами. Женщины и девушки с. Кубачи деятельны и вовсе не бессловесные члены семейной жизни. Многоженство — явление мало распространенное. Мне известен был всего один случай, когда кубачинец (бывший скупщик и торговец) при старой жене взял молодую. Когда-то кубачинки принимали участие в златокузнечной и оружейной работе своих отцов, мужей и братьев (о чем имеется упоминание у Абу Хамид Андалузи). На групповых гуляниях на старых урочищах, относящихся к обычаям, восходящим к каким-то обрядам доисламской поры, женская половина с. Кубачи веселится совместно с мужской.

Свобода женщины, хотя и своеобразная, в с. Кубачи не представляется явлением вторичным. Оно традиционно. Городские влияния в гущу кубачинского быта, особенно женского, почти не проникали. Женщины до революции из с. Кубачи не выезжали. Существовал адат,

по которому женщина, переступившая за пределы кубачинской территории, каралась штрафом, равным (по таксам середины XIX в.) 60-ти копейкам. Этот порядок был упразднен генералом А. Комаровым в начале 70-х годов XIX в.

Как мы уже указывали, не было выдачи замуж в другие селения. Мужчины, хоть и много раз езжали даже по дальним странам, строго держались старых кубачинских обычаев и порядков, являясь их надежными и стойкими блюстителями. Рейнегтс пишет: «это племя не смешивается с другими через браки. Большая степень любви кубачинцев к родине заставляет их после продолжительного или частого отсутствия отправляться обратно к своему племени и более не уходить, но принимать участие в общественных делах, которых требует строй племени» [74].

б) Другой момент, на который необходимо обратить внимание,— это довольно часто встречающееся обыкновение образовывать фамилию не по имени отца,[48] а по имени матери. Такое именование употребительно в упомянутых песнях. В том, что оно не случайно и не единично, я убедился, записав еще ряд подобных.[49] На вопрос о причинах кубачинцы обычно отвечали: мать была более известна, чем отец. Не говоря уже о том, что неединичные именования по матери обнаруживают заметный удельный вес кубачинской женщины в общественной жизни, мы усматриваем в них нечто более специфическое, пережиточное, пригодное для отбора признаков, нас сейчас интересующих.

в) Третье, что достойно внимания в тех же целях, одна особенность мусульманского обихода кубачинцев (о ней в 1881 г. на V Археологическом съезде сообщал, между прочим, А. Уваров), выражающаяся в существовании здесь раньше женской мечети и женской духовной школы с преподавательницами. Женская мечеть (Хунала́-мечеть) функционировала в с. Кубачи до революции. Она находилась в старинном здании [13, стр. 25—34], в средней части селения. По преданиям, сперва упомянутое здание было христианской церковью, потом женской мечетью. Сейчас оно используется под жилища, но продолжает носить старое название Хунала́-мечеть.

Таким образом, этот реальный факт — довольно редкостный, но все же встречающийся у некоторых народов Нагорного Дагестана в качестве старой традиции (например, в селениях аварского общества Гидатль, в даргинском селении Гапшима и в некоторых других местах). По словам академика В. А. Гордлевского, в Турции и в других сопредельных странах женских мечетей не было. Что касается женской духовной школы в с. Кубачи, то память о ней слабее, а вещественные следы пока не отысканы.

г) Далее в нашем перечне идет очень примечательный кубачинский обычай, относящийся к существованию особых женских сообществ (носящих следы возрастных делений, что, между прочим, известно и среди других горцев Дагестана), менее развитых, чем описанные мужские, но все же достаточно заметных и даже пережиточно в какой-то мере помнящихся до настоящего времени. Сведения о них были записаны в с. Кубачи в 1940 г. Девочки и девушки (от 12—13 лет до замужества) делятся на группы по возрасту (собираемые не обязательно и не из всех, а лишь из желающих). Каждая группа (по 10—20 человек и больше) сходится в каком-нибудь определенном доме. Обычно хозяева на время предоставляют комнату бесплатно. Место сборища называется юсбала́-кал, т. е. «девушек дом». Таких девичьих домов в с. Кубачи 3—4. Мужская

---

[48] Собственно, то, что у нас соответствует отчеству; кубачинцы обыкновенно употребляют в качестве фамилии имя отца.

[49] Например, два брата Нина Абдулах и Нина Хаджи Мухаммед.

молодежь гуляет около девичьих домов, но заходить внутрь не имеет права. Считается, что это стыдно. Девушки, собирающиеся в юсбала́-кал, обычно играют большую роль на свадьбах. Они требуют от жениха подарков, поют и танцуют. Собрания сообщества девушек в девичьем доме могут происходить круглый год. Зимой они устраиваются реже. Весной посетительницы девичьего дома, обычно по пятницам, любят выходить на гулянья в горы. В юсбала́-кал каждая приносит с собой какое-нибудь угощенье (в готовом виде или продуктами, из которых тут же готовят). Время проводят в развлечениях (угощаются, поют, танцуют под пение, ударяя в ладоши) и в работе (вышивают, вяжут, шьют и т. п.). Сборы бывают утром, потом расходятся по домам на обед, потом собираются снова. По вечерам не сидят.

Подобными группами собираются также замужние женщины. Их дом носит название хунала́-кал, т. е. «женщин дом». Один имеется в самом селении, другой (в развалинах) в окрестностях. Этот последний также носит название хунала́-нах, т. е. «женское убежище».[50]

Здесь происходили женские сборища под открытым небом в хорошую погоду. В таких случаях на танцы приходили мужчины.

Старушечьи сообщества естественно приняли форму мусульманского религиозного обряда. Это так называемые «понедельничные поминальные собрания». Тем не менее происходят они на старых урочищах, безусловно связанных со слоем доисламских обрядов и почитаемых мест. Мы зафиксировали четыре урочища, куда для поминовения умерших ходят группы старух: Абси́гнала-диха́, т. е. «площадка трех столбов», Майда́н-шакле́, т. е. «майдан с выемкой», Гамадара́-шумагу́, т. е. «место Гамады под горой», Во́ча-ди́хала, т. е. «площадка Воча».[51] Существует особый старушечий жезл «итнила́ хунала́ муцата́», т. е. «понедельничная женская прялка», — это и на самом деле обычная кубачинская прялка, но без каменного постамента и с заостренным концом; ее на урочищах, где происходили моления, старухи втыкали в землю с тем, чтобы в перерывах между молитвами прясть. Глубоко пережиточный момент, тут выходящий из рамок ислама, достаточно ясен.

д) Пятый элемент, который необходимо поименовать особо, связан с уже упоминавшимся любопытнейшим показанием Я. Рейнеггса о вдовах, которое можно было бы счесть за фантазию, если бы оно не подкреплялось данными кубачинского фольклора. Имеется в виду песня, записанная в Кубачи в 1924 г. Л. И. Жирковым, составленная в начале XX в. кубачинцем по имени Шамхал. Вторая половина этой песни является как бы иллюстрацией к рассказу Я. Рейнеггса (из анотации к Я. Рейнеггсу см. ниже, стр. 219; упомянутая песня в русском переводе—в Приложении 3).

е) Шестой и последний пункт косвенно относится к Кубачи, но несомненно дает материал, связанный с именно кубачинским комплексом. Дело в том, что в селении Ашти, по преданиям, как мы знаем, населенном

---

[50] Нах — собственно небольшая саклеобразная, никогда не запирающаяся постройка где-нибудь в горах, на урочищах или местах гуляния; она служит для случайного ночлега, отдыха, укрытия от дождя и используется большей частью пастухами и прохожими.

[51] Некоторые урочища названы по именам собственным. Что касается урочища Абси́гнала-диха́, то это площадка на вершине горы против с. Кубачи с каменными столбиками, служившими для определения времен года, отсюда и ее наименование «площадка трех столбов». Подобные солнечные календари были в употреблении у многих народов Дагестана. А. Омаров, на которого мы ссылались выше, сообщает: «На вершинах, окружающих аул, из-за которых восходило солнце и за которыми скрывалось, были сделаны каменные столбы для обозначения времен года; смотря по тому, около которого столба солнце восходило или заходило, старики определяли начало каждого из четырех времен года» [63, т. III, стр. 12].

когда-то кубачинцами, а также в селениях Ицари, Сутбук, Дзилебки, Урцахи и Уркарах, находящихся недалеко от с. Кубачи, до сравнительно недавнего времени существовал обычай пленения постороннего мужчины женщинами, работающими в поле, если этот посторонний случайно там окажется. Пленный должен был платить выкуп, и тогда его отпускали.

Интересный вариант данного обычая, существовавший в 60-х годах XIX в. в «магалах Тау горного Кайтага», т. е. на территории кубачино-даргинского нагорья, передает П. Петухов [70], который пишет: «мужчина, по несчастью встретившийся с толпой женщин и девушек, делается их жертвой: его обезоруживают, принуждают танцовать, прыгать, исполнять все их капризы; достаточно натешившись, они отпускают свою жертву при громком хохоте и остротах. Это случается особенно в тех случаях, когда женщины выходят из аула для сбора моха и особой травы на брачные подушки и тюфяки новобрачным».

Помимо того соображения (по линии сближений), что «аштинское» могло быть когда-то «кубачинским» (в смысле, что аштинцы суть кубачинцы), я хочу напомнить об энергичной повадке Айши (автора второй из упоминавшихся песен), погнавшейся за обидевшими ее парнями с угрозой, весьма похожей на приемы аштинок (см. Прилож. 3, стр. 206). Очень возможно, что наша героиня не импровизировала, а в порыве гнева ухватилась за переживание, не совсем забытое ее средой и являющееся осколком того, что более цельно удержалось в с. Ашты и других аулах нагорья.

Изложенные материалы позволяют говорить о довольно заметных пережитках матриархата у кубачинцев. Напомню, что следы материнского права, как указал М. О. Косвен, по адатам ясно прослеживаются именно у даргинцев, т. е. народа, со всех сторон окружающего с. Кубачи и имеющего в культуре и быте много сходства с кубачинцами.

Перед нами, следовательно, явление довольно широкого охвата, в данном случае покрывающее территорию кубачино-даргинского нагорья.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ У КУБАЧИНЦЕВ

Теперь снова вернемся к мужским организациям. Те древние элементы (пережитки мужских союзов), которые в них имеются и которые, следовательно, отражают период распада и вытеснения материнского права, сводятся в основном к следующему (если не бояться некоторой схематизации и выведения за скобки).

а) Просмотренные общественные институты, начиная от батиртé и кончая игрой союза неженатых, являются подобием власти мужчин, для коллектива которых состояние неженатости является большею частью существенным признаком. Мужские группы противопоставляют себя женщинам. Эти последние не имеют права входить в мужские дома и башни или разговаривать в присутствии других с холостыми. Мать не смеет общаться с сыном.

б) Вместе с тем [если сюда же отнести ночную привилегию юношей (Рейнеггс), образ парней с чугурами, ищущих красавицу вдову (песнь Шамхала), или смысл вольных действий масок, во время шахской пантомимы похищающих женщин] выясняется положение, по которому когда-то холостые (под покровом тайны или пользуясь силой) могли пользоваться половым общением с женщинами, как неким узаконенным преимуществом.

в) Запреты, доля таинственности и тайны, а также обрядовые действия и четкий ритуал общественных выступлений мужских организаций суть

меры ограждения и усиления авторитета той или иной группы (будет ли то группа батиртé или чинé, или шуточное сообщество холостых парней) в целях достижения некоторых социальных и материальных преимуществ.

г) Непосвященные (это особенно проявляется в уставе «игры» неженатых) с легкостью подвергаются штрафам и взысканиям. Они же обычно приносят посвященным дары в виде угощения.

д) Для включения в мужские организации с. Кубачи требуется членский взнос или внесение залога, или и то, и другое. Удельный вес лиц, давших большие взносы (как туманá-халéлей), соответственно повышается. Во внутреннем устройстве коллективов наблюдаются ранги и иерархические ступени.

е) Лица, вновь вступающие в группу, проходят известный искус и физическое воспитание.

ж) К важным функциям охарактеризованных мужских организаций относятся военное дело (оборона, наступление, сторожевая служба), охрана имущества (квалификация воровства как тяжкого преступления), судопроизводство, организация, так сказать, публичной власти с вытекающими отсюда последствиями (в смысле руководства, управления, вынесения решений и т. п.).

Таков слой архаики. Не останавливаясь подробно на других, существующих наряду с ним последующих пластах, попробуем наметить известную историческую перспективу процесса формирования социального строя кубачинцев.

В наиболее полном виде позднейшие пласты донес до нас цикл гулалá-аку-букóн (являясь, по существу, фактом вторичным), в наименьшей степени — стадия, соответствующая форме батиртé, и, я бы сказал, в средней мере — управление чинé.

Чинé, как мне кажется, — первоначально головка мужского союза в его поздней формации, состоявшая из стариков или зрелых людей, управлявших молодыми. С течением времени эта верхушка оторвалась от всего ядра и стала жить отдельно. Остальной же коллектив мало-помалу превратился в военное ополчение, защищавшее кубачинцев от соседских нападений и вторжений извне, которые в течение веков неоднократно угрожали населению Дагестана. Потом и ополчение распалось. Сохранилось одно управление — чиналá-кал. Конец XVIII в. с появлением русских внес в с. Кубачи столь серьезные изменения, что местные формы общественного устройства всего через несколько десятков лет полностью исчезли.

Вслед за распадом матриархата кубачинское общество перешло на ступень преобладания и затем господства патриархального быта. Пережитки этого последнего прослеживаются с большей легкостью, чем остатки материнского права. Их, что называется, не надо так выцеживать, как это приходилось делать в отношении фиксации остатков предыдущей ступени. Однако по сравнению с многими другими народами Кавказа кубачинцы тут бедны. Они не развернут перед вами богатой картины адатов кровничества (у некоторых групп горцев чрезвычайно сложных, развитых и подробных), не поразят (как иные народы того же Дагестана) обилием бытовых особенностей и традиций, отражающих черты родовой идеологии.[52] Вот какие элементы все же остаются у кубачинцев более видными:

1) Память об отцовском роде. Род — джинс или тайпа. Браки между джинсами заключаются без ограничений.

---

[52] В домашнем обиходе, свадьбе, родильных и похоронных обрядах и т. д.

2) Знание основных адатов кровной мести и ряд воспоминаний о ней (душмана́-кал, примирение, цена крови и др.).

3) Сохранность фамильных участков на кладбищах. Умерших хоронят обычно не на ближнем из шести кубачинских кладбищ, а на своем родовом, хотя бы оно отстояло далеко.

4) Оценка отдельных фамилий в качестве первостепенных, второстепенных и т. д., что учитывается при заключении браков.

5) Сохранность фамильных прозвищ (при наличии повседневного наименования не по фамилии, а вместо нее по отчеству), среди которых такие: волк — виц, барсук — туж, лисица — курта́, козленок — гида́, нехолощеный баран — шам, кукушка — кваква, селезенка — кац, шайтан, уполовник — куцу́л, каменная голова — какабйкь и др.

6) Хранение фамилиями обычая ставить в определенных местах селения особые каменные плиты в память мужчин (членов фамилии), умерших и погребенных вне с. Кубачи. Такие плиты (вертикальные доски с резной орнаментацией и надписями) можно видеть, например, на краю главной площади с. Кубачи (у места с камнями для сидения, где обычно собираются мужчины для бесед), а также вдоль переулка, идущего мимо кладбища Верхнего квартала, и в других местах.

7) Соблюдение специального обряда после погребения мужчины, о чем сообщает Рейнеггс и что мне самому удалось наблюдать в с. Кубачи в 1925 г. В доме умершего в течение нескольких дней происходят собрания родных, считающиеся «веселыми», с угощением и восхвалением качеств покойного. При похоронах женщин этого не бывает. Обряд, повидимому, — далекий пережиток родового культа почитания умерших с первоначальными моментами ублаготворения мертвых.

8) Сохранность обычая гостеприимства (институт «кунáчества», почитания гостя). Об одном из внешних проявлений обычая упоминает академик Б. А. Дорн (1861 г.): «16 мая мы прибыли в Кубачи и остановились в доме Хасан Шабайниа Мухаммед-оглы. По местному обычаю в знак гостеприимства в камине нашей комнаты постоянно пылал огонь, несмотря на жару и духоту» (33, стр. 31—34].

О строгом соблюдении обычаев гостеприимства и куначества свидетельствует автор начала XVII в. Амин Ахмед Раза, который пишет про кубачинцев: «Они чрезвычайно чтят дружбу. Их чрезмерная дружба доходит до того, что, если кто-либо был принят одним домом и потом через десять лет снова попал в ту же область и поселился в другом доме, между владельцами этих домов из-за приема гостя дело доходит до ссор и убийств» [37].

Если эпоха распада материнского рода у предков современных кубачинцев не поддается датировке, то период разложения патриархального строя можно с большей или меньшей вероятностью определить. Исходный момент связан с развитием в Дагестане феодализма, что несколько предшествует распространению в VII—VIII вв. нашей эры на территории Восточного Кавказа арабской экспансии. Арабы усилили и укрепили процесс феодализации дагестанских обществ. К этому периоду относится водворение в Кайтаке (куда входит и область с. Кубачи) их ставленников, от которых возводили свой род кайтагские владетельные князья, носившие титул уцмиев. Первый поставленный арабами местный владетель обосновался в еще не совсем освоенной стране в Кала-Корейше рядом с с. Кубачи. Это была, как сообщает Мухаммед Рафи (XVII в.), крепость, что, может быть, связывалось с непокорностью арабам кубачинцев. Абу Хамид Андалузи передает легенду о паническом бегстве арабского войска при неудачной попытке покорить «сирайкаранов», напустивших колдовство на арабов, — снег и холод.

Так или иначе отстаивать свою независимость кубачинцам в арабскую эпоху (вместо прежнего сопротивления сравнительно отдаленному хунзахскому нуцалу)[53] теперь приходилось в борьбе с владетельным центром, территориально к ним придвинувшимся вплотную.

Отсюда оформление тянущихся через многие века, своеобразных и напряженных взаимоотношений между кубачинцами и кайтакскими уцмиями, закончившихся лишь в начале XIX в. с упразднением уцмийства и введением Ермоловым русской администрации.

Можно, следовательно, считать, что по крайней мере с VIII в. нашей эры кубачинцы более тесно попадают в орбиту все развивающихся в горах Кайтака феодальных порядков, под воздействием чего совершается дальнейший ход их общественного развития.

Встает общий вопрос, не разрешенный окончательно в кавказской этнографии: что такое вольное горское общество, каков его социальный слой, как шел процесс феодализации.

Наиболее ранний автор, упоминающий о независимости зирехгеранов вследствие недоступности их горной страны,— Масуди (X в.). Вольным обществом считает их Андалузи (XII в.). Эти сведения далее повторяют Казвини (XIII в.) и Бакуви (XV в.). Европейские авторы XVIII в., писавшие о Кавказе, дают с. Кубачи аналогичную характеристику, таковы: Гербер (1728 г.), Рейнеггс (1779 г.) и в сущности Потоцкий (1797 г.).

О независимости с. Кубачи и в то же время об известных отношениях этого общества к феодальным владетелям Дагестана имеется интересное показание некоего муллы Магомеда из Кубачи на допросе в лагере Петра I от 12 сентября 1722 г.: «Родился в деревне Зирехкерана, в которой живут вольные люди и никто той деревней не владеет, а помогают де они во время нужды усмию и шамхалу и также и иным горским народам» (ГАФКЭ, фонд Коллегии иностранных дел, сношения России с Персией, дело № 24, 1722 г., 375).[54]

Яркое показание об упорстве в защите независимости находим у Неверовского, который подчеркивает, что кубачинцы «не были никем покорены в полном смысле этого слова» [60].

Таковы сведения, сообщающие о независимости кубачинцев. Но существуют другие, относящиеся к тому же времени и говорящие о фактах другого характера: по Белазори (IX в.), зирехгераны — данники сасанида Ануширвана (события VI в.) и потом арабов (события с VII в.); уплату ими дани арабам подтверждают дагестанские источники Дербент Наме и Мухаммед Рафи; биограф Тимура говорит об изъявлении зирехгеранами покорности завоевателю в 1396 г.[55] Известный азербайджанский историк первой половины XIX в., А. К. Бакиханов, указывает, что в XV—XVI вв. шамхал тарковский взимал с кубачинцев ежегодно в качестве подати определенное количество огнестрельного оружия [11, стр. 53].

Факт зависимости кубачинцев от уцмия подтверждается исторически и хорошо знаком путешественникам И. Гюльденштедту (1770—1773 гг.), Грабш и Грулю (1781 г.) и другим.

К сожалению, данных о том, как именно в разные эпохи сочеталась самостоятельность кубачинцев с их подчиненностью тому или иному го-

---

[53] Один из наиболее сильных феодалов дагестанского средневековья, аварский князь, сидевший в Хунзахе.

[54] Документ приведен в докторской диссертации Р. М. Магомедова «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII в. и начале XIX в.».

[55] «Обитатели Зирехгерана,— говорит биограф Тимура Сегерефуддин Али Езда,— искусные делатели кольчуг явились перед императором предложить ему свою покорность» [67].

сударству, народу или князю,[56] очень мало (даже в отношении поздних периодов). В общих чертах, но все же лучше, освещен уцмийский период (зависимость была не непрерывная, но в целом, как известно, захватывала большой отрезок времени от средних веков до XIX в.). На его протяжении можно фиксировать (не всегда, может быть, одновременно) существование следующих признаков кубачинской зависимости:

1) Ежегодная поставка уцмию известного количества конных воинов.

2) Уплата за провоз товаров и проезд через владения уцмия.

3) Уплата за пользование уцмийскими пастбищными участками.

4) Натуральная повинность (очевидно, готовыми изделиями, главным образом оружием).

5) Оказание уцмию «уважния» (дарение ему подарков) и т. п.

6) Известная подчиненность (иногда слабая) уцмию при решении дел, касавшихся взаимоотношений между обществом Кубачи и другими обществами.

7) Признание за уцмием прав «внешнеполитических».[57]

В остальном общество Кубачи сохраняло вольность. Его внутреннее управление всегда оставалось самостоятельным, вплоть до наличия в лучшие времена своей военной организации, представлявшей внушительную силу.

Что же представлял собой социальный слой кубачинского общества, находившегося на стадии далеко зашедшего процесса разложения первобытно-общинных отношений?

Как и в других вольных обществах Дагестана, жители в 1-й половине XIX в. делились на свободных (номинально равных по правам) и рабов (из пленных). Особо скажем о тех и других.

Среди свободных выделилась (по качеству фамилий, богатству и влиятельности) небольшая группа, представители которой («старшины», как их обычно называют) имели в руках власть. Это знакомый нам институт чине́. В позднейшую эпоху (XVII—XVIII вв.) он уже утратил, или почти утратил, черты родовой организациии (коллектива старших представителей лучших и знатных родов). Становится ясным, что именно к нему относятся варьирующие показания разных ранних авторов, относящиеся к XVIII в. и первой половине XIX в. Гербер [28, стр. 1—5] говорит о 12 старшинах, избираемых ежегодно; Рейнеггс [74, стр. 107—110]—о пожизненных старшинах; Грабш [73, стр. 106—113; 23, стр. 318—328]—о выборных советах 24 человек, возглавляемых 4 старшинами; Бракель [22, стр. 159—165]—о десяти наследственных старшинах, выбиравших из 25 кубачинских «племен» (очевидно, родов или фамилий) 25 судей; Гамба [26, стр. 369—372]—об избранном правителе, «монархе» с ограниченной властью (без взимания податей и без права самостоятельно воевать без одобрения общества); Зубов [40, стр. 254—255]—о наследственной группе из «старшинских» родов; Броневский [23, стр. 318—328]—о четырех ежегодно сменявшихся старшинах; Евецкий [38, стр. 231]—о выборных старшинах с ограниченной властью.

Отсутствие единства в этих свидетельствах объясняется не столько их разновременностью, сколько тем, что не все пишущие лично были в с. Кубачи и не всегда пользовались проверенными сведениями.

Однако можно наметить основную линию, материалы привести к известному единству. На основе сличения свидетельств по ним устанавливаем следующее:

---

[56] Сасанидским царям, арабам, туркам, монголам, иранским шахам, местным князьям — нуцалу, уцмию, шамхалу тарковскому, хану казикумухскому.

[57] На этом основании, например, уцмий присягнул со своими владениями (в том числе с с. Кубачи) на подданство России в первой четверти XVIII в.

а) В управлении прощупывается наличие возглавляющей верхушки из 4—10—12 человек (по нашим материалам, это члены чинé) и «совета» или «судей», 24—25 человек (по нашим материалам, это остальной, так сказать, чинальский корпус, той же примерно численности).

б) Получение старшинских полномочий происходит преимущественно путем выборов.[58] О ежегодной смене управителей (старшин) свидетельствует документ 1718 г. (запись в журнале Лопухина, посланного из Шемахи в Москву), где читаем: «В горах есть один город, именуемый Кубачи. Жители в нем все люди мастеровые, торговые и ни с кем ссоры не имеют и они никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братии имеют погодно. Ремесло у них такое — делают много хорошего оружия мелкого и пушки льют. Они же имеют у себя немалое довольство шерсти, из которой сукна делают сами и по их мастерству нехудо делают» (ГАФКЭ, Фонд Коллегии внутренних дел, сношения России с Персией, 1718 г., дело № 1, лист 28).[59] В показаниях Рейнеггса [74][60] о пожизненной власти старшин отражена, очевидно, тенденция отмены ежегодного избрания или превращения его в номинальные перевыборы;[61] утверждение Бракеля о наследственной власти старшин и Зубова [40][62] о «старшинских родах» если не след пережитка, то, может быть, вторичное явление, отражающее факт более основательного закрепления власти за определенными кругами.

в) Единичные указания Гамбы (источник мало достоверный) о выборном монархе — плод недоразумения.

Необходимо обратить внимание еще на одну сторону — Рейнеггс, Потоцкий (по Грабшу), Броневский (по Герберу) и сам Гербер в характеристике власти кубачинских старшин подчеркивают ее демократический характер. Первый [74] пишет, что кубачинцы, попавшие на чужбину, возвращаются домой и уже больше не отлучаются, а принимают участие в общественных делах, как того требует «строй их племени». Потоцкий [73, стр. 107—110] приводит показание Грабша, по которому каждый отец семейства имеет свой черед в «совете», куда попадает по выборам. Наконец, Броневский [23, стр. 318—328] сообщает, что «старшины переменяются так, что в сей должности со временем все хозяева участвовать могут», заимствуя это показание, очевидно, из сведений, приводимых Гербером.

Сведения эти чрезвычайно интересны. К сожалению, в моих этнографических матералах по этому вопросу данных нет (возможно, случайный пробел, который пополнится при дальнейших сборах). Повидимому, такой демократизм с точки зрения реальной практики — в значительной степени лишь декларация, корни которой, тем не менее, могут вести к далекому прошлому.

В ходе многовековой борьбы кубачинцев с уцмием и другими князьями и отстаивании независимости при постоянном соприкосновении с очагами более или менее развитого феодализма, кубачинское общество само подвергалось воздействию в духе феодализации. Но этот процесс шел очень медленно и не интенсивно. Взаимоотношения между богатым и крепким обществом златокузнецов и торговцев с соседними князьями

---

[58] Ср. с нашими материалами о чинé.

[59] Документ приведен в названной работе Расула Магомедова. Показание Лопухина о сукнах ср. с нашими данными (стр. 30—31).

[60] Подтверждение некоторых данных Рейнеггса проверенными этнографическими материалами, собранными нами на месте, заставляет считать ряд показаний этого автора материалом, заслуживающим доверия.

[61] Сравни с нашими материалами о чинé.

[62] П. Зубов был на Кавказе и использовал личные наблюдения.

(вплоть до конца XVIII, начала XIX вв.) хочется уподобить тем взаимоотношениям, которые существовали в средние века в Западной Европе между сильными городским общинами (вольными городами, иногда республиками), с одной стороны, и миром владетелей, крупных феодалов и отдельных государей — с другой. У старшинской верхушки (чинé) выработалась особая тактика, которой она пользовалась в сношениях с князьями. В одних случаях это прямая смычка, в других — сопротивление (поддерживаемое массами), в третьих — политика нейтралитета. Об этой последней выразительно упоминает Рейнеггс. Кубачинцы воздерживались от агрессий и грабежей, а при стычках соседей друг с другом, как правило, уклонялись от всяких вмешательств, чем создали себе своеобразную репутацию и авторитет.

Наличие смычки отлично иллюстрируется тем особенным положением с. Кубачи в феодальном мире Нагорного Дагестана, которое не могло бы существовать вне укрепившихся связей и доверия, питаемого князьями к кубачинским старшинам. Дело в том, что, по данным от начала XVIII в. до первой половины XIX в.,[63] с. Кубачи было пунктом, где уцмий, шамхал и другие князья Дагестана встречались, как в нейтральном месте, для разрешения возникавших между ними вопросов и восстановления мира. Во время войн и усобиц они оставляли на хранение в с. Кубачи, как в надежном месте, наиболее ценные вещи из своего имущества.[64] Такого рода связь с князьями была в руках кубачинских старшин.

Резиденции уцмия и членов его дома не ограничивались одним только с. Кала-Корейш. Они были разбросаны близ с. Кубачи еще в нескольких местах. Назову селения Дибгалант, Чумли, Маджалис. На каком-то отрезке времени (возможно, между XII и XIV вв.) уцмий, по преданиям, пребывал и в самом с. Кубачи, где занимал дворцовое здание с рельефами, умалив на время самостоятельность общества, усилиями коего затем был вытеснен из селения.

При таком близком соприкосновении с владетелями смычка их с чинé и наиболее влиятельными слоями кубачинцев не ограничивалась приведенным выше. Уцмий и другие князья приезжали в Кубачи как гости, используя обычай гостеприимства, что, конечно, укрепляло взаимные связи. [65]

Но тут уж мы подходим к другой стороне дела. Существовала ведь не только связь, были и противления, отпор, отстаивание независимости. Члены чинé показывали другой лик, проявляли твердость. Было достигнуто положение, по которому князья не имели права въезда в Кубачи. Потому-то им и приходилось особенно дорожить институтом«куначества».[66] Приезжая в гости, князь обделывал нужные ему дела. Рассказывают, что если уцмию нужно было покарать провинившихся перед ним кубачинцев, он приезжал к одному из влиятельных кунаков с. Кубачи и здесь на площади производил над рядовыми людьми экзекуции (наказание

---

[63] Показания Гербера в XVIII в. и документы Актов Кавказской археографической комиссии в XIX в.

[64] Показанию Гербера аналогичны следующие строки рапорта генерала Пестеля на имя Ермолова (1818 г.): «Кюринский Аслан хан, пристрастно сверх обыкновения азиатца занимавшийся пьянством, потерял способность распоряжать и воздерживать подчиненный ему народ и расположен сам убежать, к чему приготовившись уже давно, лучшее движимое имущество и собираемые с ханства доходы передал в Кубачи под сохранность уцмия Каракайтакского» [4, т. VI, часть 2, докум. № 2].

[65] Связь с с. Чумли и Дибгалант (где, по рассказам стариков, проживали члены уцмийского дома) уцмий укреплял при помощи старинных обычаев аталычества и молочного родства; было ли так в с. Кубачи,— надо проверить.

[66] Въезд в с. Кубачи чужих вообще был труден. Даже в конце XVIII в. Грабшу и Грулю, для того чтобы попасть в с. Кубачи, потребовалось воспользоваться институтом куначества: уцмий направил их в Кубачи к своему кунаку Махмуду.

палочными ударами); сгоняли виновных даже из Сулевкента. Не протестуя против наказания низов,[67] старшины и влиятельные кубачинские слои ревниво оберегали права общества от княжеских поползновений и иной раз давали резкий отпор, не останавливающийся перед вооруженным столкновением (тем более, что в этом случае всегда были поддерживаемы низами). Пример сопротивления силой оружия посягательству на Кубачи одного из князьков передает Гербер. Рейнеггс подчеркивает бдительность кубачинцев в охране границ и особенно двух подступов к селению, через которые туда можно было проникнуть. Некоторые предания повествуют также об отпоре, который кубачинцы давали персам, в том числе Надир шаху.

Для того чтобы по возможности сократить официальные приезды уцмия в с. Кубачи, разбор подведомственных ему кубачинских дел производился вне селения на урочище Апла-ку́ (в сторону Уркараха). Сюда приезжали уцмии, сходились люди, здесь велись переговоры. Считалось, что место Апла-ку́ — подарок уцмию, равно как и другое место, Уцу́мклядика́ за горой Кадышля́-муда́.

Подобная практика запрещения въезда и выведение всяких свиданий с чужими за пределы кубачинской границы применялись не только по отношению к уцмию, но и гораздо шире. Так, Рейнеггс передает, что торговые переговоры и прочие дела с посторонними происходили и решались в большом пограничном селении (мы предполагаем — в Уркарахе).

Заканчивая раздел о свободных, замечу, что помимо выделения из их среды старшинского слоя и слоя «родовитых», богатых и влиятельных жителей, выделялась сравнительно небольшая группа мусульманского духовенства, пользующегося, как и те, большим общественным весом и фактически большими правами.

К разряду несвободных относились рабы. О существовании их можно заключить из некоторых указаний арабских авторов.[68] Источник рабовладения — захват пленников. Старик Вика Мама Халатаев рассказал (1940 г.), что пять поколений тому назад его предки участвовали в набегах аварцев на Грузию для захвата добычи и пленных. Некоторые кубачинские фамилии считаются происходящими от грузин и персов, попавших в плен. Пленные персы, по преданиям, были захвачены во время шахских вторжений в Дагестан. Рабы с течением времени получали свободу и равноправие. Однако воспоминание о прежнем неравенстве еще живет. Может считаться обидой, если кубачинцу, разумея его происхождение, сказать: «ты перс». Слой рабов, численно небольшой, существовал в с. Кубачи до эпохи завоевания Кавказа.

Сообщим некоторые данные о сравнительно близком к нам по времени дореволюционном общественном быте кубачинцев (записано в 1944 г. от старика Х. Р. Ирганова). Выше я уже давал материалы по следам и пережиткам начальной дуальной структуры аула. В новейшее время аул имел уже не два, а три основные квартала (Верхний, Средний и Нижний), не считая еще внутренних подразделений. Каждый квартал, соответствовавший когда-то местожительству определенных родственных групп, имел и в описываемый поздний период отдельное пастбище. Жители квартала не имели права самовольно переселяться в соседний квартал. Для этого от последнего надо было получить согласие (на собрании) и внести в пользу согласившегося квартала мзду, определяемую стоимо-

---

[67] Здесь чувствуется классовая основа. Выше, описывая чине́, мы рассказывали о столкновениях между чине́ и рядовыми жителями, в которых также проявлялась классовая борьба.

[68] Дань с зирехгеранов взималась невольниками [10]; у них были слуги и служанки (Андалузи; см. ниже, примеч. 20 на стр. 13).

стью одного медного литого котла весом в 3 ятала (3—4 кг), что соответствовало стоимости одного барана. По словам Ирганова, Верхний квартал (Ба́шала) был самым беспокойным, Средний (Ду́бшила), наоборот, жил дружно, и Нижний (Хa̋шала) слыл бедняцким. Перед брачной ночью жених по обычаю дарил холостым парням своего куата́ (квартала) мед. Получившие мед делили это лакомство между парнями всех кварталов селения (если, конечно, в тот момент куаты жили в ладу). Традиционные кулачные межквартальные бои повторяли основную старую структуру с. Кубачи, так как дравшиеся делились на две группы («верхних» и «нижних»). Браки по преимуществу (но не исключительно) заключались между лицами одного квартала. Каждый квартал имел свое внутреннее возглавление из почетных стариков и акьла гуле — «табунных ребят», ведавших конским табуном. Для дел общесельских существовали судьи, старшина и секретарь.

Из приведенных материалов по истории социального строя кубачинцев видно, что при всей, так сказать, кубачинской «прогрессивности»[69] в эволюции общественных отношений этого народа сильны были моменты застойности, замедленности хода развития.

Для малодоступных в прошлом, замкнутых горами районов Кавказа это пример, конечно, не единичный.

Вместе с тем, сохраняя архаизмы и пережитки, медленно двигаясь вперед, вольное общество Кубачи вошло звеном в окружающий его мир феодальных порядков, не допуская к себе князей, не выделив и из своей среды ярко выраженной феодальной верхушки и выковывая (в лице экономически сильного и численно преобладающего слоя ремесленников и торговцев) ряды будущей буржуазии.

Вслед за феодальным периодом в истории развития общественных форм кубачинцев наступает период капиталистический. Начало его падает на вторую половину XIX в. Для этого времени характерна далеко зашедшая классовая дифференциация кубачинского общества (управляющегося теперь на основе законов и положений Российской империи), в составе которого мы имеем крупных и мелких капиталистических предпринимателей (хозяев златокузнечных мастерских, пользовавшихся наемной рабочей силой, скупщиков, торговцев, антикваров, ростовщиков), мастеров разной степени зажиточности (богатых, средних, бедных), неимущий разорившийся слой (безработные, батраки, наемные рабочие, служившие в златокузнечных мастерских или работавшие по найму у отдельных зажиточных мастеров). Сведения об этом периоде были нами уже приведены выше.

Наконец, последний этап — социалистический строй. Изменения, происшедшие в с. Кубачи за время от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней, коренным образом переродили общество. Уничтожены классы, изменилось самое сознание людей, ставших равноправными участниками социалистического труда, членами братской семьи народов, сынами Великой Социалистической Родины.

---

[69] По сравнению с уровнем развития некоторых других этнических групп Нагорного Дагестана.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КУБАЧИНСКИЕ АМУЛЕТЫ

Описываемая коллекция из 12 номеров была приобретена мной в с. Кубачи в 1944 г. для Музея истории религии у почтенной М., жены Г. К., с семьей которого я знаком уже более 20 лет. И он и она люди пожилые, хорошо знающие старый местный быт. Среди различного показываемого мне добра Манаба достала шкатулку, наполненную амулетными бусинами. По обычаю, когда девушку отдавали замуж, бусины нанизывались на шнур, и невеста одевала на шею пестрое, красивое ожерелье. Его отдельные зерна, как выяснилось, имели определенное магическое значение, о чем подробнее скажем ниже.

Бусины, которые передо мной перебирала М., конечно, не антики с кубачинской точки зрения, но нечто к ним близкое. Если дом — полная чаша, то, по старым обычаям, такие вещицы в нем должны быть. Амулеты достались нашей хозяйке от матери. Современность вытесняет амулетную магию, и здесь в Кубачи как будто даже интенсивнее, чем это имеет место в некоторых других районах Восточного Кавказа (сужу по наблюдениям, имевшимся у меня при сборе в 1940 г. амулетов на Апшероне).

Всплывшее сравнение не случайно. По своему характеру почти все бусины, приобретенные в доме Г., как раз близки к амулетам группы «дербентских» и «азербайджанских» (или «апшеронских»). Это в ряде случаев изящные, иногда привозные (в с. Кубачи «через Дербент», т. е. с востока и юго-востока) вещи, в большинстве сделанные из пасты. И типологически, и по назначению, и по происхождению они, очевидно, включаются в сферу Восточного Закавказья, отграничиваясь от более в прошлом архаичного культурного комплекса, свойственного многим, в прошлом глухим, нагорным гнездам Дагестана.

Правда, и Кубачи — горное труднодоступное гнездо того же Дагестана, но (что следует подчеркнуть) не всегда сравнимое с соседями. Для кубачинского быта характерна, как мы видели, известная сложность, наличие ближних и дальних, южных и восточных связей (включая Сирию, Ирак, Иран и Среднюю Азию), не лишающих его, однако, самостоятельности. Вот почему тут, рядом с элементами примитива и архаики, нередко сочетаются слои более развитых, опосредствованных и рафинированных явлений.

Перехожу к описанию собранных амулетов.

1. Диккала́ кьакьа́, т. е. «любовный камень» (дикка — любовь).

Неправильный по форме плоский камешек, с округлыми очертаниями, белыми и серыми пятнами. Длина 1 см. Отверстия нет. Женщина, которая

хотела, чтобы ее любил муж или нравящийся ей мужчина, скоблила камешек, смешивала пыльцу с водой и давала человеку пить. История данного объекта такова: брат М. был богат, но имел бездетную жену; он хотел жениться на другой; жена проведала и секретно приобрела «любовный» камень. После ее смерти М. взяла себе этот заветный амулет.

2. Улибйкалала шумйш, т. е. «от сглаза бусина» (уле — глаз).

Плоский неправильно треугольной формы предмет из пасты с отломанными краешками. Со всех сторон покрыт жильчатыми разводами красного, голубого, белого, черного и коричневого тонов. Размер 3×2.5 см. Амулет носили женщины, пришивали к одежде (подмышку) или носили на шее, как навеску.

3. Улибйкалала шумйш, — т. е. «от сглаза бусина».

Круглая бусина не точно шарообразной формы с широким сквозным отверстием по оси. Сделана из пасты. Имеет зеленый фон и разбросанные по нему в беспорядке красные с желтым обводком неправильные пятнышки. Диаметр — 1.5 см. Амулет носили женщины и дети.

4. Улибйкалала шумйш, т. е. «от сглаза бусина».

Бусина цилиндрической формы, сделанная из пасты. Покрыта зелеными пятнами и желтыми прожилками. Имеет сквозное отверстие по продольной оси. Высота — более 1.5 см. Диаметр — 1.3 см. Носили женщины и дети.

5. Кьуллá шумйш, — т. е. «коровья бусина» (кьул — корова).

Два крупных черных шарика, связанных веревочкой. Диаметр — 2.75—2.5 см. Амулет мной был взят со стены кухни, где он висел на гвоздике. Хозяйка им пользовалась до недавнего времени. Чтобы предохранить корову от сглаза, «коровий амулет» вешали обычно на подойник. Данный предмет остался у М. от времен ее первого замужества, когда в хозяйстве были дойные коровы.

6. Чахьалá шумйш, т. е. «оспенная бусина» (чахья — оспа).

Неправильно цилиндрическая бусина с широким сквозным отверстием по оси, сделанная из лиловато-серой пасты. Размер — высота 1.3 см, диаметр 1.3—1.5 см. На поверхности девять правильно расположенных в шахматном порядке выпуклых глазков (3 по верхнему краю, 3 по нижнему и 3 по среднему поясу). Каждый глазок имеет черное круглое пятнышко с расходящимися во все стороны радиусами на белом фоне. Во время заболевания оспой таким амулетом водили по телу больного, дабы он не сделался рябым.

7. Бухьý ицалалá шумйш, т. е. «от желтой болезни бусина».

Правильный по форме полупрозрачный шарик (диаметр 1.5 см.) желтоватого цвета с молочными широтными поясками и сквозным отверстием по оси. Амулетом пользовались для лечения желтухи: во-первых, носили его на руке или на шее; во-вторых, скоблили, смешивали пыльцу с медом и нарезанной на куски желтой шелковой нитью (количество этой последней в рецептуре лекарства измеряется длиной, втрое превосходящей рост человека) и принимали снадобье внутрь.

8. Якьутлá шумйш, т. е. «рубиновая бусина». Неправильный по форме, неграненый кусок аметиста с просверленным продольным сквозным отверстием. Длина около 2.5 см. Наибольшая ширина — около 2 см. Это амулет, как говорят, «от семи болезней», точнее от болезни частей тела (головы, рук, ног, живота и т. д.). Носили мужчины и женщины в кармане или на одежде.

9. Садаплá шумйш, т. е. «перламутровая бусина» (садап — перламутр).

Плоская овальная лепешечка (2 × 1.5 см) из синей глазурованной керамической массы (в кубачинских жилищах очень много не считаю-

щейся дорогой утвари из этого же материала, происходящей из Ирана и относящейся к XIX в.). Лепешечка имеет шесть сквозных отверстий. Амулет привязывался ребенку к одежде подмышку; он якобы предохранял от слюнотечения.

10. Кьажу́л, т. е. «раковина».

Небольшая раковина каури с просверленной дыркой. Длина около 2 см. Детский амулет, привешивавшийся ребенку к одежде подмышку и предохранявший от слюнотечения.

11. Мухила́ шуми́ш, т. е. «пчелиная бусина».

Синий бочкообразный рубчатый предмет со сквозным продольным отверстием. Длина 1.3 см. Беременные женщины носили, дабы благополучно разрешиться от бремени.

12. МалгІунна́ шуми́ш, т. е. «змеиная бусина» (малгІун — змея).

Предмет в виде полого внутри цилиндрика. Фон черный, по нему вьется голубая спираль. Длина — 1.5 см. Диаметр — 0.5 см. Амулет носили мужчины и женщины в кармане, а также в виде шейной навески или пришивали к одежде. Он якобы предохранял от змей. «Хоть бы спать на земле, змея не подойдет».

Из просмотренных 12 амулетов один является приворотным (№ 1), четыре — от сглаза (№№ 2, 3, 4 и 5), пять — предохраняющих от болезней — оспы, желтухи, «семи недугов», слюнотечения (№№ 6, 7, 8, 9, 10), один способствующий хорошим родам и один «спасающий» от змей. Амулеты № 1 и № 5 в большей степени, чем некотые другие, относятся к слою местной архаики.

В настоящее время, как уже отмечалось, в амулетах разбирается лишь старшее поколение. Предметы эти надо считать вышедшими теперь из употребления.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ГОНЧАРЫ СУЛЕВКЕНТА

Близ с. Кубачи имеется селение Сулевкент, жители которого недавно переселились в новый район Дагестанской АССР.

В Сулевкенте издавна существовало весьма развитое гончарство,[1] обслуживавшее главным образом ближайших соседей, т. е. кубачинцев, также селения Дахадаевского района и вообще ряд местностей Южного Дагестана.

С производством этим будет небесполезно познакомиться в дополнение к общей характеристике истории материальной культуры кубачино-даргинского нагорья (данной в главе I), тем более, что сулевкентцы этнически близки кубачинцам.

Селение Сулейк или Сулевкент (по кубачинским версиям, отселок «города» златокузнецов) расположено у подножия с. Кубачи (в 3—4 км от него) в речной долине. Во время моего пребывания там (1936 г.) в селении насчитывалось 212 дворов и 15 печей (тарум) для обжига посуды.[2] Вблизи два урочища — Хунгу-ку (т. е. «под дорогой посевной участок») —

---

[1] В существующей литературе сулевкентское гончарное производство не описано. В данной статье приводится описание по материалам, собранным мной на месте в 1936 г.

[2] Сулевкент во время дождя часто подвергается наводнениям, разрушающим постройки. В 1935 г. погибло около 5 печей и пострадало до 25 дворов.

в 2 км ниже по реке и Чибиль-маши (т. е. «верхний поселок») — в 3 км на плато, за лесом. Я не имел возможности их посетить. Сулевкентцы рассказывают, что там видны следы построек и гончарных печей.[3] Находят также черепки битой посуды и старые глиняные водопроводные трубы для ирригации, «не такие, как теперь у нас, — говорили мои информаторы, — а толстой формы». «Из тех людей один стоил нынешних троих — такие большие камни могли поднимать». По преданиям, на этих урочищах жили раньше сулевкентцы. На мой вопрос — откуда пошло сулевкентское производство — было отвечено: «Мы не знаем».

Глина добывается мужчинами и женщинами на месте Хулбала (т. е. «лесное место») в 8 км ниже по реке. Заготовка делается раз в год с середины до конца июля. В другое время брать глину не полагается. Каждый дом (из тех, кто занимается гончарством)[4] вывозит (смотря по силе) от 15 до 30 лошадиных вьюков. Во вьюке считается в среднем 6 пудов. В день успевают обернуться 2—3 раза. Керамическая глина — анчá; глина для орнаментации (ангоб) — юшá. Эту последнюю сулевкентцы покупают на стороне [5] по 5—10 рублей за сех (мерка на 2.5 кг зерна).

Привезенную в селение глину женщины мнут ногами в нижнем этаже дома на каменном полу. Хорошая работница намнет до обеда 5 больших «кусков».[6]

В отличие от женского производства с. Балхар [7] сулевкентское производство является мужским. Женщины в нем—лишь подсобная рабочая сила (участвуют в доставке глины и дров; производят первичную подготовку материала, загружают и выгружают печь при обжиге, помогают при топке и т. п.). Работу на гончарном круге я наблюдал непосредственно (рис. 77). Мастер сидит на низенькой деревянной табуретке с подушкой; перед ним ручной гончарный круг (его диаметр 60 см, высота — 30 см). Мастер кладет кусок глины на круг и сперва очищает его от камешков и комочков. Для этого вращает круг справа налево и, срезая ножом тонкие пласты, выбирает руками из теста все ненужное. Когда глина очищена, мастер ее месит, мнет и делает из подготовленной таким образом массы лепешку. Затем обсыпает ее снизу золой, смачивает по ребру водой, кладет на круг и руками прибивает лепешку (будущее днище) к кругу. Теперь начинается медленное вращение круга слева направо. Из центра лепешки мастер осторожно отгребает часть глины к ее краям и вылепливает начало стенок кувшина. Чтобы сделать дно более прочным, он заготовляет глиняный жгут (в форме колбасы) и утолщает этим материалом лепешку. Круг вертится то в одном, то в другом направлении. Донце уплотняется при помощи ударов правым кулаком. Наконец, усилив темп вращения, мастер ловко равняет дно и начало стенок изнутри правой рукой. Следующая стадия работы — это выведение стенок. Гончар берет новый запас глины («колбаску» или «жгут»). Ногами он крепко придерживает подставку круга. Круг движется медленно (слева направо), а мастер тратит «колбаску», наращивает стенку, держа глину изнутри правой рукой. В то же время его левая рука придерживает стенку снаружи. Когда стенки достаточно выросли, они, при тихом движении в ту и другую сторону, [8]

---

[3] Того же типа, что современные сулевкентские.

[4] Таковых большинство (150 дворов из 212).

[5] Красный совхоз между Маджалисом и Мамед-кала, где в лесу имеется месторождение.

[6] Т. е. единиц объема (соответствующий термин, к сожалению, в моих записях утрачен); в такие куски складывается подготовленная для производства керамическая глина.

[7] Крупнейший в Дагестане центр гончарства.

[8] Слева направо и справа налево; без такого чередования внутри не будет ровно.

тщательно выравниваются, обглаживаются и вычищаются изнутри частично рукой, частично особой подковообразной деревянной пластинкой (люте). Вместе с этим таким же образом обрабатывается и наружная сторона вещи. Вращение производится и левой рукой, и правой (в этом последнем случае при помощи легкого напора руки на стенку изготовляемого сосуда изнутри). Далее следует выведение свода, т. е. постепенное сужение стенок в верхней части будущего кувшина. Это довольно тонкая и трудная работа, ведущаяся в общем теми же приемами.

Рис. 77. В Сулевкенте. Снимки 1940 г.
Слева — печи для обжига посуды; справа — сулевкентский гончар за работой.

За сводом следует выделка горла. Горло можно делать лишь на следующий день, когда сработанная часть несколько подсохнет. Уже описанные способы в этом последнем моменте несколько усложняются. На помощь приходит кусочек смоченного в воде войлока (киз). Им тщательно и долго обглаживается и обрабатывается внешняя поверхность вещи,[9] причем мастер временами обнимает горло кувшина обеими руками при вертящемся круге.

Ручка, отдельно слепленная из глиняного жгута, накладывается на свое место и далее обделывается от руки.

Последний момент — ловкий щипок пальцами обеих рук — в результате чего получается носик или сточный желобок.

Когда кувшин выделан до верху, мастер берет деревянный нож (усул дис) и при вращении круга обтачивает им внешнюю поверхность кувшина. Нож то в одной руке, то в другой. Движение то туда, то сюда.[10] Так как в стенке имеются отдельные комочки, мастер осторожно их удаляет тем же ножом и затем замазывает щербины, тихо поворачивая круг. На

[9] Круг идет справа налево; левой рукой стенка сосуда поддерживается изнутри; в правой руке войлок.

[10] А именно: в левой руке нож, правая вращает круг слева направо; после этого нож переходит в правую руку, а левая начинает двигать круг справа налево и т. д.

такую отделку идет довольно много труда. После нее фактура сосуда делается однообразно гладкой и чистой.

Между тем подготовлена и разведена краска. Узор наносится при помощи набора маленьких кусочков войлока разной формы: один кусочек зубчатый[11] (он применяется для волнообразных линий и параллельных прямых), другой в виде трубочки (для воспроизведения точек), третий в форме полукруга, четвертый вроде трапеции (два последних служат для линейных прямых и кривых элементов узора). Обмакнув нужный кусочек войлока в краску, мастер двигает круг и тем или иным прикосновением к поверхности вращающегося сосуда оставляет на ней те или иные ритмически повторяющиеся мотивы: концентрические пояса различной толщины и с различными интервалами, точки, зигзаги, волнистые линии, запятые, S-образные фигуры и т. п. Орнамент, в отличие от балхарского, элементарен и в своей основе выдерживает принцип симметрии и всегда располагается поясами. С кубачинским художественным стилем он имеет весьма мало точек соприкосновения. В числе сходств все же укажу на наличие в нем фигур, подобных кубачинским вóвла-бикь, пара́нг-бикь и калькýс. В целом— это лаконичный и суховатый примитив. Терминология, относящаяся к орнаменту, здесь, кажется, небогата. Я записал всего несколько слов: кача́г (зубчатый узор), туу (узор из косых полос), куд (точечный), кау-кау (крюковой).

Когда узор закончен, гончар снимает кувшин с круга руками. Благодаря тому, что донце, как мы указывали выше, было присыпано золой, оно без труда отстает от дерева.

Средняя норма продукции одного человека в день — 2—3 кувшина высотой в 60 см.

Сосуды, сошедшие с круга, подвергаются сушке, а затем обжигу. После обжига они из сероватых делаются терракотовыми, причем тон узора становится темнее фона.[12]

Для обжига необходимо подготовить топливо (на печь 20—25 лошадиных вьюков дров). Дрова хозяева заготовляют в мае в лесу, а вывозят или переносят их осенью перед сезоном обжига.

В печь входит от 300 до 600 штук посуды. Слабая семья в год наполняла печь 2 раза, более сильная — 3—4. Топка длится непрерывно 2—3 дня, после чего печь, наполненная посудой, замазывается и через $1^1/_2$ —2 дня вскрывается. Несмотря на старый опыт, при обжиге всякий раз надеются на «счастье», и ежегодно, все-таки, до 30—40 «печей» пропадает.[13]

Сулевкентская гончарная печь представляет собой сооружение, так сказать, врезанное в склон и видное снаружи главным образом своим аркообразным входным отверстием.

Внутренняя часть имеет два этажа: внизу топка, вверху камера для посуды; между ними горизонтальная решетка; общая высота — около 2.5 м, ширина — 2 м (рис. 77).

Печи и в дореволюционное время считались в Сулевкенте общественной собственностью. Весь годовой распорядок также издавна строго регламентирован, несмотря на то, что артельных организаций здесь не было. «Все идет у нас по порядку, даже в лес за дровами едут в один день, — говорят старики, — а кто не подчиняется, тот платит штраф (хика́)». За отказ от уплаты хика́ у непокорного ломают дверь его дома и взимают двойную пеню или реквизируют корову. С угрозами и увещанием в таких случаях предварительно обращаются к родствен-

---

[11] В 2—3—4 зубца и больше.

[12] До обжига соотношение обратное.

[13] Необходимы точная регуляция и определенная интенсивность огня.

никам нарушившего неписаный устав и в конце концов добиваются своего. В общем традиции крепкие и правила нерушимы.

Обжиг полагалось делать только после сенокоса, уборки хлеба и молотьбы, т. е. приблизительно с октября. Сезон действия печей в Сулевкенте длится месяца три (до начала января). Часть гончаров зимой обычно уезжала после этого в другие места, заниматься там гончарством — в Северный Дагестан на кумыкскую плоскость (Вер. Казанищи, Эндрей-аул), Чечню (Урус-Мартан, Старый Юрт, Шали), Ингушетию (Пиендаг в районе Назрани, Сурхайхот), Северную Осетию (Карджин близ г. Орджоникидзе—ныне Дзауджикау), Кабарду (Нальчик). В мае или к летнему посеву уезжавшие мастера обычно возвращались домой.

Очерченный, как оказывается, весьма широкий, круг действия сулевкентских гончаров необходимо будет учитывать при изучении керамических центров Северного Кавказа, где внимательное изыскание, может быть, вскроет в керамике соседних народностей сулевкентские вклады. Не исключена также возможность, что где-нибудь из перечисленных территорий в традиции дагестанского (точнее, сулевкентского) гончарства, воспринятого местной средой, вскроются стороны и черты, не сохранившиеся на его родине. Это последнее предположение как будто имеет за собой некоторые реальные основания. Дело в том, что кубачинцы среди известных им «антиков» числят особый тип ценной поливной керамики (зеленовато-коричнево-желтой с разводами, напоминающими мрамор), производившейся, по их версии, когда-то в Сулевкенте. Утверждение совершенно категорическое. В недавно вышедшей книге Э. Кверфельдта [14] один из образцов этого именно типа изделий помещен в иллюстрации на таблице VII с надписью «Блюдо с мраморовидным узором из разноцветных масс. Дагестан, XVIII в. Государственный Эрмитаж». В самом тексте работы специально о данном предмете не говорится, и лишь на стр. 38 имеется на него ссылка, как на пример подглазурной росписи. Сами сулевкентцы этой техники сейчас не имеют, но, что чрезвычайно любопытно, поливную посуду (тоже зеленовато-коричневую, однако, несколько иного, более простого облика) делали до недавнего времени в Чечне и некоторых других местах вне Сулевкента. На мой вопрос — а почему не в самом Сулевкенте, — отвечали: «общество не разрешало». Из этого как будто следует, что сулевкентские руководящие аульные круги когда-то (думается, весьма давно) наложили запрет по какой-то неизвестной нам причине на одну из разновидностей своего (тогда более богатого) производства, вследствие чего она постепенно забылась, но оставила кое-какие выродившиеся следы на отлете, в данном случае прощупывающиеся в Чечне. Строгость установлений и общественная дисциплина — как раз в духе старых традиций сулевкентских гончаров.

Свои изделия мастера Сулевкента сбывали (чаще в обмен на хлеб [15]), кроме собственно Даргинской области, в Дербентском и Касумкентском районах, Табасаране, а также в Ахвахском районе и среди лаков.

Ездят мужчины. Товар грузят на лошадей вьюками, собравшись группой в 50—60 человек. До Маджалиса двигаются вместе, а дальше разъезжаются в разные стороны. По старому обычаю продавцы сговаривались, назначая точный срок возвращения. Все должны были опять съехаться в Маджалису. Запоздавших надо было подождать или даже отправиться на их розыски. В Сулевкент въезжать полагалось всем вместе. Приехавшие домой раньше, не дождавшиеся остальных, подвер-

---

[14] Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока, Л., 1947. [44]

[15] В 1936 г. я записал: 2 сех пшеницы (около 2.5 кг) за 1 кувшин; своего хлеба хватает на 2—3 месяца.

гались штрафу. «Это у нас была взаимная помощь», —пояснили старики.

Практиковавшаяся до недавнего времени помощь слабым дворам является старым обычаем. Безлошадным полагалось давать лошадь для доставки глины и предоставлять печь для обжига в первую очередь.[16] Принести дрова из леса помогали женщины. Заболевшему помогали работой — производили за него обжиг, «а то человек пропадает». Такая же помощь существовала в полевых работах. К примеру — в один день мужчины ему выкосят, в другой высушат, а в третий женщины доставят сено на дом.

Остается сказать несколько слов об изделиях сулевкентцев (рис. 9). Более крупные сосуды (высотой в 60—80 см): водоносный кувшин — хунбека́н (обычной на Кавказе формы); маслобойка нихра́ (кувшиноподобный сосуд с ручкой, поставленной в горизонтальной плоскости и с небольшим круглым сточным отверстием под ней); сосуд для хранения соленых овощей — куа́ (по форме напоминает кувшин, но без горла и без ручки). Другие изделия: аза́р для молока (род горшка с 2 ручками); киква́ для пищевых продуктов (тоже род горшка с 2 ручками); кувшины и горшки еще разных размеров и разновидностей; чашка — вак, миска — хата́; сито для отжима сыворотки — умда́н; светильник — чах (в форме сосудика с сильно вытянутым в сторону горлышком, куда вставляется фитиль, и ручкой с другого бока).[17] Интересен приобретенный мной в 1940 г. в Сулевкенте для Дагестанского музея большой чах (длина около 30 см, высота 15 см). По рассказам местных жителей, такой чах употребляется для приманивания диких уток во время ночной охоты: утки летят на свет, а охотники их бьют палками.

При всей своей простоте и грубоватой строгости сулевкентские изделия в смысле формы своеобразно привлекательны и не лишены вкуса.

Таков этот типичный для Дагестана производственный центр даргинокубачинского нагорья.[18] В настоящее время сулевкентцы говорят по-даргински, но с сильной примесью кубачинских слов. По быту были очень близки к кубачинцам[19] и в прошлом, говорят, с этими последними не воевали. Экономика Сулевкента также напоминала Кубачи: для гончаров промысел издавна играл значительную хозяйственную роль.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

КУБАЧИНСКИЕ ПЕСНИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ Л. И. ЖИРКОВЫМ

(В переводе автора по его записям 1924 г.)

Песня 1-я. Ее автор Айша, девушка из Нижнего квартала, спевшая песню лет 45—50 тому назад. В семье соседей Айши было три брата — Хаджи, подросток Хусейн и малолетний Хаджи Али. Мать старшего, когда тот еще был ребенком, сговорилась о том, что Айша станет впо-

[16] Я видел здесь обжиг в середине июля только потому, что печь было разрешено затопить человеку, не имевшему лошади и 3 года бывшему в отъезде (в Чечне); в печь он заложил около сотни сосудов; дрова из нарубленного хвороста горели на пороге входного отверстия, огонь сильно тянуло внутрь.

[17] По форме совпадает с кубачинскими медными литыми светильниками.

[18] В 1944 г. жители селения Сулевкент в большинстве переселились в новый район ДАССР.

[19] Вплоть до того, что и у них, как в с. Кубачи, бытовал цикл гулала́ аку бука́н— игра союза неженатых.

следствии его женой. Но девушка не любила Хаджи и не хотела выходить за него замуж. По этому поводу и была спета ею песня:

«Конюшня среди дороги,[1]
Без пола сеновал,
Железная насечка на двери,[2]
На очаге огонь из стеблей,[3]
На огне котел с кашей.[4]
Прошлогодний[5] буйвол Хусейн,
Шестилетний Хаджи Али,
Старообразный Хаджи!
Ну, мирская Айша,
Как поступлю я?»[6]

Песня 2-я. Сочинена лет 70—80 тому назад другой Айшой, дочерью Ажижи из Нижнего квартала. Эта Айша вела веселую жизнь, хорошо плясала и пела («как артистка», по словам рассказчика), была замужем пять раз. Хаджи Муса сын Махмуда и Хаджи Мурад сын Бабалы (мать его известнее в с. Кубачи, чем отец, почему он и назывался не по отчеству, а по материнству) бесплодно истратили на ухаживание за Айшой 300 рублей. Когда Айша в четвертый раз выходила замуж и ее вели к жениху, кубачинские юноши кричали, что это стыдно. Айша выскочила из толпы спутниц женщин и погналась за парнями. Парни разбежались. И когда Айша в пятый раз выходила замуж, никто уже не решался над ней смеяться.

«На крыше нижней мечети
Поднос и две бутылки:
Одна с водой, другая с вином,
Одна твоя, другая моя.
Сын Махмуда, Хаджи Муса!
Сын Бабалы, Хаджи Мурад!
(слушайте как) спела дочь Ажижи Айша».

Песня 3-я. Принадлежит тоже Айше (не тождественной с авторами двух предыдущих песен), дочери Хаджи Кыз (имя женское). В 1924 г. Айше было около 50-ти лет. Приводимая песня была ею спета после развода.

«Веселей! Веселей!
Я Айша,— (дочь) Хаджи Кыз,
Сестра Кади-Али.
Я на крыше Мачубы[7]
Я соседка Абу-Бакра,
Я Айша — (дочь) Хаджи Кыз.
Веселей! Веселей!
Узда разорвана.
Вольная я!
Капкан разорван. Свободная я!
Сердце имеющий парень,
Я итти (замуж) готова».

---

[1] Т. е. в неудобном месте.
[2] Ирония по поводу железных заплат на двери.
[3] Т. е. топливо (сено за неимением дров).
[4] Признак бедности.
[5] Т. е. молодой.
[6] Т. е. выходить ли замуж за Хаджи.
[7] Мачуба — пещера на горе Кайдешла̀-муда̀ к востоку от с. Кубачи. По преданию, на этой горе первоначально жили кубачинцы. На крыше пещеры лежит будто бы такой каток (орудие для уката плоских крыш), что когда его катают, слышен гром в с. Кубачи и даже на приморской полосе в Дербенте.

П е с н я 4-я. Ее составил в начале XX в. кубачинец по имени Шамхал из разных, сохранившихся в его памяти, других песен. Запись была произведена от Шамхала, который в 1924 г. был уже пожилым человеком.

«Желтоногая кукушка,
Воды жаждущая,
Сидит на высоком дереве
(И) постоянно кукует.
Девушек нашего селения
Любезный обнимает,
(А они) все поют,
Гуляют по горам.
Аульные парни
В руках держат чугур,[8]
По переулкам (они) вверх и вниз ходят
«Хайт!» говорят они, «вау», кричат.
Топор лес рубит,
(А) вдовы разоряют селения.
Хайта! вдовы бахца».[9]

---

[8] Чугур (четырехструнный музыкальный инструмент).

[9] О белой полоске «бахца» на лбу коровы или лошади говорилось выше (при описании масок).

ЛИТЕРАТУРА

В настоящий список включены работы, на которые имеются в книге ссылки (см. номера в квадратных скобках). Некоторые работы снабжены аннотацией или необходимыми замечаниями. В отношении авторов XVIII в., дававших показания о Кубачи (Гербера, Вольфа, Палласа Потоцкого, Рейнеггса), и некоторых других мы сочли целесообразным упоминания о соответствующих работах дополнять изложением содержания фрагментов, относящихся к Кубачи.

* * *

1. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, изд. 4-е, 1941. См. главу VIII — Образование внутреннего рынка, стр. 485—528, раздел V — Значение окраин. Внутренний или внешний рынок?

2. И. В. Сталин. Съезд народов Дагестана 13 ноября 1920 года. 1) Декларация о советской автономии Дагестана (стр. 394—397); 2) Заключительное слово (стр. 398) (Сочинения, т. IV, М., 1947; впервые опубликовано в газете «Советский Дагестан» № 76 от 17 ноября 1920 г.).

3. Абуладзе и Шанидзе. Албанский алфавит. Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии Наук СССР, IV, Тифлис, 1938.

4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I—XII. Редакция А. Берже, Тифлис, 1866—1904 гг. (Мы использовали некоторые документы VI, VII и IX томов; в остальных томах см. по указателям —«кубачинцы», «Кубачи»).

5. Алкадари Гасан. Асари Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 46. Махач-Кала, 1929, стр. 14—193, перевод А. Гасанова. Автор по национальности лезгин. Книга написана в 1891 г. Она представляет собой сводку сведений о Дагестане из арабских, турецких и персидских источников. Вместе с тем автор приводит местные сведения и предания. Стр. 18—19 — о кубачинском языке (говоря о языке с. Кубачи, автор между прочим неправильно утверждает, что тот же язык распространен и в Кумухе); стр. 24—25 о происхождении и занятиях кубачинцев.

6. Амиров Гаджи Мурад. Среди горцев Северного Дагестана. Сборник сведений о кавказских горцах (VII, Тифлис, 1873; отд. III, стр. 1—80).
Автор по национальности даргинец, обучался в русской гимназии. Статья, написанная в форме дневника (ее подзаголовок — «из дневника гимназиста»), содержит весьма ценные этнографические записи местного уроженца, вернувшегося по окончании учения в родной аул. Эти материалы рисуют быт даргинцев начала 70-х годов XIX в.

7. Антинин. Искусство кубачинцев и балхарцев в массы. Дагестанская Правда, № 242, 1936. Корреспонденция из Пятигорска, в которой имеются сведения о творчестве известного кубачинского мастера Абдула Джалиля Ибрагимова.

8. Анучин, Д. Н. Сообщение о поездке в Дагестан («Древности». Труды Моск. Археол. об-ва, т. IX, в. 2 и 3, М., 1883 г., стр. 33—34 — протокол заседания № 199 от 21 сентября 1882 г.; о кубачинцах стр. 37—38).

9. Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия Императорского русского географического общества, XX, в. 4, СПб., 1884, стр. 357—449. Д. Н. Анучин ездил в 1882 г. на Кавказ в поисках следов палеолита; III гл. «Отчета» полностью посвящена материалам посещения с. Кубачи — стр. 401—427; здесь — исторические сведения, ссылки на арабских авторов и Дорна, образцы языка, предания о происхождении и войнах, материалы о каменных рельефах и утвари, некоторые весьма краткие данные о быте и экономике.

10. Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод. Перевод с арабского проф. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана, вып. III, Баку, 1927. (Автор второй половины IX в. На стр. 7 он сообщает об утверждении сасанидским царем Ануширваном владетеля над «Зирикираном»; на стр. 18 о вступлении арабского полководца Мервана в землю «Зирикиран», владетель которой заключил с ним мирный договор, обещав доставлять ежегодно рабов и зерно).

11. Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана, 4, Баку, 1926. Труд, написанный в первой половине XIX в. на фарсидском языке и переведенный самим автором на русский, содержит некоторые сведения о Кубачи: стр. 5— местоположение «Зирех-Геран —Кобечи»; стр. 6— ссылки на М. Рафи о кубачинцах; стр. 13—«жители Кобечи, по словам их предков, были греческие и генуэзские торговцы, основавшие здесь свои фабрики»; стр. 17—о языке; стр. 34—о переселении в Кайтаг Ануширваном жителей из Гиляна и Кашана; стр. 53—о подати по 30 ружей в год, взимаемой с кубачинцев Шахмалом в XV—XVI в. Сам автор в Кубачи не был, вышеупомянутая легенда о происхождении от греков и генуэзцев взята не из первоисточника, а повторяет литературные версии XVIII в.

12. Бакланов, Н. Б. Златокузнецы Дагестана, М., 1926 г. стр. 1—67; табл. 1—25; также иллюстрации в тексте; первое детальное описание кубачинских металлообрабатывающих производств, их техники и орнамента.

13. Бакланов, Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Академия художеств, Научно-исследовательский институт архитектуры, М.— Л., 1935 г. Среди других памятников в книге описаны два кубачинских: а) башня, точнее здание «женской мечети», стр. 25—34; б) водоем — стр. 44—47; имеются иллюстрации, чертежи и три таблицы в красках; автор в 1924/25 г. производил в Кубачи обмеры памятников; вступительная статья содержит некоторые общие данные об архитектуре Дагестана, применимые и к с. Кубачи.

14. Бартольд, В. В., академик. Еще о самаркандских оссуариях. (Записки Вост. отд. Русского археологического об-ва, XIII, СПб., 1901.) К истории культуры Кубачи статья имеет косвенное отношение, касаясь вопроса о пережитках маздеизма.

15. Башкиров, А. С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931 стр. 1—118; табл. 1—107 и иллюстрации в тексте; о Кубачи собственно стр. 9—68, далее английский перевод, примечания и таблицы. Автор описывает кубачинские рельефы, а также некоторые другие памятники; на табл. I интересна фотография 80-х годов XIX в. работы Роинова с оригинала, хранящегося в Гос. Историческом музее в Москве и изображающая общий вид селения с высокой круглой башней в Верхнем квартале; ныне эта башня, Акайля-кала, сохранила лишь два этажа.

16. Башкиров А. С. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 4, М., 1928. Предварительная публикация тех же рельефов.

17. Башкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, 2, М., 1928 (стр. 118—130, табл. X—XII; описание резных деревянных дверей, датируемых автором периодом XII—XIII вв. и имеющих, как я показал в главе I, непосредственное отношение к средневековой культуре Кубачи).

18. Башкиров А. С. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш. Труды Отделения археологии Института археологии и искусствознания, I. М., 1926, стр. 54—63, табл. VII—VIII. Описание каменного «саркофагообразного» надгробия, изображения на котором автор датирует временем —«не позднее конца XII в.»; отметим, что культура с. Кала-Корейш входила в состав более широкого комплекса Кубачи.

19. Беккер А. Извлечение из его статей, озаглавленное «Поездка Беккера по Южному Дагестану» (Сборник сведений о кавказских горцах, IX, Тифлис, 1876, стр.30—51). Автор—уроженец Сарепты, член Московского Об-ва естествоиспытателей; извлечение подписано инициалами *Л. З.* (Л. П. Загурский); собственно о кубачинцах никаких материалов нет; приводится здесь ради сопоставления некоторых обрядов с. Кубачи с «праздником цветов» в с. Ахты, зафиксированном единственно у этого автора.

20. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 1849. Автор, профессор Казанского университета, совершил в 1842—1845 гг. ученое путешествие по странам Ближнего Востока, во время которого посетил Дагестан. В гл. II на стр. 96 говорится о выделке в горах Дагестана всякого рода оружия, преимущественно холодного, частично подделываемого под венецианское; лучшими оружейниками являются кубачинцы. В гл. III на стр. 157—158 также упоминание о кубачинцах о выделке ими оружия и о том, что на общество Кубачи русскими военными властями наложена ежегодная подать в 1200 рублей серебром. В разделе «Примечания» на стр. 92 в примечании LXXXVIII к стр. 155 гл. III, где дан перечень магалов (участков) Каракайтага, читаем выдержку из Кятиб Челеби, турецкого источника XVII в., известного у европейцев под именем Хаджи Хальфи —«Горы, называемые Кайтаг, присоединяются

к горам языков (Кавказу). Кайтаг есть страна, в которой известно главное место Кубачи и крепость Курейш (Кала-Корейш). Кубачи большое селение, населенное и известное, в котором множество улемов и благочестивых людей; здесь оказывается большое уважение улемам» (та же цитата есть у Френа). В издании 1850 г. на стр. 102— интересно упоминание о знаменитом кумыкском мастере клинкового производства Базалае, жившем в первой половине XIX в. («Лучшим мастером кинжальных клинков является покойный Базалай отец; место его заступил Базалай сын, живший сначала в Тарху вместе с шамхалом, а ныне переселившийся в Казанища»); сведения же о кубачинцах в издании этого года отсутствуют.

21. Берже А. П. Этнографическое обозрение Кавказа. Труды 3-го международного съезда ориенталистов в Петербурге, I, СПб., 1879—1880, стр. 291—326; о кубачинцах конкретных данных нет, приведена лишь библиография.

22. Бракель (Brackel H.) Zu näherer Kenntniss der Kabuschaner oder Kubatschiner, eines Kaukasischen Bergvolker wahrscheinlich Germanischen Ursprungs. Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst. Riga und Dorpat, II, 1837, S. 159—165. Бракель в первой половине XIX в. служил в Дагестане, затем занимал должность коменданта в Нухе. Сообщает сведения о нравах, обычаях и языке кубачинцев. Необходимо отметить, что Бракель высказывает предположение о европейском, возможно германском (?), происхождении кубачинцев и тем самым вносит свою долю влияния па последующих авторов, продолжавших высказывать необоснованную версию о якобы европейском или франкском происхождении данного народа.

Сведения Бракеля, надо полагать непосредственно собранные им в Дагестане, приводятся в статье Френа и по изложению этого последнего учтены нами. В подлиннике книга нам не была доступна за отсутствием ее в библиотеках г. Москвы.

23. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, II, М., 1823. Автор — участник персидского похода 1796 г;. в 1802 г. состоял в Тифлисе правителем дел при главнокомандующем князе Цицианове. В основу труда положены основательные документальные архивные и литературные материалы; кроме того, автор сам собирал на Кавказе сведения по истории и этнографии различных местностей; в с. Кубачи, повидимому, не был, но личное общение с кубачинцами мог иметь; стр. 318—328 имеют заголовок «исследование о городе Кубечи»; здесь — сведения из литературы, полный текст справки Виганда о поездке в конце XVIII в. в Кубачи Грабша и Груля, критика мнений о франкском происхождении кубачинцев, лично собранные краткие сведения о постройках, занятиях, религии.

24. Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, стр. 111—114. Кратко излагается история вопроса о «франкском» происхождении кубачинцев; термин «франк» не только «европеец», но и «католик»; в связи с этим автор приводит некоторые материалы о католической пропаганде в Дагестане в XV в.

25. Вольф И.—состоял в 1722—1724 гг. майором русской службы в прикаспийской зоне Кавказа. С его именем связывается составленное около 1734 г. краткое описание некоторых областей Кавказа (в том числе и Дагестана), содержащее собранные автором на местах сведения географические, этнографические и социально-экономические. «Описание» вошло в состав «Путешествия» врача русской государственной службы И. Я. Лерха, совершившего в 40-х годах XVIII в. поездку в Персию при русском посольстве. См. «Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 года» (Новые ежемесячные сочинения, часть XII, месяц август 1791 г. СПб., издание Академии Наук). На стр. 59 И. Я. Лерх пишет: «Я сообщу еще краткое описание о лежащих при Каспийском море от Гиляна до Астрахани областях так, как они в 1730 г. находились под российской властью и как майор Вольф сообщил мне об оных в 1734 г. в Сулаке». Собственно кубачинцам и их соседям в русском переводе этого «Описания» посвящается следующий интересный абзац: «Акушинцы (даргинцы) суть между горами живущие татары, которые в 1726 году России присягали. Они находятся под начальством усмея или Хайтакского хана и имеют много скота. Наилучшие сабли и ружья делаются неподалеку от оных в Кубеше. Деревня сия большая; жители называются френгами, т. е. франками. Однако не знают своего происхождения. Они также искусные серебряные мастера». (Немецкое издание, с которого сделан этот перевод — Magazin für die neue Historie und Geographie, angel. v. d. Ant. Frid. Büsching, t. X, S. 467—474.

26. Гамба (французский консул в Тифлисе). Voyage dans la Russie mèridionale et particulierement dans les provinces situées au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 par chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Avec quatre cartes geographiques, t. II, Paris, 1829, стр. 369—372. Раздел, посвященный кубачинцам, на 4 указанных страницах содержит вкратце следующее: В горах имеется два богатых и независимых промышленных селения, жители коих нравами и религией сильно отличаются от соседей. «30 лет тому назад» вследствие предположения о происхождении этих селений от колонии моравских братьев, эти последние отправили туда из Сарепты депутацию из трех

человек, которая выяснила, что на самом деле такой близости не существует. Промыслы жителей: обделка холодного оружия, изготовление пороха «для снабжения всех горцев», производство утвари, продаваемой другим народам. Майор Дельпоццо, добавляет Гамба, был пленником в горах, посетил эти две деревни и не раз с восхищением мне рассказывал об их жителях. Их изделия весьма ценятся всеми народами Кавказа, вследствие чего соседи на них, как на людей нужных, никогда не нападают. Они занимаются также и сельским хозяйством. В отличие от других народов Кавказа, «принявших» феодальный строй, «как наиболее подходящий для воинственных племен», жители этих двух селений «образовали нечто вроде монархии». Они имеют во главе себя выборного князя, которому не платят никаких податей. При избрании они дают ему клятву следовать за ним в войнах, которые, однако, могут им вестись лишь с согласия народа. Князь Цицианов был якобы в этих селениях и предлагал ценой разных преимуществ перевести жителей «в одну из русских провинций по ту сторону Кавказа», но жители это предложение отклонили. Сообщение Гамбы имеет ряд ошибок, к числу каковых надо отнести: а) неправильную датировку поездки сарептских депутатов Грабша и Груля в Кубачи (она состоялась в 1781—1782 гг.) и неверное указание количества посланных (поехали не три человека, а два, имена которых известны); б) неверные утверждения о том, что кубачинцы будто отличаются от соседей религией и что они будто бы снабжают порохом «всех горцев»; в) неточное определение их общественного строя («выборный князь», о котором говорит Гамба,— очевидно глава группы старшинского управления). Остальные сведения, приводимые автором, верны. Из них наиболее интересными нам представляются следующие: а) утверждение о производстве утвари на сбыт соседям (мы уверены, что это относится к гончарному производству сулевкентцев, и тогда «два селения» Гамбы — это Кубачи и Сулевкент); б) упоминание о сельском хозяйстве, которое мы понимаем как указание на его именно подсобную роль; в) подчеркнутое утверждение об отсутствии у кубачинцев феодального строя; г) не встречающееся у других авторов указание на то, что основное производство кубачинцев (отделка оружия) в какой-то мере заинтересовало военную власть русского царизма на Кавказе (в лице Цицианова).

27. Г е н к о А. Н. О названии плуга в северокавказских языках (Доклады Академии Наук СССР, 1930, стр. 128—135).

28. Г е р б е р (Gärber Johann Gustaw) — артиллерийский офицер. Был участником так называемого Персидского похода Петра I и с 1722 г. по 1729 оставался в Прикаспийских областях Кавказа; по возвращении отсюда в Петербург получил чин полковника и был назначен членом Главной артиллерийской канцелярии. В 1728 г. Гербер составил карту земель и народов западного берега Каспийского моря и написал близко связанную с ней научную работу «Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flüsse Kur befindlichen Völkern und Lands. Указанная работа Гербера, выполненная по заданию русского правительства, основана преимущественно на собственных наблюдениях и материалах, собранных автором на местах, и безусловно представляет интерес как историко-этнографический источник первой трети XVIII в. Сведениям о кубачинцах Гербер посвящает три страницы. Впервые они были опубликованы в качестве фрагмента из «Nachrichten» под заглавием «Von dem Dorffe Kuleschah auf den Caucasischen Gebürgen gelegen» с небольшим предисловием редактора в 1736 г. (Sammlung russischer Geschihte, II, 1, St.— Pb. 1736, S. 1—5). Содержание фрагмента следующее: 1) Общее определение местоположения в кайтагских горах крупного кубачинского поселения, как пункта по условиям рельефа и характеру дорог считающегося одной из наиболее неприступных местностей. 2) Сведения о религии жителей (ислам суннитского толка) и их языке (не имеющем будто бы никакого родства с языками соседей). 3) Предание о европейском происхождении народа (кубачинцы сами называют себя франками и считают, что их предки по каким-то обстоятельствам 1000 лет тому назад переселились на это место и что до того они занимались морской торговлей, были выброшены бурей на берег и, не имея возможности вернуться на родину, остались на Кавказе). 4) Другие легендарные данные по тому же вопросу о происхождении (некоторые, якобы интересующиеся историей, «местные жители»,—автором, к сожалению, яснее источник не определяется,— утверждают, что несколько столетий тому назад генуэзцы и греки, кроме торговли на Черном и Каспийском морях, имели в горах рудники, добывая серебро, медь и другие металлы, а около рудников — «фабрики», производившие прекрасные металлические изделия; мастера якобы обучали производству местных жителей; затем, вследствие нашествий чужеземцев — арабов, османов, Чингиз-хана, Батыя и других, «фабрики» и рудники были разрушены, мастера же остались и образовали нечто вроде «республики»). 5) Как бы в развитие последней версии, явно не местнокубачинской, отдающей книжными источниками, по Герберу кажущейся весьма правдоподобной,— сведения о занятиях современных кубачинцев (изготовление хорошего по качеству огнестрельного и холодного оружия, панцырей, различных изделий из золота и серебра по заказам, также существование в небольших размерах хлебопашества, садоводства и скотоводства); указания, что основным средством существования рассматриваемого народа является ремесло, широко известное в Персии, Турции и

Крыму). 6) Сведения еще о двух моментах производственной деятельности кубачинцев,— литье медных пушек (якобы предназначавшихся для защиты населения) и чеканке поддельных, но полноценных и имевших всюду хождение, денег (турецких и персидских серебряных монет и русских рублей); сведение о литье пушек не находит подтверждений в изучавшейся нами местной устной традиции, и, следовательно, трудно сказать — имеет ли оно за собой реальное основание; сведение же о чеканке монет местная устная традиция подтверждает рассказами о производстве „алтыков». 7) Указания о зажиточности и свободолюбии кубачинцев, всегда сохранявших независимость, и об особенностях их отношения к соседним феодальным владетелям,— уцмию, шамхалу и др. (тщательное поддержание нейтралитета, вследствие чего с. Кубачи становилось таким местом, куда владетели съезжались для общих совещаний по своим делам и где, как, например, это делал Сурхай-хан казикумукский, в случае надобности оставляли на хранение свои сокровища). 8) Сведения о неудачной (отраженной кубачинцами) попытке Дауд-бека (политического деятеля первой четверти XVIII в., выходца из Кубинского ханства и союзника уцмия Кайтагского) напасть на Кубачи с целью грабежа. 9) Сведения о самоуправлении (ежегодное избрание 12 старшин), в коем, вследствие всеобщего равенства жителей, постепенно участвуют все. 10) Указание, что в 1725 г. кубачинские старшины вместе с уцмием номинально подчинялись русской власти.

Вслед за фрагментом из Гербера на стр. 6—22 помещена статья академика Байера «Anmerkungen über den Ursprung der Kubeschaner und über den Handel der Genueser auf dem Schwartzen Meer», которая поддерживает мнение Гербера о генуэзском происхождении кубачинцев, но конкретных материалов по этому вопросу не приводит.

Русский перевод Гербера см. в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих», изд. Ак. Наук, СПб., 1760 г., июль — октябрь; также «Историко-географические заметки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским», перевод Шишкевича, СПб., 1810 г. Подробные библиографические данные и другие сведения о Гербере см. у М. А. Полиевктова «Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу», Тифлис, 1935 г., стр. 111—114. Нельзя не признать, что «кубачинский эскиз» Гербера, несмотря на краткость, чрезвычайно интересен. По его поводу можно сделать несколько замечаний. Наиболее уязвимыми являются домыслы о европейском происхождении народа, правда высказанные самим Гербером в довольно осторожной форме, но у ряда последующих авторов ставшие без достаточных оснований более решительными. Указание, что кубачинцы сами себя считают происходящими от франков, у автора первой трети XVIII в. конечно обращает на себя внимание и вызывает некоторые соображения. К сожалению, однако, Гербер по существу самую легенду не излагает. Версия же о генуэзских связях безусловно не народная; откуда ее почерпнул Гербер — к сожалению не указано. Почти все отдельные показания нашего автора, порой чрезвычайно любопытные, особых оговорок не вызывают за исключением речи о садоводстве в «долинах» (в окрестностях Кубачи нет долин и садов). Представляется несомненным, что Гербер большую часть сведений о Кубачи черпал из достоверных источников (повидимому, из уст кубачинцев), а может быть и сам на короткое время посетил Кубачи.

29. Гюльденштедт И.-А., — академик (по специальности натуралист), участник экспедиции Российской Академии Наук в 1768—1774 гг. по обследованию Кавказа и юго-восточных областей Европейской России. В 1770 г. был в Дагестане. Главный его труд опубликован в редакции академика П. С. Палласа: Güldenstadt S.— A. Reisen durch Russland und Caucasischen Gebürge. I—II, S.— Pb. 1787, 1791 (в русском переводе — извлечение К. Германа — «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия академика И.-А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1774 гг.», СПб., 1809 г., раздел о Дагестане на стр. 115—134). Наибольшие сведения о Кубеша или о кубачинцах (на стр. 492—493 тома I публикации на немецком языке) сводятся к следующему: а) кубачинцы живут в Лезгистане (Дагестане) «по Койсу» и «далее вниз к Тарку» (из этого неправильного географического определения явствует, что автор во время своего путешествия Кубачи не посетил); б) численность кубачинцев 1000 семейств; они подчинены уцмию и частично шамхалу (это последнее утверждение — неточность, очевидно связанная с вышеприведенной географической неточностью); в) говорят на особом «диалекте», входящем в число прочих «лезгинских» и отличающемся от близкого к нему диалекта Акуша (т. е. даргинского), — первый и весьма ценный вывод о языке кубачинцев, как языке чисто местном (по-современному—яфетическом), родственном даргинскому, основанный на наблюдениях И.-А. Гюльденштедта, почерпнутых из непосредственного общения с кубачинцами (правда, не в самом ауле Кубачи); г) в Кубеша, якобы, не только имеется железная руда, но есть и плавильщики, которые могут ее превращать в «благородный металл» (показание — не встречаемое у других авторов; повидимому, его следует принимать ограниченно — лишь в смысле наличия у кубачинцев литейного производства).

30. Дербент-Наме — публикация под заглавием «Тарихи Дербент-Наме с

9-ю приложениями». Перевод под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 1—192 (критическую рецензию об этом издании см. «Кавказ» № 284, 1898 г.). В гл. I памятник приводится по версии султана Елисуйского, составленной на азербайджанском языке; к упоминанию о Кубачи редактор дает обширное примечание, стр. 57—61, уделяя внимание все той же «франкской легенде» и приводя некоторые свои материалы: о якобы первоначальном поселении кубачинцев близ Дербента на местах современных селений Кемах и Дарша; о родословной грузинских князей Чолокашвили, якобы происходивших от генуэзцев, переселившихся в Дагестан; термин «копачи» — «кубачи» переводчик сближает с названием генуэзского поселения Копа в Кубанской области, признавая, однако, что вопрос о происхождении кубачинцев еще не решен; приводимое им толкование самоназвания кубачинцев из аварского ошибочно; в 1-м приложении помещен перевод Д.-Наме по извлечению Клапрота; в приложении 9-м перепечатка Мухаммеда Рафи в переводе на русский язык П. К. Услара (см. по нашему списку № 59). Научная публикация Дербент-Наме принадлежит известному нашему ориенталисту профессору Казем-Беку — Derbend-Nâmeh. Translated from a select turkish version and published with the Texts and with Notes, illustrative of the History, Geography, Antiquities etc. etc. occuring throughout the Work, by Mirza A. Kasem-Beg, St.-Petersburg, 1851 (текст, английский перевод, примечания; кроме того, французский перевод извлечения из Дербент-Наме, сделанный Клапротом, и другие приложения, в том числе Мухаммед Рафи).

31. Д и р р А. Экскурсия по Дагестану. Кубачи. (Кавказ, № 187), Тифлис, 1903 г. Полемика со Свидерским по вопросу о «франках»; описание пути и некоторые очень краткие этнографические заметки — вид селения, типы жителей, костюм, язык.

32. Д и р р А. Заметки о татуировке в Дагестане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 44, Тифлис, 1915.

33. Д о р н Б. А., академик. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861. Рассказ о поездке в Кубачи в 1861 г.; копирование надписей и зарисовки рельефов (стр. 31—34); в Кубачи зафиксировано 32 арабских надписи, самые ранние — первой половины XV в.; на отдельной таблице рисунок общего вида с. Кубачи (стр. 64—65).

34. Д о р н Б. А. Каспий. СПб., 1875. Стр. 476—477 об арабских надписях в Кубачи; стр. 529 — о дани Баку от хазар, Рея и «Зиригерранов».

35. Д о р н Б. А. Атлас к путешествию по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Русск. Археол. Об-ва. Предисловие Розена. СПб., 1895 г. Первая публикация некоторых зарисованных кубачинских рельефов и мусульманских надписей (табл. 14—18).

36. Д о р н Б. А. Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm. Von B. Dorn. Lu le 3 octobre 1872 (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, tome XVIII, N 3 feuilles 16—21, 1873, стр. 321—336 (то же см. Mélauges Asiatiques tires du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pb., tome VI, livraison 6, St.-Pétersbourg, 1873, стр. 717—740). Данная работа содержит: а) вступительную часть; б) «Свободный перевод» статьи артиллерийского лейтенанта П. Петухова, сопровождавшего Б. А. Дорна при поездке в Кубачи, напечатанной в № 86—87 газеты «Кавказ» за 1866 г. (см. по нашему списку № 69); в) небольшой материал по кубачинскому языку, подтверждающий то, что этот язык является одним из местных «лезгинских».

37. Д о р н Б. А. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. Geographica enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy— von B. Dorn (Memoires de l'Académie imperiale des Sciences de Saint-Pétersbourg, VI serie Sciences politiques, histoire. philologie. Tome septieme. S.-Pb.. 1877). О кубачинцах сообщаются сведения из книги «Семь климатов»— Амина Ахмеда Раза, написанной в 1010 (=1601) г.,— Рукопись Азиатского Музея 1247 (=1831) г.,— а) их наружность (высокий рост, широкое лицо, голубые глаза), б) их производство (изготовление панцырей), в) строгое почитание ими обычаев гостеприимства и куначества, г) их религия теперь, как указывает Раза — ислам, а раньше «не было никакой религии» (приведено показание о маздеистском погребальном обряде, заимствованное у Андалузи).

38. Е в е ц к и й О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. Составлено по приказанию главнокомандующего Паскевича по официальным материалам и литературным источникам; о кубачинцах см. стр. 25, 30, 68, 69, 91, 106, 107, 222, 223, 230 — мелкие упоминания; стр. 231 — о занятиях и происхождении.

39. Ж и р к о в Л. И. Язык аула Кубачи. Уч. записки Института этнических и национальных культур народов Востока, I, М., 1930, стр. 255—281. Общие сведения о Кубачи; вопрос о возможности сближения самоназвания кубачинцев с различными формами племенных названий албан; первый лингвистический очерк кубачинского языка; фольклорные тексты с переводом и комментариями; топонимика.

40. Зубов Платон. Картина Закавказского Края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях; часть III, СПб., 1835. Автор долго жил в Закавказье; при составлении труда имел «собственные местные наблюдения и сведения» и пользовался «всеми источниками при помощи здравой критики»; основной интерес автора — успехи русской колониальной политики, понимаемой в духе высказываний министра Канкрина; в Кубачи, очевидно, не был, но сообщает на стр. 254—255 некоторые сведения в разделе «особых достопримечательностей» — о географическом положении, постройках, управлении наследственными старшинами, зависимости от уцмия и др.; сведения в общем не вполне точные.
41. Зичи (Zichy). Voyages au Caucase et an Asie centryle, I—II, Budapest, 1897. См. на табл. XCIV и XCV кубачинские котлы, изготовленные в XIX в. с орнаментацией по внешней стороне корпуса и по борту.
42. Институт дагестанской культуры. Бюллетень I. Махач-Кала, 1930, стр. 20. Сведения о работах И. А. Орбели и К. В. Тревер по изысканиям в с. Кубачи, связанным с вопросом об изучении памятников «албанской культуры» — бронзовых котлов и каменных рельефов.
43. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 29, 1901 и т. 38, 1908 г., Тифлис. Караулов—переводчик и комментатор; о кубачинцах в 29 т., на стр. 15 из Ал. Истахрия, в 38 т. на стр. 52 из Масуди.
44. Кверфельд Э. К. Керамика Ближнего Востока. Изд. Эрмитажа, Л., 1947. Гл. XIII, стр. 124—132, озаглавлена «Керамика Кубачи»; речь идет о привозной керамике, в большом количестве находимой в жилищах кубачинцев в числе «антиков» и известной в науке под условным наименованием — «кубачи»; автор на стр. 124—125 дает и некоторые очень краткие сведения о кубачинцах.
45. Клапрот Ю. (Klaproth Julius) состоял адъюнктом Российской Академии Наук и в 1807—1808 гг. совершил по поручению Академии путешествие на Кавказ, где провел лингвистические изыскания, в результате чего выпустил сочинение Reise in den Kaukasus, I—II, Halle, 1812—1814, а также — проверил по рукописям, обработал, снабдил примечаниями относящиеся к Кавказу части труда И. Гюльденштедта (см. по данному списку № 29) и опубликовал их: а) Klaproth J. Dr. J.— A. Güldenstädt's Reisen nach Georgien und Jmerethi, Berlin, 1815; б) Klaproth K. Beschreibung der Kaukasischen Länder. Berlin, 1804.
46. Клапрот Ю. (Klaproth J.) Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814. О кубачинцах см. стр.126—134. В этой работе автор объединил материалы, собранные им самим в Дагестане, с материалами, почерпнутыми из литературных источников (у Рейнегса, Потоцкого и др.). Надо полагать, что сам автор в ауле Кубачи не был, но с кубачинцами имел общение.
47. Клапрот Ю. (Klaproth J.) Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814. Стр. 84—111— Дербент-Намэ; стр. 139—143 сведения о кубачинцах (в главе «Lesghier»).
48. Клапрот Ю. (Klaproth J.) Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Geogrien. Halle und Berlin, 1814. Имеются материалы по кубачинскому языку, который включается автором в классификационную таблицу «восьми главных диалектов Лезгистана» (т. е. дагестанских яфетических языков). В отношении языка кубачинцев Ю. Клапрот продолжает и углубляет лингвистическую штудию П. С. Палласа.
49. Клапрот Ю. (Klaproth J.) Asia polyglotta. Paris, 1823. Есть материалы по кубачинскому языку.
50. Комаров А. В. Список населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе, изд. Кавк. отд. Русск. геогр. об-ва, I, Тифлис, 1869. Автор— член Русск. геогр. об-ва, долго состоял на ответственной административной работе на Кавказе и собрал много этнографических материалов; о Кубачи — цифровые данные, наименование, легенды о «франкском происхождении» и др.; в указании количества жителей есть некоторые противоречия.
51. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним. Сборник сведений о кавказских горцах, I, Тифлис, 1868. На стр. 80—88 приводятся постановления Рустем-хана, перевод с арабского, по которым видно, что в Южном Дагестане и в том числе на территории кубачино-даргинского нагорья в XVII в. существовала домашняя выделка ткани из конопли.
52. Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской Области с этнографической картой. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. об-ва, VIII, Тифлис, 1873. На стр. 18—19 о Кубачи — происхождение, занятия, одежда, памятники постройки. численность — явно преуменьшенная.
53. Косвен М. О. Пережитки матриархата у народов Кавказа. Сов. Этнография, 4—5, 1936.

54. Крачковская В. А. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи. Сб. памяти акад. Н. Я. Марра, Ин-т языка и мышления, М.— Л., 1938. На стр. 352—357 разбор письмен на архивольте одного из четырех тимпанов, имеющих надписи и взятых из кладки стены здания Хупала-мечети в Кубачи; разбираемый автором «тимпан с борцами» хранится в Эрмитаже; главные выводы — стр. 355—«исполнителю данной надписи были неясны правила арабской письменности относительно соединения букв», он «копировал, не понимая букв и заботясь прежде всего о внешнем эффекте»; стр. 357—«детальный анализ надписи... которая по форме первого каф с типичным для несхи изгибом ствола вверху направо может быть отнесена к середине XIII века, дает возможность уточнить датировку скульптурной декорации мечети Хупала в ауле Кубачи».

55. Лисициан С. Д. Историко-этнографические очерки Шатаха. Известия Кавказского Историко-археологического ин-та, V, Тифлис 1927, стр. 79—82. «О сообществах сверстников» в Шатахе.

56. Лойко А. П. Ковровый промысел в Кубинском уезде. Кустарная промышленность на Кавказе, I. Тифлис, 1902, стр. 1—71. Небесполезно для сравнения с ткачеством, существующем на территории кубачино-даргинского нагорья.

57. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Сев. Кавказа. М., 1882, стр. 204—227. О металлических изделиях и в том числе немного об изделиях Кубачи.

58. Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа. Сов. Этнография, 4, 1947, стр. 187—195. Некоторые мотивы для проводимых нами параллелей касательно построек с. Кубачи.

59. Мухаммед Рафи. Публикация под заглавием «Извлечения из истории Дагестана» с предисловием П. Услара. Сборник сведений о кавказских горцах, V, Тифлис, 1871, стр. 1—30. Текст русского перевода; вступление и комментарии; есть сведения о Кубачи.

60. Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье, СПб., 1848. Автор — подполковник, служивший на Кавказе; о Кубачи лишь в примечании на стр. 14—15— общие сведения и указание, что кубачинцы «всегда защищали права с упорством и мужеством и не были никем покорены в полном смысле этого слова».

61. Никольская З. А. Из истории аварских жилищ. Сов. Этнография, 2, 1947.

62. Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843). Военный сборник № 2, том V, 1859. (Автор — подполковник ген. штаба; на стр. 155—156 о Кубачи — численность, управление старшинами, занятия, уплата податей.)

63. Омаров Абдулла. Как живут лаки. Сборник сведений о кавказских горцах, III и IV, Тифлис, 1870 (стр. 1—46 в томе III и стр. 1—24 в томе IV).

64. Орбели И. А., академик. Временная выставка сасанидских древностей. Эрмитаж, 1922, стр. 14. Описание бронзовых котлов — прототипов современных кубачинских.

65. Орбели И. А. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Памятники эпохи Руставели, Л., 1939, стр. 301—326. Работа посвящена каменным рельефам Кубачи и близко связанным с ними бронзовым котлам.

66. Орбели И. А. и Тревер К. В. Сасанидский металл. М.— Л., 1935 (некоторые таблицы важны для сопоставлений с искусством Кубачи).

67. d'Ohsson. Des peuplesi du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne, dans le dixième siècle, ou voyage d'Abon-el-Cossim. Paris, 1828. Показания арабских писателей IX—X вв. О Кавказе в форме повествования Абу-эль-Кассима, фиктивного посла калифа к болгарскому царю в 948 г.

68. Паллас П. С., академик (по специальности натуралист), участник двух научных экспедиций на Кавказ в 1768—1774 гг. и в 1793—1794 гг.— Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in Jahren 1793 und 1794, Leipzig, 1799. Упоминание о Кубачи см. на стр. 419—421. Здесь П. С. Паллас предварительно замечает, что решается уделить внимание кубачинцам в силу того, что ему удалось собрать материалы по их языку, каковыми не располагали предшествующие авторы (И.-А. Гюльденштедт, Я. Рейнеггс и др.). Далее он говорит, «предполагалось, что жители города Кубеша происходят от франков (может быть, от генуэзцев и венецианцев); однако я сам встретил одного кубачинца и записал от него некоторое количество слов на кубачинском языке; из этих слов ясно, что кубачинский язык имеет общность с языками акушинцев (т. е. даргинцев) и отчасти казикумухцев». В заключение данного раздела автор приводит словарь, содержащий 39 слов на кубачинском языке. Ценность этого изыскания в том, что П. С. Паллас подкрепил конкретным лингвистическим материалом вывод о кубачинском языке, сделанный И.-А. Гюльденштедтом (см. по нашему списку № 29).

69. Петухов П. Кубачинское племя. Газета «Кавказ», 1866, № 86—87. Автор, офицер кавказской службы в 1861 г., участвовал в работах академика Б. Дорна в Кубачи; в Кубачи был несколько раз и составил ценные этнографические очерки, в том

числе записал предания, дал некоторые общие сведения, материалы о постройках, занятиях, женском быте и др.

70. Петухов П. Очерки Кайтаго-Табасаранского округа. Газета «Кавказ», 1867, № 7, 13, 15, 16 (есть сведения о кубачинцах).

71. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, СПб., 1913.

72. Подробное списание Персии... также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России, II, М., 1829. стр. 33. Небольшое упоминание о «Кубачша» с ошибками.

73. Потоцкий И., почетный член Российской Академии Наук; в 1797 г. совершил путешествие по Кавказу и составил описание этой поездки, позже опубликованное Ю. Клапротом — Jean Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Ouvrages publiés et accompragnes de notes et de tables par Klaproth. Tome second, Paris, 1829, см. стр. 106—113, 116—117. Содержание:

1) Автор сообщает, что ему обещали устроить свидание для беседы с «гражданином республики Кубачи или Кубечи», но он мало верит этому, так как кубачинцы якобы редко покидают свою страну.

2) Автор указывает далее, что брат его хозяина, некий Павел Калустов, был в Кубачи, и со слов этого осведомителя приводит некоторые данные о кубачинцах: а) они считают себя происходящими от «франков», но остаются загадочными и весьма неохотно говорят о себе; тем не менее их можно посетить; в) в с. Кубачи бывают хорошо приняты торговцы; князья при неудачах также находят там пристанище для себя и для сохранения своих ценностей; г) кубачинцы никогда не были зависимы от других народов Кавказа; д) главная их торговля ведется с Ганджей и столицей Карабаха Шушей, куда они поставляют огнестрельное оружие, имеющее спрос по всей Персии; е) на некоторых домах в с. Кубачи Калустов видел изображения животных и старинные надписи; кроме того, ему там рассказали, что один приверженец «старой религии», жена которого недавно умерла, долго жил в горах, не желая принимать магометанство.

3) Автор проводит свое собственное мнение по вопросу о происхождении кубачинцев: небольшой материал сравнительного (кубачинско-акушинского) словаря Палласа (см. по нашему списку № 68) представляет лишь «лезгинский диалект», так что совершенно очевидно, что кубачинцы — народ, не чуждый Кавказу; при этом, однако, возможно, что действительно в их селение были занесены пришлыми генуэзцами «индустрия и ремесла».

4) Далее автор уделяет внимание сведениям о поездке в Кубачи Грабша и Груля и самым материалам этой поездки, состоявшейся, как он пишет, «двадцать лет тому назад» (фактически — 15, так как путешествие моравских братьев из Сарепты в Кубачи состоялась в 1781 г.):

а) поездка, по словам автора, не дала никаких результатов, и «сенат селения Кубачи» быстро избавился от путешественников, которым было заявлено, что «граждане этого города занимаются исключительно ремеслом, а не сельским хозяйством, и потому не имеют лишнего хлеба, чтобы кормить любопытных иностранцев»;

б) позднее, как вслед за тем пишет автор, ему было доставлено из Сарепты письмо М. Виганда от 5 мая 1805 года с описанием поездки Грабша и Груля (ср. с № 23 по нашему списку);

в) основные материалы, приводимые в письме М. Виганда, сводятся в изложении Потоцкого к следующему: 1) Грабш хорошо владел татарским; он и Груль покинули Сарепту в ноябре 1781 г. и 7 марта 1782 г. прибыли в Берикей, где нашли уцмия Кайтакского. Уцмий взял их в свою резиденцию Башли и оттуда направил с проводниками в Кубачи к своему кунаку Махмуду. Этот последний принял их по всем правилам гостеприимства. 2) Братья, которые предполагали встретить тут своих соотечественников христиан, вскоре убедились, что жители «этого города» мусульмане. Все же ими было сделано все возможное чтобы собрать сведения о происхождении кубачинцев, об их обычаях, языке и книгах. Они обнаружили остатки трех церквей; на двери одной из них — надпись, которую прочесть не удалось; разобрана была лишь дата — 1215 — сделанная арабскими цифрами; рядом с этой церковью — другая высокая, в 5 этажей, используемая под жилище, построенная из хороших камней и украшенная резьбой; некоторые камни с надписями, не поддающимися расшифровке. Жители Кубачи не имеют ни старых книг, ни других письменных документов; для писания на своем языке или «на татарском» они пользуются арабским алфавитом. 3) Никаких удовлетворительных сведений о своем происхождении кубачинцы дать не могли. Они знали лишь, что более 300 лет тому назад были христианами. 4) «Город Кубачи» расположен в узкой долине, окруженной горами. В нем до 500 домов, спускающихся по склону ступенями или террасами. Улиц нет. На некотором расстоянии от «города» находятся пастбища со стадами овец. Мужчины — оружейники. «Город Кубачи» состоит в некоторой зависимости от уцмия. 5) Жители управляются советом, возглавляемым четырьмя старшинами и избираемым ежегодно. Выбор происходит так, что каждый отец семейства имеет свою очередь в совете. 6) Грабш и Груль после шестидневного пребыва-

ния покинули Кубачи 17 марта 1782 г. и через Дербент, Шемаху и Тифлис возвратились в Сарепту, куда прибыли летом того же 1782 г.

5) Автор сообщает, что состоялось его знакомство с «кубачинцем», точнее—жителем одного из восьми селений, расположенных вокруг Кубачи и имеющих тот же язык (неким Мусса бен Ахмедом из селения Souterkalla). К сожалению, почти никаких конкретных материалов, почерпнутых у этого осведомителя, Потоцкий не приводит. Он говорит лишь о трудности фонетики кубачинского языка (в чем убедился при записи словарного материала) и перечисляет упомянутые выше 8 селений, жители которых говорят по-кубачински,— Souterkalla, Houmoukalla, Isztoulla, Khodetsalla, Konmoukalla, Ourvalla, Seralla, Nakhkalla (селения эти независимы, никому ничего не платят; судебные дела между ними разбирает мулла).

74. Рейнеггс Я.— по образованию медик, был на Кавказе в 1779—1783 гг., состоя сперва на службе у грузинского царя Ираклия II, потом у Г. А. Потемкина. Основное сочинение около 1786 г. было поднесено Я. Рейнеггсом Г. А. Потемкину.Оно было опубликовано после смерти автора в 1796 г. неисправно по другой, очевидно, черновой, рукописи. Jacob Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Friedrich Enoch Schöder. Erster Theil. Gotha und St.-Pb. Gerstenberg and Dittmar, 1796. О Кубачи стр. 107—110.

1) Общие вступительные сведения (местоположение, численность, наименование, древнейшее обитание на Кавказе, резкое отличие от других народов Кавказа). Численность, определяемая цифрой «1200 семейств», дает (если в среднем на 1 семью считать 6—7 человек) общий итог от 7 до $8^1/_2$ тыс. человек; повидимому, автор имеет в виду не только с. Кубачи, но и некоторые ближайшие населенные пункты. Само название кубачинцев автору неизвестно. Старейшее персидское наименование их автор передает в искаженной форме и в произвольном переводе («Зеркуван», «жители золотых гор»). Древнейшее обитание на Кавказе автор связывает с историей Дербента (без ссылки на какой-либо определенный источник),—повидимому, с эпохой Хосроя I Ануширвана (VI в. н. э.).

2) О европейском происхождении кубачинцев. Говоря о существовании такого мнения, автор, однако, указывает, что кубачинский язык не имеет ничего общего с языками народов Европы. Вместе с тем, очевидно по незнанию кубачинского языка и его связи с языками соседних даргинцев и кайтаков, автор безоговорочно утверждает, что язык этот стоит на Кавказе особняком.

3) Об отличии культуры Кубачи от культуры других народов Кавказа (общая фраза об отличии в правах и обычаях; обладание разными положительными качествами, как честность, правдивость; наличие большого общественного порядка; прием от соседних князей на хранение ценностей, остающихся всегда неприкосновенными; характер домов [имеющих 2—3 этажа и в конструкции— фахверк], чистота и нарядность жилищ, утвари, одежды; пользование по-европейски столами, стульями, кроватями и т. п.; снова—обладание положительными качествами—вежливостью, трудолюбием, деловитостью; зажиточность кубачинцев; знание персидского языка; ум и начитанность женщин). Из приведенного перечня видно, что правильная мысль автора о своеобразии и особенностях культуры Кубачи иллюстрируется, с одной стороны, слишком общими утверждениями и перечнем качеств, с другой стороны, действительно примечательными сведениями (о хранении чужих ценностей, богатстве одежды, утвари и жилищ, зажиточности, знании персидского языка, общественном развитии женщин). Надо отметить при этом, что автор в довольно странных выражениях говорит об особенностях обстановки кубачинских жилищ, действительно обладающих незаурядными особенностями и весьма значительным богатством художественных ценностей. Это, думается мне, признак того, что в самом с. Кубачи Рейнеггс не был.

4) О занятиях (торговля, изготовление оружия, златокузнечество, широкий сбыт изделий, производство женщинами золотых вышивок, ковров, войлочных «плащей», сукон). Указанные данные являются в большинстве очень ценными показаниями. Неточно утверждение о производстве кубачинскими женщинами ковров, войлоков и сукон. Этим делом занимались преимущественно в даргинских и кайтакских селениях, а кубачинцы занимались лишь сбытом шерстяных изделий, в силу этого и прославившихся как «кубачинские».

5) О сельском хозяйстве, как о сугубо подсобном занятии кубачинцев. Это весьма интересное, близкое к истине и достаточно подробное показание.

6) О принятой кубачинцами политике нейтралитета в отношениях с соседями. О храбрости и бдительности в защите своих владений и отпоре Надир-шаху. Тоже чрезвычайно ценные и заслуживающие доверия сведения.

7) О большом пограничном селении, где кубачинцы ведут обычно различные торговые и иные дела с чужими. Можно думать, что речь идет о даргинском селении Уркарах, ныне районном центре Дахадаевского района ДАССР.

8) О брачном запрете (не смешиваться браком с другими народами) и о патриотизме (стремление кубачинских купцов к возвращению на родину).

9) Снова упоминание о богатстве Кубачи.

10) Об управлении (наличие общественной казны, 12 пожизненных старейшин, наличие большой общественной дисциплины). Все это ценные показания.

11) О некоторых особенностях кубачинского мусульманства и правилах брака и развода. О похоронных обрядах. О своеобразных обычаях поведения вдов (вдовы имели право под покровом ночи, «с закрытым лицом» сходиться с незнакомыми неженатыми юношами; рожденные от таких связей дети содержались за счет общества). Все эти данные чрезвычайно интересны, хотя в отдельных деталях неточны.

В целом следует признать, что показания Рейнеггса о Кубачи очень ценны. Рейнеггс, надо думать, сам в с. Кубачи не был, но черпал свои сведения из уст кубачинцев в Дагестане. В начале XX в. был найден первый (чистовой) экземпляр рукописи Я. Рейнеггса, неопубликованный (см. Историческое Обозрение, XX, П., 1915 г., стр. 142— из протокола 56-го заседания секции русской истории от 25 сентября 1913 года Исторического общества при Петроградском университете).

В оценке Рейнеггса мнения расходятся. Академик В. В. Бартольд, например, считал труд этого автора ценным источником (см. упомянутый протокол Исторического Обозрения). Известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум стоял на другой точке зрения и следующим образом отзывался о книге Рейнеггса: «В составленном им описании Кавказа любопытные сведения перемешаны с ошибочными и умышленно ложными показаниями». (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XX, Тифлис, 1894, Приложения, стр. 6.) Можно предполагать, что репутации Рейнггса повредил не совсем исправный список, с которого было сделано издание.

75. Свидерский П. Ф. В Дагестане. Кубачи и кубачинцы. «Кавказ», Тифлис, 1903, № 15, 29, 31 (автор— врач, антрополог); № 15—о «франкском происхождении»; описание дороги из Дербента; № 29 — осмотр аула; № 31 — высказывания за то, что кубачинцы происходят от «франков».

76. Свидерский П. Ф. К антропологии кайтакцев и кубачинцев. Труды Антропологического об-ва при Военно-медицинской академии за 1898—1899 г., V, СПб., 1901, стр. 131—153 и табл.

77. Степанов П. Пять месяцев в Дагестане. «Кавказ», 1862, № 13. Очень кратко о производстве оружия кубачинцами и кумыками.

78. Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в Тифлисе. Тифлис, 1902. Сведения о Кубачи в изложении доклада Е. И. Козубского, стр. 70—72 и в изложении доклада В. К. Згленицкого, на стр. 193; также на стр. 190—191.

79. Уваров. Курганы с расчленениями близ Дербента. Труды 5-го археологического съезда в Тифлисе. М., 1887, стр. 61—75. К вопросу, затронутому в указанной выше статье В. В. Бартольда, по нашему списку № 14.

80. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. Первое исследование, посвященное изучению даргинского языка, выполненное П. К. Усларом в 1866—1867 гг. Изучив даргинский язык по речи населения аула Урахи или Хюркили, П. К. Услар назвал его в заглавии своей книги «хюркилинским».

81. Фатуев Р. Художественные ремесла аула Кубачи. Революция и национальности, 1936, № 6, стр. 58—61.

82. Фатуев Р. Кубачи. Наши достижения, 1935, № 5—6, стр. 174—188. Очерк с ошибками и неточностями.

83. Френ Х. Д., академик. О народе кавказском Кубечи. Журнал Мин. Нар. Просв., август 1840 г., стр. 87—107. Географическое положение, наименования, сведения из восточных источников и писателей XVIII и XIX вв.; автор в Кубачи сам не был, он выражал желание получить из Кубачи оттиски с надписей на камнях для изучения.

Эта небольшая работа академика Х. Д. Френа является, как мы указывали в предисловии, чрезвычайно ценной научной сводкой сведений о Кубачи, почерпнутых из большого количества источников.

84. Чепелев В. Н. Саид Магомедов из Кубачи. «Творчество», 1939, № 11, стр. 12. О художественных зарисовках мастера.

85. Читая Г. С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сообщения Академии Наук Груз. ССР, II, № 3, стр. 293—299, № 4, стр. 373—378. Тбилиси, 1941.

86. Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах. Москвитянин, № 23 и № 24, кн. 1—2, декабрь, 1855 г. (О Кубачи: стр. 9—10 — о происхождении, занятиях, наружности и языке; стр. 17—о том, что «Кубачи по преданиям, сохранившимся между ними, считают себя выходцами из Аугзбурга» (!)).

87. Шиллинг Е. М. Кубачинское чернение, гравировка, литье. Народное искусство СССР в художеств. промыслах, I, М., 1940 (стр. 43—45, табл. 38, 39).

88. Шиллинг Е. М. Кубачи. Пятигорск, 1937, стр. 1—130 с илл.

89. Шиллинг Е. М. Дагестанские кустари. Центр Музей Народоведения. М., 1936, стр. 1—46.

90. Шиллинг Е. М. Ювелирный орнамент Кубачей. Искусство, 1936, № 6, стр. 105—118.
91. Шиллинг Е. М. Орнаментальное искусство Дагестана. Творчество народов СССР, I, М., 1937, стр.461—478.
92. Шиллинг Е. М. Мастера резца и наковальни. Журн. «Народное творчество», I, 1937, стр. 45—51.
93. Шиллинг Е. М. Кубачинская серебряная доска с выгравированным текстом. Сов. Этнография, 1938, № 4—5, стр. 178—185; то же отдельной брошюрой в издании Музея народов СССР, М., 1938, стр. 1—27.
94. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, 6, М., 1947, стр. 35—46. Соответствуют краткому изложению части содержания главы III данной книги.
95. Шмонин А. Кубачинские ювелиры. Дагестанская Правда, 1936, № 164. Есть некоторые сведения о мастере Бахмуте Топчиеве.
96. Эйхвальд Э.— по специальности естествоиспытатель. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826 von Dr. Eduard Eichwald, kaiserlich russisch. 6 Collegienrothe, ordentl. öffentl. Professor an den Universität Wilna, der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Erster Band. Stuttgart und Tübingen, 1834. Сведения о кубачинцах смотри гл. 6, стр. 139—142.
97. Эркерт Р. Ф. — был командиром одной из пехотных дивизий на Кавказе; занимался лингвистическим и антропологическим изучением народов Кавказа; был в ауле Кубачи. Erckert R. Der Kaucasus und seine Völker, Leipzig 1887, стр. 193—203. На отдельной таблице — словарь. Материалам о Кубачи в этом общем сводном труде посвящено около 10 страниц в гл. XII (Der Daghestan und seine Völker). Содержание: 1) На кубачинском языке говорят жители селений Кубачи, Кала-Корейш и еще двух соседних небольших пунктов (193). 2) Об этом народе, его «западном» происхождении, оружейном, кузнечном и ювелирном производствах существует много необоснованных и преувеличенных толков (стр. 193—194). 3) «По-арабски» жители Кубачи называются «зарах-каран», т. е. делатели панцырей и шлемов, «по-татарски»— «кубачи», т. е. делатели кольчуг и оружия; сами себя называют «аугвуган», «аугваган», «огбухан»; соседи их называют «арбукан», «арбук», что, может быть, связывается с наименованием селения Харбук, расположенного к северо-западу от Кубачи. Имя «аугваган», повидимому, является термином, говорящим о происхождении кубачинцев от древних албанцев и из Аговании; с этим согласуется их «армоноидный тип», а также предание о переселении из прикаспийской полосы (стр. 194). 4) Жители селений Кубачи, Киши, Харбук и Уркарах также называют себя общим именем Гапш (стр. 194). 5) Некоторые считают кубачинцев потомками европейцев («франков»), попавших в качестве оружейных мастеров в Турцию и оттуда по разным причинам переселившихся в Дагестан. Другие возводят их происхождение к генуэзцам, византийцам, аланам и др. Они раньше были христианами и лишь в XV в. стали мусульманами. Русский академик Френ показал, что кубачинцы весьма древние жители Кавказа, так как о них есть сведения, восходящие к событиям VI в. н. э. (стр. 194—195). 6) Общая характеристика внешнего вида селения: скученная ступенчатая застройка, достигающая 16 «ступеней»; башни, высокие жилые дома с балконами; незначительные поля, так как основное занятие жителей не сельское хозяйство, а ремесла (иллюстр. табл. к стр. 195). 7) Описание «достопримечательностей», чему уделено основное внимание: а) старинного перестроенного здания, некогда бывшего, по преданию, которое Эркерт считает достоверным, христианской церковью, а впоследствии ставшего так называемой женской мечетью; б) вставленных в стены этого здания старых резных камней с рельефными изображениями; в) резных камней другого здания, повидимому расположенного недалеко от первого (на одном из этих камней — оконном тимпане с изображением оленя,— по архивольту идет надпись «в виде русских (!) букв», как это указано на стр. 198); г) барельефа (с изображением двух мужских фигур) в стене третьей постройки, расположенной напротив; д) резного камня (оконного тимпана с надписью на архивольте и рельефным изображением свиньи и льва,— иллюстр. на стр. 199) в кладке четвертого строения, повидимому в том же месте аула. Раздел заканчивается общими замечаниями автора: изображения, повидимому, персидского происхождения; частично напоминают эпоху средневековых рыцарей, может быть, отражают время победы в этих краях мусульманства над христианством, упрочившегося после преодоления долгого сопротивления, очевидно в XV—XVI вв. (стр. 196—200). 8) В Кубачи встречаются неизвестно как попавшие сюда «антики» (различные клинки, в том числе золингенские и венгерские; также повидимому сделанные европейскими мастерами металлические сосуды с изображениями, восходящими к XVI в., и надписями, подражающими немецким) (стр. 200). 9) В связи с зажиточностью кубачинцев женский национальный костюм и особенно украшения очень богаты; на стр. 201 дано соответствующее описание (автор жил в доме старшины и, желая описать кубачинский национальный костюм, просил своего хозяина показать жену в праздничной одежде; вместо этого хозяин устроил так, что в наряды его жены была одета старая кубачинка,

не имевшая мужа). 10) Заключительная часть «кубачинского фрагмента» характеризует местные пути сообщения и некоторые окрестности (трудная дорога из Кубачи на юг области Даргуа; краткое упоминание о с. Ицари и рядом находящейся башне; характеристика долины Уллу-чая; путь к с. Ашти; аштинская легенда о том, что жители этого аула — потомки изгнанников из Кубачи; горные ландшафты) (стр. 202—203). Эркерт был в Кубачи, повидимому в 80-х годах XIX в., позднее поездки Д. Н. Анучина. Собранные им сведения не утратили своего значения до настоящего времени. Таковы, например, данные о распространении кубачинского языка (стр. 193); о кубачинском происхождении аштинцев (стр. 202); небольшие материалы по этнонимике (стр. 194); описание каменных рельефов (теперь представляющее собой определенные контрольные данные в истории изучения этих памятников); первые в литературе более или менее отчетливые сведения о женской национальной одежде и украшениях (в частности, о традиционных парукавных вышивках жемчугом, украшающих праздничное верхнее платье) и др. Из обобщений заслуживают внимания — суждения по вопросам об албанском происхождении кубачинцев, о позднем упрочении ислама (в XV—XVI вв.), которому предшествовало христианство. Мелкие неточности, попадающиеся в тексте, особенного значения не имеют. Другая книга Эркерта — Die Sprachen des Kaukasischen Stammes, 1895 г.— о которой мы не говорим, содержит материалы по языкам народов Кавказа,— материалы весьма ненадежные. Научного значения эта книга не имеет.

98. Яковлев Н. Ф. Кубачинская ювелирная кустарно-художественная промышленность. Махач-Кала, 1926, стр. 1—20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава III

Из истории социального строя кубачинцев

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства проф. *В. К. Никольский*
Технический редактор *Е. Н. Симкина*

*

РИСО АН СССР № 3404. А-12930. Издат. № 1957
Тип. заказ № 2205. Подп. к печ. 18.X 1949 г.
Формат бум. 70×108. Печ. л. 14+3 вкл.
Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 2500
Цена в переплете 18 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва. Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
47	19—20 сн.	рука, вов.	рукавов.
48	2 св.	В настоящее время	С давнего времени
82	26 сн.	(чибильгон лямцла)	(чибильгон лямцла [24])
97	11 сн.	браслет, укрепленный зернью	браслет, украшенный зернью
115	1—2 сн.	т—дельные	отдельные
140	5 сн.	разнообразными	волнообразными
170	10 сн.	старинных предпринимателей	капиталистических предпринимателей
213	17 сн.	Наибольшие	Небольшие
213	21—22 сн.	Güldenstadt S.-A.	Güldenstädt J. A.

Е. М. Шиллинг.

22

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*